Василий Александрович Динков-

гордость газонефтяной державы

М.Н. Гайказов

Василий Александрович ДИНКОВ-

Москва НЕДРА 2003

УДК 62(092) ББК
66.3(2 Рос)8 Г 12

Книга выпущена при содействии 000 «СЖС-Энергодиагностика»

Гайказов М.Н.

Г 12 Василий Александрович Динков — гордость газонефтяной державы. — М.: 000 «Недра-Бизнесцентр», 2003. — 391 с.: ил. ^N5-8365-0116-5

Предлагаемая вниманию читателя книга воссоздает жизненный путь Василия Александровича Динкова, с именем которого связаны все крупнейшие достижения отечественной газовой промышленности и наиболее впечатляющий успех в нефтедобывающей промышленности страны во второй половине XX века.

Непревзойденные профессиональные инженерные знания, верность принципам, целеустремленность, незаурядный талант организатора, всепоглощающее трудолюбие, помноженные на ярко выраженное чувство ответственности перед страной на всех, выпавших его трудовой биографии, этапах развития в противоречивом XX веке, — вот слагаемые всеобщего признания газовиков и нефтяников в стране и за рубежом, яркой, насыщенной большими свершениями, жизни В.А. Динкова, с честью исполнившего свой долг солдата, инженера, министра, гражданина.

Книга предлагается широкому кругу читателей: студентам нефтегазовых высших учебных заведений, работникам и ветеранам нефтяной и газовой промышленности, машиностроителям нефтехимического и энергетического машиностроения.

I8BN 5-8365-0116-5

© М.Н. Гайказов, 2003 © Оформление. 000
«Недра-Бизнесцентр», 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

1
Начало. Выбора 9

Детство. Отрочество. Юность.
Война, служба в армии.
Его величество Случай.
Баку. Студенчество.

2
Дело жизни 34

Краснодарские годы.
Новый масштаб деятельности, становление отрасли.
Министр газовой промышленности СССР.

3
Нефть. Новые назначения 146

Неожиданный поворот судьбы.
Новый взлет старейшей отрасли.

4
Поиск нового. Энергодиагностика 243

Межгосударственный совет СНГ. Тендерный комитет РАО «Газпром».
Продолжение деятельности в условиях реформируемой экономики России.

5
Воспоминания 262

Заключение 368

Достойны скорби павшие на поле боя, Упавшие колоссы — сожаленья, Случайные верховодители — забвенья, Богами возомнившие себя — презренья, Талантливые от рожденья — восхищенья И светлой памяти, благодаренья — Потомки Прометея,..

М.Н. Гайказов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга — это работа автора и сборник воспоминаний о выдающемся инженере и министре Василие Александровиче Динкове, написанные его товарищами, знавшими его со студенческих лет, коллегами и учеными, вместе с ним и под его руководством добившимися непревзойденных результатов в становлении и развитии ведущих отраслей топливно-энергетического комплекса страны, газовой и нефтяной промышленности СССР. Для Василия Александровича понятия Инженер и Организатор были неразделимы. Вся его полная созидательных свершений жизнь прошла в многотрудном производстве и высокоответственном руководстве жизненно важными сферами экономики страны.

Он был энтузиастом нарождавшейся газовой промышленности страны, глубоко профессиональным специалистом своего дела, надежным руководителем на всех этапах руководящей деятельности, счастливо для интересов дела обеспечивая его успех, пребывая в непосредственном подчинении у первых руководителей отрасли, наконец, став министром, труд которого был достойно отмечен звездою Героя Социалистического Труда.

Если бы умозрительный автор, движимый внутренними побуждениями, взялся за написание художественного произведения с целью отразить в нем жизнеутверждающее рождение и успешное становление газовой промышленности страны, то по самой логике развития творческого процесса он должен был начать с выдуманного приглашения в руководство огромным делом квалифицированного строителя, ибо первый этап любого крупномасштабного

экономического свершения начинается с профессионально-созидательного действия в подходе к решению проблемы. Совершенно очевидно, что развитие сюжета привело бы автора к необходимости передачи эстафеты первого ответственного лица от строителя, заложившего первооснову и создавшего необходимую базу для более профессионального освоения богатства недр, к специалисту, уже владеющему накопленным десятилетиями опытом укрощения взрывоопасной материи в смежных отраслях промышленности. И это было бы шагом вперед в реализации главной авторской идеи. Наконец, логика рассуждений неотвратимо привела бы автора к необходимости обратиться к завершающему триаду образу руководителя новой формации, профессиональному инженеру-газовику, вобравшему опыт своих предшественников, получившему повсеместно высокое признание таланта технического специалиста и руководителя, способного воплотить осуществление авторского замысла. Именно таким оказался сценарий рождения самой бурно развивавшейся отрасли — газовой промышленности СССР, поставленный великим реалистическим художником — жизнью.

Первым организатором отрасли непосредственно после геологов, а то и вместе с ними, был дипломированный строитель Алексей Кириллович Кортунов. Эстафету руководства отраслью от него получил дипломированный инженер-нефтяник Сабит Атаевич Оруджев. Наконец, их достойным преемником стал Василий Александрович Динков.

Жизнь оказалась к нему в высшей степени требовательной. Воистину, «кому многое дано, с того повышенный спрос». Она расширила рамки использования таланта профессионала газовика в еще более ответственном деле — вызволении из, казалось, безнадежного спада традиционно растущей с послевоенных лет добычи нефти. И произошло невероятное. Старейшая промышленная отрасль страны была поднята с колен и удивила искушенный деловой мир нефтяников фантастическим рекордом. Писать о жизни и деятельности Василия Александровича Динкова — это задача столь же ответственная, сколь и настойчиво необходимая. С его именем связаны все сколько-либо значительные свершения в достижениях и успехах газовой промышленности, истинное рождение которой в стране совпало с началом профессиональной деятельности мо-

лодого инженера, дипломированного специалиста новой профессии — инженера по разработке и эксплуатации газовых месторождений. С именем Василия Александровича Динкова связано восстановление репутации нефтяной промышленности. Активный участник международных конгрессов, двусторонних и многосторонних межправительственных внешнеторговых переговоров по проблемам нефтяной и газовой промышленности, он внес значительный вклад в международное признание научно-технических достижений нашей страны и укрепление ее репутации надежного делового партнера в этой важной сфере межгосударственных отношений.

С образованием Союза Независимых Государств усилия Василия Александровича сосредотачиваются на деятельности Межправительственного совета по нефти и газу, в руководящий состав секретариата которого он был избран с первых дней существования совета. Его огромный опыт внешнеторговой деятельности нашел в высшей степени полезное применение в руководстве инициированного им Тендерного комитета РАО «Газпром» по проведению международных подрядных торгов в газовой отрасли.

Наконец, в условиях реформируемой экономики России с ним связано целенаправленное сплочение и сосредоточение разрозненных усилий специалистов и ученых на обеспечение промышленной и экологической безопасности объектов газовой и нефтяной промышленности на суше и море в рамках деятельности организованного им совместного предприятия « СЖС - Энергодиагностика».

Автор питает надежду, что книга вызовет интерес у широкого круга читателей и послужит делу достойного воспитания новых поколений специалистов газовой и нефтяной промышленности. Предлагаемые в книге воспоминания представляют людей разного характера, темперамента, порой разных точек зрения, объединенных вместе с тем желанием сохранить в памяти черты товарища, специалиста, руководителя, незаурядной личности. При подготовке материалов автор стремился максимально сохранить своеобразие стиля каждого и выражает глубокую признательность участникам подготовки книги: Юрию Николаевичу Аргасову, Николаю Константиновичу Байбакову, Юрию Петровичу Баталину, Аргольту Яковлевичу Беккеру, Виктору Евгеньевичу Брянских, Александру Рубеновичу Гару-

шеву, Виктору Владимировичу Гнатченко, Александру Ивановичу Гриценко, Галине Сергеевне Гуляевой, Степану Романовичу Дережову, Анатолию Николаевичу Дмитриевскому, Шагену Сааковичу Донгаряну, Олегу Максимовичу Иванцову, Валерию Ивановичу Игревскому, Борису Ивановичу Ксензу, Борису Владимировичу Колесникову, Николаю Константиновичу Кремсу, Гранту Джаваншировичу Маргулову, Виктору Ильичу Мищевичу, Александру Николаевичу Морозову, Фазылу Нурисламовичу Мулюкову, Ларисе Петровне Низиенко, Эмме Георгиевне Одинцовой, Виктору Иоганесовичу Отту, Владимиру Ивановичу Павлову, Борису Евгеньевичу Патону, Елене Дмитриевне Подгорновой, Михаилу Федоровичу Путилову, Тофику Фатуллаевичу Рустамбекову, Николаю Андреевичу Савостьянову, Чингизу Гусейновичу Саттарову, Рудольфу Михайловичу Тер-Саркисову, Николаю Дмитриевичу Федоренко, Леониду Ивановичу Филимонову, Анатолию Васильевичу Фомину, Анатолию Степановичу Халаберда, Владимиру Ивановичу Халатину, Владимиру Григорьевичу Чирскову, Анатолию Сергеевичу Шалабанову, Анатолию Тихоновичу Шаталову, Генадию Иосифовичу Шмаль.

Глубокой благодарности заслуживают члены семьи — Галина Петровна, Наталья Васильевна, Александр Васильевич и Петр Маркович Манусов, чье полезное сотрудничество и представленные материалы семейного архива сделали книгу содержательной и иллюстрированной.

М.Н. Гайказов,

доктор экономических наук, академик АПЭ РФ и Международной академии США

1

НАЧАЛО. ВЫБОР ЦЕЛИ

Василий Александрович Динков родился 25 декабря 1924 года в селе Луначарское Запорожской области в семье Александра Георгиевича Динкова и Марии Матвеевны Маневской. Он был вторым ребенком в семье после рождения сестры Ольги (в 16 лет она скончалась от туберкулеза). Набожная мать, родившая сына в день католического рождества, в глубине души уверовала в необычную судьбу сына. Тремя годами позже у него родился брат Юрий.

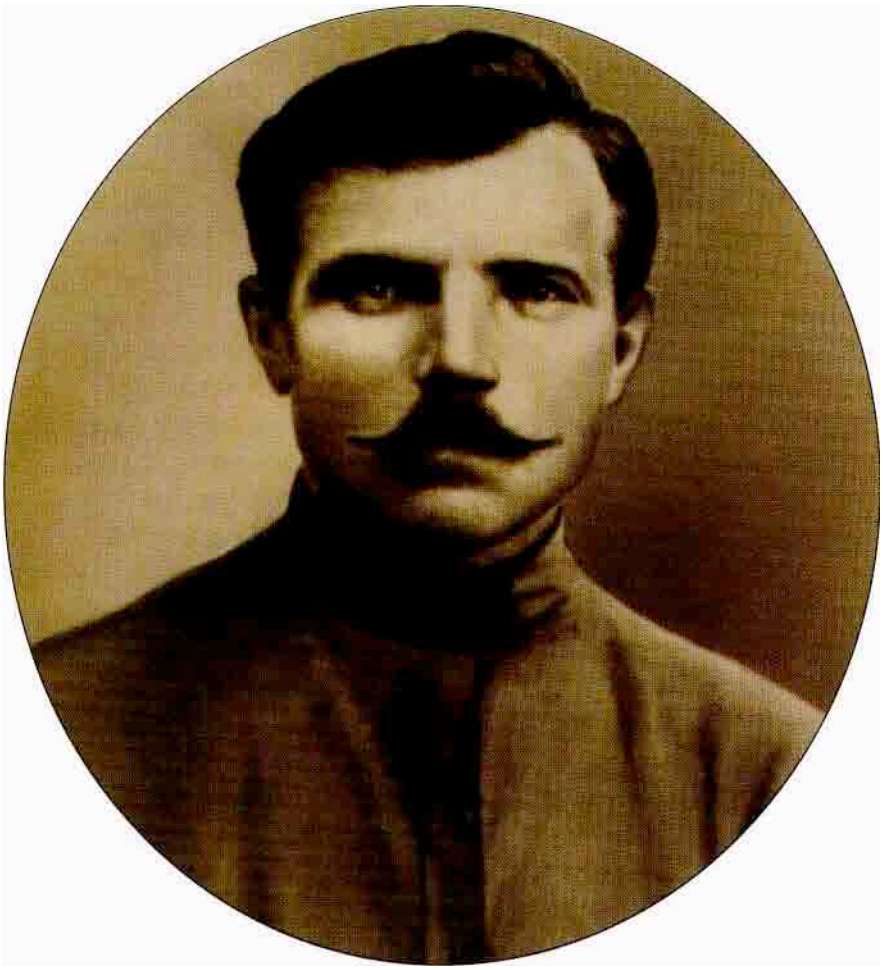
Появлению болгарских предков Василия Александровича в России способствовала решимость его прадеда Павла Динкова, эмигрировавшего из Болгарии после побед русско-болгарского оружия над Оттоманской империей, в которых было и его, высочайше отмеченное ратное участие. Полученный им в награду по царскому повелению Александра II крупный земельный надел в Запорожской области стал основой благополучия Динковых в новой российской жизни. Он был рачительным, трудолюбивым и хлебосольным хозяином, хорошим семьянином, в короткий срок выросшим в состоятельного владельца крупных виноградников, маслобойни, позволивших приумножить земельную собственность и заработанное неустанным трудом состояние. Среди его трех сыновей особенным трудолюбием и умением отличался младший Георгий. Его смекалка и завидная физическая сила создали у братьев Федора и Дмитрия и их семей прочную репутацию надежного продолжателя дела отца. Однако традиционному оформлению этого акта мешала бездетность Геор-

гия. Неукоснительно соблюдаемые строгие правила не позволяли бездетному сыну претендовать на получение от отца в пожизненное наследованное пользование родового земельного надела. Непременным условием этого для претендента было наличие своего наследника.

С общесемейного согласия его многодетный брат Дмитрий (семеро детей) передал ему на усыновление новорожденного Александра. Получив от родителей после усыновления Александра земельный надел, Георгий Динков с головой окунулся в хозяйство. Прочно унаследованная им традиционная любовь болгарина к возделыванию земли очень быстро стала вознаграждаться богатыми плодами. Будучи щедрым от природы, он вырос в известного своими благотворительными акциями филантропа, оказывая регулярную продовольственную и иную материальную помощь неимущим и малоимущим семьям. Его трудолюбивые братья успешно соперничали с ним и в возделывании земли, и в благотворительности. Их крепко поставленные дома были тому убедительным свидетельством. Где-то в Запорожской области и сегодня стоит здание построенной Динковыми гимназии.

К своему энергичному и во всем отличавшемуся от окружающих «деду» Георгию Василий на всю жизнь сохранил горячую привязанность и благодарную память. Василию Александровичу незабываемо запомнилось, как ему, шестилетнему малышу, «дед» Георгий однажды вручил парикмахерские принадлежности, сел перед зеркалом, подставив оторопевшему внуку шевелюру, — «стриги!». Одному богу ведомо, что из этого получилось. Обычно через час терпеливого сидения перед внуком, который, высунув язык и пыхтя, трудился над его густой шевелюрой, Георгий Павлович поднимался, щедро благодарил довольного внука, — «у тебя золотые руки», — и, оглядев себя в зеркало, отправлялся, как потом стал понимать повзрослевший Вася, в парикмахерскую, доводить дело «до ума».

И так раз в месяц. Свидетель «пострига» — отец, Александр Георгиевич, при этом повторял: «Все, чем бы ты не занимался, ты должен делать основательно». Эти уроки трудовых навыков не прошли даром. Василий Александрович стал классным домашним парикмахером. Домашние свидетельствуют, что и его внуки, не без явного ропота и смирившись, под живучие в каждом болгарине габровские шутки и прибаутки подставля-



Матвей Маневский, дедушка В.А. Динкова по материнской линии. Это единственная сохранившаяся фотография предков третьего поколения родительской линии Василия Александровича. На снимке Матвей Маневский перед уходом на фронт. Бердянск, 1914 г.

ли свои шевелюры ловко стригущим ножницам *уже* своего деда.

Именем «Василий» он был наречен в честь одного из братьев отца, высокообразованного юриста, выпускника Санкт-Петербургского университета, а впоследствии боевого офицера царской армии.

Материнская линия Василия Александровича обладала не меньшими достоинствами. Уроженка Бердянска, Мария Матве-

евна Маневская, была единственной дочерью весьма состоятельных родителей в болгарско-молдавской семье. В тяжелые годы, пришедшие на начало XX века, ее родители удочерили четырех девочек-сирот, отдав их достойному воспитанию немало сил и стараний. Отец Марии, Матвей Маневский, был человеком исключительных и разносторонних знаний. Он владел семью языками, вызывая у окружающих глубокое почтение и уважение. Его судьба достойна отдельного повествования. Образованная личность, он в первые же дни первой мировой войны был призван в действующую армию, востребовавшую его знания. Поначалу победоносные боевые свершения российской армии в Восточной Пруссии завершились тяжким поражением. В августе 1914 года корпус 2-й армии генерала Самсо-нова, углубившийся в позиции противника, был окружен и после тяжких потерь сдался на милость победителю. Для Матвея Маневского война закончилась, едва начавшись. Однако ни тяжкие испытания в лагерях военнопленных и последующие скитания, ни сведения о свержении царя и свершившейся в стране революции, ни слухи о переживаемом в стране голоде и разрухе не ослабляли его твердого намерения вернуться на родину и найти семью.

Судьба забросила его в Австралию, где он оказался в кругу однополчан, агрессивно настроенных к его желанию вернуться с миром на родину. Он спокойно отверг предложение о вступлении в отряды белой армии для участия в гражданской войне. После невероятных мытарств и лишений ему удалось добраться до Греции, где знание греческого языка помогало не умереть с голоду. Однако предупрежденный доброжелателями об опасности наткнуться на граждан Греции из ее бывших господ, исповедывающих иную религию и люто ненавидящих Россию, он прикинулся незнающим языка Греции и, пользуясь незнакомыми для местных знаниями скандинавских языков, больше полагался на международный язык жеста. Эта тактика спасла его однажды от неминуемой беды, когда из разговора на греческом языке двух незнакомых встречных он понял, что речь идет о том, чтобы его сдать в полицию... И все же мир был не без добрых людей, и в 1925 году на случайном корабле, где он подрядился грузчиком, Матвей Маневский вошел в порт Одесса и заявил о своем желании остаться на родине.

Родители Василия Александровича: Александр Георгиевич и Мария Матвеевна

Ему и рассказанной им истории своей жизни не сразу поверили, но представленные документы и подтвержденные знания семи языков как будто смягчили суровость пограничников, однако всю оставшуюся жизнь он чувствовал на себе подозрительные взгляды представителей местной власти, где бы он не находился. Так, через одиннадцать лет отсутствия он вернулся в Бердянск, где не без труда нашел родителей. Его не смущало ни новое название старого села «Луначарское», куда переехала жена с детьми, ни новая власть, девизом которой был глубоко воспринятый им лозунг «Кто не работает, тот не ест», ни то, что за время своего отсутствия он уже дважды дедушка — у него есть внучка Ольга и годовалый внук Василий. Он одобрил выбор дочери Марии, муж которой, Александр, пришелся по душе. Он жаждал одного — трудиться во благо родной большой семьи. Объявленные новой властью возможности достойного трудоустройства на ниве частного предпринимательства,

повсеместно обсуждаемая новая экономическая политика и ее возможные перспективы вселяли определенный оптимизм, не снимая, однако, ощущения приближающейся тревоги. Он познакомился со своими новыми родственниками и был благодарен Георгию Динкову за постоянную помощь семье дочери Марии и надеялся, что его энергия и опыт найдут достойное применение в условиях НЭПа.

Однако возможность благодатного и относительно свободного возделывания земли, а также частного предпринимательства на ниве просвещения, чем не безуспешно стал заниматься Матвей Маневский, длилась недолго. Год рождения Василия совпал с обострением в молодой стране внутрипартийной борьбы и воцарением нового «хозяина». Сталин решительно и круто взялся за новое переустройство страны и одним из первых шагов в этом направлении стало свертывание НЭПа. Директивы первого пятилетнего плана были нацелены на всемерную индустриализацию страны, что в свою очередь требовало все новых и новых рабочих рук в огромной крестьянской стране. В этих условиях логическим подарком стране к 50-летию со дня рождения ее главного идеолога, в 1929 году стали репрессивное отлучение от земли и насильственное приобщение к заводскому труду многомиллионной массы крестьян-хлеборобов. Их изгнание не могло не обернуться голодом в стране. И не в последнюю очередь страшные испытания обрушились на сельскохозяйственную Украину. Запорожскую глубинку обойти стороной они не могли. Так называемое «раскулачивание» тяжелым колесом прошлось по хозяйству, созданному трудом трех братьев, Федором, Дмитрием и Георгием Динковыми, и их семьями. От неизбежных репрессий и голода некогда зажиточную семью Динковых спасли сочувствие вовремя предупредивших благодарных односельчан, не предавших забвению динковские добрые дела, и своевременное переселение в Краснодарский край, где традиционно, еще с екатерининских времен, селились запорожские и черноморские казаки. Для Динковых переезд и новое поселение стали спасительным исходом.

Здесь, на окраине Краснодара в станице Пашковской Вася Динков пошел в первый класс. Василий Александрович рассказывал внукам, как при всей убогости классных помещений и школьных лабораторий, при очевидной бедности в семьях, дети учились с большим рвением. Учеба давалась легко. Круглый

Ученики 3-го класса школы № 6 в Краснодаре. Во втором ряду второй слева сидит Вася Динков

отличник с явно выраженными предпочтениями математике и физике по-настоящему привязался к преподавателям этих двух дисциплин. Два обрусевших немца, физик и математик, потомки далеких предков, еще со времен Екатерины Великой приглашенных в Россию со своими земляками — представителями различных профессий, сделали все, чтобы оставить о себе благодарную память в сердцах многочисленных учеников. «Физика и математика, — как часто вспоминал В.А. Динков, — в школе изучались капитально.» Их общая судьба, как и судьбы многих безвинных в жестокое время нашей страны, сложилась трагично. В конце тридцатых годов они подверглись репрессиям и многие из них были арестованы. Оставшихся сослали вглубь страны в первые же месяцы нагрянувшей войны.

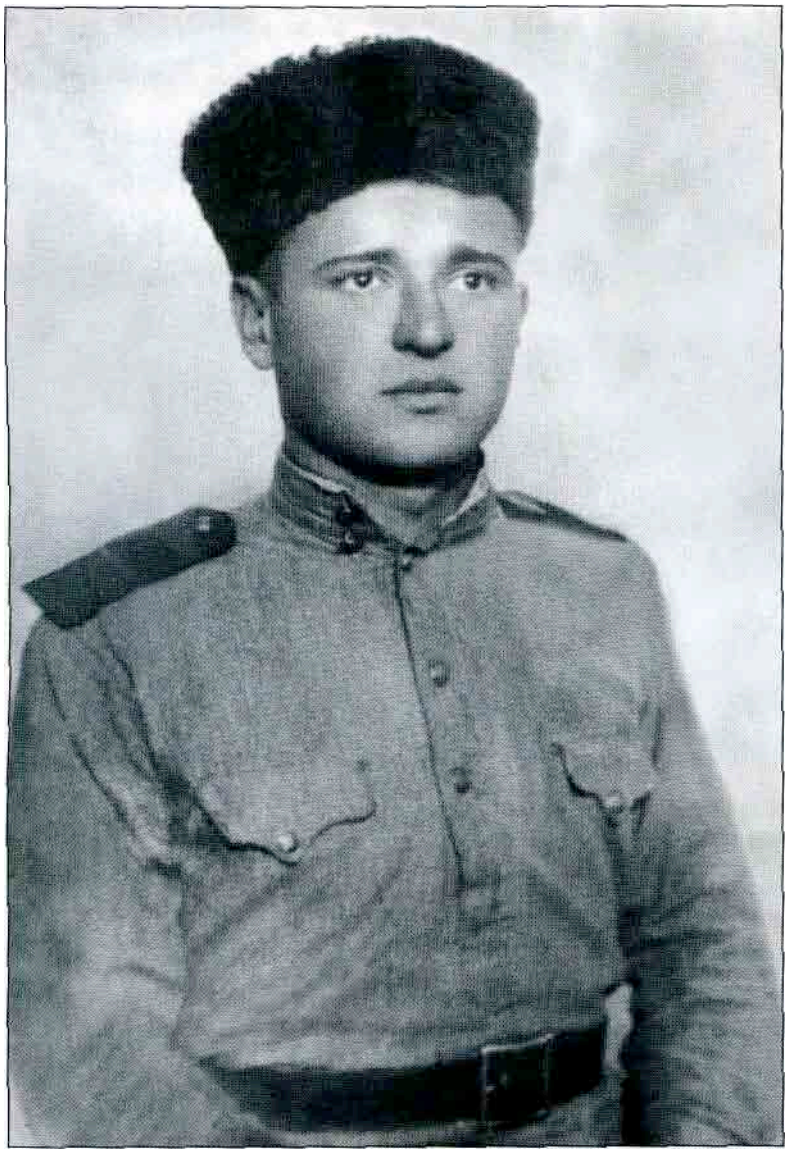
С первых же дней войны, заставшей Динковых в Краснодаре, в стране происходили стремительные перемены. Все взрослое мужское население края уже в 1941 году, надев солдатские и командирские шинели, вступило в ряды Красной Армии. Суровые военные испытания Динковы выдержали достойно. Уча-

стниками Великой Отечественной войны стали восемь мужчин, представители двух поколений многочисленных родственников Динковых, в том числе все мужское население — трое из отеческой семьи Василия. Его младший брат, Юрий, как и двоюродный брат, Дмитрий Иванович, пошли воевать в начале 1945 года.

(Здесь стоит отметить, что всеобщей гордостью Динковых была двоюродная сестра отца Василия, Наталия Кисса. Женщина удивительной героической судьбы. Она была помощником капитана теплохода Черноморского флота, участницей военных походов в Одессу и Севастополь в годы войны и единственной в стране женщиной — капитаном дальнего плавания в послевоенные годы. Кавалер многих боевых орденов и медалей, она в 1960 году была удостоена звания Героя Социалистического Труда и ее именем был назван теплоход «Капитан Кисса».)

Одним из первых, в самом начале войны добровольно ушел на фронт отец Василия, Александр Георгиевич. На душе у родственников было тягостно. Доходили слухи о том, что вместе с не первый век жившими в стране и давно обрусевшими немцами высылке в необжитую восточную глубинку подлежат и болгары. Мол, является же Болгария союзницей Германии в войне против СССР, а «на войне, как на войне», все чаще повторяли пессимисты. Правда в памяти всплывали «спасительные» воспоминания об их земляке Георгии Димитрове, достойно отстоявшем в неравной схватке с фашистским судилищем чистоту идей, мировым знаменосцем которых выступал СССР. «А это не может, не должно не учитываться», — думали обуреваемые тяжелыми предчувствиями по дороге на передовые позиции повсеместно отступавшей армии солдат Этой армии, доброволец Александр Георгиевич Динков, его братья Иван, Павел, Яков Динковы и Петр Манусов. Эти переживания не были лишены основания. Многие болгарские семьи действительно, в считанное число часов снимались бдительной властью с обжитых мест и высылались в неведомое.

В 1941 году, в первые же дни войны в неполные семнадцать лет Василий Динков появился в военкомате с требованием отправить его на фронт. «Мал еще воевать, — услышал он от военкома, — а фронту можно помочь и на рабочем месте.» И он



На снимке красноармеец Василий Динков. Краснодар, август 1942 г.

старательно трудился на несложном поприще экспедитора, куда был принят после долгих увещеваний.

Через год с небольшим обращаться в военкомат не стал, а попросту присоединился к частям отступающей армии, которая возраста не спрашивала. В нем проснулся дух героического болгарского прадеда, о подвигах которого еще в далекие се-

На фотографии запечатлен помкомвзвода Василий Динков в первый день после войны. Впереди еще два долгих года службы в армии. Югославия, 9 мая 1945 г.

В 1944 году после освобождения Краснодара, где в оккупации оставались мать с его младшим братом, командование разрешило комсоргу взвода
Динкову навестить родных.
На снимке Мария Матвеевна с сыном. Станица Пашковская, Краснодарский край, 1944 г.

мидесятые годы XIX века был осведомлен российский император. И Василий Динков честно исполнил свой долг перед Родиной в воинских частях действующей Красной (Советской) Армии на территории нашей страны, а затем в Болгарии, Румынии и Югославии, демобилизовавшись из армии лишь через два года после окончания войны, заставшего его в далекой Югославии. Два послевоенных года он отслужил в Тернополе и появился в родном доме в 1947 году, демобилизованный 13 марта по февральскому указу Президиума Верховного Совета СССР. За три года до этого ему удалось убедить командиров

и получить недельную командировку в освобожденный в феврале 1943 г. Краснодар, где в шестимесячной оккупации оказались мать с младшим братом. Потом он рассказывал, что все дни его пребывания на «побывке» мать ни на минуту не отпускала его руку. Тогда *же* он узнал о расстрелянном немцами дяде, Марке Аврамовиче Манусове, и сожженном доме «дяди Гачо», как с ласковыми болгарскими интонациями он называл деда Георгия.

Иначе сложилась судьба отца. В мае 1942 года под Харьковым он оказался в плену. Воинская часть, в которой служил А.Г. Динков попала в окружение и была пленена. Он оказался среди тех четырех миллионов пленных, которых по подсчетам первого секретаря Союза писателей СССР, Героя Советского Союза Владимира Карпова Красная Армия потеряла в первые годы войны. Дома Александр Георгиевич появился в том же 1947 году, что и сын. Освобожденный из плена, где на шахтах использовался рабский труд таких как и он несчастных, он прямиком отправился в советскую оккупационную зону. Освободившие его американцы этому не препятствовали, напомнив лишь, что значительная часть его освобожденных соотечественников предпочла выбрать новую родину — Америку. Подобная мысль для Динкова-старшего была невозможной. После первой же встречи с представителями СМЕРШа в советской зоне Германии, он понял, что его страдания будут продолжены. О последующих двух годах в дефильтрационных лагерях и в сибирской глубинке он старался не вспоминать и искренне благодарил судьбу за то, что после стольких испытаний он наконец-то дома... Его знания оказались невостребованными, и, работая грузчиком хлебозавода, он лишь однажды отметил, что мытарства таких, как он, талантливо описал в своей прозе и сам побывавший в штрафниках писатель Владимир Карпов. Много позже выяснилось, что речь шла о знаменитом разведчике в полку у Алексея Кирилловича Кортунова, который много лет спустя в своем министерском кабинете познакомил бывшего комвзвода пешей разведки 629-го стрелкового полка В.В. Карпова со своим заместителем Василием Александровичем Динковым.

Возвращаясь к памятной школьной поре, оставившей на всю жизнь глубокий след в памяти Василия Александровича, хотелось мысленно вернуться в ту удивительную атмосферу,

созданную школьными учителями. Опытные и скромные сельские преподаватели, они по праву могли гордиться теми из учеников, кому удалось привить любовь к делу своей жизни. Заботливо привитые школьные знания, закрепленные и углубленные затем в институтские и последующие годы инженерных будней, превратили их обладателей в высокоавторитетных специалистов. Знать бы канувшим в лету педагогам, что без малого через полвека один из их учеников и на родине их предков, ставшей для них столь далекой, в Германии будет удостоен высочайшей похвалы из уст президента всемирно известной компании «Маннесман». Ответственному представителю советской делегации на важных переговорах В.А. Динкову он прилюдно выразил восторженное отношение, назидательно заявив своим сотрудникам: «Почему для решения мало-мальски сложного вопроса я вынужден приглашать на длительное обсуждение до одиннадцати своих технических специалистов, в то время, как задачи значительно большей инженерной сложности господин Динков способен решать и, что самое удивительное, решает высококомпетентно, пользуясь лишь собственными знаниями...?!»

«У меня были хорошие учителя, — произнес в ответ В.А. Динков, — со школьной скамьи.»

Война, словно огромные жернова, перемалывая сознание, выдавливая из него все накопления предшествующей жизни, выковывала волю и развивала инстинкт. Юноша 1924 года рождения, Василий был в самой сердцевине, срединной частью поколения 1922—1926 годов, вынесшего основную тяжесть страшной мировой войны, оказавшейся особенно смертоубийственной для нашего народа. Каждодневная смертельная опасность превращала вчерашних школьников в самоотверженных, мужественных и часто бесхитростных бойцов, становившихся мишенью настигавшего их смертоносного металла.

Из 25 сверстников — одноклассников Василия в 1948 году на прерванном войной школьном уроке для завершения среднего образования встретились лишь трое вчерашних фронтовиков. В первые же дни учебы Василий, к своему ужасу обнаружил, что его память не сохранила знания, казалось, навек обретенные в предвоенные мирные годы. «Неужто начисто и навсегда?» Было досадно получать контрольные работы, буквально испещренные красным карандашом педагога. Неотступно

терзала мысль — «неужели не одолею школу, как быть с высшим образованием?». Но страхи оказались напрасными, и шаг за шагом он восстанавливал свое репутацию отличника и лучшего ученика школы. Беспокоило лишь одно. Со времени демобилизации в 1947 году он весьма успешно трудился в колхозе «Путь Ильича» и в послевоенном Краснодаре местные власти связывали судьбу дисциплинированного молодого человека, уже проявившего организаторские способности, с продолжением споривщейся работы в аграрном секторе. К тому же у него появилась семья, что накладывало новые обязанности. Но его женитьба на Анне Степановне Шевцовой после демобилизации в силу многих причин оказалась столь же естественно-стремительной, сколь и недолговечной. Однако, это ни в коей мере не отразилось на отношении к родившемуся в 1949 году сыну, нареченного в честь деда Александром. (Ответственность за его воспитание и профессиональное становление Василий Александрович пронес через всю свою жизнь. В свою очередь, размолвка в семье отца не ослабила и сыновних чувств к нему Александра, свидетельством чего всегда были воспитанные уже в двух своих сыновьях, Владимире и Сергее, добрые отношения внуков к деду.) Его настойчиво уговаривали принять руководство вновь организованным колхозом либо совхозом. Он же видел свое будущее только в промышленном производстве. Решению вопроса «кем быть?» помог Его Величество Случай.

Летним солнечным утром 1948 года на площадке грохочущего на стыках послевоенного краснодарского трамвая в толпе торопившихся на работу горожан оказался молодой человек, лицо которого не скрывало печати очевидной озабоченности. Позади юность, суровые годы войны, о которой он знал не понаслышке, двухлетняя сверхсрочная служба. Всего год назад он демобилизовался, оставив затянувшуюся без малого на пять лет службу в армии. В августе 1942 года став в неполные 18 лет солдатом действующей Красной Армии в Великой Отечественной войне и прошагав по военным дорогам около трех лет, он продолжил военную службу до минувшего 1947 года. Его сверстницы трудились на предприятиях и в учреждениях родного города, воспоминания же о школьных сверстниках были бесконечно горестны. В этот период перед ним внезапно открылась совершенно неожиданная перспектива. Партийные руководители города сочли для себя в высшей степени удачным сделан-

ный выбор — направить молодого фронтовика и почти кадрового военнослужащего в областную сельскохозяйственную глубинку руководителем вновь организованного колхоза. Кому, как не ему, за плечами которого пятилетняя армейская дисциплина, рассудили отцы города, поднимать разрушенное временем и войной сельское хозяйство.

В идущем к центру города трамвае он неотступно думал о предстоящей, как его предупредили, заключительной беседе для оформления предрешенного вопроса. По установившейся традиции мнение рекомендуемого в расчет не принималось. «Партийная дисциплина». Ему предстояло выдержать нелегкое жизненное испытание.

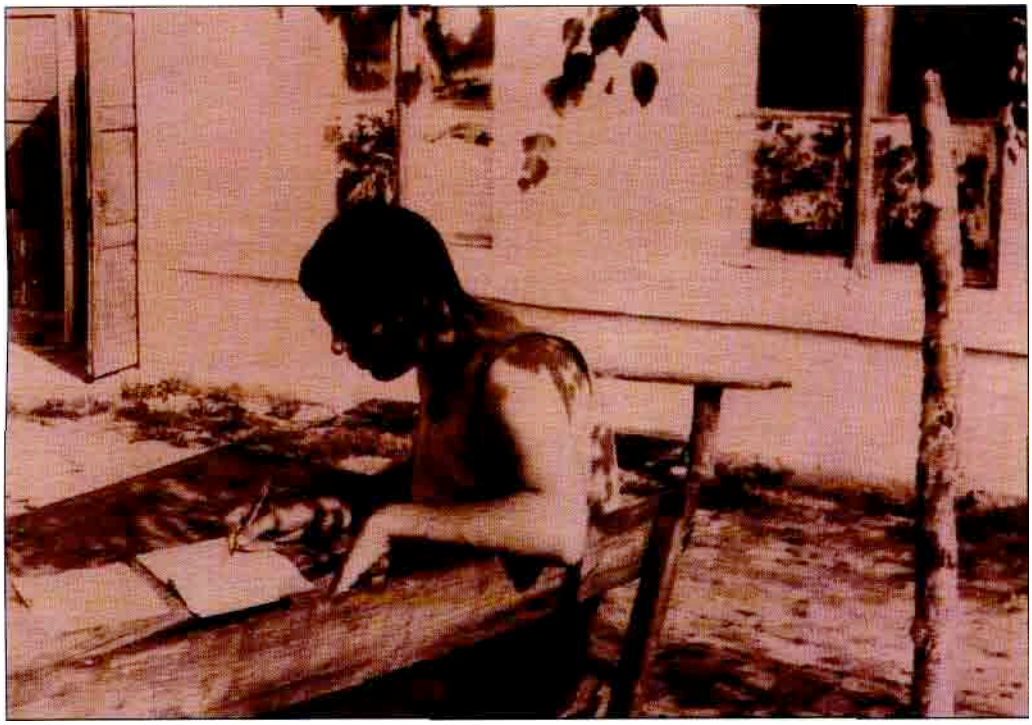
С такими невеселыми думами и с партийным представлением в нагрудном кармане видавшей виды армейской гимнастерки, стоя на площадке остановившегося трамвая, молодой человек обратил почти отсутствующий взор на броское объявление, вывешенное на здании у трамвайной остановки. Объявление приглашало желающих со средним образованием на собеседование, обещая при окончательном положительном исходе учебу «на инженера-нефтяника» в намечаемом к открытию Краснодарском филиале Азербайджанского индустриального института.

Василий Динков, а это был именно он, не задумываясь, спрыгнул с уже отошедшего трамвая, решительно направился к объявлению и, как подтвердила жизнь, переступив порог здания, шагнул навстречу своей судьбе,

Все последующее время, засев за книги, он настойчиво готовился к экзаменам.

Об этих днях тепло вспоминает один из его земляков-друзей, впоследствии один из крупных специалистов-руководителей в нефтяной промышленности **Анатолий Степанович Халаберда.**

«С Василием Динковым, — пишет он, — я познакомился в 1949 году, когда было объявлено о приеме на геологический, нефтяной и нефтехимический факультеты Краснодарского филиала АзИИ, который обещано было открыть к началу учебного года в сентябре. Небольшой конкурс успешно выдержали около 100 человек, в их числе и мы с Василием. К концу августа мы приглашались познакомиться с расписанием занятий и уточнить место их проведения. Однако нас неожиданно собра-



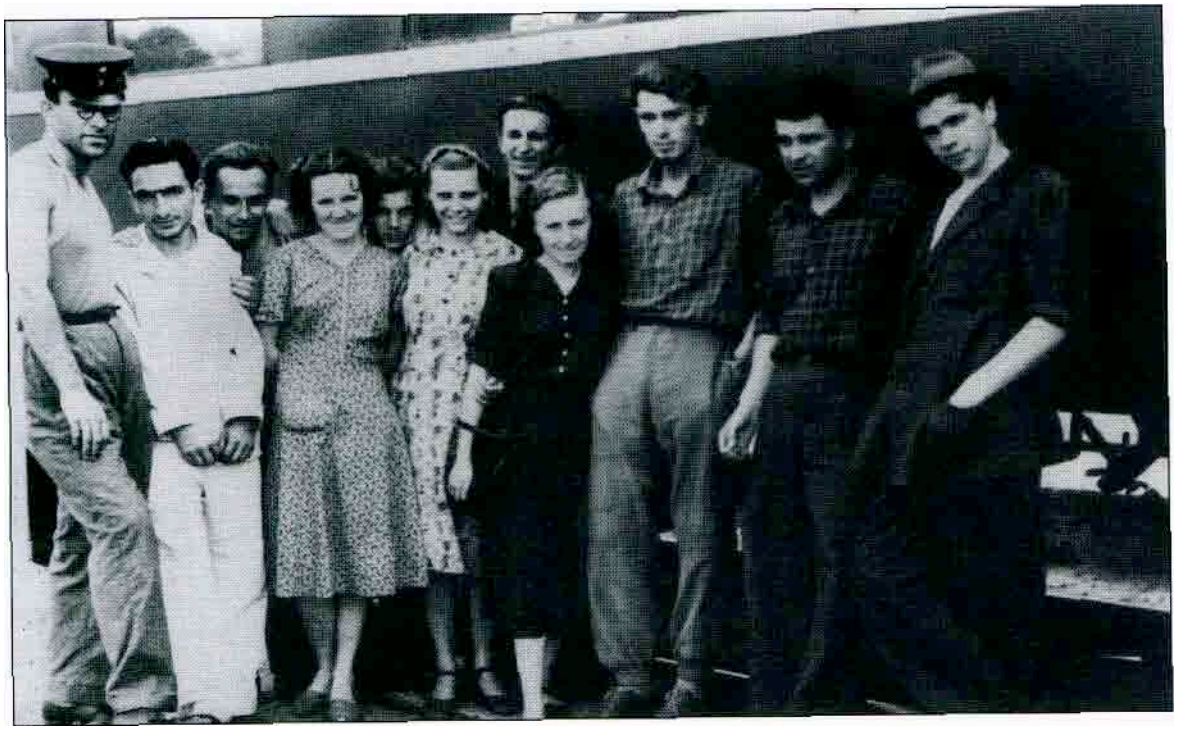
На снимке подготовка к вступительным экзаменам, которые он сдал на •«отличное и стал студентом нефтепромыслового факультета АзИИ в Баку. Станция Пашковская, Краснодарский край, 1948 г.

ли в середине августа, чтобы сообщить неприятную весть о том, что по необъяснимым причинам открытие филиала не состоится, и все 100 человек могут забрать документы и попытаться поступить в другие вузы. Наше возмущение было безгранично. Родилось предложение обратиться с петицией к руководителю крайкома КПСС Игнатову. В число избранной нами делегации участников войны вошел и Василий. Обращение возымело действие, и по договоренности с руководством Азербайджана вся наша «сотня» была зачислена студентами АзИИ. В Баку согласились поехать все, и к началу учебного года товарно-пассажирский («500-веселый», как его называли в народе) поезд доставил нас в столицу Азербайджана. Необходимо отметить, что в связи с принятым решением о нашем зачислении в АзИИ сложилась напряженная ситуация со студенческими стипендиями, лимит которых оказался исчерпанным. Разу-

меется, к нам, как к иногородним студентам, было проявлено великодушие. Соответствующее число бакинских студентов уговорили учиться без стипендии. С размещением в студенческом общежитии дело было сложнее. Ночь мы провели в вестибюле общежития, а наутро нас разместили по комнатам, в том числе и полуподвале, окна которого лишь на треть возвышались над тротуаром, но нас это нисколько не смущало.

Мы были счастливы, что приняты в институт и над головой имеется крыша. Впоследствии, с переходом на каждый последующий курс, мы жили этажом выше. Мы не роптали, так как яе были избалованы жизнью. Ведь за плечами была недавно задй^нчившаяся, тяжелейшая не только для ее участников — война, и на дворе лишь четвертый мирный, 1949, год. В институте все утряслось также быстро. Нас распределили по группам, в которых в связи с неожиданным появлением «краснодарской сотни», в группах оказалось по 40—45 студентов, сверх всякой нормы. Волею судьбы мы с Василием оказались в одной группе...»

Память воскрешает картины далеких бакинских студенческих лет. Он появился в широких и светлых коридорах нефтепромыслового факультета института в сентябре 1949 года. Несколько крупный для своих 25 лет, в широкой и длинной солдатской шинели поверх видавшей виды гимнастерки, с необычной для этих мест темно-рыжей шевелюрой (через много десятилетий она четырехкратно повторится во внуках), с характерным малороссийским врастяжку говором и бьющей через край жаждой знаний. Пожалуй, он был самым взрослым из всех обучавшихся в институте студентов всех курсов. Его крупная фигура и очевидный возраст вызывали проявления почтительности со стороны 17—18-летних сокурсников русских и азербайджанских групп, длительное время признававших в нем преподавателя. Всегда окруженный плотной группой студентов-земляков, он и впрямь походил на педагога. Бессменный староста группы и курса, он со студенческих лет брал на себя ответственность за успеваемость отстающих в учебе товарищей, и его спасительная близость сопровождала их успех до дней дипломной защиты. Он был прирожденным руководителем, а друзья и товарищи в шутку называли его «наш министр». «Быть тебе, Вася, министром, — вспоминает А.С. Хала-берда, — частенько говорили наши успешно вышедшие на ди-



Студенты третьего курса на Бакинском железнодорожном вокзале перед отъездом на практику в Закарпатскую Украину в г. Дашава. На снимке слева направо: Мартиросов, Шагаров, И. Низиенко, З. Стен-шина, Агакишиев, (?), В. Протасов, Л. Мочалова, Е. Бурлаков, В. Дин-ков, В Козлов. Баку, 1952 г.

пломную защиту четыре девушки 242-й группы. Четыре из шестнадцати, дошедших до диплома. А начинали учебу в группе сорок четыре человека.»

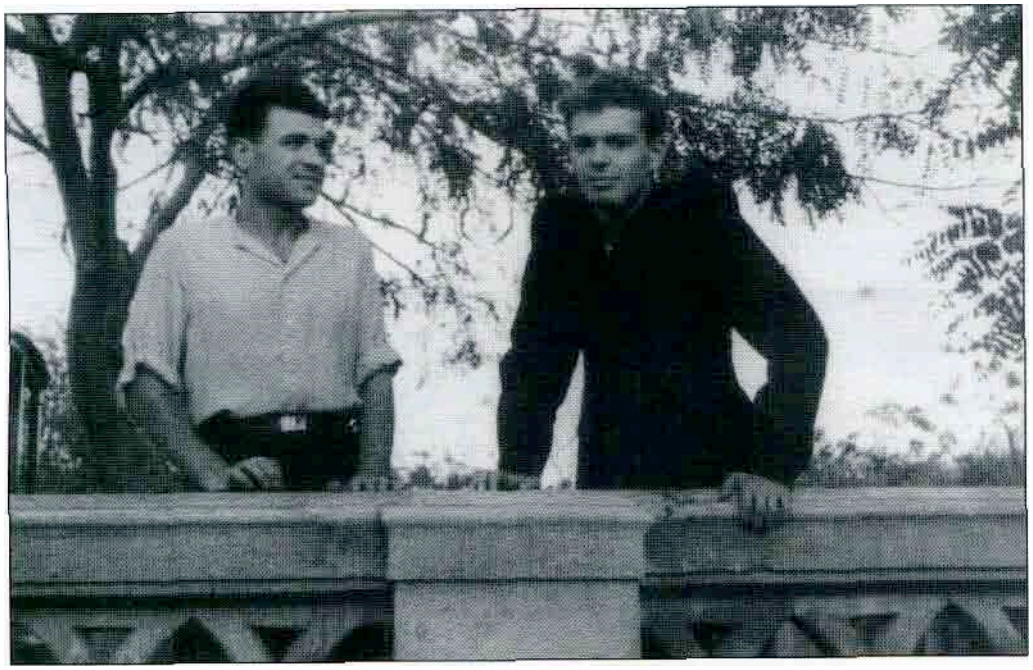
Как показала жизнь, высказанные пророчества лишь опережали время. Но даже и безгранично буйной студенческой фантазии друзей не хватало видеть в своем товарище не просто «министра». Кто-то из друзей обратил внимание на то, что, так часто используемая в настоящее время аббревиатура фамилии, имени и отчества у Динкова Василия Александровича, круглого отличника, означала «ДВА»... Ответ на загадочное совпадение был получен в 1985 г., когда решением Правительства Василий Александрович после руководства Мингазпромом СССР был назначен министром нефтяной промышленности

Эта шутливая фотография последнего гола студенческих лет. На снимке Владимир Козлов и Василий Динков в минуты прекрасного настроения. Баку, 1954 г.

СССР, став дважды министром в Правительстве СССР — великой нефтегазовой державы мира.

Предоставим слово воспоминаниям друзей студенческих лет. Вспоминает **Лариса Петровна Низиенко,** из той самой «краснодарской сотни».

«Старостой нашей 242-й группы нефтепромыслового факультета АзИИ был Василий Динков — это был симпатичный серьезный молодой человек, отслуживший в армии и привыкший к воинской дисциплине. По сравнению с нами, вчерашними десятиклассниками, это был уже солидный мужчина, хотя разница в возрасте составляла 6—7 лет. Мы завидовали его собранности, трудолюбию и усидчивости. От нас он требовал того же. На экзамен он всегда входил в первой тройке студентов, и его неизменной оценкой была «отлично». Мы поражались, с каким упорством он осваивал казалось неподдающийся нашему кубанскому старанию азербайджанский язык. И наш удивленный его успехами преподаватель азербайджанского языка



Они были самыми близкими друзьями все годы совместной учебы и отпущенной Жене Бурлакову короткой жизни.
На снимке неразлучные друзья, Василий Динков и Евгений Бурлаков, Баку.
1953 г.

«муаллим», искренне восторгаясь, всегда ставил нам его в пример.»

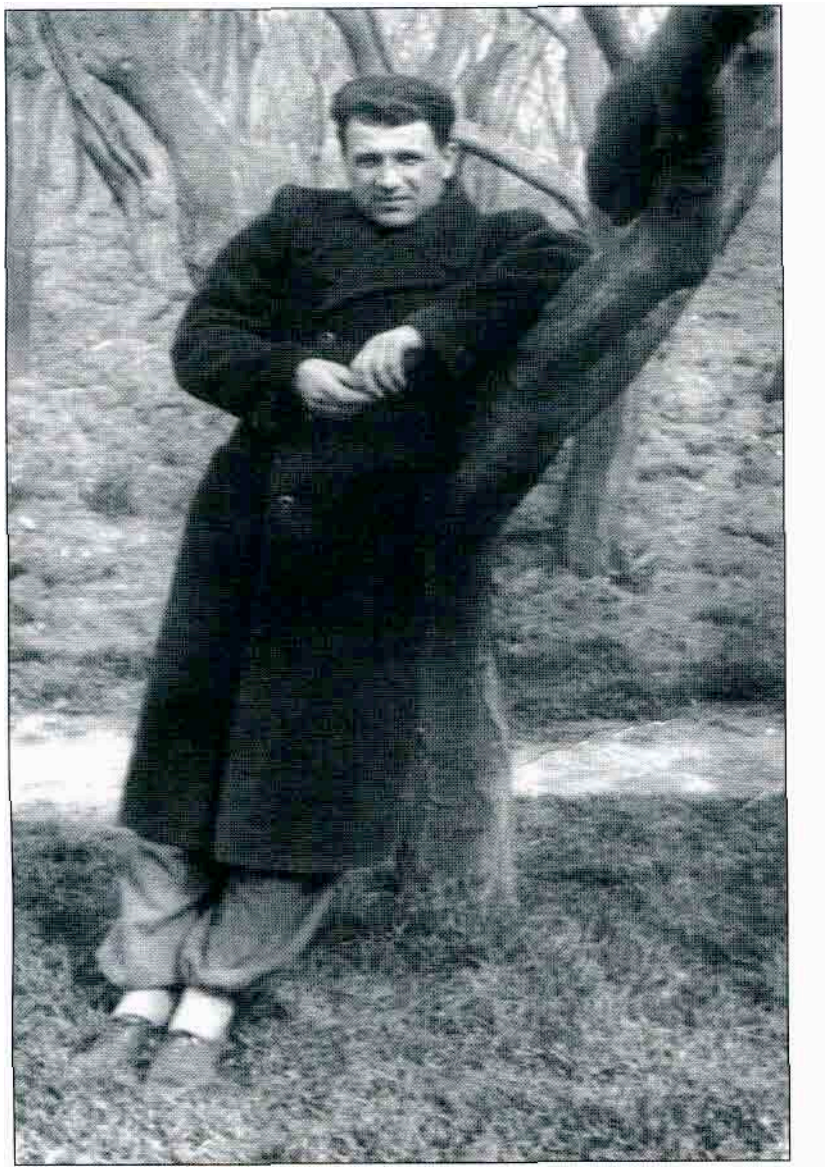
«На третьем курсе, — продолжает воспоминания Лариса Низиенко, — у нас была первая выездная практика. Наш путь лежал в Закарпатскую Украину, в г. Дашава. Сделанная кем-то фотография на память на вокзале в Баку надоумила Василия приобрести свой коллективный фотоаппарат. В Минеральных Водах, где у нас была пересадка с долгим ожиданием своего поезда, он предложил сброситься и купить фотоаппарат. Сказано — сделано. Мы наскребли свои копейки и, «мастерски» щелкая купленным ФЭДом, запечатлели на фотографиях свой студенческий восторг. Увлекшись фотографированием в Кисловодске (грех было не воспользоваться представившейся возможностью быть в каком-то часе езды на электричке от всемирно известного курорта и не посетить его), мы чуть было не опоздали на поезд. Однако все обошлось. Кстати, по предложе-

Студенческие годы

нию Динкова наш ФЭД был разыгран по жребию, и выигравший его счастливчик, выполняя условия жребия, наполнил памятные альбомы каждого из нас, пусть и не профессионально отснятыми, но для каждого из нашей группы прекрасными воспоминаниями незабываемой студенческой молодости. Фотоаппарат исправно служил группе все годы учебы.»

Свидетельством этого являются приведенные в книге фотографии.

Для Василия Динкова студенческие годы это еще и повседневная жизнь, с ее .житейскими заботами и неустанными попытками помочь материально родителям. Не в пример всем в группе ему уже под тридцать, и он считал своим сыновним долгом найти выход этому желанию. Родители и молодая семья дома терпели лишения, а скудной, пусть и повышенной, стипендии в 500 рублей (обычная составляла 395) едва хватало на



Василий в своем первом в жизни пальто, купленном на деньги от повышенной стипендии. Краснодар, 1953 г.

жизнь и книги. В общежитии он устроился работать библиотекарем в послеурочное время и стал регулярно отсылать домой получку. Каково же было удивление приехавшего на каникулы сына, когда отец вручил ему тщательно собранные денежные переводы, мол купи себе пальто. «Баку хоть и теплый город, но

говорят зимой там дуют холодные ветра». В купленном в тот же день пальто он и сфотографировался.

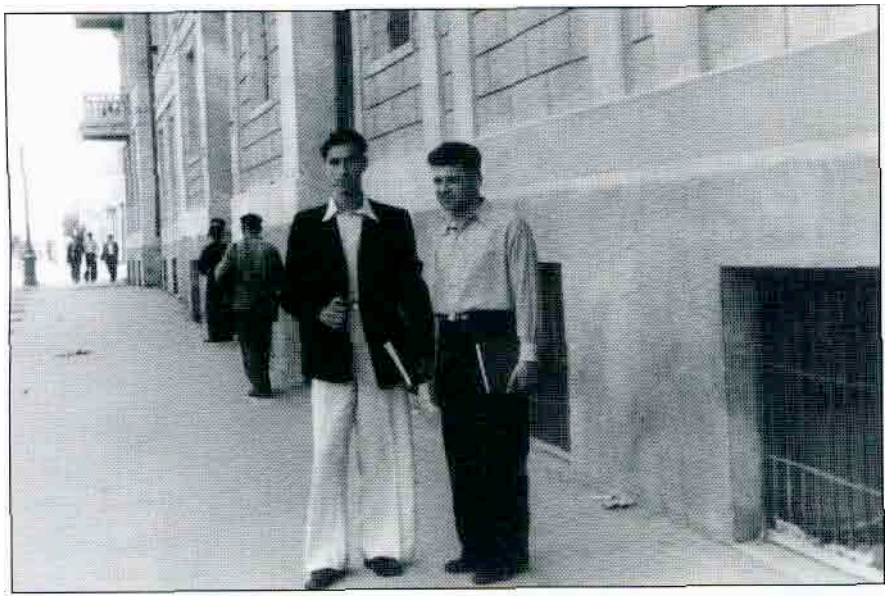
В своих воспоминаниях о студенческой поре в АзИИ и о первом знакомстве с В.А. Динковым пишет и **Шаген Саакович Донгарян,** бывший заместитель министра нефтяной промышленности СССР, а в 1949 году, в год поступления Динкова на нефтепромысловый факультет — студент-дипломник строительного отделения АзИИ (сказалась разница в возрасте В. Динкова, поступившего в институт после войны в возрасте 25 лет).

«В 1963 году, — пишет Ш.С. Донгарян, — комбинат «Татнефтестрой», начальником которого я был, передали в состав Главгаза СССР, где мы и встретились, признав друг в друге участников студенческой научно-технической конференции в начале 1950 года и даже вспомнив завязавшуюся тогда между нами дискуссию. Я потом был искренне удивлен тем, что «оппонент» был студентом лишь второго семестра, настолько рассудительными и зрелыми были его высказывания и суждения в области строительства.»

В институте он не случайно пользовался особым расположением к себе двух высокочтимых институтских профессоров:

заведующего кафедрой разработки и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений **Михаила Хосровича Шахназарова** и заведующего кафедрой гидравлики, одного из крупнейших ученых страны, выпускника Санкт-Петербургского технологического института и первого проректора АзИИ академика **Иосифа Гавриловича Есьмана.** Почтенные ученые, они опытным глазом увидели в нем «способность, — как точно пишет А. С. Халаберда, — докапываться до сути», потенциальный заряд серьезных технических знаний, и каждый со своей стороны предрекал ему серьезное будущее в науке. Покоренные его жаждой знаний и необыкновенным трудолюбием они охотно открывали перед ним двери возглавляемых кафедр, нередко приглашая живущего в общежитии студента Динкова в семейный круг.

До сегодняшнего дня у живущего в Москве сына Иосифа Гавриловича, доктора технических наук **Вячеслава Иосифовича** сохранились воспоминания далекой бакинской поры и более близкие впечатления от встреч с министром газовой, а затем и с министром нефтяной промышленности В.А. Динковым в Москве. «Он был очень застенчив, когда после настойчивого



Два краснодарских друга, познакомившихся в 1949 году на приемных экзаменах, преодолевших все сложности студенческого становления в стенах АзИИ в Баку, проживших в одной комнате и на всю жизнь сохранивших верность более чем полувековой дружбе.
На снимке староста 242-й группы нефтепромыслового факультета АзИИ Василий Динков и студент той же группы Анатолий Халаберда в предве-рии дипломной защиты. Впереди полная неожиданностей жизнь. Баку, 1954 г.

приглашения отца впервые появился у нас дома в Баку и очень любезен, когда мы довольно редко встречались с ним по делам профессии в его служебных кабинетах», — вспоминает
В.И. Есьман.
Дочь Василия Александровича Наташа подтвердила, как, вспоминая студенческие годы, отец всегда уважительно останавливался на этих именах, подчеркивая, что ему всегда везло на учителей.
Но В. Динков буквально прикипел к газовому направлению деятельности кафедры М.Х. Шахназарова, а всколыхнувшее кафедру в сентябре 1953 года радостное сообщение о мощном газовом фонтане из опорной скважины в далеком сибирском поселке Березово стало для него событием в высшей степени знаменательным. Гипотеза крупнейших отечественных ученых об углеводородных богатствах Сибири подтверждалась самым

Выпускники 242-й группы нефтепромыслового факультета АзИИ с любимым профессором Михаилом Хосровичем Шахназаровым. На снимке слева направо сидят: Е. Бурлаков, В. Динков, М.Х. Шахназаров, (?); стоят: (1-й ряд) З. Стеншина, Л. Мочалова, (2-й ряд) А. Ха-лаберда, Мартиросов, Шагаров, Агакишиев, И. Низиенко, В. Протасов. Баку, 1954 г.

убедительным, «фонтанирующим» способом. Из академических диспутов она переходила в область практических дел. И природный газ Сибири стал новым важным аргументом в пользу выбора темы дипломной работы. Она безоговорочно была посвящена проблемам газа. Памятная фотография двух дипломников В. Динкова и А. Халаберды из знакомого нам ФЭДа запечатлела их с дипломами на руках на пути к дипломной защите. Не предполагалось и не думалось ему, что через 12—13 лет после сообщения об открытии Березовского месторождения он уже в составе руководства Главгаза, а затем и Мингазпрома СССР, и вместе с ним будет делить и радость со-причасности к освоению газовых богатств Сибири, и огорчения, вызванные неудачами первых попыток уложиться в пла-

новые сроки сооружения газопровода Игрим — Пунга — Серов по доставке газа Березовской группы месторождений на Северный Урал, организовывать ликвидацию аварийной ситуации на газопроводе и сдержанно сетовать на трудности «сооружения сложной, тяжелой трассы» и газового промысла, задержку со сроками пуска которых местное руководство объясняло проще: «Не хватало техники, имевшаяся была слаба. Трубоукладчики без кабины, машинисты на них в заиндевевших шапках-ушанках; недоставало сварочных агрегатов, а автоматов сварки тогда не было. Изоляция трубопроводов велась по старинке — битумом. Ко всему прочему — бездорожье...».

Но все эти испытания ждут его впереди, а пока он думал лишь об одном — как можно быстрее защитить диплом и с головой окунуться в производство.

Блестящая защита диплома была первой серьезной заявкой будущего инженера В. Динкова на масштабные свершения в отрасли, делавшей в стране лишь первые шаги. Профессор Шахназаров, по сути один из признанных основоположников отечественной науки в газодобыче, многократно предлагал В. Динкову перейти на возглавляемую им кафедру, переключиться на научное творчество, быть помощником и коллегой в перспективном газопромысловом направлении деятельности, предрекая ему блестящее будущее именно в науке. Но его студента неудержимо влекло производство и воспитанная в молодом послевоенном поколении романтика великих строек.

Уважаемому ученому пришлось отказать, запечатлев на фотографии неизменную близость к этому доброму, умному и скромному человеку, так много сделавшему в профессиональном становлении Василия Динкова и многих сотен, если не тысяч молодых специалистов, выпускников Азербайджанского индустриального института.

2

ДЕЛО ЖИЗНИ

Шестидесятники — нефтестроители,
Шестидесятники — газа властители, Дети страны, Самотлором взращенные, Лютой пургой Уренгоя крещенные...

посвященного строителям нефтегазовой индустрии Западной Сибири в 1960-е годы.

М.Н. Гайказов

...Он вровень с мудрецами Греции творил, И гордый Ницше слог его боготворил...

Стих «Заратуштра» из поэмы М.Н. Гайказова «Бакинцы»

Сначала августа 1954 года, не оставив времени на передышку, сразу после окончания учебы в институте и защиты диплома, прибыв в Краснодар по институтскому направлению, молодой специалист — горный инженер по эксплуатации газовых месторождений В.А. Динков уже трудился на производстве в нефтепромысловом управлении «Абиннефть». А 30 сентября была скромная свадьба. В его судьбе появился верный и надежный друг на всю жизнь — Галина Петровна, к великой радости Василия Александровича, подарившая ему в 1955 году дочь Наташу.

Своё тридцатилетие в декабре 1954 года Василий Александрович отмечал в родном Краснодарском крае старшим инженером-механиком нефтепромыслового управления «Абиннефть». В стране в этом году было добыто семь с половиной миллиардов кубометров нефтяного и природного газа — в два с половиной раза больше, чем в победном 1945 году, но абсолютно недостаточно. И одним из тех, кто это отчетливо представлял был дипломированный инже-

нер-газодобытчик В. Динков, почерпнувший знания не только из учебных книг, но и из лекций и личных впечатлений полюбившегося институтского профессора, посетившего в составе первой советской делегации нефтяников в 1926 году нефтегазовые промысла США. «Всем нам было по тридцать, — вспоминал В.А. Динков в день своего 70-летия, — когда мы всерьез начали развивать отрасль, ставшую незадолго до этого самостоятельной топливной ветвью будущего ТЭКа». Одержимый инженерной мечтой В. Динков имел самые серьезные намерения сделать добычу природного газа делом жизни и, казалось, знал, как при этом добиться желанного результата.

Через тридцать лет и шесть месяцев министр газовой промышленности СССР Василий Александрович Динков, назначенный указом Президиума Верховного Совета СССР министром нефтяной промышленности СССР, передаст своему преемнику прекрасно организованную, крупнейшую в мире и быстро набирающую темпы газодобывающую отрасль промышленности, годовая добыча в которой подошла к рубежу в 600 млрд $м^3$ газа, а среднегодовой её прирост с начала 1980-х годов превысил 40 млрд $м^3$. Не менее важным достижением той поры стало и то, что отрасль и страна на многие годы вперед были надежно обеспечены разведанными извлекаемыми запасами природного газа — этого современного, высококонкурентного теплоэнергетического ресурса и ценнейшего углеводородного сырья химического производства, обладавшего редким для советской продукции и, как подтверждала и напоминала осуществляемая государственная политика, жизненно важным для её успеха достоинством высоколиквидного товара на мировом твердовалютном рынке.

В жесточайшем противоборстве с Западом в безудержной гонке вооружений жившая на одном (нефтяном) дыхании страна получала второе — на природном газе.

Но все это в далеком будущем, а пока...

История оставила нам относительно скупые сведения о зарождении газовой промышленности на Кубани. Известно, что газ начал добываться там в незначительных объемах еще до войны и главным образом в местах внезапного обнаружения. Это был попутный или нефтяной газ, который в 1928 году начали отделять от нефти с использованием примитивных газонефтяных сепараторов. Что же касается не связанного с неф-

тью природного газа, то его добыча, транспорт и утилизация также оставляли желать лучшего. В последний предвоенный год было добыто немногим более 90 млн м^3, а в 1941 году — 136 млн м^3 газа. Этот уровень был перекрыт лишь в 1952 году, когда добыча составила около 150 млн м~\ Ко времени, когда В.А. Динков приступил к исполнению своих обязанностей, эксплуатацией газовых месторождений занимались нефтяники. Однако их усилия на Кубани не были в достаточной степени систематизированы.

В памяти **Бориса Владимировича Колесникова,** одного из ранних сослуживцев В.А. Динкова остались впечатления от первого знакомства с молодым инженером газокомпрессорного цеха НПУ «Абиннефть» в 1954 году. «Его первый вопрос, — вспоминает Б.В. Колесников, — застал всех врасплох. А сколько попутного газа собирается у нас на промыслах (?!). Не получив вразумительного ответа, он приступил к подготовке соответствующего проекта, ключевой основой которого была герметичность предлагавшейся системы сбора нефтяного газа и особенно сплетений трубопроводов. Его дотошная проверка каждого сварного стыка подчас приходилась не по вкусу неторопливым, но как утверждали «старожилы», хорошо знающим свое дело сварщикам. Игнорируя реплики, мол, «молодой... жизнь обломает и будет сговорчивей...», автор проекта был настойчив и неумолим. И дело было не в «первой личной инженерной инициативе». «Лучше предотвращать, — неустанно повторял В. Динков, — чем реагировать на последствия». О себе заявлял инженер новой, послевоенной формации...» (Пройдет три с половиной десятка лет. Тревожный ночной звонок разбудит министра нефтяной промышленности СССР В.А. Динкова, и срывающийся голос на том конце провода сообщит о страшной катастрофе: «Взорвался нефтяной газ, накопившийся из прохудившегося шва продуктопровода Усть — Балык —Тобольск — Нижнекамск... Жертвы неисчислимы...» Другое время, другой регион, увы, не им самим, по выработанному для себя правилу, пристрастно проверенный злосчастный сварной шов на уникальном трубопроводе, и при всем при этом требовательно строгий спрос с министра за беспрецедентное чрезвычайное происшествие на одном из объектов принятой им в руководство отрасли... И уже там на месте, оценив всю страшную реальность, он будет вспоминать свою с молодых инже-

нерных лет перепроверяющую настырность. И, увы, воспоминания никак не умерят бешенный ритм сердца... Но это через целую жизнь молодого человека).

«Вскоре, — продолжил воспоминания Б.В. Колесников, — наши пути несколько разошлись. Василий Александрович перешел работать к Тер-Минасову.»

Арам Мосесович Тер-Минасов стал первым истинным наставником В.А. Динкова на инженерном поприще. Опытный производственник, он сразу обратил внимание на молодого заместителя начальника газокомпрессорного цеха «Абиннефти», поднявшегося до этой должности за пять месяцев работы. Обнаружилось и единство взглядов в оценке роли, которая, неадекватно истинной значимости, отводилась в народном хозяйстве природному газу. Василий Александрович всегда с большой теплотой отзывался об Араме Мосесовиче, храня в душе благодарную память, которая сохранила мельчайшие подробности первых шагов по упорядочению и систематизации эксплуатации Александровского, Каневского, Ленинградского и других газоконденсатных месторождений. Их объединенные усилия получили поддержку руководства «Краснодарнефти», и новый 1956 год был отмечен рождением на Кубани газового управления объединения «Краснодарнефть», которое возглавил А.М. Тер-Минасов. Кубанские газовики опережали Центр организационно. Начальником производственно-технического отдела был назначен В.А. Динков. Через четыре месяца, уже исполняющий обязанности главного инженера, Динков обеспечивал ставший знаменательным успех бригады мастера А. К. Редина, пробурившей скважину № 1 «Каневскую», давшую промышленный приток газа.

При полном отсутствии какой-либо технической информации, не говоря об отсутствии столь важного в таком взрывоопасном деле, серьезного опыта разработки газовых месторождений, при довольно слабых познаниях в отраслевой технике исследования залежей, полагаться лишь на институтские знания молодого исполняющего обязанности главного инженера было делом довольно рискованным. И тем не менее, А.М. Тер-Минасов безошибочно оценил в Динкове грамотного специалиста, рекомендации и ответственные решения которого положили фактическое начало технически продуманному, комплексному решению проблем нарождавшейся газовой промышлен-

ности. Это был год памятного для судеб страны XX съезда КПСС с последовавшим этапом жизни, отмеченным «Хрущевской оттепелью». Время вселяло людям оптимизм. Оптимизм газовиков подтверждало принятие новой топливно-энергетической политики страны и VI пятилетний план 1956— 1960 гг., который предусматривал четырехкратное увеличение добычи газа против 9 млрд $м^3$ в 1955 г. (фактически добыча в 1960 г. была увеличена более чем в пять раз и составила 45,3 млрд $м^3$), наконец, было осуществлено организационное упорядочение газовиков созданием 2 августа 1956 г. Главного управления газовой промышленности при Совете Министров СССР (Главгаз СССР) во главе с **Алексеем Тихоновичем Шмаревым.** И хотя эмоциональный нрав Хрущева в стремлении распрощаться с наследием культа личности и его атрибутами, отразился на судьбе традиционных «пятилеток», и прекратившая существование в 1958 г. VI пятилетка была заменена на семилетку 1959—1965 гг., преимущественно опережающее развитие газовой промышленности получило в новых планах дальнейшее развитие. В 1965 г. намечалось пятикратное увеличение добычи газа против 30 млрд $м^3$ в 1958 г. (Отметим, что этот уровень добычи был достигнут в 1967 г., когда отраслью руководило Министерство газовой промышленности.)

На первых порах, с использованием накопленного первичного опыта кубанских геофизиков и геологов и с привлечением краснодарских машиностроителей В.А. Динков организовал конструирование и изготовление специальных технических средств для систематического исследования газоконденсатных скважин. Это позволило обеспечить успех освоения все новых открытий геологов. Число газовых месторождений стремительно росло: Каневское, Ленинградское, Челбасское, Сердюковское, Березанское, Некрасовское, Староминское, Майкопское, наконец, вступившие в разработку газовые залежи Анастасиевско-Троицкого месторождения, залежи Славянского и фрунзенского месторождений. В промышленности Краснодарского края 1956 год был ознаменован подачей первой сотни миллионов кубометров газа Анастасиевско-Троицкого месторождения в Новороссийск для цементных заводов.

Это был год открытия в Узбекистане крупнейшего Газлинского месторождения, время интенсивных поисков природного газа в Западной Сибири, где окрыленные успехом в Березово

геологи обещали открытие гигантских месторождений. И, работая на Кубани, В.А. Динков не ослаблял усилий по приближению времени «большого газа» в стране.

За газопромысловым управлением № 1 стала закрепляться репутация надежного производственного подразделения объединения «Краснодарнефть», продукцией которого были очень важные для страны природный газ и газоконденсат. Это было началом развития газовой промышленности района, обнаружившим и несовершенство применявшихся до этого неэкономичных малопроизводительных индивидуальных систем сбора и подготовки нефтяного газа. Василий Александрович смог объединить разрозненные инженерные усилия энтузиастов газового дела, таких как геолог В.И. Петренко (впоследствии доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент Российской Академии наук) и целой плеяды молодых специалистов-газовиков. Среди них А.Г. Гудзь, Г.П. Сулименков, В.Я. Никифоров, Н.С. Кушнарев, Б.Ф. Кузлин, Н.С. Карасев, В.Я. Шевчук, В.А. Коновалов, Н.Ф. Ретюнский...

Многие из краснодарских коллег В. Динкова через десять лет составят созданный им костяк главного управления по добыче газа Мингазпрома СССР в Москве, который он возглавит в апреле 1966 года.

В 1957 году В.А. Динков — главный инженер газопромыслового управления. Это был год реорганизации народного хозяйства. 10 мая 1957 года Верховный Совет принял Закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством, в соответствии с которым было упразднено 25 министерств, в том числе Миннефтепром СССР. Народное хозяйство начало управляться через совнархозы. В Краснодарский край это решение принесло неоценимое благо. Став одним из 74 совнархозов России, Краснодарский совнархоз оказался отмеченным исключительностью. Судьбе было угодно распорядиться так, что руководителем Краснодарского совнархоза был назначен бывший министр упраздненного Министерства нефтяной промышленности СССР. Его возглавил **Николай Константинович Байбаков.**

Могла ли пройти незамеченной для человека, девизом которого на всю жизнь был и в 90 лет остается труд, труд и труд, одержимость молодого главного инженера газопромыслового

управления «Краснодарнефть» созидательным трудом и, главное, в безошибочно точно выверенном направлении.

До Краснодарской периферии доходили отголоски настойчивых усилий первого профессионала-нефтяника, назначенного министром нефтяной промышленности СССР еще в военном 1944 году. Николай Константинович со своими единомышленниками доказывал необходимость выделения в стране газодобывающей отрасли промышленности. Высшее же руководство страны, проявляя, как выяснилось, чрезмерную осторожность, не проникалось пониманием и верой в перспективность ресурсных возможностей газообразных углеводородов. В конечном итоге усилия министра увенчались указанным ранее успехом. Добыча и транспорт газа в стране были централизованы под управлением Главгаза СССР.

Для В.А. Динкова это был добрый знак. Новость вселяла на'дежду в осуществимость студенческой мечты — активно участвовать в создании мощной газодобывающей промышленности уже в масштабе страны. Появившаяся возможность утоления профессионального информационного голода и приобщение к потоку информации о состоянии и тенденциях развития мировой газовой промышленности подтверждали верность оценок институтского профессора и уже развитой инженерной интуиции о высокой рентабельности этой отрасли. Вопрос о зарубежной информации был отнюдь не праздным. Незадолго до той поры сведения о достижениях мировой газодобывающей промышленности, равно как и о других достижениях капиталистических стран, были предельно тенденциозны и скупы. Официальные переводы появлявшихся в профессиональной зарубежной печати статей распространялись у нас по специальному списку официально допущенных к ознакомлению с этой «конфиденциальной» и «секретной» информацией. Хотя, от кого секреты? Так что, до 1956 года специалисты на промыслах фактически жили в неведении о делах своих коллег за рубежом. Радовало то, что постоянно укрепляясь в сознании, идея развития газовой промышленности в стране стала обретать влиятельную поддержку. Эффект этой поддержки был приумножен решительной помощью, проявленной с совершенно неожиданной стороны.

Когда в стране приступили к организации совнархозов, то некоторые, достаточно влиятельные и усердные ревнители это-

го, объективно полезного и не безоглядно и не во всех сферах применимого, новшества направили копья и против год, два, как организованного Главгаза СССР. Судьба организации повисла на волоске. Но у высшего руководства страны хватило мудрости выслушать и аргументы руководящих специалистов Главгаза. Организация была спасена решением Н.С. Хрущева после продолжительной и, как было отмечено историей, внимательной беседы с Ю.И. Боксерманом, аргументы которого оказались убедительней предложений ревностных клерков. Восторжествовал здравый смысл.

Для В.А. Динкова появление в Краснодаре Н.К. Байбакова стало очевидной удачей. Многоопытный руководитель безошибочно оценил в молодом коллеге незаурядные инженерные знания, руководящее дарование, а главное четкое видение пути развития в стране газодобывающей отрасли, за автономное развитие которой он до последних возможностей не ослаблял личных усилий.

Их сблизили единомыслие в решении этой, по их глубокому убеждению, важной государственной проблемы, установившееся взаимопонимание выпускников одного вуза и решимость довести не дающую покоя идею до реализации, показав её осуществимость на примере Краснодарского края. Пусть и слабое, но все же благо, совнархозы получили важные рычаги самостоятельного решения вопросов регионального экономического развития. Наконец, их не могли не связать мужественно преодоленные испытания в минувшей войне, с которой на разных фронтах они столкнулись лицом к лицу в тяжелейшем для судьбы Отечества 1942 году.

(«Василий, ты из породы созидателей. Этим всегда и отличался», — скажет в заглавном тосте за торжественным столом в день 70-летия В.А. Динкова, обращаясь к нему, Николай Константинович. И эта емкая характеристика в устах многоопытного руководителя найдет единодушное внутреннее согласие собравшихся в тот прекрасный и памятный вечер.)

Результаты последовавшего непосредственного сотрудничества В.А. Динкова и Н.К. Байбакова и целенаправленных усилий замечательной плеяды специалистов в Краснодарском совнархозе **— Виктора Алексеевича Брагина, Александра Григорьевича Задова, Али Керимовича Караева, Вартана Александровича Амияна** и многих других, пусть и на различных уров-

нях ответственности, не замедляли сказаться впечатляющими успехами на всех направлениях хозяйственной деятельности края, материальной основой которой стали нефть и решительно набиравший объемы добычи газ.

Первый крупный руководящий успех В.А. Динкова «за активное участие в развитии газовой промышленности Кубани» был отмечен в 1959 году. Стоит ли говорить об особой ответственности главного инженера за успех научно-технической политики в промышленном производстве? Назначенный в 1957 году главным инженером управления В.А. Динков обеспечил начало и продолжение успеха в эксплуатации газоконденсатных месторождений, открытых на севере края, с подачей природного газа уже в Москву, Ленинград, Ростов-на-Дону и др. Благодаря содержанию конденсата кубанский газ был ценным сырьем для химической промышленности.

Его выступление в феврале 1959 года на итоговом совещании с отчетом об успехе реализованных инициатив было особо отмечено руководством Краснодарского совнархоза, и он очень быстро выдвинулся в талантливого руководителя газового направления деятельности Совнархоза.

В 1959 году удельный вес добычи краснодарского газа по стране составил 7 %, и край вышел на третье место по РСФСР, уступив лишь Волгоградской области и Ставрополью.

Но именно в 1959 году суммарный объем добытого в США газа составил 325 млрд $м^3$ и это почти на порядок превышало отечественное достижение. Специалисты, посетившие в 1958 году Всемирную выставку в Брюсселе, не скрывали восторженного отношения к экспонировавшимся достижениям американских фирм и особенно к масштабам их капиталовложений в разведку и разработку месторождений природного газа. Эти сведения наполняли Василия Динкова непреодолимым желанием добиться поставленной цели.

В те годы усилиями Н.К. Байбакова в Краснодарском крае значительно возрос темп сооружения сахарных заводов. Всеми работами по их газификации руководил В.А. Динков. Каждое утро вместе с Байбаковым он отправлялся на строительные площадки сахарных заводов, а их было 13, и на каждой помимо работ по газификации Василий Александрович занимался и вопросами монтажа технологического оборудования, который осуществлялся непосредственно после установки фундаментов.

На снимке главный инженер газопромыслового управления Краснодарского совнархоза В. А. Динков. Краснодар, 1959 г.

В дни пусковых работ он пропадал на строительстве неделями и результатом этой деятельности был замечательный успех, которым завершилась сахарная эпопея. После пуска всех 13 заводов край ежегодно производил более 1 млн т этого важного пищевого продукта. Первоначально же край производил всего 40 тыс. т на двух небольших заводиках, как об этом пишет в своих воспоминаниях Н.К. Байбаков.

В 1960 году уже начальник вновь организованного при совнархозе отдела добычи и переработки газа Управления нефтяной и газовой промышленности «Краснодарнефть» В.А. Динков вывел край на второе место по добыче газа в РСФСР с удельным весом в общесоюзной добыче, равном 11,6 %.

Им всерьез стали интересоваться в Москве. Его личное знакомство с руководителем Главгаза **Алексеем Кирилловичем**

На снимке руководители Краснодарского совнархоза. Сидят слева направо: А.К. Керимов, Н.К. Байбаков, А.П. Задов, В.А. Брагин; стоит второй слева В.А. Динков

Кортуновым состоялось в 1962 году при весьма курьезных, как об этом вспоминал Василий Александрович, обстоятельствах. Пребывая в ожидании приема в помещении Главгаза, куда он прибыл из Краснодара в командировку и пытаясь почерпнуть сведения о начальнике, крутой характер которого был известен повсеместно и которого он не знал в лицо, В.А. Динков, буквально лицом к лицу с Алексеем Кирилловичем, интересовался о нем у такого же несведующего коллеги. Скажем прямо, не самые лучшие условия для знакомства. Но для одержимых делом начальника и подчиненного этот курьез прошел абсолютно безобидно, вызывая впоследствии лишь улыбки воспоминаний о столь недипломатичной молодости. Более того, после той командировки, в Краснодар Динков уже возвращался начальником Краснодарского управления магистральных газопроводов Главгаза СССР, того самого Главгаза, с жизнестойкостью которого он со своим краснодарским руководством связывал столько созидательных надежд.

И буквально, с места в карьер, едва возглавив краснодарских эксплуатационников газопроводов, он был направлен руководством Главгаза в срочную командировку на Урал к челябинским трубопрокатчикам для содействия решению внезапно возникшей проблемы. В 1962 году, в пору обострения отношений с западными странами, вызванного сооружением в 1961 году Берлинской стены, западногерманский канцлер Конрад Аденауэр наложил запрет на поставки в нашу страну труб большого диаметра (в те годы это трубы диаметром 1020 мм) для магистральных газопроводов. Под угрозой срыва оказалось сооружение газопроводов Средняя Азия — Урал и Северный Кавказ — Центр, с пуском которых планировалось решение проблем обеспечения этих важных регионов жизненно необходимым газовым топливом. Потребовалось принятие срочных оперативных мер по организации отечественного производства труб подобного диаметра. Представителю заказчика от эксплуатационников В.А. Динкову поручалось принять непосредственное участие в испытании первых образцов новой продукции на заводских стендах. Это ответственное задание было выполнено с честью. Запомнилась большая фотография на первой странице тогдашнего центрального печатного органа — газеты «Правда», на которой был запечатлен снимок первой партии труб, изготовленных челябинцами, с огромной надписью краской на заводской продукции «Труба тебе, Аденауэр!». Следует отметить, что со стороны ФРГ, в наших торговых отношениях это был, пожалуй, пик обострения отношений, один из последних рецидивов медленно уходившей в историю холодной войны. В последующие годы и десятилетия наши двусторонние отношения неизменно улучшались, и это было одним из неизбежных следствий поставок в ФРГ советского природного газа, объемы которого со временем лишь увеличивались. И самыми выразительными свидетельствами взаимовыгодности этих отношений станут миллиардные контракты с западногерманскими компаниями «Маннесман АГ» на импорт в нашу страну газопроводных труб и «Рур газ» на экспорт в ФРГ нашего природного газа. И именно это сотрудничество окажется материальной основой изменения всего политического климата в Западной Европе, которое в конечном итоге подточит и свалит ставшую совершенно бессмысленной Берлинскую стену. Так результат самоотверженного труда газови-

ков превращался в важнейший инструмент установления мира в Европе. Вот какие ценности будут завоевываться укротителями газовых богатств сибирских недр в 1960— 1980-е годы в непролазных болотах, в распутицу и стужу. Но к этому еще надо было придти, до этого дожить. И ради этого бывшему фронтовику Динкову стоило неустанно трудиться и жить.

Крестником В.А. Динкова в Главгазе выступил **Михаил Васильевич Сидоренко,** первый заместитель председателя Газпрома СССР. Он впервые увидел В.А. Динкова в деле в тяжелейшие дни ввода в эксплуатацию Ленинградского месторождения в конце 1958 года — начале 1959 года, и его внимание привлекли распорядительность и глубокие технические знания главного инженера газопромыслового управления № 1.

И об этом лучше прочитать в воспоминаниях бывшей сокурсницы Василия Александровича по институту и сотрудницы Краснодарского управления магистральных газопроводов Главгаза СССР **Ларисы Петровны Низиенко.**

«Осень 1958 года выдалась дождливой с невероятной распутицей. На кубанских черноземах безнадежно застревала колесная техника. Выручала лишь техника гусеничная. В эти тяжелейшие недели вводились в эксплуатацию новые месторождения Каневское, Ленинградское, Челбасское. На хуторе Куликовском подолгу находился прибывший из Москвы заместитель председателя Газпрома СССР М.В. Сидоренко со своими помощниками. Здесь же в те дни практически безвыездно жили главный инженер газопромыслового управления объединения «Краснодарнефть» В.А. Динков и многие другие специалисты.

Центру нужен был газ, и обустройство газовых промыслов, а также строительство газопроводов должны быть завершены в срок, не взирая ни на что.»

Эта формула «в срок, не взирая ни на что» станет нормой производственно руководящей деятельности пока лишь молодого руководителя — специалиста В.А. Динкова на всю последующую жизнь. Установленная в стране традиция требовала «трудовые подарки к важным событиям жизни», ближайшим из которых значилось открытие 27 января 1959 года XXI съезда КПСС. Это обстоятельство взвинчивало напряженность на строительстве газопровода до невероятных пределов. Благо, газ Ленинградского месторождения стал подаваться в Центр по га-

Посещение заместителя министра газовой промышленности СССР М.В. Сидоренко и начальника главного управления по добыче газа Мингаз-прома СССР В.А. Динкова Краснодарского края.

На снимке слева направо: М.В. Сидоренко, четвертый В.А. Динков. Краснодарский край, конец 1966 г.

зопроводу Краснодарский край - Серпухов - Москва за три дня до отмеченного во всех графиках дня, 24 января 1959 года. И М.В. Сидоренко с глубоким удовлетворением рекомендовал В.А. Динкова на пост начальника созданного в 1962 году Краснодарского управления магистральных газопроводов Главгаза. Кортунов решительно поддержал предложение.

И с этого времени возникшее с А.К. Кортуновым тесное сотрудничество В.А. Динкова лишь укреплялось. Обычно в высшей степени сдержанный в выражении личных пристрастий Василий Александрович всегда высоко ценил руководящее и человеческое достоинства Алексея Кирилловича и всю оставшуюся жизнь с гордостью подчеркивал свою личную благодарную приверженность «школе Кортунова».

О характере Алексея Кирилловича Кортунова и складывавшихся между ними отношениях руководителя и подчиненного интересно привести воспоминания В.А. Динкова, из изданной в 1999 году книги «Алексей Кортунов».

«Сейчас мало кто помнит (речь о 1960—1970-х годах), что тогда постоянно существовала угроза перебоев газоснабжения отдельных важных потребителей, в том числе и в самой Москве. Приходилось использовать особые схемы и за счет одних потребителей временно поддерживать других, а затем наоборот. Безусловно, это не всем нравилось. Поступали жалобы, и не только в наш адрес, нередко они направлялись напрямую в правительство и ЦК. Следовали звонки сверху. Частыми были случаи, когда среди ночи звонили и предупреждали, что из-за нехватки газа через пару часов может остановиться какое-то предприятие. Приходилось немедленно принимать ответственное решение. В такой обстановке крайне важно было рассчитывать на поддержку руководства.

Помнится, — продолжает В.А. Динков, — один из таких чрезвычайных случаев, возникших, как всегда, среди ночи. Для принятия единоличного решения моей компетентности было недостаточно. Звоню председателю Госкомитета Совмина по материально-техническому снабжению В.Э. Дымшицу. **Вениамин Эммануилович** начинает тяжело вздыхать: «Сейчас ночь, обращаться к кому-то бесполезно. Делай сам, как знаешь. Пока проснутся, разберутся, к тому времени, может быть, или все уладится или найдется другое, более удачное решение. Только при этом на меня, пожалуйста, не ссылайся.»

Кортунов был руководителем другого склада. Он либо сам принимал ответственное решение, либо доверял его принятие подчиненному. Но в последнем случае, даже когда по принятому решению начинались тревожные звонки из ЦК, он обычно говорил: «Не обращай внимания, специалисту лучше знать, как делать свое дело. Но если будут уж очень сильно давить, сошлись на меня и продолжай делать, как считаешь лучше.» Такая поддержка давала уверенность и силы при решении даже самой трудной задачи.

В то же время следует признать, что с подчиненными Кортунов нередко был очень жестким, порой даже жестоким, хотя и умел слушать их мнение. Я имел возможность испытать это на себе. Однажды в конце года всем заказчикам, в том чис-

ле и Главгаздобыче, было поручено согласовать сроки ввода в эксплуатацию очередных объектов. В то время у нас был один незавершенный объект в Краснодарском крае — конденсатопровод от Майкопа до Афинского газоперерабатывающего завода. Из-за плохих погодных условий строители явно срывали сроки окончания работ, были серьезные претензии и по их качеству. Воспользовавшись моментом, я решил перенести срок завершения работ на апрель.

На заседании Коллегии Кортунов узнал об этом и был крайне возмущен. Досталось мне по-крупному и в самых резких выражениях. Ругать он умел...

После такого публичного разноса впору было подумать о переходе на другую работу. Попросился на прием и заявил об этом министру. Он даже удивился: «...Нужно не обижаться, а делать выводы и исправлять допущенные ошибки... надо более жестко требовать от строителей, не боясь испортить с ними отношения.... К тому же, если бы я согласился с вашим предложением, то и другие решили бы, что можно безнаказанно срывать сроки. А это губительно для всей отрасли».

Я, прежде чем стал министром газовой промышленности, успел поработать со многими руководителями высокого ранга. С этих позиций о Кортунове могу сказать, что он был одним из лучших министров газовой промышленности страны».

В течение 1960-х годов его руководящей работы в краевой газовой подотрасли наблюдался неуклонный рост добычи природного газа, что обеспечило в 1964 году выход края на первое место в РСФСР по этому показателю. Это был весомый подарок стране к своему сорокалетию.

Но за год до этого в жизни газовиков Краснодарского края произошло важное событие. За комплексное решение проблемы эксплуатации и разбуривания газовых и газоконденсатных месторождений в 1963 году десяти руководителям было присвоено звание лауреатов Ленинской премии...

У человека пытливого ума, каким был В.А. Динков, производственная деятельность сопровождалась творчеством, и поэтому осуществление не дававшей ему покоя идеи низкотемпературной сепарации газа для его качественной подготовки на групповых установках Василий Александрович просто считал рутинным решением производственной задачи. А это было изобретением, к повсеместному внедрению которого подклю-

чились и специалисты ВНИИнефти. Новшество позволило значительно увеличить объем добываемого и транспортируемого газа и газоконденсата. Когда же ему стали напоминать, что изобретение необходимо соответствующим образом оформить и за него полагается вознаграждение, он лишь отшучивался, заявляя, что главное, чтобы идея была материализована в надежно работающий технологический процесс...

Эту черту характера старосты институтской группы и потока Василия Динкова Лариса Петровна Низиенко запомнила на всю жизнь.

«В 1962 году, — продолжает Л.П. Низиенко, — на соискание Ленинской премии была выдвинута работа по комплексному решению проблемы эксплуатации и разбуривания газовых и газоконденсатных месторождений в Краснодарском крае. Роль нашего руководителя В.А. Динкова в инициировании и решении значительной части указанных проблем была общеизвестна и мы, рядовые сотрудники управления, терялись лишь в одних догадках, — кто ещё, помимо Динкова, получит высокое признание личного вклада в столь важное дело. В день радиообъявления лауреатов мы в гордом волнении за своего руководителя собрались в актовом зале управления, первыми услышать долгожданную весть и поспешить поздравить Василия Александровича с заслуженной наградой. Наконец-то хорошо поставленный голос московского диктора стал перечислять коллективы награжденных, и мы терпеливо дождались упоминания краснодарской проблемы. Диктор стал перечислять фамилии: первая, вторая, пятая, восьмая, наконец десятая. Но где же фамилия Динкова, или мы что-то недослышали? Отнюдь, среди десяти лауреатов Ленинской премии за 1963 год по указанной проблеме фамилия Динкова не значилась. Взрыв возмущения был всеобщим, и мы тут же решили направить в Комитет по Ленинским премиям письменный протест. Наш пыл остудил Василий Александрович. Он собрал всех и категорически потребовал прекратить обсуждение этой темы: «Мне достаточно лишь знать самому, что я один из первых авторов комплексного решения указанной проблемы...». Вот с каким удивительным человеком и замечательной личностью мне посчастливилось учиться, а затем и трудиться на избранном поприще.»

От себя отметим, что сказанное молодым руководителем подтверждалось изданием с соавтором в том .же 1963 году в

Москве Гостопиздатом 234-страничной книги «Проектирование разработки и эксплуатации газоконденсатных месторождений (газоконденсатные месторождения Краснодарского края)». В послужных же сведениях о поощрениях и награждениях В.А. Динкова за этот период мы нашли лишь лаконичную запись — «...награжден денежной премией в сумме 84 рублей...». Дважды. В августе и ноябре 1963 года. Он приблизительно догадывался почему так произошло. За год до этого он столкнулся с первой для себя неожиданностью. Это произошло в 1962 году в Москве. Но об этом несколько позже.

Правомерно ли в данном случае напомнить о прозвучавшем в том же году на другом конце планеты и по иному поводу из уст президента США Джона Кеннеди изречении, что «у успеха сотни родителей, поражение же — сирота»? Полагаю, что небезосновательно и даже бесспорно. Безошибочно точно вносит свое определяющее суждение лишь история. И она скажет свое веское слово...

Здесь же уместно отметить, что много лет спустя, став в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР № 232 от 21 апреля 1971 года членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники при Совете Министров СССР, он постарался трудиться в Комитете так, чтобы кесарево доставалось кесарю.

Мне бы хотелось со словами благодарности обратиться к **Галине Сергеевне Гуляевой.** Полученные от нее в книгу пять с половиной страниц печатного текста, — это непросто воспоминания о Василие Александровиче и дань его памяти, но удивительно интересный и содержательный социально экономический и политический анализ топливно-энергетического комплекса страны, подготовленный компетентным профессионалом своего дела и очень наблюдательным человеком, патриотом своей Родины. В нем и гордость за наши, воистину беспримерные свершения в ТЭКе 60-х и 70-х годов и горечь за огрехи «демократов», как с болью выделяет она слово в кавычках, в решении проблем топливообеспечения страны.

«С В.А. Динковым, — пишет Галина Сергеевна, — я впервые встретилась в 1961 году, когда по депутатским делам в очередной раз приехала в объединение «Краснодарнефть». Вопрос решался у главного инженера объединения В. П. Шейкина, который до этого был начальником НГДУ «Черноморнефть», где

я и работала. Тогда я отметила про себя обстоятельность В.А. Динкова и превосходное знание дела. Мой муж:, А.И. Гуляев, занимался в те годы проектированием промысловых объектов и поэтому неоднократно встречался по этим вопросам с В.А. Динковым и также отмечал его как грамотного специалиста, детально знающего, что очень важно, промысловое дело. В 1962 году, когда создавалось Краснодарское управление магистральных газопроводов (УМГ) в системе Главгаза СССР, мы с мужем получили приглашение на работу и стали там работать.

В то время Краснодарский совнархоз, в который входили все нефтегазовые промысла Кубани, возглавлял всеми уважаемый Н.К. Байбаков. Он прибыл в Краснодарский край в связи с ликвидацией отраслевых министерств, будучи до этого министром нефтяной промышленности, и при решении этого важнейшего вопроса кажется единственный выступил с вполне обоснованным возражением против разрыва нефтегазовой промышленности на региональные управления. Однако его возражения не были приняты во внимание. Краснодарскому краю его назначение очень помогло, так как несмотря на значительно развитую там нефтегазодобычу, все бывшие тамошние руководители, при очевидном жизненном и производственном опыте, были людьми провинции. Н.К. Байбаков же на личном примере показал образец руководителя государственного масштаба. Думаю, что и назначение В.А. Динкова начальником Краснодарского УМГ состоялось при определяющем влиянии Н.К. Байбакова, который безошибочно выявлял потенциальные профессиональные качества работников и умело помогал им в непростом становлении, выдвигая на должность руководителей. Когда, еще будучи наркомом нефтяной промышленности, он приезжал в динамично развивающийся район нефтедобычи, на Кубань (месторождение Зыбза) и, как правило, участвовал на созываемых больших совещаниях, то туда приглашались не только руководители, но и мастера, операторы, все те, кто личным, непосредственным участием осуществлял это развитие. Перерыв сопровождался живым общением в беседе равного с равными. В дальнейшем это прекрасное качество было неоднократно мною замечено и у В.А. Динкова.»

«В первое время нашей совместной работы, — продолжает Галина Сергеевна, — мне казалось, что В.А. Динков излишне

мягок, иногда надо бы и «дать» как следует нерадивому работнику, но по мере того, как все более усложнялась наша работа приходило понимание того, что это не мягкость, но самообладание и выдержанность, умение владеть эмоциями и не срывать на подчиненных порою уязвленное самолюбие. В связи с этим вспоминается такой эпизод. Примерно в декабре 1964 года произошло значительное похолодание, но, что для нас было крайне нежелательно, оно произошло в южных районах. По жесткому графику работ, который контролировался лично А.К. Кортуновым, руководителем Главгаза, именно к этому времени необходимо было подключить к газопроводу несколько пробуренных газовых скважин. Но дождливая зима на Кубани для строителей коварней северных морозов, если почва еще не замерзла, то проложить траншею гиблое дело — она тут же заплывает. Никакие усилия не достигают цели. В Москве собралась коллегия, вел ее А.К. Кортунов, были люди с производства. Первый вопрос, что делать с подключением скважин. Встал В.А. Динков, все сказал правильно, но министру нужно решение проблемы, а не объяснения, пусть и в высшей степени грамотные. Почему дело не сделано? Министр стоит за своим столом, нам, сидящим в зале и уже знавшим его, понятно, что он в ярости от невозможности решения проблемы, и вдруг на его резко поставленный вопрос — «ну, так что же будем делать?» — Василий Александрович встал, развел руками и ответил — «льет дождь с мокрым снегом». У Алексея Кирилловича глаза сузились до едва заметной щелки, по скулам забегали желваки, и он, всегда с большим уважением относившийся к Василию Александровичу, вдруг выпалил — «как ты попал в газовую промышленность?», — и через мгновение, «в метеослужбу надо подаваться, там тебе место». Установилась мертвая тишина, по-моему кое-кто, как под снарядом, втянул голову в плечи, а я прямо впилась глазами в Алексея Кирилловича, не сомневаясь, что дальше все поправится, иного быть не может и не должно. Прошло несколько тягостных секунд. Алексей Кириллович поводил по столу глазами, переложил карандаши и лист бумаги, я поняла, что он приводит себя в равновесие и вдруг: «Ну, вот что, Василий Александрович, ты знаешь, что мы тебя ценим и уважаем. Еще раз собери специалистов, думайте, как выйти из положения, в любое время приходи, помощь вся возможная будет немедленно оказана», — и

перешел к следующему вопросу. В зале пронесся общий вздох облегчения. Слабый человек, вернувшись в Главк, устроил бы всеобщий разгон, чтобы сбросить этот жуткий стресс, но этого не произошло. Он сидел в кабинете, уставившись в стол, и тогда мы, несколько человек, зашли к нему с «неотложными» вопросами, сбили его с тяжелых мыслей, а наутро мороз дошел до Кубани, почва замерзла и проблема была решена.

Когда в 1972 году министром стал С.А. Оруджев, у которого заслужить похвалу было очень непросто, он неоднократно говорил в адрес Василия Александровича — «любимый замминистра».

В 1966 году в начальный период функционирования газовой промышленности как самостоятельной отрасли на нас навалились такие глыбы проблем, что сказать, что было трудно, тяжело — это не сказать ничего. Теперь, по прошествии многих лет, я и сама не могу объяснить, как же это газовая промышленность могла все содеянное осуществить. Видимо, сошлось воедино все — превосходные изначальные руководители отрасли А.К. Кортунов, М.В. Сидоренко и их ученики, в основном молодой контингент районных руководителей, быстрое принятие необходимых решений в Госплане союза, которым руководил Н.К. Байбаков, высококвалифицированный состав отраслевых НИИ и проектных институтов, правильная структура министерства, где каждый солдат знал свой маневр, высокая требовательность, но и уважение руководства, расширение оперативного штаба отрасли — Центрального диспетчерского управления, укомплектованного высококлассными специалистами, досконально знающими всю систему газоснабжения страны и умело регулирующими ее работу и т.д.

1964 год был ознаменован важным событием в газовой промышленности страны. В октябре в районе Ухты, на печорском берегу Вуктыла бурение разведочной скважины завершилось мощным газовым фонтаном с большим содержанием газоконденсата. По осторожным оценкам геологов речь шла об открытии крупного месторождения. Эта весть застала начальника Краснодарского управления магистральных газопроводов Главгаза СССР В.А. Динкова на Кубани и ничто не предвещало его энергичное вовлечение в разработку, как становилось все более очевидным, открытого крупного Вуктыльского месторождения в Республике Коми.

Работа Василия Александровича в Краснодаре спорилась. Почти каждый пятый кубометр природного газа из общесоюзной добычи в 111,1 млрд м^3 добывался в Краснодарском крае.

Стоит ли удивляться тому, что с возвращением к структуре министерств и с организацией Министерства газовой промышленности СССР во главе с Алексеем Кирилловичем Кортуновым, В.А. Динков, уже в структуре нового министерства, в декабре 1965 года был назначен начальником Объединения предприятий и организаций газовой промышленности «Кубаньгазпром» в Краснодаре.

Десять полных лет и три месяца, со 2 января 1956 года по 1 апреля 1966 года отдал Василий Александрович делу становления, развития и взлета газовой промышленности Краснодарского края. За это десятилетие добыча газа в крае увеличилась... в 63 раза (377 млн м^3 в 1955 году и 23 750 млн м^3 в 1965 году). Это были годы становления и динковского руководящего почерка в многосложном производстве. Впереди его заслуженно ждала более ответственная работа в Москве. На этом неустанно настаивал и в конечном итоге настоял на своем Михаил Васильевич Сидоренко.

Апрель 1966 года В.А. Динков встретил в Москве в центральном аппарате министерства начальником Главного управления по добыче газа. Для Василия Александровича началась новая жизнь, каждый день которой измерялся уже иным, значительно большим масштабом деятельности. В стране в истекшем 1965 году общее число открытых газовых, газоконденсатных и газонефтяных месторождений достигло 471, в том числе разрабатывалось 163. Общая добыча газа составила 127 млрд м^3. Но в то же самое время в США этот показатель неуклонно приближался к отметке в полтриллиона кубометров, более 490 млрд, при величине разведанных извлекаемых запасов около 8 трлн *м*\

Перед молодым начальником главка, как и перед всем, тщательно подобранным коллективом министерства была поставлена задача, организовать выполнение главной директивы — «догнать и перегнать!». И В.А. Динков принял бой, твердо осознавая всю величайшую ответственность перед страной. Это было, воистину, героическое время.

И первым громоподобным откликом на призыв страны стало открытие на севере Тюменской области 6 июня 1966 года

крупнейшего в мире Уренгойского месторождения природного газа, окончательная оценка извлекаемых запасов которого превысила 10 трлн м^3, в нефтяном эквиваленте 9,36 млрд т (напомним, что по западным оценкам извлекаемые запасы нефти в России составляют 6,7 млрд т). Запасы Уренгоя в 1,2—2 раза превысили общие извлекаемые запасы газа в США. В том же 1966 году у поселка Красный Холм в Оренбургской области было открыто гигантское месторождение газа с запасами в 1,76 трлн м^3 — крупнейшее в Волго-Уральской провинции, с 1969 года оно стало называться Оренбургским. И сложившаяся в министерстве творческая атмосфера, и в этом была неоценимая заслуга министра А.К. Кортунова, создавала столь необходимые условия для целеустремленной работы на результат (подробнее об этом см. воспоминания Ю.П. Баталина).

Но первым испытанием молодого начальника Главгаздобычи на оперативное решение крупномасштабной инженерно-экономической задачи стало освоение Вуктыльского месторождения в Республике Коми. Открытое в 1964 году Вуктыльское месторождение выгодно отличалось от тюменских и среднеазиатских источников газа близостью к центральным районам европейской части страны. Полторы тысячи километров вместо трех, трех с половиной тысяч. Прогнозные оценки запасов составляли приблизительно 3/4 трлн м^3 газа и 47 млн т нефти.

Эти исходные данные сулили значительные экономические выгоды. Обстоятельства диктовали необходимость принятия решительных мер. Не дожидаясь завершения изыскательских работ и не теряя времени, главк во главе с В.А. Динковым приступил к опережающей разработке комплексного технологического проекта опытно-промышленной эксплуатации Вуктыльского газоконденсатного месторождения. Работа выполнялась непосредственно на местах.

«Вспоминаю, — продолжает Г.С. Гуляева, — как в период предельного накала при освоении Вуктыльского месторождения и строительстве газопровода Вуктыл — Ухта — Торжок он вылетел туда с группой специалистов для неотложного решения каждодневно возникавших там необычно трудных проблем.

И однажды, когда обеспокоенный М.В. Сидоренко, в течение нескольких дней не получавший от него сообщении (звонить-то неоткуда), наконец-то вышел на связь, то в сердцах

крикнул ему: «Ты что там как медведь зарылся, ничего от тебя не слышно». Выслушав ответ, рассмеялся и по-отечески закончил разговор: «Ну ладно, ладно, все же звони, мы *же* волнуемся.»

События развивались в стремительном темпе. В сентябре 1966 года министр А. К. Кортунов заслушал сообщение ухтинских геологов о месторождении. В октябре оно было обсуждено с участием Мингео СССР у руководства Госплана СССР, а уже 30 ноября 1966 года отнюдь не сентиментальный министр Кортунов подписал приказ за № 762/к о премировании В.А. Динкова месячным должностным окладом «за активное творческое участие в составлении» указанного проекта.

В том же форсированном и тяжело поддающемся отлаженности режиме осуществлялось бурение эксплуатационных скважин, и, не дожидаясь необходимого в подобных случаях постановления правительства, уже с начала 1967 года начались подготовительные операции и сварочные работы по сооружению из труб диаметром 1220 мм газопровода Вуктыл — Ухта — Торжок. Подоспевшее в мае 1967 года постановление правительства легализовало всю совокупность уже осуществленных и осуществляемых, достаточно рискованных, мер по полномасштабному освоению Вуктыльского газоконденсатного месторождения без полагавшегося завершения объема разведочных работ. Накал страстей и производственное напряжение тех дней на работах по обустройству промысла и строительству газопровода Вуктыл — Ухта — Торжок, с чьей-то легкой руки получившего поэтическое название «Сияние Севера», характеризует приказ Мингазпрома № 84 от 16 июля 1967 года, выдержанный в духе приказов Главного штаба действующей армии оперативным подразделениям на линии фронта: «...создать к 22 июля оперативные группы из представителей строительно-монтажных трестов, проектных институтов и организаций заказчика, а этим группам на месте принимать и немедленно осуществлять решения по упрощению способов прокладки трубопроводов, по организации доставки труб вертолетами, маневрированию ресурсами всех организаций...».

Оперативность решения строительных и эксплуатационно-производственных задач облегчалась структурой тогдашнего Мингазпрома, в подчинении которого до 1972 года находились и строители, и эксплуатационники.

«Решайте вопрос на месте...», — так, или почти так, не терпящим возражения тоном указывал главнокомандующий Сталин замнаркома Байбакову, направляя его в суровые годы войны в 1942 году на Кавказ с ответственной миссией — не дать рвущемуся в Закавказье врагу ни капли нефти. И команда Байбакова, буквально под огнем противника, выполнила свою тяжелейшую миссию.

«Решайте вопрос на месте..., — через тридцать лет напутствовал министр Кортунов двух своих заместителей — эксплуатационника Динкова и строителя Баталина, отправляя их в Западную Сибирь, Республику Коми, — страна должна как можно быстрей получить природный газ Сибири.»

И объединенные усилия тандема Динков — Баталин в обстановке, мало чем отличающейся от фронтовой (разве, что без разрывов снарядов, но... от жутких морозов лопался и корежился металл), обеспечивали на месте проектирование и пуск в эксплуатацию объектов газовой промышленности.

Эксплуатационные задачи решала Главгаздобыча во главе с В.А. Динковым, немногословные воспоминания которого дают живое представление о, казалось, непреодолимых и все же преодоленных трудностях на пути к покорению Вуктыла:

«...Как осваивали Вуктыльское месторождение. Дороги-лежневки, по обочинам полузатонувшая в болоте техника. Жизнь в вагончиках. В составе рабочих есть и заключенные и условно-освобожденные. Не многие из специалистов желали здесь работать. Я собрал кого смог из прошедших производственную школу на промыслах Кубаньгазпрома, и эти люди — В.П. Шманенко, М.М. Мустафин, Л.А. Солонец, Г.С. Фирса — составили основу трудового коллектива...».

Конечно же риск был не малый. Но он базировался на глубоких инженерных знаниях существа вопроса и уже подтвержденных результатах дебита пробуренных скважин и квалифицированных оценках продуктивности пласта. Как показал результат, риск был оправданным, и глубоко удовлетворенный работой Главгаза министр 30 октября 1968 года вторично премировал В.А. Динкова «за обеспечение ввода в эксплуатацию газопровода Вуктыл — Ухта» (более подробно об этом см. воспоминания Ю.П. Баталина).

Эта работа не осталась незамеченной и у высшего руководства страны. Постановлением Совета Министров СССР от

12 июня 1967 года № 524 В.А. Динков был утвержден членом коллегии Министерства газовой промышленности. Страна переживала славное десятилетие «шестидесятников», взращенных масштабными свершениями и одержимых неустанной жаждой созидательного действия.

Успех газовиков обусловил глубокие структурные изменения в топливно-энергетическом комплексе страны и позволил обеспечить первый выход на мировой рынок с новым высоколиквидным товаром. К 1968 году советский природный газ уже уверенно пересекал таможенную границу, и успех внешней торговли советским природным газом подтверждался фактом его всё увеличивающегося экспорта. Ко всем, наиболее значительным достижениям министерства В.А. Динков имел самое непосредственное отношение.

«1966 год, — пишет Г.С. Гуляева, — стал началом невиданных в мире темпов развития отрасли. За пятилетие 1965— 1970 годы в Красноярском крае были решены следующие стратегические задачи: освоено месторождение Мессояха, построен двухниточный газопровод Мессояха — Норильск...»

Но об этом по-подробнее.

«Мессояха», этот таинственно приглушенный звук чем-то сродни ценному и редкому северному зверю, зачастил на слуху у газовиков в 1968 году уже в пору выхода советского природного газа на европейский рынок по газопроводу «Братство». Именно в 1968 году была подвергнута первому серьезному испытанию способность теперь уже молодого члена коллегии Мингазпрома В.А. Динкова решать неординарную задачу в необычных условиях. Она была по-военному четко сформулирована министром Кортуновым — в кратчайший срок обеспечить природным газом Норильский горно-металлургический комбинат. И паролем этого, казалось, неподъемного в поставленные сроки задания стала Мессояха. (В ту пору директором Норильского горно-металлургического комбината был пользовавшийся большой известностью и уважением в стране **Владимир** Иванович Долгих, впоследствии секретарь ЦК КПСС по промышленности, курировавший ТЭК.) Враз озвученная газовиками и строителями трубопроводных трасс Мессояха завладела средствами массовой информации. Незадолго до этого, поздравивший газовиков с началом экспорта природного газа в «Европу Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин на сове-

щании в Тюмени не случайно поддержал предложение А.К. Кортунова о решении серьезных проблем энергообеспечения работавшего на угле и испытывающего трудности Норильска. На совещание в Тюмень были собраны в 1968 году те единственные в стране (потом они окажутся первыми в мире), кому решение подобной задачи оказалось по плечу. Спасение виделось в переводе энергообеспечения Норильского комбината и всего Норильского региона с малокалорийного угля на высококалорийный природный газ. Хранили же спасительный газ недра Мессояхи. По сибирским меркам «под боком» у самого северного горно-металлургичсского гиганта, в «каких-то» 260 км с небольшим от него и при переходе, пусть и двумя дюкерами, но «лишь одного Енисея» в 1967 году геологи на глубине 900 м обнаружили Мессояхскую группу северных месторождений природного газа, извлекаемые запасы которых оценивались в 400 млрд $м^3$. И кому, как не Динкову было руководить разработкой этого месторождения. Правда и разработчиков, и строителей газопровода смущала вечная мерзлота заполярной тундры. Ведь ни отечественного, ни сколько-нибудь существенного мирового опыта сооружения газопромысловых объектов и трубопроводов в подобных условиях в природе по-просту не существовало.

За год до тюменского совещания, в октябре 1967 года, прибывшие по инициативе министра нефтяной промышленности В. Д. Шашина на предприятия Главтюменнефтегаза в рамках советско-канадского сотрудничества канадские специалисты поделились своими соображениями и опасениями о проблемах создания нефтегазотранспортной инфраструктуры в условиях полярной вечной мерзлоты. Занимаясь всесторонними исследованиями проблемы неизбежного освоения нефтегазовых богатств Заполярья, они предупреждали о многих непредвиденных технических и экологических сложностях, о фактически неразрешенных технологических проблемах, с которыми им пришлось столкнуться при осуществлении на специальных участках и в лабораториях экспериментальных работ по созданию промысла, сооружению и эксплуатации нефтегазопроводов в суровых арктических условиях на суше в зоне газогидратов. Указывая на капиталоемкость подобных проектов и на их нерентабельность при низких мировых ценах на нефть (в 1967 году стоимость одного барреля едва превышала один дол-

лар, стоимость же 1000 м^3 алжирского природного газа составляла 11 английских фунтов стерлингов), они склонялись к перенесению сроков реализации подобных проектов до лучших рыночных времен.

Этими сведениями на следующий год живо интересовался В.А. Динков, приступивший к выполнению поручений министра. Канадские оценки нисколько не ослабляли решимости наших специалистов и руководителей выполнить важное правительственное задание.

Кстати, ничего о подобных работах в Заполярье не услышали и члены советской делегации во главе с А.К. Кортуновым, посетившие задолго до этого, в 1962 году, США по приглашению Американской Газовой Ассоциации.

Перед штурмом Мессояхи, для выяснения истинного положения дел на месте, министр Кортунов в 1968 году срочно направил в целевую командировку в Канаду Динкова, где он посетил канадский исследовательский центр и полигон по испытаниям трубопроводов в условиях вечной мерзлоты. Надо подчеркнуть, что Алексей Кириллович отличался ещё и тем, что считал необходимыми регулярные посещения Динковым головных предприятий ведущих мировых газовых компаний, чтобы тот из первых рук знакомился с уровнем развития мировой газовой промышленности. Стараниями А.К. Кортунова это стало возможным после преодоления сложностей в этом вопросе, возникших в 1962 году. Он небезосновательно считал, что «Динкову дано увидеть больше», и этим многое сказано. Это позволяло устанавливать с ответственными представителями ведущих зарубежных компаний желанные и для них личные контакты со столь высококомпетентным советским руководителем бурно развивающейся газовой промышленности, что, как показала жизнь, было немаловажным фактором при реализации порою не терпящих отлагательства решений Мингазпрома. (См. воспоминания Э.Г. Одинцовой.)

Франция, Италия, Канада, Австрия, вновь Италия и вновь Канада. Высокорезультативные командировки в эти страны в кортуновскую пору в 1966— 1971 годы заложили важную основу, подтверждая полезность расширения объективно деловых связей с зарубежными странами.

Уже впоследствии стало известно, что открывшие в 1968 году на Аляске крупнейшее месторождение нефти Прад-

хо Бей американцы лишь в 1973 году приступили к строительству Трансаляскинского трубопровода в тундре к незамерзающему морскому терминалу на юге полуострова. Их подстегнул внезапный рост цен на нефть вследствие объявленного арабскими странами эмбарго на поставки нефти в США и в другие страны, выступившие в поддержку Израиля в арабо-израильском конфликте 1973 года. Так что с коварством вечной мерзлоты при сооружении трубопровода американцы столкнулись лишь в 1973 году. Но в 1973 году к началу сооружения нефтепровода на Аляске Норильск уже четвертый год получал природный газ из Мессояхи по газопроводу, уложенному на сваях. Этому героическому свершению предшествовал изнурительный самоотверженный труд тысяч специалистов по созданию газового промысла и прокладке газопровода. Температура зимой доходила до минус 51 °С, превращая тонкую почву тундры в твердый бетон. Как показывали эксперименты, вечная мерзлота, столь удобная в зимнее время материя для движения транспорта, бурения скважин и прокладки траншей с использованием мощной землеройной техники, обнаруживала все свое коварство лишь при прохождении долотом могучей толщи газогидратов. На поверхности же оно обнаруживалось после наполнения поступавшей из скважины нефтью или природным газом уложенной на дно траншеи и тщательно изолированной трубы. К ужасу свидетелей начиналось невообразимое. Из-под покрывавшей траншею насыпи, точно туловище рукотворной «анаконды» или корпус бесконечно длинной подводной лодки, на ставшую зыбкой поверхность начинала всплывать... труба.

Повинуясь законам физики, смерзшаяся вечная мерзлота не могла выдержать испытание теплом в 160 градусов по Фаренгейту (плюс 70 °С), которое выносилось из под вечномерзлых глубин заполярных недр газом или нефтью. Экспериментальный лупинг, заполненный этим теплоносителем, превратил четко очерченную траншею в протяженное болото с бесформенными берегами, между которыми на плаву пульсировала труба. От окружающей среды изоляция ее не оградила. Было ясно, что бурение мощной толщи газогидратов и создание надежно работающего газового промысла таят непредсказуемые последствия.

Для сооружения газопровода требовалось принципиально иное решение. И опытный строитель А.К. Кортунов в 1968 го-

ду выдвинул идею укладки труб Мессояхского газопровода на свайных опорах. Этот конструктивный элемент традиционно широко использовался в отечественном домостроении в условиях вечной мерзлоты. Но, одно дело апробированное на практике сооружение дома на свайном фундаменте с учетом периодических сейсмических возмущений и совсем другое дело беспрецедентное размещение пульсирующей трубы на сваях. Выбор диаметра трубы в 720 мм был не случайным. Этот диаметр был впервые апробирован в стране на трассе Ставрополь — Москва, пуск которой состоялся в декабре 1956 года.

Столкнувшись с этой проблемой в 1973 году, американцы решали ее с поистине американским техническим размахом. Посетившая Аляску в 1976 году с краткосрочным визитом по исследованию вечной мерзлоты группа советских специалистов в составе Ю.П. Баталина, О.М. Иванцова и других сделала описание сооруженного американцами нефтепровода. Более 600 км его линейной части (почти половина общей протяженности) было уложено на стальных свайных основаниях, каждое из которых представляло сложную инженерную конструкцию, отвечающую жестким требованиям космических технологий. Каждое основание представляло автономную холодильную установку, упреждающую растепление грунта вечной мерзлоты от воздействия высокой температуры прокачиваемой нефти (72 тысячи свайных оснований — столько же фреоновых холодильников) .

У В.А. Динкова и его коллег эти сведения вызывали инженерный восторг. Успокаивало лишь то, что выбор американцев подтвердил правильность принятого решения об укладке мессояхского газопровода на сваях. Понятное дело, оснащение каждой опоры холодильной установкой было роскошью не по нашему карману, и в дальнейшем при сооружении новых трасс удачно сложившийся тандем Василий Александрович Дин-ков — Юрий Петрович Баталин помогал находить оптимально экономичное решение этой проблемы.

Трудно возразить против того, что построенный впервые в мировой практике за Полярным кругом газопровод на сваях не был безукоризненным. Но последующие наблюдения эксплуатационников Норильскгазпрома совместно со специалистами научно-исследовательских и проектных институтов позволили разработать и воплотить при сооружении второй и особенно

третьей нитки ряд новых технических решений, направленных на повышение эксплуатационной надежности надземного газопровода и позволивших практически исключить вибрацию труб.

Инженерное воплощение Мессояхского проекта осуществлялось под руководством В.А. Динкова. Ему *же* персонально было поручено и решение проблемы создания газового промысла в зоне газогидратов. Инженерные раздумья В.А. Динкова вместе с группой специалистов и ученых привели к изобретению «Способа разработки газогидратной залежи». Авторское свидетельство № 390257 на этот способ В.А. Динков вместе с соавторами оформил лишь через год успешной работы промысла. Комитет по делам изобретений и открытий при СМ СССР выдал авторское свидетельство с приоритетом от 12 августа 1970 года и зарегистрировал в Государственном реестре изобретений 20 апреля 1973 года. При надлежащем отношении в те годы к коммерциализации интеллектуальной собственности и доведении статуса этого документа до патента с соответствующей проработкой вопроса патентоведами, в первую очередь в таких странах, как Канада, США и др., и авторы, и наша страна могли бы получить немалое вознаграждение. Дальнейшее же развитие с каждым новым десятилетием этой, всё более актуальной проблемы обернулось бы ещё большими обретениями. Но история не терпит сослагательного наклонения. Как и в множестве других случаев, для изобретателей дело кончилось вручением авторского свидетельства и, конечно же, положительными эмоциями. Оформление же патента с учетом требований национальных законодательств потенциально возможных покупателей требовало, страшно было подумать, определенного расхода «свободно конвертируемой валюты», как, ужесточая интонацию на каждом из этих трех, освященных трепетным восприятием государственных служащих словах, напоминали соответствующие специалисты из Союзпа-тента и Лицензинторга. К тому же, на дворе было начало 1973 года и тт,оны на нефть на мировом рынке едва сдвинулись с отметки в 1,2 доллара за баррель, что означало меньше 9 долларов за тонну. Соответственно невысокими были и цены на природный газ. А то, что к декабрю того же года нефть вздорожала десятикратно и восходящая ценовая кривая остановилась лишь в 1985 году на отметке 28—30 долларов за баррель,

соответственно 204—220 долларов за тонну и, что реализация изобретения способна через несколько лет обернуться дополнительной валютной прибылью, мало кого волновало. «Валюта нужна сегодня», — популярно объясняли робким ходатаям из министерства и об этом напоминали всё более жесткие требования руководства страны. «Больше нефти и газа!», — гласили и яркие плакаты... Вопроса — «почему?» — никто не задавал, точнее, не посмел задать. Все понимали без дополнительных объяснений — мы .живем в капиталистическом окружении и понимаем, что стране нужна валюта для укрепления военно-промышленного потенциала страны. Единственными же источниками её поступления в огромную страну с поголовно грамотным населением и, «несть числа» докторов и кандидатов всех наук, были, и увы, остаются всё те же нефть и природный газ. Правда, последнее десятилетие страна не стояла на месте. В переживаемое время поубавилось грамотных. И у нас есть с кем и с чем эту печальную реальность сравнивать. Кстати, и сегодня, тридцать лет спустя не поздно начать коммерческую проработку вопроса возможной реализации указанного «ноу-хау».

Таких, подтвержденных авторскими свидетельствами изобретений у Василия Александровича был добрый десяток (см. стр. 385—389). Их появлению в жизни инженера Динкова предшествовали скромные рационализаторские предложения, подкрепленные удостоверениями шестидесятых годов (см. стр. 378—383). В те далекие годы, полный созидательной энергии и уже набравший производственного опыта молодой начальник Краснодарского управления магистральных газопроводов Главгаза СССР неустанно занимался тем, что стало его пожизненным «хобби», усовершенствовал устаревшие инженерные схемы, создавая новые и новейшие. Что касается материальных поощрений этой деятельности, то они были символическими. Но все окружающие были единодушны во мнении, что лично для Василия Александровича главная награда за полезную инициативу это её свершение.

Американский журнал «Ворлд Ойл» в июньском номере 1999 года в редакционной статье Перри Фишера отметит поздние прозрения американских специалистов в оценке крупного и единственного в мировой практике достижения специалистов тогдашнего СССР в освоении мессояхского газового мес-

торождения. Отмечая в конце XX-го века повсеместно возросший интерес к газогидратам, они через много лет выражают искреннюю восторженность осуществленным в 1969 году в советском Заполярье прорывом и сетуют, что такое важное событие, как разработка газового месторождения в зоне газогидратов заполярной тундры, не нашло должной оценки в мире газодобытчиков. Так, через тридцать лет после осуществления инженерного подвига миру вновь напомнили о достижении нашей страны.

Но мы-то знаем, кому министр Кортунов поручил осуществить эту блестяще реализованную, дерзкую, и по сегодняшним меркам, идею. Об этом выразительно напоминают фотографии, запечатлевшие Василия Александровича непосредственно на участке газового промысла и трассе газопровода в те далекие дни и ночи 1968— 1969 годов.

Американское признание успеха нашей страны пришло лишь через 30 лет со дня опубликования в октябре 1969 года фотографии министра А.К. Кортунова в мирной беседе с начальником Главного управления по добыче газа В.А. Динковым на покоренном промысле в заполярной Мессояхе. Их надежный тандем не дал ни единого сбоя. Когда одолеваемый тяжелым недугом министр на время покидал «поле боя», надежные знания В.А. Динкова доводили замысел Алексея Кирилловича до успешного завершения. В напряженнейшие дни подготовки и прокладки двух дюкеров через Енисей в марте и мае 1969 года Василий Александрович перенес свой «кабинет» на берега Енисея. Его крупная фигура, увенчанная беретом электросварщика, как бы подчеркивала всю важность и серьезность именно этого осуществляемого строителями участка работы. Ведь именно ему принимать объект от строителей. И от того насколько надежен сварной стык зависит и надежность бесперебойного поступления газа потребителю. Следует отметить, что отношения между строителями и эксплуатационниками всегда отличались взаимной уважительностью, однако, это никак не ослабляло взаимной требовательности к качеству работ. И хотя не без нервов спланированная работа не вызывала опасений срыва, беспокойство не убывало до дня сдачи объекта эксплуатационникам.

Приумноженный Мессояхой, уже накопленный в стране опыт обогатился уникальными знаниями по сооружению в ус-

Трудные мгновения принятия решений при сооружении газового промысла на месторождении природного газа в Заполярной тундре Мессояхи. Мессояха, 1968 г.

Через 30 лет после этой фотографии, запечатлевшей в октябре 1969 года министра А. К. Кортунова в беседе с начальником Главка по добыче газа В. А. Динковым на промысле в заполярной Мессояхе, в редакционной статье июньского номера американского журнала <<Ворлд Ойл» будет отмечено позднее признание в оценке единственного в мировой практике достижения по освоению заполярного месторождения природного газа в зоне газогидратов

ловиях вечной мерзлоты головных объектов, нарождающейся в стране дальновидными усилиями В.А. Динкова Единой Системы Газоснабжения (ЕСГ) страны. Мессояха предрекала и символизировала первые сотни километров тех многотысячекилометровых трасс почти полутораметрового диаметра, по которым в следующие десятилетия природный газ севера Тюменской области начнет свое победоносное и, как показала жизнь, спасительное для экономики страны движение.

То, что создание Единой Системы Газоснабжения возглавил именно В.А. Динков, отвечало интересам самой идеи.

«Понятно, что подобная привлекательная идея рождается не в одночасье, осеняет не единственную творческую натуру и

не одного масштабно мыслящего специалиста. Но безусловно то, что эта, казавшаяся на поверхности и побуждающая амбициозные претензии на приоритет идея именно В.А. Динковым была глубоко и всесторонне осмыслена и с использованием обширных знаний облечена в стройную и жизнестойкую Систему. Безошибочно ориентируясь в технике и технологии и уже завоевав репутацию надежного руководителя, он решительно возглавил реализацию этого грандиозного проекта, оказавшего и продолжающего оказывать огромное влияние на всю страте-' гию развития газовой промышленности нашей огромной страны тех лет и стран сегодняшнего Союза независимых государств...». И с этим мнением **Владимира Ивановича Халатина,** одного из коллег В.А. Динкова, бывшего главного инженера Главтрансгаза, нельзя не согласиться.

Отметим, что Единая Система Газоснабжения СССР проектировалась, создавалась и эксплуатировалась как единый технологический объект, не принимая во внимание административно-территориальное деление СССР, в том числе и республиканские границы. В результате были получены значительные преимущества с точки зрения экономичности системы. Общесистемные резервы включали и крупнейшие подземные хранилища газа. Образование в начале 1990-х годов независимых государств и разделение системы на подсистемы привели к формированию таких связей, как «поставщик — потребитель», что нисколько не умалило главное достоинство ЕСГ, заложенное ее авторами.

К началу XXI века лишь в Российской Федерации Система объединила 68 газовых месторождений с запасами более 18 трлн $м^3$, более 140 тыс. км магистральных газопроводов, по трассе которых сооружено 245 компрессорных станций с суммарной мощностью установленных на них агрегатов 40 млн кВт. Подобных аналогов промышленный мир не знает.

Но вернемся к воспоминаниям Г.С. Гуляевой. «Приобщение Норильска к газовому топливу, — пишет Г. С. Гуляева, — решило две кардинальные задачи — оно позволило высвободить с тяжелых подземных работ около семи тысяч шахтеров и оздоровить воздушный бассейн города Норильска, где, как везде на Крайнем Севере, наблюдалось кислородное голодание.

)Был построен газопровод Таас — Тумус — Якутск — Бел-стях с теми же результатами, что и в Норильске. Тогда же

была полностью решена проблема газоснабжения г. Ленинграда и области, Белоруссии и всей Прибалтики, где до этого в зимние периоды испытывался серьезный топливный голод. Теперешним руководителям Прибалтики следовало бы помнить об этом, осеняя себя крестом в костеле, не забывать, что во всех существующих религиях неблагодарность считается одним из самых больших пороков.

Во всех этих свершениях отрасли самое непосредственное участие принимал В.А. Динков. Он обладал невероятной работоспособностью, а успешному решению проблемы радовался, как полученной награде. Такими были наши руководители, и старались быть все мы.

В переживаемое непростое время я вспоминаю всех, с кем мне пришлось работать, встречаться на совещаниях, получать одобрения, а иногда и испытывать удары судьбы, и чувствую себя человеком счастливым, потому что и мои скромные усилия пошли на благо Родины, перед которой мы все в неоплатном долгу.»

В 1971 году по инициативе Государственного комитета СССР по науке и технике и по настоянию А.К. Кортунова, в рамках соглашения о советско-канадском научно-техническом сотрудничестве в Канаду прибыла делегация специалистов нефтяной и газовой промышленности. Руководителями делегации были два замминистра: нефтяной промышленности Р.Ш. Мингареев и газовой В.А. Динков. Это был его второй визит в страну.

Целью командировки было более широкое ознакомление с канадскими достижениями в разработке нефтяных и газовых месторождений в полярных условиях, а также с их опытом трубопроводного транспорта нефти и газа в условиях вечной мерзлоты. Надо отметить, что научные отраслевые планы, подготовленные ГКНТ СССР, предусматривали значительное повышение к 1975 году технического уровня и технико-экономических показателей сооружения и эксплуатации магистральных газопроводов и нефтепроводов, а также их широкую автоматизацию. К примеру отмечалось, что в 1965 году протяженность магистральных газопроводов в США превысила 350 тыс. км, а протяженность распределительных сетей составила более 700 тыс. км. Ознакомление с оснащением разработки газовых месторождений в условиях вечной мерзлоты под-

твердило высоконадежный уровень применяемого оборудования и средств автоматики. Вместе с тем стало ясно, что в вопросах технологии освоения газовых месторождений наша страна не только не уступает канадцам (а по сути дела американцам, так как оборудование и технология в основном американские), но в чем то важном и опережает их достижения.

Особенное впечатление на канадцев произвело сообщение В.А. Динкова о разработке Мессояхского месторождения.

Канадцы лишь начинали рассуждения об арктическом трубопроводе «Полар Гэс» и ещё долго будут топтаться на месте, ограничиваясь лабораторными и полигонными испытаниями, сбором материалов на международных конференциях, внимательно выслушивая доклады советских специалистов, прежде чем приступят к реализации этого проекта. Но к тому времени в нашей стране уже были построены тысячи километров газопроводов диаметром 1420 мм на давление 75 атмосфер, а творческая мысль заместителя министра В.А. Динкова в середине 1970-х годов ставила перед исполнителями задачу выхода на давление в 100 атмосфер и более с использованием труб повышенной прочности.

Интересными воспоминаниями о В.А. Динкове поделился бывший заместитель министра газовой промышленности СССР и до этого назначения начальник Управления внешних сношений Мингазпрома **Степан Романович Дережов,** проработавший с ним, без малого, 20 лет со времени организации Мингазпрома до февраля 1985 года, когда В.А. Динков был назначен министром нефтяной промышленности СССР. «Отличительной чертой Василия Александровича, как и его руководителей, на смену которым он вступил в руководство отраслью, — подчеркивал С.Р. Дережов, — была приверженность государственным интересам. Это был истинный государственник и ответственный государственный деятель. Глубоко разбираясь в технических тонкостях профессии инженера по разработке, эксплуатации газовых месторождений и трубопроводному транспорту газа, Василий Александрович был и высоко компетентным специалистов в области экономики газовой промышленности. Эти уникальные знания придавали ему чувство абсолютной уверенности на переговорах с высокопрофессиональными представителями крупнейших зарубежных компаний, таких, как италь-

На снимках руководители делегации: заместитель министра нефтяной промышленности Р.Ш. Мингареев, заместитель министра газовой промышленности В. А. Динков и сопровождающие их специалисты на объектах нефтегазовой промышленности Канадской Аляски и в дружеской атмосфере канадцев. Канада, зима, 80-я широта, 1971 г.

янская ЭНИ, немецкие «Маннесман», «Ругаз» и другие. Он был в высшей степени надежным и очень ценным партнером для руководства Министерства внешней торговли СССР на переговорах по экспорту нашего природного газа в европейские страны, в обсуждениях и заключении соглашений по так называемым обменным операциям с Ираном с сооружением за рубежом силами нашей страны магистральных газопроводов, оснащенных советским оборудованием с использованием советских материалов. Незаменимой была его роль при заключении крупномасштабных сделок на поставку для нужд Газпрома импортного турбокомпрессорного и иного оборудования, средств

автоматики, различных материалов и труб. Он пользовался высоким авторитетом и у А.К. Кортунова, и у министра С.А. Оруджева и всегда успешно выполнял их поручения и особенно частые поручения М.Г. Кортунова по проведению важных международных переговоров в стране и за рубежом. Его мнение становилось окончательным вердиктом в судьбе того или иного контракта.»

Степан Романович рассказывал о первой в СССР сделке с участием начальника Главгаздобычи В.А. Динкова, который вскоре стал заместителем министра, на поставку в нашу страну иранского газа в соответствии с Советско-Иранским межправительственным соглашением. По подписанному контракту в страну из Ирана на приемный пункт в Астару в 1971 году стало поступать 10 млрд $м^3$ газа в год и это помогало решать наши внутренние проблемы в Закавказье и за его пределами.

О тесном сотрудничестве с Василием Александровичем в это же время по организации приемки и распределению иранского газа между республиками Закавказья вспоминает и бывший заместитель министра нефтяной промышленности **Шаген Саакович Донгарян.**

«В книге воспоминаний о Василии Александровиче, — пишет Ш.С. Донгарян, — мне хотелось бы рассказать о некоторых эпизодах нашей совместной работы и как можно достойней отразить его незаурядные инженерные, организаторские, управленческие способности, рассказать о Динковском стиле работы, о его требовательности, обязательности, настойчивости и объективности.

Летом 1971 года, находясь на трассе строящегося, как всегда «горячего», нефтепровода Узень — Гурьев, я был вызван в Москву министром нефтяной промышленности В. Д. Шашиным. Срочное дело заключалось в том, что по вине советской стороны возникла угроза выполнению советских обязательств по Советско-Иранскому соглашению о поставках иранского газа в СССР. Выяснилось, что не в пример иранской стороне, где в четком соответствии с графиком трудились советские строители, на нашей территории строительные и монтажные дела шли из рук вон плохо. Обнаружился огромный объем незавершенных работ. По этой причине 10 млрд м' иранского газа в год, предназначенного для коммунальных нужд Азербай-

джана, Армении, Грузии, Украины, могли не дойти до потребителей в срок. В предвкушении же иранского природного газа в Азербайджане прекратили прием традиционного используемого попутного нефтяного газа, пустив его на факела, лучезарные всполохи которого покрыли весь Апшерон и предприятия Каспморнефти. Министр нефтяной промышленности незамедлительно обратился в Совет Министров СССР с просьбой срочного решения возникшего казуса. Парадоксальность ситуации в том, что расплачиваясь за иранский газ валютой, мы не менее, а в некоторых случаях и более ценный нефтяной газ предпочли сжигать в факелах...»

Срочным решением Совета Министров заместителям министра двух министерств В.А. Динкову и Ш.С. Донгаряну с предоставлением широких полномочий было поручено решить все возникшие проблемы с выездом на места. В четыре полных дня в тесной связке с Василием Александровичем была рассмотрена вся проектная документация советской части общего Советско-Иранского проекта, проведены тщательнейшие консультации газовиков, энергетиков, нефтяников, железнодорожников, моряков, строителей, подготовлены и подписаны планы соответствующих мероприятий.

С утра пятого дня выехали на трассу газопровода, подробно знакомясь с состоянием линейной части, компрессорных станций. Маршрут проходил через Азербайджан, Грузию, по Военно-Грузинской дороге через Осетию и завершился в Грозном. В сложных переговорах с представителями местной власти, инженерами, техниками, учеными Василий Александрович предстал крупным специалистом с огромными инженерными знаниями во всех областях знаний, связанных с разработкой месторождения, транспортом природного газа, его утилизацией. (Много позже, в 1985 году, когда он стал моим непосредственным руководителем — министром нефтяной промышленности, я обнаружил его глубокие профессиональные знания и в нефтяной отрасли.) На месте приходилось принимать сотни технических и технологических решений, руководящих указаний, и он решительно и ответственно подписывал соответствующие поручения и предписания. Менее чем через два месяца, — продолжал Ш.С. Донгарян, — уже использовался и свой попутный газ, и импортный природный газ из Ирана. Так, в невероятно короткий срок было выполнено срочное решение

правительства и обеспечено сбережение миллиардов кубометров попутного нефтяного газа.»

С.Р. Дережов подробно остановился на втором соглашении, заключенном в 1975 году при активнейшем участии В.А. Динкова, уже заместителя министра газовой промышленности. «Это был серьезнейший экзамен. Экзамен на зрелость нашей газовой отрасли решать проблемы многостороннего торгово-экономического и технического сотрудничества», — подчеркивал Степан Романович. Речь шла об упомянутой обменной операции, предусматривающей получение на приемный пункт в Астару 20 млрд $м^3$ природного газа в год и поставку в Германию АО «Рургаз» того же объема в сопоставимых единицах калорий, но уже советского газа. В обмен на полученный из Ирана. В выгоде оказывались все три стороны — участники переговоров: Иран получал возможность подписывать контракты на экспорт своего природного газа в Европу; наша страна зарабатывала на «транзитных услугах» (как, если бы иранский газ транспортировался по нашим трубам), поставляя европейскому партнеру Ирана свой газ той же калорийности; выгода «Рургаза» была в диверсификации источников поставок природного газа, создании ценовой конкуренции и обретении надежного торгово-экономического партнера в важной сфере экономики. Техническую экспертизу всей этой гигантской сделки, которая была окрещена «сделкой века» в тесном сотрудничестве с руководством УВС министерства осуществлял Динков. Он блестяще справился с этой беспрецедентной в практике страны задачей, используя все свои преимущества, включая и самые неожиданные. В качестве иллюстрации к сказанному можно привести воспоминания Владимира Ивановича Халатина, крупного специалиста по транспорту газа, в дни инспекционной поездки в Закавказье, куда во главе с заместителем министра Динко-вым В.А. прибыла группа специалистов Мингазпрома. Обеспокоенные ходом выполнения обязательств министерства по выполнению Советско-Иранского межправительственного договора газовики прибыли на строительную площадку компрессорной станции в Кази Магомеде, районном центре Азербайджана. Эту станцию по кооперации со странами СЭВ строили специалисты из Болгарии. «Возникшие споры о сроках поставки упирались в претензии болгарских строителей к оплате их труда, — вспоминал В. И. Халатин. — Нашу делегацию из Мо-

сквы они встретили с заведомо согласованной позицией и готовы были отстаивать ее, не поддаваясь уговорам. Каково же было их изумление, когда с вескими контраргументами к ним обратился заместитель министра газовой промышленности СССР... на чистейшем болгарском языке.»

Надо ли быть провидцем, чтобы понять, что инцидент был исчерпан, а станция выстроена в срок.

В торжественной процедуре начала прокачки первого иранского газа принял участие шахиншах Ирана. Оба контракта с Ираном успешно действовали на протяжении многих лет и сыграли непреходящую роль во взаимовыгодном долговременном торгово-экономическом сотрудничестве. К сожалению, как и в первом случае, в результате политических событий в Иране (форсмажорные обстоятельства) в конце 1970-х годов контракты были в одностороннем порядке расторгнуты иранской стороной.

Задолго до этого были предприняты решительные шаги по выходу советского природного газа на европейский рынок на основе двусторонних соглашений. Здесь техническую экспертизу осуществляли начальник Главгаздобычи — заместитетель министра В.А. Динков и начальник УВС С.Р. Дере-жов. Предпринятым по поручению министра Кортунова зондажем в предварительном порядке была выявлена заинтересованность Италии, Австрии, Германии в импорте советского природного газа и состоялось ознакомление с состоянием коммуникаций в этих странах. Подготовленная докладная записка, доведенная А.К. Кортуновым до внимания А.Н. Косыгина, обернулась постановлением правительства на проведение с этими странами под эгидой Минвнешторга коммерческих переговоров. Их успешное завершение положило начало реализации крупных сделок, позволивших в ускоренном темпе в счет потенциальных экспортных поставок газа оснастить мес-торожденья Медвежье, Уренгой, Ямбург импортным оборудованием и с использованием импортных труб по схеме газ — труба задействовать огромный газодобывающий и экспортный потенциал страны. «Нам приходилось выдерживать настойчивые требования руководства Минвнешторга отдать предпочтение коммерческим предложениям конкурентов, оборудование и трубы которых уступали в цене. Но Василий Александрович, имевший полномочия министра, был непре-

клонен» — вспоминает С.Р. Дережов. «Скупой платит дважды».

«В нередких встречах с внешторговцами В.А. Динков неустанно повторял: «Мы должны иметь оборудование и трубы лучшего качества, повышенной надежности и долговечности, ибо труба диаметром 1420 миллиметров при давлении 75 атмосфер — это огромная бомба, взрыв которой погребет под себя не только всю экономию на разнице в ценах, но и всех «экономистов».

И что бы не говорили наши критики, а магистральные пятидесятишестидюймовые и иже с ними уже перешагнули тридцатилетний возраст и продолжают работать. Исправно работать на реформу, адекватно отвечая за проявленную при их рождении заботу о качестве, надежности и долговечности.»

Степан Романович Дережов рассказывал и о совместных с В.А. Динковым командировках в европейские страны. Их пребывание в Италии навеяло мне мои личные и услышанные от моих итальянских коллег впечатления от этого визита.

Читателю была бы интересна история знакомства итальянских специалистов с В.А. Динковым, рассказанная в Италии переводчиком русского языка на крупном специализированном предприятии по производству насосно-компрессорного оборудования «Нуово Пиньоне» во Флоренции, господином Терликером, с кем автору приходилось довольно часто встречаться с начала 1970-х годов в дни многолетней работы в Италии по линии Минвнешторга.

Крупнейшее итальянское машиностроительное предприятие, входящее через систему холдингов в Национальный итальянский концерн углеводородов (Энте Национале Идрокарбуни, ЭНИ), было в высшей степени заинтересовано в получении советских заказов на заводскую продукцию, что могло бы обеспечить весьма выгодное участие в широко разрекламированной, многообещающей советской программе сооружения серии поражающих воображение магистральных газопроводов. И хотя уже установившиеся и успешно развивающиеся советско-итальянские торгово-экономические отношения в определенной степени предрекали итальянцам желанный успех, их легко объяснимое волнение до дня подписания контракта не ослабевало. Будучи вполне конкурентоспособным предприятием, завод, его администрация, вместе с тем, предпринимали

Дружеский ужин в дни пребывания делегации специалистов Мингазпрома в Италии. Руководитель делегации, член Коллегии министерства В. А. Дин-ков. Рим. 1970 г.

через руководство ЭНИ неослабевающие усилия по всесторонне (как им казалось) продуманной процедуре обхождения влиятельных советских гостей из обеих столиц: Рима (аппарат Торгпредства и посольства) и Москвы (руководство Минвнешторга, Мингазпрома, Миннефтегазстроя, Миннефтепрома, ГКНТ).

Общепризнанные ценители красоты, итальянцы, умело и традиционно красиво обставляли важные встречи, деликатно подкрепляя впечатления от несомненных достижений машиностроителей изысками великолепного итальянского изобразительного и оперного искусства в прекрасных картинных галереях, музеях и в оперном театре — миланском «Ла Скала».

Прибывшие в Италию для переговоров с итальянскими компаниями по вопросу об экономическом сотрудничестве в сооружении транснациональных газопроводов на базе открытых в Тюменской области крупнейших в мире газовых месторождений заместитель министра газовой промышленности В. А. Динков и начальник У ВС Мингазпрома С.Р. Дережов на пути в итальянский государственный концерн углеводородов (ЭНИ). Милан,
1971 г.

Так вот, насколько я его знал, уравновешенный немец Терликер, работавший переводчиком русского языка на итальянском «Нуово Пиньоне», тщательно выбирая выражения, не умаляющие достоинства итальянских хозяев, поминутно по-итальянски вскидывая руки, возведенным взором призывая в свидетели небеса и непрестанно хохоча, рассказал мне подробности ошеломляющей встречи на «Нуово Пиньоне» с «инженьере Динков» (с ударением на «и»). Дело в том, что итальянцы, вконец несколько избалованные участившимися, в основе своей, протокольными визитами советских должностных лиц — верный признак приближающегося подписания контракта, — попросту не придали особого значения сообщению своего руководства о том, что планирующий в конце 1970 года посетить завод заместитель министра газовой промышленности СССР намерен ознакомиться с инженерным уровнем заводской продукции потенциально возможных партнеров. Итальянское восприятие статуса гостя по многолетнему опыту предполагало не столько сколь-либо серьезное обсуждение, сколько традиционное информирование замминистра о достигнутом уровне производства и параметрах производимого оборудования. Не станет же, отягощенный заботами заместитель министра стремительно развивающейся газовой промышленности огромной страны интересоваться большими подробностями в почти предрешенном вопросе. На том, видимо, порешив, они , источали дружелюбные улыбки, сопровождая ими теплые рукопожатия/°" ^„ , ; '"ж-

Но' случилось непредвиденное. При первых же вопросах этого столь"непохожего на всех остальных своей дотошностью «инженьере Динков» по ту сторону стола обнаружилось легкое-замешательство. Характер вопросов, их аргументация, инженерная эрудиция вопрошавшего не оставляли сомнения, что перед ними один из тех самых, как их называют американцы,;? «эгги» («яйцеголовых») — могучих советских интеллектов, которых по разным, подчас надуманным, предлогам очень неохотно выпускали в заграничные командировки и тем более в капиталистические страны. Встреча с ними для иностранных коллег столь же неожиданна, сколь и ответственна. Но рассуждения рассуждениями, а отвечать на поставленные вопросы все же надо. ...После некоторого замешательства и нескольких спешных рокировок, за итальянской половиной стола появи-

лись совершенно не предполагавшиеся для участия в переговорах главные конструкторы компрессоров и насосов, каждый с группой узких профессионалов поузловых расчетов и конструирования, материаловедов и технологов... То, что происходило затем, мой итальянский знакомый переводчик, не переставая хохотать, назвал одним хорошо известным испанским словом «коррида», в которой «инженьере Динков» был блистательным тореадором. Ни до, ни после этого визита на «Нуово Пиньоне» ничего подобного не происходило. Впечатление было настолько сильным, что все последующие годы, когда у Машиноим-порта возникала необходимость в дозакупке оборудования для Мингазпрома и даже Миннефтепрома, то, предлагая свою продукцию, итальянцы начинали со слов, что предлагаемую конструкцию весьма одобрительно оценил «инженьере Динков». Так, к многозначительному и чтимому в итальянском обществе понятию «инженьере» у работников ЭНИ в 70-х годах XX века прибавилось представление о его превосходной степени — «инженьере Динков».

Знать бы им, этим восторженным иностранцам, как непросто было за много лет до этого выехать в служебную командировку заграницу по животрепещущим проблемам своей профессии этому удивительному «инженьере». В 1962 году, только назначенный начальником Краснодарского управления магистральных газопроводов Главгаза СССР, В.А. Динков, к всеобщему удивлению коллег, был вычеркнут «блюстителями чистоты рядов...» из списка делегации специалистов газовой промышленности, приглашенной Американской Газовой Ассоциацией посетить США. Интерес к командировке не требует пояснений. Американцы удивляли мир своими достижениями в газовой и нефтяной промышленности.

В США газовые компании стали одними из первых социально-ориентированными. Объектом регулирования был также транспорт газа. С 1954 года там были установлены единые относительно низкие цены на границах штатов.

Достаточно напомнить, что в 1962 году в США добывалось столько же природного газа, сколько за все восемнадцать послевоенных лет, начиная с 1945 года было добыто в нашей стране, чтобы понять интерес к американским коллегам.

Россия в это время лишь начинала разворачивать широкое освоение газоперспективных районов. Однако отстоять наме-

рение Главгаза командировать в США одного из талантливых и пытливых молодых специалистов газовой промышленности в совершенно очевидных интересах страны не помогли даже специальные ходатайства самого Алексея Кирилловича Кортунова, к тому времени пятый год руководившего Главгазом СССР. Видите ли, отец В.А. Динкова, доброволец Красной Армии с первых дней войны, вместе с миллионами таких же как и он горемык оказался в плену у немцев. А то, что пленены были целых три армии, и, что это был результат, как показали историки, бесславной операции верховного командования под Харьковым в мае 1942 года, СМЕРШ в расчет не принимал. А он был всесилен. И даже в 1962 году не помогло, что речь шла о командировке в США добровольца Красной Армии с 1942 года, участника Великой Отечественной войны, военная служба которого завершилась лишь в 1947 году.

Отец и сын вернулись в Краснодар почти одновременно в том же 1947 году. О том, что было пережито Александром Георгиевичем в немецком плену, а потом после окончания войны в советских дефильтрационных лагерях до дня освобождения, редко кто из родных мог услышать от него горькую правду.

Что же касается несостоявшейся командировки Динкова в США, то «свято место пусто не бывает», и оно с превеликим удовольствием было занято энергичным представителем тех самых «блюстителей чистоты», чье охотно красующееся самодовольное выражение лица на коллективной фотографии прибывшей в США делегации, на лесенке трапа прилетевшего из Москвы самолета, отпечатанной на 52-й странице прекрасной книги жизнеописания организатора газовой промышленности Алексея Кортунова, это не больше, чем неизбежная визитная карточка страны тех лет.

Думается, из тех же неприглядных страниц нашей истории и побудительный мотив несостоявшегося в 1963 году награждения достойного специалиста медалью лауреата Ленинской премии, при всей неоспоримости его личного вклада именно в «комплексное решение проблемы эксплуатации и развития газовых и газоконденсатных месторождений в Краснодарском крае», как было сформулировано в решении комитета по премиям. Тогда, следуя часто напоминавшим о себе законам жанра, наградили непричастного и хотелось бы верить, что общество оставило этот кошмарный сон в прошлом.

Первая правительственная награда в 1966 году — орден Ленина за достигнутые успехи в выполнении заданий семилетнего плана — застала Василия Александровича, работающим начальником Главгаздобычи, в Москве. Вместе с большой группой награжденных сотрудников Мингазпрома СССР во главе с министром Алексеем Кирилловичем Кортуновым он был приглашен в Кремль, где в торжественной обстановке получил достойную награду. Сам факт высокой награды означал, что тягостное «табу», довлевшее со времени трагедии отца в Великой Отечественной войне безвозвратно кануло в вечность.

В год, когда министр А.К. Кортунов ставил задачи уже перед В.А. Динковым, заместителем министра, добыча газа в СССР подошла к отметке в 200 млрд $м^3$, и этим достижением можно было гордиться.

Ведь за истекшие десять лет почти из небытия, на глазах у изумленного делового мира, на огромных пространствах девственно нетронутой, неухоженной Сибири рождалась нефтегазовая индустрия, которая ещё заставит о себе говорить весь мир. Но... достигнутый в 1970 году уровень добычи уступал американскому более чем в три раза. Успокаивало лишь то, что разрыв всё же сократился. Однако и В.А. Динков, и его посвященные коллеги понимали, что в мировом газовом марафоне победа будет за нашей страной. Уж слишком обнадеживающими были, до поры до времени, неразглашаемые достижения геологов, успешно обеспечивавшие прирост не поддающихся представлению колоссальных извлекаемых запасов природного газа на севере Тюменской области.

Следует отметить, что 1970 год был ознаменован крупным событием в становлении газовой промышленности. В признании очевидных успехов отрасли в нашей стране в Москве в торжественной обстановке был открыт и проведен Международный газовый конгресс с участием нескольких десятков стран и международных организаций. Он сопровождался представительной выставкой и прошел под знаком преимущества достижений нашей страны. На конгрессе наиболее интересным был признан зачитанный доклад В.А. Динкова об освоении Мессояхского месторождения. Однако не все сообщения Мингазпрома встретили восторг его участников. Не обошлось без развенчания, казавшейся авантюрой, вынашиваемой в стране с конца 60-х годов, идеи сооружения гипертрубопровода диамет-

После вручения правительственных наград в Георгиевском зале Кремля. Начальник Главгаздобычи В.А. Динков, награжденный первым орденом Ленина за активное творческое участие в составлении комплексного технологического проекта опытно-промышленной эксплуатации Вуктыльского газоконденсатного месторождениями за успехи в выполнении семилетнего плана с группой награжденных сотрудников Мингазпрома ***СССР.*** *Москва, Кремль, июль 1966 г.*

Экспериментальные трубы диаметром 2,5 м, изготовленные по технологии германской фирмы «Тиссен» (экспонат Международной выставки <<Ин-тергаз->). Москва, 1970 г.

ром 2,5 м. По мысли авторов этот циклопических размеров газопровод предполагалось построить по маршруту Уренгой — Ухта — Торжок протяженностью 2700 км. Расчетная мощность газопровода 100 млрд $м^3$ газа в год при относительно меньших удельных затратах в рублях на тысячу кубометров прокачиваемого газа. Для большей выразительности на территории ВДНХ у павильона «Нефть и газ» был установлен отрезок трубы, прокатанный Волжским трубным заводом на стане, закупленном в Германии. Этот экспонат больше напоминал фраг- мент тоннеля. Такое впечатление усиливалось комфортно размещенным в проеме «Мерседесом». Но сама идея задела за живое чувствительную тему оптимизации диаметра трубы потенциальных трансконтинентальных газопроводов и всколыхнула творческий порыв различных школ, работающих над этим проектом, вызвав бурную дискуссию специалистов при активнейшем участии В.А. Динкова. В столкновении идей и мнений ут-

вердился оптимальный диаметр трубы в 56 дюймов (1420 мм) на давление 75 атмосфер, для газопровода мощностью до 30 млрд мУгод. Так что в определенном смысле авторы циклопической идеи ускорили решение актуальной проблемы. Возобладало мнение, решительно поддержанное и Динковым. В октябре 1970 года он был назначен заместителем министра.

В 1972 году Министерство газовой промышленности СССР возглавил Сабит Атаевич Оруджев, бывший первым заместителем министра нефтяной промышленности.

Профессиональный строитель Алексей Кириллович Кортунов был переведен в руководство Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР. Последние годы он тяжело болел и было горестно видеть, как этот мужественный человек, преодолевая мучительные страдания, не ослаблял волю перед прогрессирующим недугом.

В 1973 году тяжелая болезнь возымела верх, оставив незабываемую память в сердцах всех, кому посчастливилось жить и трудиться с этим удивительным самородком-организатором.

При всей многоопытности пришедшего в Мингазпром Сабита Атаевича, газовое дело требовало специальных знаний, и он увидел в лице Василия Александровича не только надежного заместителя, но и безупречного советника. Их тесное сотрудничество стало важным залогом успеха в деятельности министерства, успеха, с которым связывало далеко идущие планы высшее руководство страны. А 24 декабря 1974 года министр Оруджев, не без приятного чувства, подписал приказ № 54 о присвоении своему заместителю звания почетного работника газовой промышленности. Благо повод оказался более чем подходящий — Василию Александровичу исполнилось 50 лет.

Обострение политической ситуации в мире, вызванное арабо-израильской войной в 1973 году, объявление арабскими странами'эмбарго на поставки нефти в США и их близким союзникам по поддержке израильской стороны и вызванное этим эмбарго в том же году почти десятикратное повышение цен на нефть, а следовательно, и на природный газ мобилизовали все усилия советского правительства на повышение добычи нефти и газа. «Во что бы то ни стало». Руководители нефтяной и газовой промышленности потеряли покой и систематические обсуждения проблемы «изыскания новых резервов» с выездом в нефтегазодобывающие регионы Тюменской области

«Цесант» руководителей нефтегазовой индустрии страны на севере Тюменской области. Слева направо: первый заместитель министра газовой промышленности СССР В. А. Динков, заместитель Председателя Совета Министров СССР В.Э. Дымшиц, министр нефтяной промышленности СССР Н.А. Мальцев, министр газовой промышленности СССР С. А. Оруджев. Тюменская область, 1979 г.

стали для них нормой жизни. Сабит Атаевич, как правило, именно в такие командировки приглашал и Василия Александровича.

Деловой мир, безошибочно оценив абсолютную рентабельность капиталовложений в нефтяную и газовую промышленность, резко увеличил объем инвестиций в эти отрасли. Это в значительной степени усиливало в нашей стране аргументы руководителей нефтяной и газовой отраслей промышленности и их сторонников в Госплане СССР в пользу интенсификации финансирования отраслевых программ разработки нефтегазо-

вых ресурсов и создания соответствующей транспортной инфраструктуры. Не понимать этого, владея всей полнотой информации, было бы непозволительно. И тем не менее для достижения этой цели требовалось не только сложение усилий государственных учреждений, но и подключение пробивной способности руководителей министерств. Очевидно этой способностью и убедительностью аргументов руководство Мингазпрома обладало в большей степени. В газовую промышленность широким потоком стали поступать импортное оборудование и трубы. В результате в отрасли ощутимо возрос темп прироста добычи газа: 1972 год — 221 млрд м^3, 1973 год — 236 млрд м^3, 1974 год - 260 млрд м^3, 1975 год - 290 млрд м^3, 1976 год -320 млрд м^3, и в 1979 году добыча перешагнула 400 млрд м^3 добытого газа.

Этот процесс сопровождался увеличением экспорта газа, поставки которого за рубеж в 1974 году подошли вплотную к 20 млрд м^3, составив 7,7 % союзной добычи. При этом свыше 14 млрд м^3 газа экспортировалось в ФРГ, Италию, Финляндию, что в условиях непрекращающегося после 1973 года повышения цен мирового рынка на жидкие и газообразные углеводороды приносило новые выгоды. В последующие годы экспорт советского природного газа лишь возрос. Как следствие, в страну увеличилось поступление инвалютной выручки.

И 1970-е годы по праву вошли в историю временем всеохватного штурма открытых углеводородных богатств Западной Сибири.

Мировая практика не знала ни подобных масштабов деятельности, ни подобных технических средств и технологических решений, разработанных отечественным инженерным талантом, которые были мобилизованы для достижения жестко поставленной цели.

7 ноября 1980 года за создание принципиально новых блочно-контейнерных газоперекачивающих агрегатов с авиационным приводом и внедрение их в газовой промышленности СССР В.А. Динкову и группе специалистов решением правительства была присуждена Государственная премия СССР.

Этому, без преувеличения, революционному событию в строительстве КС в стране предшествовал комплекс глубоко продуманных мер по изучению имевшегося зарубежного опыта использования на компрессорных станциях газопроводов

газотурбокомпрессорных модулей на базе отработавших лётный ресурс авиационных двигателей. Кстати, он был весьма ограниченным. Держателями ноу-хау были англо-американцы. Первые сведения об использовании подобных модулей на газопроводах в Алжире и предприятиях «Бритиш Гэс» привлекли внимание Василия Александровича ещё в 1975 году. Возникшая идея создания подобных модулей получила поддержку руководства Госплана СССР, и к делу были подключены создато \и отечественных авиамоторов.

Здесь важно отметить, что уже к началу 1970-х годов и В.А. Динков, и Ю.П. Баталии, и их единомышленники видели целесообразность в заинтересованном привлечении к освоению нефтегазовых ресурсов Западной Сибири достижений соответствующим образом зарекомендовавших себя специализированных компаний развитых капиталистических стран. Предлагалось развить успех советско-французского сотрудничества, и к выработке условий сотрудничества были подключены специалисты ГКНТ СССР, Минвнешторга. К такой возможной перспективе подталкивал и уже наработанный опыт общения с зарубежными компаниями, и складывающаяся в мире заинтересованность стран, импортеров топливно-энергетического сырья в диверсификации источников его снабжения.

Следует отметить, что темп работ и их успех были обусловлены ещё одним важным решением. В 1977 году оно было озвучено в ходе очередной поездки в Западную Сибирь Алексеем Николаевичем Косыгиным, принявшим «волевое решение» о срочном сооружении газопровода по обеспечению природным газом Челябинска. Трудонасыщенный и ВПК-ориентиро-ванный Урал с его всевозрастающим энергоемким промышленным производством и нередко несбалансированным энергоснабжением требовал к себе соответствующего внимания. Благо ресурсная обеспеченность Западной Сибири природным газом подтверждалась стремительным темпом все новых открытий. Но, — как об этом пишет в своей книге Ю.П. Баталин, — в условиях уже сверстанной X пятилетки 1976—1980 годов включать в план новую магистраль — значит обрекать «на заклание» трубостроителей.

Строителей больше всего заботил вопрос, как быть с сооружением компрессорных станций? Ведь к середине 1970-х годов высокотехнологичные достижения строителей линейной

части с использованием трудосберегающей технологии комплектно-блочного ввода в эксплуатацию нефтегазовых промыслов, газосборных пунктов никак не подкреплялись практически наработанным темпом сооружения КС в силу технологического несовершенства их проектных решений.

Положение дел спасла дальновидность А.Н. Косыгина, по поручению которого за несколько месяцев до этого, в декабре 1976 года в Лондоне Машиноимпортом был подписан контракт с англо-американским консорциумом «Коберроу» на поставку в страну 42 модулей (по 21 английского и североамериканского производства) для полного оснащения шесть компрессорных станций почти тысячекилометрового (600 миль) участка газопровода на Челябинск. На каждую КС по семь газотурбокомпрессорных модулей единичной мощностью по 18,2 тыс. л. с. Каждый модуль включал в качестве привода отработавший летный ресурс авиационный двигатель «Ролле Ройс Эвон», турбонагнетатель и компрессор компании «Купер Бессемер» и контрольно-регулирующую аппаратуру «Уильям Бразерз». Жесточайшие требования к эксплуатации оборудования формулировал в Москве Василий Александрович. Для ознакомления на английских предприятиях консорциума с первой продукцией в Англию вылетел министр С.А. Оруджев, отведя своему заместителю В.А. Динкову задачу организации приемки КС на трассе газопровода. Менее чем через одиннадцать месяцев после подписания контракта, в октябре 1977 года в порт Мурманск из Ливерпуля был отгружен первый модуль. Появившаяся в январе 1978 года в английском журнале «Эчивмент» («Достижение») статья под общей рубрикой «В Россию с ноу-хау» горделиво поясняла «чья» единственная техника способна конкурентно решать задачу престижного оснащения челябинского, или, как его стали называть, «косыгинского» газопровода. В статье генеральный менеджер «Коберроу» американец Джим Кемпбелл подчеркнул буквально следующее: «Я не уверен в инженерной способности и технологических ресурсах русских найти комплексное решение концепции использования отработавших летные часы авиационных двигателей в деле оснащения ими КС...».

Автор был преисполнен уверенности в недостижимом техническом превосходстве, предопределял место заказчика и отношение к нему, акцентируя внимание на благоприятную

коммерческую перспективу консорциума в нашей стране, щедрость заказа (100 млн фунтов стерлингов, по курсу, 190 млн долл.). Нашим техническим специалистам отводилась лишь роль удовлетворенного пользователя импортной продукции. Долговременные поставки «неповторимых» блочных установок газотурбокомпрессорного оборудования для оснащения КС уникальных 56-дюймовых магистральных газопроводов сулили поставщикам огромные преимущества, которых они не намеревались уступать и в будущем.

Тщательно спланированный внешнеторгово-строительный конвейер заработал без сбоев, несмотря на заболоченность, обводненность трассы, наличие таких водных преград, как Иртыш, Обь, и на выдавшуюся суровую зиму 1978—1979 годов.

Руководитель строительства Ю.П. Баталин. Главный приемщик трубопровода и КС В.А. Динков. Благословенная для жизни стройки судьба вновь свела рожденный в свое время А.К. Кортуновым тандем. Главной же особенностью опрессов-ки трубы было то, что осуществлялась она водой... в сорокоградусную декабрьскую стужу — смелая, технически четко просчитанная и впервые в мировой практике успешно осуществленная за год до этого в январе 1977 года методика при испытании газопровода Надым — Пунга — Вуктыл — Ухта — Торжок с использованием КС Перегребная. В обоих случаях этими испытаниями руководил их коллега, замминистра Миннефтегазстроя СССР Владимир Григорьевич Чирсков. Риск этого решения во всей полноте разделял В.А. Динков.

«...В Москве на связи не Оруджев, — пишет в своей книге «Трасса жизни» В.Г. Чирсков, — ...Держим совет с замминистра В.А. Динковым...»

За час до наступления нового 1979 года, в 23 часа 31 декабря 1978 года Вынгапурский газ Надым-Пурского региона Западно-Сибирского бассейна пошел на Челябинск. Несколько позже, по приращенной трубе он был дополнен газом Уренгоя.

Но все это время, параллельно напряженному труду по приемке челябинского газопровода натруженная инженерная мысль Динкова неотступно решала конкретную прорывную задачу создания отечественных газоперекачивающих модулей с использованием авиамоторов, списанных с ИЛ-18, а затем и более мощных, с ИЛ-62.

Был изучен и опыт, наработанный нефтяниками Западной

Сибири, которые в 1965—1966 годах, встретившись с проблемой электроэнергетического • обустройства многочисленных объектов бурно развивающейся нефтяной промышленности, нашли ее оригинальное решение. Тогда, в результате организованного по инициативе **Виктора Ивановича Муравленко** сотрудничества с Запорожским моторостроительным заводом началось производство хорошо зарекомендовавших себя транспортабельных электростанций мощностью 1000, 1200 кВт-ч, а впоследствии 1600, 2500 кВт-ч с использованием работающих на попутном нефтяном газе газовых авиационных турбин в качестве привода электрических генераторов.

Результаты деятельности В.А. Динкова опрокинули уничижительные зарубежные представления и о технической зрелости, и о технологических возможностях нашей страны. И именно за эту работу В.А. Динкову и его коллегам была присуждена Государственная премия СССР за 1980 год.

Интересны в этом отношении воспоминания генерального директора компании «ЕвроТрансГаз-инжиниринг» **Николая Дмитриевича Федоренко,** в те годы главного конструктора Сумского филиала по газоперекачивающим агрегатам московского СКВ турбохолодильных машин:

«В 1979 году в Москве с участием ГКНТ, 'Минавиапрома, Минхиммаша и Мингазпрома проводилась серия заседаний научно-технических советов по созданию нового поколения отечественных ГПА. Речь шла о применении на них отработавших летный ресурс авиационных двигателей. На этих заседаниях я впервые познакомился с первым заместителем министра газовой промышленности В.А. Динковым. Важность проблемы диктовалась необходимостью обеспечить импортозамеще-ние дорогостоящей зарубежной продукции. К тому *же* в предвыборной президентской компании 1980 года в США Р. Рейган настойчиво призывал к запрету на продажу в СССР промышленного оборудования для нужд газовой промышленности, мотивируя призыв озабоченностью использования валютной выручки от экспорта советского природного газа в агрессивных военных целях.

Это создавало потенциальную угрозу намечавшимся планам значительного увеличения экспорта советского газа в страны Западной Европы с неизбежным использованием американской технологии на экспортных газопроводах.

Наши заседания проходили в серьезных спорах представителей различных школ компрессоростроения. У невских и уральских машиностроителей возникли реальные опасения в работоспособности авиационных двигателей в суровых условиях Крайнего Севера. В этих серьезных инженерных дискуссиях принимали участие такие высокоавторитетные специалисты, как один из авторов двигателя к МИГ-21 **Александр Александрович Микулин,** начальник Куйбышевского ОКБ академик **Николай Дмитриевич Кузнецов.** И надо было видеть, с каким глубоким пониманием сути обсуждаемых проблем вел эти дискуссии Василий Александрович — главный заказчик. Без преувеличения этот важный революционный этап в перевооружении компрессорных станций установками ГПА-С16 в первую очередь связан с именем В.А. Динкова. Он доходил до каждой мелочи, с неизменно глубоким вниманием выслушивал каждое мнение и, используя незаурядную техническую эрудицию и интуицию, вынес окончательное мнение — «Новым установкам — быть!» В конечном итоге мнение В.А. Динкова стало определяющим в судьбе новшества, и первые восемь компрессорных станций газопровода Помары — Ужгород были оснащены именно этими агрегатами.

Оценивая роль В.А. Динкова в газовой промышленности, — продолжал Н.Д. Федоренко, — необходимо учитывать тот факт, что к его приходу в отрасль в середине 1950-х годов газовая промышленность страны располагала фактически лишь опытом сооружения газопроводов Саратов — Москва, Ставрополь — Москва, Средняя Азия — Центр, которые сооружались на базе традиционной техники и технологии. И то, что последующие десятилетия стали эпохой коренного технического перевооружения и по сути дела временем отраслевой научно-технической революции, в этом несомненная и главная заслуга В.А. Динкова в газовой промышленности.

Он был одинаково терпелив и почтителен к мнению специалистов, будь то руководитель отдела, лаборатории, проекта. «Не прерывай, — спокойно останавливал он тот или иной эмоциональный всплеск того или иного крупного руководителя из смежных отраслей промышленности, как это однажды запомнилось в случае с министром Величко, — пусть человек выскажет мнение...»

Его неизменно отличала и еще одна важная особенность

руководителя. Он всегда с готовностью брал на себя всю ответственность за реализуемое решение. Ветераны отрасли видели в этом яркое проявление особенности школы Кортунова, благодарной памяти которого Василий Александрович остался верен до конца.»

Начало нового десятилетия 1980-х годов в нашей стране заявило о себе энергичными устремлениями руководства на интенсивное развитие экспорта природного газа, темп добычи которого стремительно возрастал. В 1977 году на проектную мощность добычи в 65 млрд $м^3$ в год вышло месторождение Медвежье, в 1978 году — крупнейшее месторождение в мире Уренгой, в 1979 году — Вынгапур. Добыча лишь с этих трех месторождений превышала треть союзной добычи, и газовики оценивали перспективу с обоснованным оптимизмом.

В 1980 году, Р иредверии XI пятилетки 1981—1985 годов в ФРГ, Италию, Францию для выяснения рыночных перспектив советского природного газа была направлена правительственная делегация с широкими внешнеторговыми полномочиями. Мингазпром в делегации представлял первый заместитель министра В.А. Динков. В прилагаемых воспоминаниях Ю.П. Баталина читатель может ознакомиться с интересными подробностями непростых переговоров с потенциальными импортерами нашего газа, на которых во всей профессиональной привлекательности проявились и глубокие дипломатические способности В.А. Динкова. Заключенные двусторонние соглашения и условия долговременного торгово-экономического сотрудничества сулили взаимную выгоду и стабильную внешнеторговую перспективу. Рекомендации делегации вошли в соответствующие разделы XI пятилетки.

Однако внезапно, в декабре 1981 года над всеми этими планами нависла серьезная угроза. Приступивший к исполнению обязанностей в 1981 году президент Р. Рейган, не в пример своему предшественнику Д. Картеру, объявил о введении санкций на поставку в СССР оборудования для нефтяной и газовой промышленности. Как объясняли американцы, поводом для этого послужили объявленное 13 декабря главой Польши В. Ярузельским введение в стране высшей меры наказания в виде смертной казни и запрет на деятельность профсоюзного движения «Солидарность». Нашу страну обвиняли в предполагаемом соучастии в принятии этих решений. Последующие же-

сткие заявления американской администрации после ввода в Афганистан в 1979—1980 гг. «ограниченного контингента советских войск», лишь подтверждали серьезность их намерений блокировать поставки в СССР высоких технологий.

Думаю, читателю небезинтересно познакомиться с квалифицированным американским комментарием этого факта в анализе деятельности ТЭКа бывшего СССР, подготовленного и изданного в 1994 году на основании материалов библиотеки Конгресса США одним из видных сотрудников Отдела исследования научной политики Конгресса США господином Джозефом П. Рива. Дело в том, что, оценивая политику СССР в Афганистане и Польше агрессией, новый президент США Р. Рейган с 1981 года стал предпринимать решительные меры по подрыву советской экономики и особенно тех её отраслей, которые прямо либо косвенно содействовали её милитаризации. Особое внимание обращалось на отрасли, чья продукция обеспечивала поступление в страну твердой валюты, использовавшейся, по убеждению американской стороны, для закупки военных технологий. Выбор пал и на газовую промышленность нашей страны, занявшую в 1982 году лидирующее положение в мире и обеспечивающую по американским расчетам получение выручки до 10 млрд долларов в год. (По их же расчетам выручку в первый миллиард долларов от экспорта природного газа СССР получил в 1976 году; 1,99 млрд — в 1978 году;
2,82 млрд — в 1979 году и 4,98 млрд долл. — в 1980 году, что составило 7,4 % общего экспорта страны.) Объявленное американцами эмбарго касалось и поставок в СССР их газовых турбин, компрессоров и широко использовавшихся европейцами компонентов к этой технике (особенно высокооборотных роторов).

«Однако в СССР, — пишет Д.П. Рива, — санкции повлекли интенсификацию работ по развитию своего компрессоростроения. Здесь были предприняты невероятно эффективные усилия, в короткий срок завершившиеся организацией производства своих компрессорных блоков с приводом от отработавших лётный ресурс авиационных двигателей...»

Американские санкции в этом вопросе оказались холостым выстрелом по объяснимым причинам, и одной из важных мер, . выхолостивших их усилия, была указанная выше работа, за которую В.А. Динков с группой специалистов получил Государст-

венную премию. Справедливость требует отметить, что санкции США не были поддержаны западноевропейскими странами, что также сыграло свою важную роль. Подробнее об этом несколько позже. Отметим лишь, что в 1984 году в высшей степени заинтересованная в поставках советского природного газа Европа торжественно отмечала десятилетие взаимовыгодных торгово-экономических отношений в этом вопросе, и главным, желанным гостем на этих торжествах был глава советской делегации, министр газовой промышленности СССР В.А. Динков (см. воспоминания В.А. Халатина).

«Несмотря на американские санкции, — продолжал упомянутый господин Д.П. Рива, — 56-дюймовый газопровод протяженностью 3600 миль (5760 км) из Западной Сибири в Европу вступил в строй, и к условленному сроку, 1 января 1984 года, во Францию стал поступать сибирский газ. Правда объемы поставок значительно уступали обязательствам, так как из предусмотренных проектом 41 КС для более или менее успешной прокачки необходимых объемов нужно было иметь 17 функционирующих КС. Однако пуск экспортного газопровода был осуществлен семью-восемью компрессорными станциями, и это был неоспоримый успех СССР, который к указанному сроку просто не имел возможности изготовить большее число компрессоров.»

Это был наш ответ американцам, и министр газовой промышленности СССР В.А. Динков мог по праву гордиться личной инженерной инициативой в этом важном деле.

Последовавший импорт продукции европейских стран, ослушавшихся американского диктата, лишь закрепил успех отечественных машиностроителей. У этой истории было продолжение с интересными подробностями и пояснениями в европейских источниках.

В мае 1985 года в Бонне на ежегодный саммит собрались лидеры «Семерки». Экономика их стран уже третий год переживала легко объяснимую вибрацию подъема. В отличие от традиционной поглощенности всех предшествующих саммитов болезненными энергетическими проблемами, единственно серьезной энергетической темой повестки дня была, разделившая их интересы, американская оценка неприемлемости намерений европейских стран значительно увеличить закупки советского газа. Европейцы связывали с этими планами заинте-

ресованность в диверсификации видов энергоносителей и их географии, в необходимости ослабления традиционной зависимости от ближневосточных поставок нефти. Их планы включали также стимулирование машиностроительной и сталелитейной промышленности с использованием советского природного газа. Это сулило дополнительные рабочие места и решение многих аспектов неослабевающих социальных проблем. Однако этим планам европейцев решительно воспротивилась администрация президента Рейгана. Американцы, заняв жесткую позицию в декабре 1981 года, мотивировали её тем, что расширение импорта советского газа дает СССР рычаги поступления твердой валюты, которые укрепят советскую экономику и, в чем администрация вступившего уже в 1985 г. на второй срок правления президента Рейгана ни на йоту не сомневалась, сделает «советский милитаризм» еще более опасным. С возрастанием накала страстей США заявили о запрете экспорта американского оборудования для реализации указанного проекта. Следующим шагом было требование запрета на экспорт в СССР европейского оборудования, включающего американскую технологию.

И здесь произошло совершенно непредвиденное ослушание американского требования. Американской трактовке советской угрозы было противопоставлено западноевропейское толкование полезности импорта советского газа, обеспечивающего экономическую стабильность и гарантированные рабочие места на значительном числе европейских предприятий. Апофеозом неожиданной решимости европейцев следовать своему выбору стали непосредственные действия премьер-министра Великобритании Маргарет Тетчер. По свидетельству английского исследователя истории мировой нефтяной промышленности Джеймса Бамберга в книге «Компания Бритиш Петролеум и глобальная нефть, 1950—1975», проанализировав неизбежность тяжких последствий для английской компании «Джон Браун Энджиниринг» — крупнейшего поставщика компрессорного оборудования для сооружения трансконтинентальной евразийской газопроводной системы по поставкам советского природного газа из Сибири в Европу, английский премьер по прямому проводу связалась с президентом Рональдом Рейганом, оставив истории короткую и многозначительную фразу: «Рон, «Джон Браун» на грани краха...». Следующей де-

монстрацией решимости был ее приезд в Шотландию на головное предприятие компании, где она, сопровождаемая журналистами, наперекор американскому запрету засвидетельствовала личное участие в отправке в СССР первой партии экспортных газоперекачивающих агрегатов этой всемирно известной английской компании.

Советский газ вносил изменение в сложившийся топливный баланс европейских стран. Страна превращалась в одного из крупнейших экспортеров этого важного продукта, содействуя формированию в 70 — 80-е годы XX века крупного европейского газового рынка. Роль советского газа, а по тревожным оценкам администрации президента США и зависимость европейских стран от СССР, стали существенно возрастать. Объявленные же оценки его извлекаемых запасов вселяли все более обоснованный оптимизм и экспортерам, и импортерам природного газа.

После нескольких взаимных обвинений с американцами был достигнут компромисс: европейцы ограничат импорт советского газа до 30 % потребности. Большая часть потребности, как следовало из договоренности, должна была быть компенсирована природным газом, к тому времени открытого на шельфе Северного моря крупнейшего норвежского месторождения Тролл, куда для его разработки с учетом начала добычи газа в середине 1990-х годов и была переориентирована часть европейских инвенстиций. И хотя значительная часть долларов пошла на укрепление экономики своего кровного члена НАТО, советский природный газ превращался в важный инструмент международной внешней политики. На глазах современников происходила переоценка ценностей, и в этом многосложном процессе всё более значительными становились плоды труда газовиков и строителей, среди которых незаменимое место в истории принадлежит Василию Александровичу Динкову.

«Нелишне напомнить, — продолжил свои воспоминания Н.Д. Федоренко, — что, буквально, по горячим следам наши ГПА привлекли внимание аргентинцев, пожелавших оснастить свои трубопроводы советскими агрегатами новой конструкции. Ознакомившись на нашем газопроводе с успешной эксплуатацией этих агрегатов, они подписали контракт на оснащение ими двух компрессорных станций по три агрегата на каждой, мощностью 6,3 МВт. Это была исключительно выгодная сделка

и, подписывая контракт от советской стороны, я, — отмечает Н.Д. Федоренко, — выполнял это поручение со спокойной совестью. Однако на последующих этапах проработки вопроса возникли возражения от авиационной промышленности. Но к тому времени, уже будучи министром, Динков решительно поддержал в правительстве предложение Лукьяненко и Шкабардня об экспорте в Аргентину этой важной отечественной продукции, подтвердив ее надежные эксплуатационные качества. В конечном итоге поддержка Василия Александровича сыграла важную роль в судьбе контракта. Сооруженные «под ключ» эти две компрессорные станции работают в Аргентине успешно и до сегодняшнего дня, а на отечественных газопроводах более трети объема газа перекачивается этими агрегатами. Такова цена выигрыша от решений инициированных и решительно поддержанных Василием Александровичем Динковым», — закончил воспоминания Н.Д. Федоренко.

Но, пожалуй, самым смелым решением было использование магистральных газопроводных труб сверхбольшого диаметра (1420 мм) и их укладка в условиях вечной мерзлоты, осуществленная в теснейшем сотрудничестве с украинскими специалистами Института электросварки им. Е.О. Патона (см. воспоминания академика Б.Е. Патона). Заказы на изготовление труб и соответствующих запорных устройств вызывали трепетно-почтительное отношение у видавших виды мировых производителей подобной продукции.

В отличие от многих бывших коллег Василия Александровича, с которыми я искал и находил встречи (М.Г.), пополняя будущую книгу все новыми страницами, **Генадий Иосифович Шмаль,** 'узнав о предпринимаемой инициативе, сам искал встречу с автором. Сказывалась воспитанная на всю жизнь сопричастность сибирского комсомольского вожака 1960-х годов, а впоследствии заместителя министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР к делу памяти о выдающемся руководителе в пору становления общего дела развития отечественной газовой индустрии. Встреча не заставила себя ждать. Мы живо беседуем в его рабочем кабинете. В четкой памяти оживают события более тридцатилетней давности, подробности встреч с только назначенным министром газовой промышленности Алексеем Кирилловичем Кортуновым, который с готовностью откликнулся на предложение и

выступил перед тюменской молодежью с докладом о перспективах развития области, а в 1969 году подписал беспрецедентный приказ об организации полностью молодежного производственного треста и многие другие подробности исторической эпопеи покорения газовых богатств Сибири.

«Не умаляя значения профессионального строителя А.К. Кортунова в развитии газовой промышленности страны, — подчеркнул мой собеседник, — трудно переоценить личный вклад профессионального газовика Василия Александровича в это грандиозное свершение. И конечно *же,* — продолжал он, — было бы в высшей степени справедливым подчеркнуть и руководящую роль таких высокопрофессиональных специалистов, как Михаил Васильевич Сидоренко и Грант Джаваншрович Мар гулов. Мы вступали в пору родившегося в Тюменской области крупноблочного строительства высокопроизводительных объектов газовой промышленности и здесь во всей инженерной исключительности был продемонстрирован удивительный талант В.А. Динкова. Нам приходилось ломать сложившиеся стереотипы.

Крупные производственно-технологические блоки заводского изготовления в Тюмени весом в 300—400 т приводили пессимистов в состояние депрессии. Они выдвигали десятки контраргументов, начиная с неосуществимости транспортировки подобных суперблоков по -железной дороге вследствие недопустимого несоответствия веса блока и грузоподъемности железнодорожной платформы и кончая слабостью колеи и т.п. Но идея суперблоков получила решительную и безоговорочную поддержку В.А. Динкова, служебное положение, а следовательно, и распорядительная власть которого росли вместе с повсеместным признанием его глубоких инженерных знаний и авторитета. Успех этого грандиозного дела был обеспечен решительной позицией в этом вопросе Юрия Петровича Баталина. Опытный руководитель нефтегазового строительства, он работал в тесном сотрудничестве с Василием Александровичем, и их многократно отмечавшееся министром полезное сотрудничество было в высшей степени эффективным и в этом вопросе. Так, применение блоков уже на Ямбургском месторождении позволило ускорить сроки строительства и в сокращенные сроки обеспечить ввод в эксплуатацию вдвое больших производственных мощностей. Что же касается их транспортиров-

На одной из компрессорных станций газопровода. 1981 г.

ки, — продолжал Г. И. Шмаль, — то блоки были доставлены на место в сезон «высокой воды» по Туре, Тоболу, Иртышу, Оби и, наконец, Обской Губе на мощных понтонах...»

Генадий Иосифович вспоминал, как некоторые из бывших руководителей сооружения Оренбургского газохимического комплекса настойчиво склоняли к увеличению численности строителей по обустройству месторождений валанжитгских залежей, мол Оренбурггазпром создавался трудом не менее

20 тыс. строителей... Обошлись же трудом 4 тыс. «Это был решительно поддержанный В.А. Динковым эффект применения крупноблочных установок комплексной подготовки газа (УКПГ). Если на Медвежьем единичная мощность УКПГ равнялась 8—10, на Уренгойском месторождении 15—20, то на Ям-бургском месторождении она поднялась до 26 млрд $м^3$ газа в год. Подобное сооружение представляло огромное предприятие... Когда в июне 1976 года участникам научной конференции в Тюмени по проблемам развития нефтяной промышленности, академикам Патону, Некрасову, Мельникову, Трофимуку было предложено посетить месторождение Медвежье, то их взору предстала полуфантастическая ошеломляющая картина покрытой снегом заполярной тундры с вознесенными, словно Феникс из пепла, могучими установками комплексной подготовки природного газа.

Принципиальным выводом, к которому мы все пришли после первого успеха на Медвежьем, было обращение к продукции и отечественного машиностроения. При всех явных преимуществах использовавшейся поначалу французской техники, она требовала строгого соблюдения заданной шкалы температурных параметров. Но неукротимая природа, — вспоминал Г.И. Шмаль, — обнаруживала неожиданные причуды и импортное оборудование не выдерживало. И здесь проявился инженерный и организаторский талант Василия Александровича. Безошибочно оценив ситуацию, он использовал все свое влияние в подключении к решению проблемы Минхиммаша. И уже следующее, Уренгойское месторождение осваивалось с использованием отечественных блоков. Оперативному решению технических проблем, возникавших в ходе строительства объектов, помогали регулярные, не реже раза в квартал, совместные заседания Научно-технического совета, созываемые при активной поддержке и деятельном участии Динкова. Высокая инженерная компетенция Василия Александровича помогала не только ставить проблему перед Минхиммашем, но и находить её оптимальное конструктивное решение. Стоит ли при этом удивляться тому темпу и тому качественному отличию, которые были проявлены уже при освоении Ямбурга — крупнейшего месторождения природного газа и одновременно среды обитания специалистов различных профессий. И здесь при решении принципиально важного вопроса — каким быть Ямбур-

гу будущего, Василий Александрович на судьбоносном заседании в самой высокой полномочной инстанции, в ЦК своим веским мнением и вопреки предложению, казалось всесильного Тюменского обкома КПСС, поддержал строителей — быть Ямбургу вахтовым поселком, но не городом.

Отдельная тема, — продолжал Г.И. Шмаль, — сооружение магистральных газопроводов, темпы которого поражали самое богатое воображение. В восемнадцать месяцев строители и эксплуатационники выполняли четырех-пятилетние нормативные задания, которые перекрывались ещё более высокими достижениями. Это был четко работающий трубопроводный конвейер: сооружение — сдача — приемка — пуск в эксплуатацию. С 1972 года его успех отражал исключительную слаженность во взаимодействии всех подразделений двух министерств Миннефтегазстроя и Мингазпрома, чей слаженный трудовой ритм увлекал и многочисленных смежников. И личная роль Василия Александровича Динкова во всех свершениях многолетней героической эпопеи освоения газовых, а с 1985 года, с его переводом в Миннефтепром, и нефтяных богатств Западной Сибири имеет непреходящее значение», — завершил нашу беседу Генадий Иосифович.

В сжатые сроки из тюменского Заполярья в Центр и к западной границе были проложены могучие артерии 56-дюймовых магистральных газопроводов-колоссов. Иначе, как трубопроводной эпопеей не назвать слаженные усилия добытчиков газа и строителей трубопроводов. В 1970-е годы их протяженность ежегодно увеличивалась на тысячи и десятки тысяч километров. Общими усилиями Мингазпрома и Миннефтегазстроя в те годы была сооружена инфраструктура магистральных газопроводов сверхбольшого диаметра протяженностью свыше 57 тыс. км. С учетом же труб несколько меньшего диаметра (1020 и 1220 мм) общая протяженность газопроводов составила около 125 тыс. км. Их своевременная приемка и пуск в слаженном ритме огромной стройки на многотысячекилометровом пространстве страны не допускали ни послабления в качестве, ни срывов в жестко поставленных сроках. Здесь трудились тысячи специалистов множества профессий, руководимых молодыми командармами беспрецедентной армии строителей магистральных трубопроводов. Сегодня, через десятилетия, удивляя технических специалистов своей .жизнестойкостью, эти жиз-

Министр газовой промышленности С.А. Оруджев по поручению правительства вручает заместителю министра В. А. Динкову правительственную награду. Москва, март 1976 г.

ненно важные для судеб Отечества артерии обеспечивают бесперебойную подачу постоянно востребываемых энергоносителей по назначению, существенно содействуя успеху реформ и поддерживая темп их развития.

Всех достойнейших имен этой, без преувеличения, великой стройки не перечесть, и главную ответственность в Мингазпроме нёс Главный приемщик — Василий Александрович Динков.

Правительство высоко оценило личный вклад заместителя министра газовой промышленности В.А. Динкова, и в 1976 году он был указом Президиума Верховного Совета СССР

награжден орденом Октябрьской Революции. Эту приятную для себя обязанность исполнил министр Оруджев.

Но самому суровому испытанию сооруженные газопроводы подверглись в зиму 1978—1979 годов. Столбик термометра в центральных областях европейской части страны приблизился к рекордно низкой отметке. В Подмосковье температура упала ниже —40 °С. Любой сбой с подачей газа грозил тяжелейшими последствиями. Телефон правительственной линии к заместителю министра В.А. Динкову и от него буквально закипал от напоминаний об этом.

В эти дни Мингазпром работал в чрезвычайном режиме. Положение с газообеспечением страны осложнялось ещё и тем, что смена политической власти в Иране в конце 1978 года и начале 1979 года привела к резкому сокращению, а затем и отключению иранского газопровода, что лишило Закавказье поступления импортного газа. Из потребления исключались 10 млрд $м^3$ газа в год.

(Одними из экстренных мер по компенсации внезапного дефицита газоснабжения закавказских республик, вызванного сокращением и прекращением поставок иранского газа, стали срочное сооружение и приемка 48-дюймового 675-км газопровода по поставкам к приемному пункту в г. Кази Магомед (Азербайджан) до 15 млрд мУгод газа с месторождений Малгобека близ Моздока, восточной части Ставропольского края и Каспийского побережья Дагестана.)

Едва закончившийся рабочий день В.А. Динкова в Москве вновь начинался с восходом солнца за тысячи километров к востоку от столицы на самых дальних газодобывающих предприятиях, откуда начинались ручейки газового потока на запад. Свет в служебных кабинетах министерства на улице Строителей не выключался. Весь многотысячный коллектив газовиков в Центре и на местах работал в едином напряженном ритме. Селекторная связь с сибирскими газодобытчиками не выключалась ни на минуту.

Так, что суровейшему испытанию подвергались не только газопроводы, компрессорные станции. Для потерявшего покой заместителя министра В.А. Динкова, чья заглавная подпись на актах приемки всего газопроводного хозяйства гарантировала его надежность и работоспособность, бесперебойная работа всей системы стала ещё одним подтверждением его личной вы-

сокой инженерной репутации. Газеты тех дней сообщали, что Мингазпром оказался единственным в стране министерством, вся огромная производственная инфраструктура которого в ту лютую зиму не дала ни единого сбоя. Предприятия и население страны были обеспечены бесперебойным снабжением газа.

Лишь за некоторое время до этого увенчались успехом совместные усилия Мингазпрома, Миннефтегазстроя и металлургов по повышению хладостойкости труб. Успех оказался возможным благодаря оперативным мерам, реализованным при непосредственной поддержке А.Н. Косыгина. В памяти у ветеранов Мингазпрома, и об этом ^вспоминал В.А. Динков, было незабываемое заседание правительства, на котором обсуждались меры по ликвидации тяжелой аварии. В лютый, почти космический холод, когда столбик термометра показывал — 60 °С на одном из северных магистральных газопроводов на значительном протяжении разорвало трубу. Лавинное разрушение. Ставший невероятно хрупким металл, включая и металл ремонтной техники, рассыпался в прах. Было ясно, что без радикальных мер в металлургии в будущем не избежать реальной угрозы газоснабжению Центра. Председательствующий А.Н. Косыгин решительно поддержал экстренные меры с использованием достижений передовой отечественной науки, уже подтвердившей работоспособность техники в условиях космоса. Созданная в Госкомитете СССР по науке и технике специальная комиссия во главе с академиком М.А. Лаврентьевым приняла ряд неотложных мер, реализация которых позволила восполнить обнаружившийся пробел. Трубопрокатные заводы и ремонтная техника получили хладостойкий металл. Зимой 1978—1979 годов совокупность заблаговременно принятых мер сыграла свою положительную роль.

Об этом в наши дни не грех кое-кому напомнить в Центре и на местах, ибо было бы чрезмерным упрощением вопроса приписывать холодные батареи в постыдно неотапливаемых помещениях российских школ, детских приютов и домов престарелых (не говоря о квартирах россиян) в наши современные зимы непредсказуемости циклонов с их «снегом на голову...».

Надо отметить, что в эти годы в Москву в Мингазпром участились визиты иностранных делегаций, не скрывающих своей

заинтересованности в расширении научно-технических и торгово-экономических связей с динамично развивающейся отраслью. Свою настойчивость стали проявлять специалисты Французского института нефти (ФИН), общепризнанного центра французских научных и прикладных исследований в мировой нефтяной и газовой промышленности. Следует отметить, что Франция оказалась первой капиталистической страной, с которой в 1966 году было подписано межправительственное соглашение о развитии научно-технических связей и первой капстраной, с которой ГКНТ СССР в 1967 году подписал соглашение о научно-техническом сотрудничестве в нефтяной и газовой промышленности. Французскую сторону в этом сотрудничестве представлял Французский институт нефти.

Сопредседателем созданной советско-французской рабочей группы в свое время был назначен А.К. Кортунов. Прибывшую в Мингазпром делегацию ФИН принял заместитель министра В.А. Динков, и состоявшийся обмен мнениями вдохнул новую жизнь в деятельность рабочей группы.

Достойно выдержавший все испытания заместитель министра В.А. Динков постановлением правительства от 15 февраля 1979 года был возведен в ранг первого заместителя министра.

Следующий 1980 год, последний год X-й пятилетки, как мы указывали ранее, был ознаменован важным событием во внешнеэкономической стратегии ТЭКа. Внемля записке министров Б.Е. Щербины и С.А. Оруджева, поддержанной Госпланом СССР, высшее руководство страны одобрило предложение о сооружении нового, значительно более мощного газопровода для поставок сибирского газа в Западную Европу. Этому благоприятствовали и баснословные богатства недр Тюменской области, и складывающаяся в Европе «энергетическая» ситуация. Для проведения предварительных переговоров с этой целью в ФРГ, Италию и Францию была командирована делегация ответственных руководителей Мингазпрома, Миннефтегазстроя, Минвнешторга, наделенная внешнеторговыми полномочиями. От газовиков в делегацию вошел первый заместитель министра В.А. Динков. Это была его первая после почти десятилетнего перерыва командировка за рубеж:. В отличие от А.К. Кортунова, Сабит Атаевич не жаловал своего заместителя подобными поручениями, предпочитая выполнять их лично, оставляя и фактически держа его «на хозяйстве». Но обстоятельства ока-

Переговоры заместителя министра газовой промышленности В. А. Динко-ва с представителями Французского института нефти. Москва, 1974 г.

зались сильнее воли министра. В этой очень ответственной командировке, как в зеркале проявились преимущества В.А. Динкова, приоритет которого был признан обеими сторонами, буквально с первых минут переговоров и в Германии, и во Франции. Об Италии говорить не приходится. У итальянских специалистов признанная репутация «инженьере Динков» с каждым годом лишь укреплялась.

Читателю было бы полезно познакомиться с интересными оценками подготовительного этапа деятельности по сооружению экспортного газопровода Уренгой — Помары — Ужгород, всего переговорного процесса и, собственно, сооружения и пуска газопровода в эксплуатацию, изложенными в книге, точнее в документальном романе-хронике «Ю П», принадлежащем перу столь яркой и выдающейся личности в истории нефтега-

зостроения, как **Юрий Петрович Баталии** (см. также воспоминания Ю.П. Баталина).

Вместе с тем достоин быть повторенным вновь один из приведенных в указанной книге примеров мучительной для властных структур переоценки принятого решения и, наконец, его изменения. Речь шла о выборе трассы газопровода Уренгой — Государственная граница. Южный или Северный вариант... По всем понятиям любого времени, не говоря о сложившемся в ту пору истеблишменте, поступок автора пересмотра казалось предрешенного Госпланом, Миннефтегазпромом, Мингазпромом вопроса был сродни отчаянной авантюре. Но, с другой стороны, каким внутренним убеждением надо обладать, чтобы настойчиво добиваться реализации своего предложения. А ведь это было время, пусть и изрядно одряхлевшей, но по-прежнему всесильной и решительной на короткие расправы партийной номенклатуры, с функционерами которой подобные капиталоемкие проекты, пусть и в предварительном порядке, не могли не быть согласованы и министерствами и Госпланом. Но, предоставим слово автору:

«Я, — пишет Ю.П. Баталии, — мотался по тюменским трассам, когда узнал о том, что Борис Евдокимович Щербина «подмахнул» на очередном заседании в Госплане решение о выборе... северной трассы. Три часа я убеждал своего старого соратника, первого заместителя министра газовой промышленности Василия Александровича Динкова в ошибочности принятого решения. Динков — человек принципиальный, знающий и твердый в убеждениях, но вместе с тем его отличали неплохое знание специфики трубопроводного строительства, здравый смысл и способность к восприятию доводов оппонентов...

«Пожалуй, я готов признать твою правоту, — после продолжительного обсуждения всех «за» и «против» ответил В.А. Динков, — но я только-только подписал документ о проведении работ по северному коридору и мне как-то неудобно идти на попятную... Сейчас неудобно, а потом, когда сорвем строительство газопровода, будет стыдно...»

Здесь сложились и убедительность аргумента и безупречность проводника иного решения государственно важного задания. Воистину, кто чувствует в себе силу сделать лучше, тот не испытывает страха перед осознанием ошибки. В конце кон-

цов ошибаются все, но на собственное признание допущенных ошибок способен ум выдающийся и натура решительная.

И неудивительно, что, став мнением уже двух столь высокоавторитетных специалистов-руководителей, оно получило поддержку С.А. Оруджева, а затем и Б.Е. Щербины. В конечном итоге предложение о «южном» маршруте возобладало».

В ранге первого заместителя министра В.А. Динков проработает два года.

В 1981 году Газпром проводил в последний путь Сабита Атаевича Оруджева.

Уже давно работающий в режиме абсолютной ответственности за деятельность всего Министерства газовой промышленности Василий Александрович Динков свое назначение министром встретил во всеоружии. Это произошло в мае 1981 года.

Министр газовой промышленности СССР с 8 мая 1981 года Василий Александрович Динков с первых же часов своего высокого назначения ощутил груз новой ответственности.

Это был первый год новой X1-й пятилетки 1981 — 1985 годов, поставившей перед отраслью задачу выполнения трудного и напряженного плана. Объекты газовой промышленности были признаны центральными стройками пятилетнего плана страны. Предстояло освоить новые месторождения, построить и ввести в действие пять крупнейших магистральных газопроводов Западная Сибирь — Центр, а также экспортный газопровод Уренгой — Ужгород, обязательства по эксплуатации которого при всем жестком противодействии США были скреплены подписями в двусторонних межправительственных соглашениях с ФРГ, Италией, Францией. На этих соглашениях стоит и подпись министра В.А. Динкова. Уже в первом номере журнала «Газовая промышленность» за 1982 год в статье «Неотложные задачи отрасли» министр В.А. Динков ознакомил читателей с результатом первого года работы и предстоящим объемом работ газовой промышленности до конца пятилетки:

«За истекший год добыча газа в целом по стране достигла 465 млрд $м^3$, годовой прирост её составил 30 млрд, сверх государственного плана было добыто 7 млрд $м^3$. Все газодобывающие объединения министерства выполнили установленные за-

Министр газовой промышленности СССР Василий Александрович Динков. Москва, 10 мая 1981 г.

дания по добыче газа. Объем промышленной продукции увеличился на 6,7 %, производительность труда возросла на 4,3 %... Газовой промышленности предстоит решить ряд крупных задач в области геологоразведочных работ, бурения, добычи и пе-

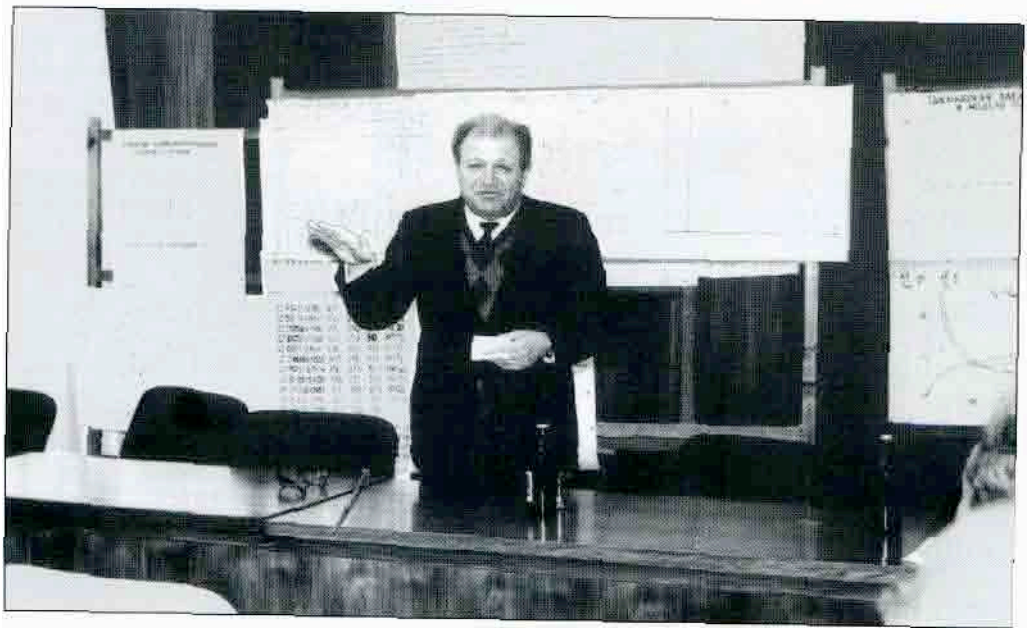
Расширенное заседание Коллегии Мингазпрома СССР с участием руководящих работников партийного аппарата, правительства, Госплана СССР. Москва, 1981 г.

Выступление на Пленуме ЦК КПСС. Москва, декабрь 1982 г.

Министр газовой промышленности СССР В.А. Динков со своими коллегами Г.Д. Маргуловым, С.Р. Дережовым, Терентьевым и другими на Всемирном газовом конгрессе в Швейцарии

Посещение советской делегации во главе с министром газовой промышленности СССР В.А. Динковым, с участием специалистов Союзгазэкспорта, объектов газовой промышленности компании «ОЭМ-ФАУ» в дни чествования 10-летия поставок советского природного газа в Австрию. Австрия, май 1984 г.

На австрийском про
мышленном предприя
тии. 1984 г.



На обсуждении проекта сооружения подземного хранилища газа ВНИИ-газ. Москва. 1983 г.

реработки газа, конденсата, нефти. Необходимо ввести в промышленную эксплуатацию 65 новых месторождений, в том числе Советабадское в Туркмении с добычей в 1985 году 26 млрд $м^3$ газа, освоить Карачаганакское газоконденсатное месторождение в Казахстане с добычей 3 млрд $м^3$ газа, 2 млн т конденсата, 300 тыс. т серы. В исключительно сжатые сроки на базе уникального по составу газа Астраханского месторождения будет введен в эксплуатацию крупный газохимический комплекс, на котором уже к концу пятилетки предусматривается добывать 3 млрд $м^3$ газа, 1 млн т серы и 1 млн т конденсата. В Узбекистане дальнейшее развитие получит переработка газа на Мубарекском ГПЗ с доведением его годового объема до 22 млрд $м^3$. Главным районом роста добычи газа, — подчеркивается в статье, — в стране как в XI пятилетке, так и на более отдаленную перспективу остается Западная Сибирь. Здесь в 1985 году добыча газа должна быть доведена минимум до 360 млрд $м^3$ («миллиард кубометров газа в сутки»)...

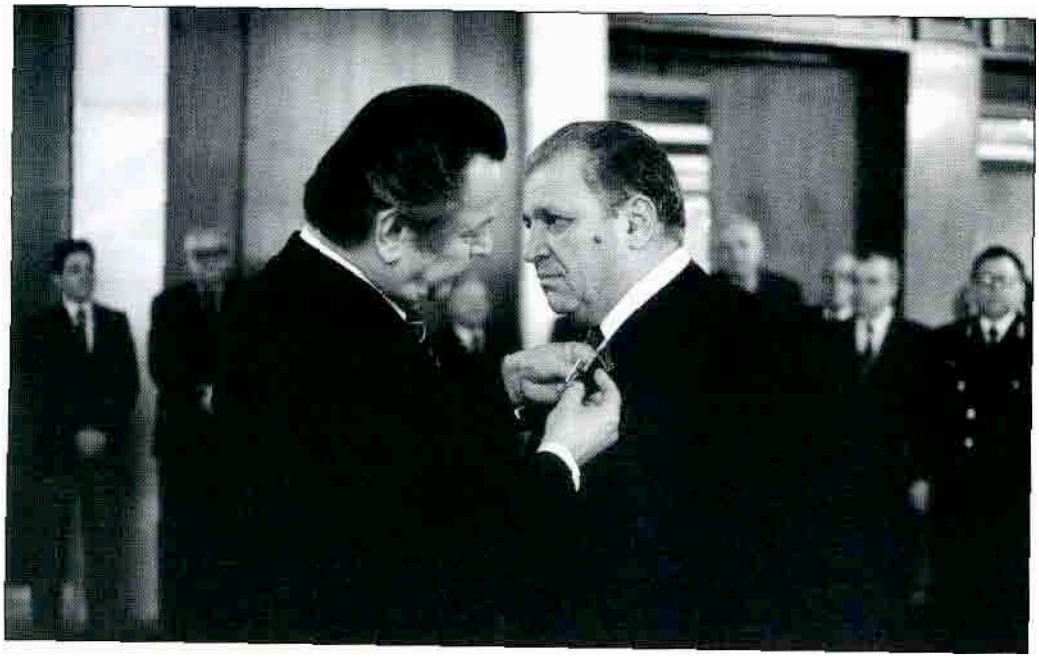
Большие работы предстоит выполнить по освоению нефтяных и газовых месторождений континентального шельфа...»

На торжественном собрании в министерстве, посвященном Дню Победы представители руководства страны, поздравив газовиков с впечатляющим результатом минувшего года, завершившегося добычей 435 млрд $м^3$ газа, настойчиво призывали к еще большим успехам. Эти призывы приобретали особое значение еще и потому, что за всю полуторавековую историю нефтяной и полувековую история газовой промышленности текущие мировые цены на нефть, а следовательно, и на природный газ не достигали столь высокого уровня, как в описываемое время. Средняя цена барреля базовой нефти «Брент» на Лондонской нефтяной бирже в рекордном 1980 году составила 36,83 долларов, а «Западно-Техасской» на Нью-йоркской товарной бирже — 37,96 долларов. В отдельных сделках цена превышала отметку в 40 долларов. Соответственно выросли и цены на природный газ. Максимальная цена 1000 $м^3$ на рынке Западной Европы в 1982 году, в зависимости от теплотворной способности газа, колебалась от 171 до 182 долларов. Высокие цены приносили баснословные прибыли экспортерам нефти и природного газа. К примеру, валютная выручка стран ОПЕК в 1982 году составила 278 млрд долларов. Высокие цены повсеместно в мире мобилизовывали инвестиции в 'неустанный поиск

Первое выступление В. А. Динкова, назначенного министром газовой промышленности ***СССР*** *от 8 мая 1981 года, на торжественном заседании работников отрасли, посвященном Дню Победы. Москва, май 1981 г.*

нефти и природного газа, а также в разработку новых технических средств и технологических решений по экономному расходованию ставшего дорогим топлива. Экономика развитых капиталистических стран импортеров нефти подверглась перестройке и реструктуризации ... При всей относительной дешевизне отечественной нефти и газа, их экспортные цены на свободном рынке не могли, не должны были уступать мировым более чем на 5—8 %. В качестве примера следует признать очевидным успех упомянутой советской делегации, которая в 1980 году добилась согласования с импортерами весьма высокого уровня фьючерсной цены на потенциальный экспорт природного газа в Западную Европу — по цене 146 долларов за 1000 $м^3$. О роли В.А. Динкова на этих переговорах достаточно красноречиво изложено в воспоминаниях Ю.П. Баталина.

Из добытых в 1980 году в СССР 603 млн т нефти каждая четвертая тонна экспортировалась. При этом из года в год уве-



Вручение знака ^Ветеран труда газовой промышленности^. Москва сентябрь 1981 г.

личивалась доля продаж на твердовалютном рынке. Приблизительно в таких же пропорциях и следуя той политике экспортировался природный газ, добыча которого в стране в 1980 году составила 435 млрд $м^3$, принося баснословную валютную выручку. Американские оценки ежегодной выручки лишь от экспорта советского природного газа в начале 1980-х годов составляли 8-10 млрд долларов. С учетом выручки от экспорта нефти и нефтепродуктов эта цифра в указанное время приближалась к 40 млрд долларов (с учетом инфляции эта сумма превышает 50 % дохода бюджета России на 2003 год). В отличии от экономики капиталистических стран — импортеров углеводородов, на нашу страну взлет мировых цен на нефть и газ оказывал наркотическое воздействие, развращая её экономику и побуждая в ней паразитирование на природной ренте, при растущем неудовлетворенном спросе на потребительские товары.

Львиная доля валютной выручки уходила в ВПК. Маховики гонки вооружений раскручивались до предельно опасных оборотов, увеличивая никогда не ослабевающую тяжесть нагрузки

на нефтяников и газовиков. От руководителей ТЭКа страны это требовало концентрацию отраслевых ресурсов на ключевой деятельности министерств. От газовой промышленности — увеличение прироста запасов и добычи природного газа.

В.А. Динков уже в новом качестве предпринял серию инспекционных выездов на места для непосредственного ознакомления с положением дел и обсуждения с местными руководителями накопившихся вопросов производства, специализации и принятия руководящих решений о перспективах отрасли. Одной из таких мер была командировка в Баку.

Здесь многое напоминало о студенческой юности и это впечатление подкреплялось встречами с бывшими сокурсниками и институтскими товарищами. Особенно впечатляющей была встреча с Председателем Совета Министров АзССР Гасаном Нейматовичем Сеидовым. В далекие студенческие годы два иногородних студента В. Динков и Г. Сеидов жили в одном общежитии, нередко в послеурочное время встречаясь за подготовкой к занятиям в читальном зале библиотеки общежития, где студент Динков по совместительству работал библиотекарем. Вспоминались и беспокойные дни пуска импортного газопровода с иранским газом. Цель поддержанного Госпланом СССР визита министра в Баку была более чем серьезной. Как быть с доставшимся Мингазпрому в наследство от С.А. Оруджева и связанным с его именем, важным для экономики страны направлением деятельности по освоению морских нефтегазовых ресурсов? Об этом визите сегодня вспоминает его участник, бывший главный специалист отдела нефтяной и газовой промышленности по проблемам шельфа Госплана СССР **Чингиз Гусейнович Саттаров.** «Надо отметить, что ознакомление с новыми производственными мощностями на заводе глубоководных оснований, встречи и беседы с буровыми бригадами и специалистами на морских платформах, стационарных основаниях и эстакадах, обсуждение проблем перспектив нефтегазоносности каспийского шельфа Азербайджана обнаружили удивившую окружавших информированность и посвященность Василия Александровича в казавшемся не столь близко знакомом ему профессионально деле морских нефтяников... Мне лично В.А. Динков был хорошо знаком с 1972 года — со времени моего поступления в аппарат Мингазпрома, где я работал начальником отдела по проблемам шельфа Управления по бу-

Посещение министром газовой промышленности СССР В.А. Динковым Карадагского завода железобетонных изделий в Баку вместе с руководителями Азербайджана. В. А. Динков в сопровождении Председателя Совета Министров Азербайджана Г.Н. Сеидова (на фото второй справа), членов правительства Азербайджана: Татлиева, Лемберанского и специалистов завода знакомится с цехами предприятия. Баку, март 1982 г.

рению, а впоследствии замначальника Главморнефтегаза, до перевода в Госплан в 1980 году. Его нередкие выступления на заседаниях Коллегии по обсуждению проблем шельфа вызывали удивление обширностью инженерных знаний, хотя до этого знакомства с ним В.А. Динков был мне известен непререкаемым авторитетом в газовом деле.

Наше пребывание в Баку, — продолжал Ч. Г. Саттаров, — привело к неутешительным выводам об исключительно капиталоемком производстве при относительной скудости разведанных извлекаемых геологических запасов нефти и газа.»

Министр В.А. Динков не понаслышке знал и об истории, и о насущных проблемах их освоения. Со времени назначения министром в 1972 году С.А. Оруджев настойчиво выносил на

Министр газовой промышленности СССР В. А. Динков в сопровождении руководителей Азербайджана и Каспморнефти на встречах с рабочими и буровиками на морском промысле НГДУ<28 апрелям< Баку, март 1981 г.

В прощальных рукопожатиях двух отечественных руководителей у трапа самолета в Бакинском аэропорту есть нечто большее, чем простые протокольные обязанности. Им есть что вспомнить. В далекие 1950-е годы, с разницей в пару лет, они жили в одном общежитии для иногородних студентов - уроженец Краснодара, студент АзИИ В. Динков и уроженец Грузии, студент Бакинского Политехнического института Г. Сеидов.

обсуждение Коллегии Мингазпрома проблемы освоения морских нефтегазовых ресурсов, прикладывая при этом неослабевающие усилия в правительстве к централизации союзной деятельности по освоению морского шельфа страны. Важным шагом в этом направлении виделось сосредоточение указанной

деятельности в едином государственном органе и непременно под его руководством. Не дожидаясь кардинальных организационных решений, Мингазпром, на первых порах приступил к разведке шельфа Азовского моря, на северном газосодержа-щем протяжении хорошо знакомого Василию Александровичу Азово-Кубанского бассейна. Здесь в середине 1970-х годов были открыты газовые месторождения с суммарными извлекаемыми запасами более 70 млрд $м^3$ при оценках потенциальных запасов до 110 млрд $м^3$.

Параллельным курсом не ослаблялись усилия по созданию морского министерства нефтяной и газовой промышленности с полномасштабным штатом сотрудников. С.А. Оруджев при поддержке Госплана СССР и ГКНТ СССР склонил к этому решению двух важных оппонентов — Министерство геологии и Министерство нефтяной промышленности. Однако, узнав за несколько дней до окончательного решения вопроса об иной, поддержанной бакинским Каспморнефтегазом кандидатуре руководителя намечающегося министерства, он в считанные дни сменил тактику и вышел с «более экономичным» альтернативным предложением — создать в составе Мингазпрома Главморнефтегаз с урезанной численностью сотрудников до 20— 25 % от ранее намеченной, которое и было принято в августе 1978 года. Об этом подробно написал в книге воспоминаний «Сабит Оруджев» бывший замначальника отдела нефти и газа ГКНТ СССР Султан Мустафаевич Гамзатов. Последняя точка в этом усеченном решении важной государственной проблемы была поставлена в Баку. С.А. Оруджев появился здесь немедленно после принятия постановления правительства. В сопровождении многочисленной свиты, в ослепительном, наспех, но с иголочки сшитом и по праву надетом адмиральском мундире с золотыми позументами на кремовой костюмной ткани, он проследовал в кабинет начальника Каспморнефтегаза и ...подписал приказ о его смещении.

С организацией в августе 1978 года в Мингазпроме Главморнефтегаза сюда из Миннефтепрома вместе со специалистами до 150 человек была перенесена вся деятельность по освоению морских нефтегазовых ресурсов страны. С этого времени проблемы освоения шельфа стали заслушиваться на Коллегии Мингазпрома регулярно. А накопилось их не мало. Некогда гордость отечественной нефтедобычи на море и излюбленный

объект кинодокументалистов и журналистов, — месторождение и нефтепромысел Нефтяные Камни, на котором с начала 1950 года уже добывалась нефть, к началу 1980 года представлял архаическое зрелище. Сотни буровых и эксплуатационных стационарных платформ, соединенных обветшалыми свайными эстакадами, формировали затейливый рукотворный город в море, он же промысел, протяженность «улиц» которого превышала 240 км. Изначальный отечественный опыт освоения морского месторождения включал сооружение морской платформы на свайном основании, с которой начиналось бурение разведочной скважины. При обнаружении искомого продукта платформа превращалась в стационарную установку для бурения скважин эксплуатационных. Будучи соединенными между собою свайными эстакадами, они наращивали таким образом хозяйство морского промысла.

Мировой же опыт разведочного бурения и последующего освоения морских нефтегазовых ресурсов базировался на развитии флота мобильных платформ самоподъемного, полупогружного типа, а также буровых судов, с которых осуществлялось разведочное бурение. В случае удачи, им на смену приходили платформы эксплуатационного бурения либо, как это имело место на глубоководном норвежском шельфе, сооружались огромные железобетонные опорные основания гравитационного типа с высотой опор свыше 300 м. Лишенный единообразия зарубежный опыт включает различные конструктивные решения морского промысла с использованием унифицированных блоков, его глубоко продуманную эксплуатацию и транспортировку продукта с учетом климатических, батиметрических, географических и иных конкретных условий, включая ледовую обстановку на море, её продолжительность и др. Как правило, используемые при этом технические средства и технологические решения в высшей степени капиталоемки.

Следует отметить, что несмотря на жесточайший режим экономии в отношении невоенных отраслей экономики, со второй половины 1960-х годов к нефтяникам Каспия стали поступать мобильные платформы. Результатом первой пробы отечественных возможностей стала более чем скромная платформа самоподъемного типа «Апшерон», изготовленная в 1966 году для бурения скважин на глубину до 1800 м при глубине воды до 15 м. Через два года здесь была установлена закупленная в

Голландии установка самоподъемного типа «Хазар», конструктивные особенности которой нашли применение на следующих отечественных платформах подобного типа: «Азербайджан» (1972 год), «Баку», «60 лет Октября» (1978 год). Наконец, в 1979 году на верфи астраханского производственного объединения «Лотос» было завершено изготовление первой отечественной платформы полупогружного типа «Каспморнефть», а в 1980 году — второй, такого же типа платформы «Шельф-1», сконструированных по западному образцу.

К середине 1980-х годов усилиями уже министра В.А. Динкова каспийский флот мобильных буровых платформ насчитывал одиннадцать единиц. Бурение с платформ осуществлялось на глубину до 6000 м при глубине воды до 200 м. На то время и в тех условиях это было значительным достижением. Наибольшим успехом морских нефтяников тех лет было открытие в 1979 году в 15 км юго-восточнее Нефтяных Камней на глубине 4500 м месторождения «28 апреля» (после распада СССР, в 1990-х годах переименовано в «Гюнешли») с извлекаемыми запасами до 100 млн т нефти. Это месторождение начало эксплуатироваться в 1981 году, и не удивительно, что его посещение было включено в программу пребывания министра газовой промышленности В.А. Динкова на предприятиях Каспморнефти в 1981 году. Этот успех вселял уверенность в неисчерпанность углеводородных ресурсов Каспия и усиливал аргументы в пользу расширения географии их поиска.

«Понимая важность этого направления работ, — подчеркнул Ч.Г. Саттаров, — Василий Александрович продолжал поддерживать дорогостоящие усилия «моряков». Конечно же, складывающаяся ситуация не могла не вызывать беспокойство министра, озабоченного выполнением неуклонно увеличивающегося плана добычи природного газа. Но масштабное мышление, охватывающее все пространство огромного российского шельфа, занимающего площадь в 6 млн км^2, или 20 % площади шельфа Мирового океана, в отдельных районах которого геологами уже были обнаружены нефтегазоносные структуры, подсказывало неизбежность потенциальных открытий, а это было очень важно для судьбы государственно важного дела и тем более, что изученность шельфа на нефть и газ не превышала двух процентов...»

В.А. Динков поддерживал мнение ученых о значительных

Обсуждение проблем разработки морских нефтяных месторождений во Вьетнаме в рамках деятельности советско-вьетнамской компании <<Вьет-совпетро>>

запасах нефти и газа в недрах арктических морей. Этот аспект деятельности В.А. Динкова положительно характеризовал и Н.К. Байбаков.

«Много сил и энергии, — пишет в своих воспоминаниях Николай Константинович, — Динков вложил в ускоренное решение комплекса вопросов по освоению нефтегазовых месторождений морских шельфов. К середине 1980-х годов в основном были решены вопросы создания специальных средств, позволяющих приступить к работам на больших глубинах морей.»

Его энергичная поддержка усилий Зарубежнефти по подписанию соглашения о создании в 1981 году с вьетнамцами компании «Вьетсовпетро» по совместной разработке нефтегазовых ресурсов вьетнамского шельфа и последовавшая командировка во Вьетнам лишь подтвердили личную приверженность министра В.А. Динкова этой перспективной сфере дея-

телыюсти и за рубежом. Отметим, что деятельность «Вьетсовпетро» оказалась самым эффективным вложением наших инвестиций за пределами страны за всю историю сотрудничества с иностранными компаниями нашего бывшего и настоящего государства. С каждым новым десятилетием прибыль компании «Вьетсовпетро» и её достойная часть, отчисляемая России, лишь растет. К своему двадцатилетию, отмеченному в 2001 году, компания побила все рекорды и уверенно смотрит в будущее.

Весь трагизм положения, с которым В.А. Динков столкнется в более жестких условиях через несколько лет уже в качестве министра нефтяной промышленности, состоял в том, что по праву претендующие на независимую профессиональную деятельность в рамках самостоятельной государственной структуры, высококвалифицированные специалисты по разведке и разработке морских нефтяных и газовых месторождений оказались, как бы, инородным телом, попеременно живущем на остаточном довольствии то у одного, то у другого отраслевого союзного министерства (Миннефтепром, Мингазпром и вновь Миннефтепром), отягощенного своими собственными неослабевающими заботами.

Несколько забегая вперед, лишь отметим, что его преемники в Мингазпроме не будут отягощать себя столь пространными размышлениями и сделают все, чтобы около сотни оставшихся в министерстве специалистов экстра класса оказались на положении отверженных пасынков.

Такого пренебрежительного отношения к людям, труд которых во все времена с появления профессии нефтяников моря был абсолютно ликвидным товаром на международном рынке труда, не могла себе позволить ни одна богатая страна. Что же говорить о нас? Иначе, как нерадивостью (и это очень щадящее выражение) не назвать такое отношение к золотому фонду отечественных профессиональных знаний в этой уникальной, специфической и сегодня высокооплачиваемой дальновидными хозяевами сфере деятельности, в которой с послевоенных лет мы имели высококонкурентный профессиональный потенциал. Рассеянные временем эти люди, каждый уже в меру личных житейских способностей, устраивался на любую работу в нефтегазовых компаниях, включая зарубежные, где их высокооцененный труд приносил и приносит немалый

доход и новым рачительным хозяевам. И это при нашей-то бедности?!

А предвидение Василия Александровича Динкова подтвердится через полтора-два десятка лет на российском и казахстанском шельфе севера и северо-востока Каспия, на Карском, Баренцевом, Печорском морях, а также на сахалинском шельфе Охотского моря. На Охотском море в дополнение к ранее открытым месторождениям природного газа, в июле 1999 года на Астохском участке Пильтун-Астохского нефтяного месторождения проекта «Сахалин-2» началась промышленная добыча нефти. Это дальневосточное достижение было удивительным образом связано с именем В.А. Динкова, но уже с Динковым — президентом созданной им компании «СЖС-Энергодиагности-ка», участие которой сыграло не последнюю роль в успехе крупного международного проекта, эффективность которого с годами лишь возрастает.

Ни возраст, ни периодически напоминающий о себе недуг не ослабят его увлеченности действием и в этой важной производственной сфере нефтяников и газовиков. Подтверждением неослабевающего интереса В.А. Динкова к проблемам освоения шельфа и озабоченности состоянием обеспечения безопасности работ является одна из его последних статей, опубликованная в соавторстве в № 11 журнала «Газовая промышленность» за 2000 год. Он обращает внимание на необходимость совершенствования нормативного и правового регулирования при развитии работ по добыче полезных ископаемых на шельфе России с учетом мирового опыта, на целесообразность обеспечения четкой координации деятельности всех органов, осуществляющих надзорные и контрольные функции на нефтегазодобывающих объектах шельфа. Владея огромным опытом руководства газовой и нефтяной промышленностью, он.. настойчиво предлагает не ослаблять усилий на углубление контрольных функций Госгортехнадзора России при активном привлечении высокопрофессиональных экспертов, указывает на конкретные недостатки проектной документации исполнителей проекта «Сахалин-2», проекта по обустройству Приразломного месторождения в Баренцевом море, живет жизнью труженника...

«Инженерный талант Василия Александровича Динкова по праву в одном ряду с такими представителями российской ин-

женерной мысли как инженер Кулибин, инженер Шухов. Он наиболее полно отвечал тому изначальному смыслу, который был положен в основу понятия «инженер», родившемуся от латинского «тдепшт» — гениальный человек, творец. К сожалению, наше общество, увлекшись массовостью, на протяжении своего существования выхолостило, снивелировало понимание исключительности и значимости профессии истинного инженера, пользующейся совершенно иной, значительно более серьезной репутацией на Западе. Выручало то, что Россия всегда была богата талантами. И одним из них, без преувеличения, носителем могучего российского инженерного духа был Василий Александрович.»

Под этими словами действительного члена Российской Академии Наук **Анатолия Николаевича Дмитриевского** готовы расписаться все бывшие коллеги В.А. Динкова, изъявившие готовность сотрудничать с автором в написании книги и вне сомнения огромная армия инженерно-технических работников и ученых, участников грандиозной нефтегазостроительной эпопеи 60—80-х годов XX века.

«Естественно, — продолжал в нашей беседе А.Н. Дмитриевский, — его глубинные знания позволяли проникаться безошибочным пониманием всех тонкостей нефтегазового дела. На протяжении целых десятилетий любой значительный проект Динков буквально пронизывал своим интеллектом, и его феноменальная способность отделять зерна от плевел ни разу не подвела... Много раз, участвуя на заседаниях Коллегии Министерства газовой промышленности и Министерства нефтяной промышленности во главе с министром Динковым, в обсуждениях все новых и новых проектов разработки газовых и нефтяных месторождений, я всегда поражался точности динковской оценки. И достаточно было ему в ходе этих обсуждений увидеть в предложении глубокую инженерную обоснованность, чтобы проекту было предопределено внедрение в жизнь. Будучи уверенным в своей правоте, он мог, не взирая на регалии оппонента, идти против мнения большинства.

Последующее время лишь подтверждало его правоту. Не надо быть специалистом, чтобы оценить всю историческую значимость умения принимать безошибочно верные решения, обеспечивающие макроэкономический успех в развитии, судьбоносных для жизни страны, нефтяной и газовой промыш-

Участники Мирового газового конгресса в Лозанне, Швейцария. Слева направо: члены советской делегации — Волчков, Ю.П. Коротаев, А.Н.Дмитриевский, (?), В.А.Динков

ленности. Ведь не случайно, — продолжает А.Н. Дмитриевский, — и не для красного словца о достойнейших личностях говорят, как о национальном достоянии. Нас же воспитывали, втолковывая мысль, мол незаменимых нет. Жизнь же постоянно напоминает об ошибочности этого тезиса. Надо признать великим счастьем страны, что при всех, выпавших на ее долю испытаниях, она продолжает располагать этим незаменимым ресурсом. Без преувеличения, именно усилиями таких гигантов как Валентин Дмитриевич Шашин, Николай Константинович Байбаков, Алексей Кириллович Кортунов, Сабит Атаевич

Оруджев, Василий Александрович Динков и многих других не поименованных в стране был создан уникальный нефтегазовый комплекс, равного которому нет в мире и сегодня. В этом нет преувеличения, так как и в сегодняшних сложнейших условиях Россия добывает без малого 850 млн т жидких и газообразных углеводородов в нефтяном эквиваленте. На годы, когда Василий Александрович руководил Министерством газовой промышленности, пришелся максимальный расцвет отрасли, когда среднегодовой прирост добычи природного газа не снижался ниже показателя в 30—35 млрд $м^3$, а в 1985 году подготовленная всеми предшествующими годами отрасль обеспечила увеличение добычи на 50 млрд $м^3$. Отдельная тема — доклады Василия Александровича на мировых газовых, а затем и нефтяных конгрессах. Они всегда отмечались, как значительные события в мировом энергетическом комплексе. Конечно же, — говорит А.Н. Дмитриевский, — мы старательно готовили исходный материал, но после его доработки весь первоначальный материал коренным образом менялся. Он обладал прекрасным даром видения перспективы и тенденции развития топливно-энергетического комплекса. Помню, в начале 1980-х годов на Мировом газовом конгрессе в Лозанне Василий Александрович выступал с докладом о перспективах развития газовой промышленности СССР. В докладе впервые были обоснованы экологические и экономические преимущества природного газа и продемонстрирована способность газа взять на себя важную экономическую функцию в ТЭКе потенциальным использованием части накопления в высшей степени прибыльной отрасли для создания экологически чистых технологий и повышения безопасности условий труда в угольной промышленности и атомной энергетике.

Это был поистине всеохватный масштаб и, что особенно важно, во всеобщее благо страны. Именно после его доклада, — продолжает воспоминания Дмитриевский, — в обиход вошли термины «газовая передышка» и «эпоха метана.»

(В противовес сторонникам безудержного роста добычи природного газа до триллиона кубометров в год была показана разумная альтернатива с использованием угля и АЭС.) Такая постановка вопроса разительно отличалась от конкретных шагов его преемников в руководстве газовой промышленностью.

Через пять лет беспечность в стране приведет к чернобыльской трагедии.

В год чернобыльской трагедии Конгресс США при поддержке президента Рейгана введет в действие многолетнюю исследовательскую демонстрационную программу Министерства энергетики по разработке, созданию и рекламе технических средств и технологии получения и использования экологически чистого угля в электроэнергетике с выделением для этих целей 5 млрд долл. И через двадцать лет администрация американского президента Буша, младшего, подтверждая национальную приверженность этой идее приступит к исполнению предвыборных обязательств своего босса инвестировать для тех же целей полмиллиарда долларов в год, ибо традиционной уязвимостью неизбежно широко используемого для получения электроэнергии угля является загрязнение окружающей среды. Ведь не случайно светоносная энергетическая продукция угольных электростанций носит клеймо «а1г1: Ьу \у1ге» (прямой перевод: «загрязнения по проводам»). Наконец, через 21 год в новом российском журнале «Мировая энергетическая политика» появится интервью, в котором президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев разовьет высказанную В.А. Дин-ковым мысль, подчеркнув «...если мы хотим в будущем иметь быстро растущую и процветающую экономику, вожделенные нефтедоллары (равно, как и «газодоллары», М.Г.) должны стать своего рода «удобрением» для производства и отраслей экономики, которые находятся в зачаточном (либо запущенном, М.Г.) состоянии или пока не существует вообще».

Руководство же Газпрома через 16 лет заявит, что время «возникновения условий для вовлечения экологически приемлемых угольных технологий» придет не раньше 2010—2020-х годов (см. Стратегия развития нефтегазовых компаний / Под ред. профессора Р.И. Вяхирева. — М.: Наука, 1998. — С. 49). А заявив подобное уже в новых рыночных условиях России 1990-х годов, оно будет продолжать выражать недовольство политикой руководства российских электроэнергетиков в лице РАО ЕЭС, которое, в свою очередь, уже из эгоистических соображений настойчиво предпочитает использовать дешевый природный газ, покрывая им две трети потребности, вместо «сбалансированного» использования относительно дорогого мазута и экологически неполноценного угля, добиваясь при

этом высокотехнологичного превращения его во всесторонне полноценное топливо.

Но в этой непростой ситуации и должна быть выказана регулирующая функция государства — главного акционера и Газпрома, и РАО ЕЭС.

А ведь с высокой трибуны Международного газового Конгресса в 1981 году министром самой крупной газодобывающей державы мира была выражена озабоченность складывающейся ситуацией и предложен продуманный подход к решению обострившейся сегодня проблемы сбалансированности и безопасности использования человечеством всего многообразия энергетических ресурсов. Применительно же к нашей стране это позволило бы безболезненней решать проблемы электроэнергетики с высвобождением природного газа для использования в трудозатратных технологиях химического производства и в иных, социально и экономически более оправданных целях. Именно в подобных случаях правомерно говорить о предвидении государственного масштаба. (Примечание М.Г.)

Анатолий Николаевич остановился еще на одной черте характера В.А. Динкова, который всегда подчеркнуто уважительно относился к науке, к мнению ученых и попросту к собеседнику и ни при каких обстоятельствах не навязывал своего мнения, когда речь шла об оценке той или иной, пусть и в высшей степени достойной, работы на соискание ученой степени. «Он учитывал всю неотвратимость влияния своего суждения на решение ученого совета, — подчеркнул А.Н. Дмитриевский, — и оставлял ему абсолютную свободу для принятия объективного решения.»

Подтверждением особого отношения В.А. Динкова к науке и ее производной — технологии служат и прилагаемые в книге воспоминания **Рудольфа Михайловича Тер-Саркисова,** заслуженного деятеля науки Российской Федерации, действительного члена Академии горных наук и Академии естественных наук, доктора технических наук, профессора. В течение четырнадцати лет он был заместителем генерального директора ВНИИГАЗа, ныне — директор этого института.

«При всей безусловной готовности содействовать продвижению и практической реализации достойной научной идеи, Василий Александрович всегда отличался взвешенностью суждений и, тем более, глубокой продуманностью принимаемых

решений», — вспоминает бывший директор ВНИИГАЗа **Александр Иванович Гриценко.** «Характерным примером может служить занятая им позиция в принципиальных дискуссиях по использованию предложенной известным в стране научным центром конструкции многослойных труб для трубопроводов высокого давления в 100 атм и выше. Казалось, трудно было устоять перед соблазном и не согласиться с аргументами влиятельных и признанных в техническом мире сторонников предлагаемого конструктивного решения...»

Следует отметить, что в защиту этой идеи выступил министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Б.Е. Щербина. «Кстати, — заявил в одном из интервью Борис Евдокимович, — пропускная способность трубопроводов будет расти и дальше. Более прочные многослойные трубы позволят поднять давление в магистралях и на треть увеличить поток газа в них...» На страницах отечественной и зарубежной прессы появились восторженные журналистские обзоры о «технологическом прорыве» в трубопроводном строительстве, о ламинарных, многослойных трубах. Для производства этих труб на Выксунском трубопрокатном заводе в Горьковской области был смонтирован стан, выпущены трубы и на опытных участках началось проведение их всесторонних испытаний. Однако восторг разделялся не всеми. Как вспоминает А.И. Гриценко: «Этот вопрос был вынесен на обсуждение на совещании у Председателя СМ СССР Н.А. Тихонова, которое состоялось в начале 1980-х годов в Кремле. На этом совещании настойчивости инициаторов были противопоставлены контраргументы ВНИИГАЗа, решительно поддержанные В.А. Динковым. Расчеты показывали, что в напряженной многослойной трубе возникали неконтролируемые, деструктивные процессы... Будучи тогда первым заместителем министра, В.А. Динков лично перепроверил расчеты и его четко изложенное мнение не оставило надежд у авторов предложенной идеи.

Независимо от того, обсуждалась ли в институте генеральная схема развития отрасли, шла ли речь об оптимизации отбора газа из подземного хранилища, либо о выборе изоляционного покрытия газопровода, во всех случаях в рассмотрении каждого серьезного вопроса Василий Александрович принимал самое деятельное участие, в предварительном порядке скрупу-

лезно изучив мировой опыт и наивысшие достижения в указанных областях и черпая сведения из своих, казавшихся неисчерпаемыми, знаний.

А мое первое знакомство с Василием Александровичем,— продолжал воспоминания А.И. Гриценко, — произошло в 1958 году в Краснодаре, куда молодым выпускником Московского нефтяного института с дипломом инженера по разработке газовых месторождений я прибыл на работу по институтскому распределению и был определен в Газопромысловое управление Краснодарского совнархоза. Василий Александрович в те дни увлеченно трудился на промыслах в поселке Черноморском, инициативно внедряя систему промыслового сбора попутного газа. К удивлению скептиков, работа проходила более чем успешно и увлеченный неутомимым главным инженером Динковым я стал подолгу задерживаться на промыслах. Моя увлеченность стоила однажды моим близким не малых тревог.

Может показаться неправдоподобным, но задержавшись с Василием Александровичем на Ленинградском месторождении, я невольно подверг тревожным волнениям родных и друзей, опоздав... в ЗАГС на собственную предсвадебную регистрацию женитьбы... Когда после непродолжительной работы в Краснодаре я решил поступить в аспирантуру и продолжить работу на научном поприще, Динков внимательно выслушал и безоговорочно поддержал мои намерения. Время развело наши пути. К 1977 году мы встретились вновь и уже доктором наук и руководителем деканата родного института я был рекомендован В.А. Динковым и его коллегами по руководству министерством и приказом министра С.А. Оруджева назначен директором ВНИИГАЗа. С этого времени мои встречи с В.А. Динковым вошли в русло систематических обсуждений множества научных предложений по решению конкретных проблем бурно развивающейся газовой промышленности. Институт жил творческой жизнью, насыщенной научно-производственными свершениями. Наши расширенные заседания и острые дискуссии создали институту репутацию достойного центра отраслевой науки, приоритеты которой находили живой отклик и оперативное применение непосредственно на производстве. Мы по праву гордились достигнутым уровнем научных исследований и их признанием на многочисленных международных форумах. Се-

годня, по истечению десятилетий становится более чем очевидным, что в значительной степени, достигнутая ВНИИГАЗом высокая репутация была ещё и следствием того подчеркнуто уважительного отношения к мнению ученых и к их нуждам, которое с готовностью проявлял Василий Александрович Динков на всех этапах руководящей деятельности в Мингазпроме, вплоть до министра, снискав в душе деятелей отраслевой науки благодарную и неувядающую память.»

К середине 1980-х годов четко отлаженный механизм газовой промышленности, успешно решивший главную стратегическую задачу — обеспеченность извлекаемыми запасами, которых хватило на сотню лет, уверенно лидировал в народном хозяйстве. Продукция отрасли, прочно утвердившись и на европейском рынке, обеспечивала стабильное поступление в казну желанной валюты. Правда, экспортная цена советского природного газа уступала среднеевропейской, но это была, скорее, общая беда советских товаров на мировом рынке, нежели вина экспортеров.

Но правда и то, что рой новоиспеченных нефтегазоэкспортеров уже 1990-х годов не оставит многострадальной стране надежд на дотошное выторговывание для казны каждого цента за каждый баррель и каждые 1000 $м^3$ газа, экспортируемых на твердовалютном рынке. Нелишне при этом отметить, что каждый выигранный цент в ответственнейшей для экономики страны торговле нефтью и газом лишь при фактическом экспорте нефти не менее 100 млн т в год обеспечивает выигрыш не менее 7,3 млн долларов. А ведь разница в ценах нашей «Юралс» и базовой «Брент» исчисляется не центами, но долларами. И в переживаемое время эта разница подчас не столько, как того требуют правила, результат различия физико-химических свойств отечественного и базового товара, сколько следствие тщательно продуманной многоходовой комбинации исполнителей торговых сделок и их «наставников». Конечный же результат этой «деятельности» — оседание огромных сумм в обход казны на соответствующих валютных счетах, а это удар и по бюджету страны и репутации законопослушных трейдеров.

У этой действительности была и очевидно есть своя идеологическая основа. Где, как не в сфере обращения этих ликвидных товаров, наверное думалось и наверняка думается от-

цам реформаторам, мог наращивать первично-накопительский жирок нарождающийся и востребованный жизнью российский собственник (?!). Однако были забыты и мера в обнаружившихся аппетитах и ответственность перед народом. А тяжелый недуг верховной власти лишь разжигал алчность стяжателей.

Через десять лет, досконально разобравшись во всех звеньях цепочки внешнеторговых операций нефтью и газом, Василий Александрович, уже будучи президентом СП «СЖС-Энергодиагностика», предложит организовать на экспортных терминалах пункты независимого аудиторского контроля качества и количества этих товаров. Экономическая целесообразность предложения будет подкреплена тщательными расчетами.

Надо ли быть большим провидцем, чтобы оценить и становящуюся все более очевидной смелость предложения и определить его судьбу. Оно оказалось под сукном.

Рост мирового энергопотребления при географической неравномерности размещения геологических запасов ископаемого топлива, обеспечивал неоспоримые преимущества странам, недра которых обладали их значительными ресурсами, и в перспективе сулил им ещё большие выгоды. Это укрепляло позиции и убедительность аргументов политиков нефтегазодобывающих стран, и СССР не стал в этом отношении исключением. Беда была в том, что выпавший стране подарок природы, или «Прайз» («Рпге»), как в одноименном исследовании назвал его американский ученый Даниэль Ергин, востребованный и поставленный на службу государству целенаправленными усилиями признанных специалистов успешно работающей отрасли, в конечном итоге, правительством использовался крайне неэффективно. Идеологизированная экономика, следующая «генеральной линии», использовала эти преимущества, главным образом, как бы «гарниром» к политическим инициативам и на латание дыр во всепожирающем жерле военно-промышленного комплекса. Новый, еще более крутой виток вооружений не оставлял надежды на новую «оттепель». Но эта была недосягаемая сфера высшей политики, осуществление которой неизбежно оборачивалось ужесточением требований увеличения добычи нефти и газа. Сама же газовая отрасль, как и нефтяная, точнее отечественное нефтяное и химическое машиностроение и компрессоростроение, призванные обеспечивать

Испытание снегоболотохода «Ямал» на подмосковном полигоне Миннеф-тегазстроя СССР в Раменском. Москва, Раменский полигон, начало февраля 1985 г.

потребности нефтегазовой отрасли, за некоторым периодически серьезным исключением жили на остаточном принципе. И тем значительными и неоспоримыми были их достижения.

И тем достойнее, к шестидесятилетию со дня рождения 24 декабря 1984 года было присвоение Василию Александровичу Динкову звания Героя Социалистического Труда. Министр мог по праву гордиться достижением газовой промышленности, которой отдана тридцатилетняя трудовая деятельность со дня окончания института. В завершающемся 1984 году добыча вплотную подошла к некогда непостижимой отметке в 600 млрд $м^3$, обеспечив фантастический годовой прирост в 51,5 млрд $м^3$. Около четверти века назад, в 1961 году приблизительно столько добывала вся страна.

Отрасль была неудержимо устремлена к новым достижениям и её министр рождал в писательской фантазии образное сравнение с вездеходом смелой инженерной мысли, уверенно прокладывающем свежую колею, вторгаясь в доселе неизведанное, и преодолевающем любые препятствия на всех напра-

На снимке слева направо: министр газовой промышленности СССР В.А. Динков (с 13 февраля 1985 года - министр нефтяной промышленности СССР), советник Государственного комитета СССР по науке и технике М.Н. Гайказов, министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР В.Г. Чирсков, посол Канады в СССР господин Форд и министр угольной промышленности СССР М.И. Щадов на испытаниях снегоболотохода - «Ямал^. Москва, Раменский полигон, начало февраля 1985 г.

влениях движения, не расплескав и приумножив преимущества. Эту ассоциацию подсказала памятная встреча в зимний февральский день 1985 года на испытательном полигоне Минфтегазстроя СССР в подмосковском Раменском. Здесь, в присутствии трех советских министров (В.Г. Чирскова, В.А. Динкова и М.И. Щадова) и посла Канады в СССР господина Форда демонстрировались первые ходовые испыта-

ния красавца снегоболотохода «Ямал» грузоподъемностью 70 т — первого реального плода многообещающего советско-канадского сотрудничества, организованного Государственным комитетом СССР по науке и технике. Эта, вобравшая в себя все достижения дорожной техники машина, несмотря на внушительные размеры, удивляла высокой маневренностью, надежностью и проходимостью, что было продемонстрировано на просторном Раменском полигоне с искусственными препятствиями. Ее динамичность обеспечивалась мощным приводом, а комфортность продуманным дизайном. Ее рождение было результатом компромисса, достигнутого между советской и канадской сторонами после совершенно непредвиденных и сложных переговоров, проведенных под эгидой ГКНТ СССР. Дело в том, что в декабре 1981 года в одном из пространных интервью министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Б.Е. Щербина, комментируя достижения строителей нефтегазопроводов, остановился на оценке достоинств применявшейся вездеходной техники: «Болота мы преодолеваем с помощью «Тюмени» — двухзвенной машины с резинометаллическими гусеницами. «Тюмень» с 30-тонным грузом проходит там, где тонули канадские вездеходы...».

Через полтора года в 1983 году образец этой машины был выставлен на Международной выставке «Нефть и газ-83» в Москве. И здесь, заинтригованные статьей, любопытные участники канадского павильона выставки обнаружили в конструкции пресловутой «Тюмени» заимствование ноу-хау из канадского снегоболотохода «Форемоуст». «Тюмень» была создана по горячим следам поступивших к нам по импорту с начала 1970-х годов канадских снегоболотоходов грузоподъемностью 35 т и уже не первый год использовалась нефтегазостроителями, нефтяниками и газовиками в Тюменской области. Уверовав в нарушении авторских прав, канадцы с соблюдением всех нюансов процедуры обратились за содействием в МИД СССР с предложением организовать переговоры с производителями «Тюмени» для решения возникшей коллизии. На переговорах, проведенных ГКНТ СССР, как гром среди ясного неба цена вопроса была оценена канадцами в 3 млн долларов «за компенсацию материального ущерба». В конечном итоге сошлись на совместной разработке и создании нового снегоболотохода грузоподъемностью 70 т с отказом канадцев от выдвинутых пре-

тензий. Одним из первых, кто решительно откликнулся на предложение ГКНТ и поддержал создание подобных большегрузных машин был Василий Александрович. Более того, подчеркивая важность идеи, он лично прибыл на испытательный полигон. Как через несколько дней неожиданно для всех выяснилось В.А. Динков буквально последние дни руководил Мингазпромом (через неделю 13 февраля 1985 года он приступит к исполнению обязанностей министра нефтяной промышленности СССР). Так, что ГКНТ СССР, организовавший сотрудничество по созданию «Ямала», был спокоен, имея согласование не только с едва избежавшим неприятности Миннефтегазстроем СССР, но в одном лице В.А. Динкова, согласование с двумя министерствами — Мингазпромом и Миннефтепромом СССР, к этому времени интенсивно разрабатывавшими крупные месторождения газа и нефти на огромных необжитых простанствах северных районов Западной Сибири. Прибывший на испытательный полигон посол Форд с удовлетворением отметил рождение крупномасштабного советско-канадского сотрудничества. Он был приятно удивлен присутствием на испытаниях трех союзных министров, весьма своеобразно и многозначительно прокомментировав этот факт одним лишь словом на английском, адресовав его то ли своему секретарю, то ли мне (М.Г.) — «па18» («шапки»). Я огляделся, и он перехватил мою улыбку. Головные уборы трех министров отличались лишь... размерами. Три великолепные меховые шапки-близнецы надежно защищали их хозяев от подмосковного мороза.

В наступившем 1985 году министру газовой промышленности Василию Александровичу Динкову виделся неослабевающе напряженный, отлаженный трудовой ритм отрасли, в общепризнанных успехах и достижениях которой был его немалый и признанный вклад. Виделись новые горизонты...

Но жизнь распорядилась иначе. 13 февраля 1985 года он приступил к работе министром нефтяной промышленности СССР. А еще через месяц в нашей стране произошла смена руководства. Под девизом перестройки в стране стала осуществляться провозглашенная экономическая реформа, радикальность которой была углублена в начале 1990-х годов уже в новой России. И в высшей степени прибыльной бюджетообразующей газодобывающей отрасли стали возобладать тенденции её, пусть и частичной, но приватизации. Настойчиво стремясь

к совершенствованию, государство и отрасль вырабатывают новые формы и тактику развития, и чем быстрее российский Газпром войдет в колею глубоко продуманных, социально и морально ответственных решений России XXI века, тем ближе к осуществлению державные помыслы её первых руководителей и надежды общества, возлагаемые на газовую промышленность.

И обнадеживающим фактом в этих ожиданиях воспринята замелькавшая на экране телевизоров реклама «Газпром — Национальное Достояние» (!)

3

НЕФТЬ. НОВЫЕ НАЧИНАНИЯ

Шашина мудрость, кипенье Оруджева, Битвы Щербины, бои Кортунова, Предвосхищали прорывы Баталина, Неповторимые стройки Чирскова, В жизнь устремив всеохватность Динкова.

М.Н. Гайказов

Для министра газовой промышленности СССР Василия Александровича Динкова телефонный звонок секретаря ЦК по промышленности **Владимира Ивановича Долгих** в начале февраля 1985 года не был чем-то неожиданным. Отрасль отлично закончила минувший 1984 год по всем показателям темпов прироста запасов и добычи природного газа, так что телефонные поздравления руководителей высокой партийной инстанции были в порядке вещей. И даже то, что его приглашали на Старую площадь, не могло предвещать что-либо неожиданное. И всё же, то, что он услышал от хозяина кабинета после небольшого вступления, было для него полнейшей неожиданностью: «Как Вы относитесь к тому, чтобы возглавить Министерство нефтяной промышленности СССР (?!)».

Он без колебаний ответил так, как ответил бы любой другой на его месте ответственный руководитель, специалист и профессионал, владеющий глубокими знаниями и пользующийся заслуженно высоким авторитетом в отрасли, которой отдал тридцать лет беспрерывного и высоко оцененного труда: «Не вижу в этом необходимости. Было бы неразумно мне газовику на шестьдесят первом году жизни, по

всем понятиям не в возрасте новых серьезных начинаний, сменить профессию, оставить отлаженную работу и возглавить новое для меня, ответственное дело...».

Далее, по воспоминаниям В.А. Динкова, события стали развиваться с калейдоскопической быстротой. По внутреннему телефону В.И. Долгих позвонил Михаилу Сергеевичу Горбачеву, который немедленно пригласил к себе обоих. В феврале 1985 года М.С. Горбачев ещё не был Генеральным секретарем ЦК КПСС. Это произойдет через несколько недель на мартовском Пленуме ЦК. Тем не менее, он был общепризнанно вторым лицом в партийной иерархии и вел Секретариат ЦК КПСС, а в отсутствии часто болевшего К.У. Черненко, председательствовал на заседаниях Политбюро. К тому же он был главным координатором деятельности Аппарата. Так что переговоры с В.А. Динковым вела высшая власть страны. Горбачев тепло приветствовал Динкова, напомнив о постоянном соперничестве соседей — краснодарцев и ставропольцев в 1960-е годы за первенство в РСФСР по добыче газа, о давнем знакомстве с начальником Главгаздобычи Мингазпрома и заместителем министра газовой промышленности СССР В.А. Динковым, когда на Ставрополье совместно решались конкретные проблемы газовой отрасли и даже об имевшем место личном вмешательстве Динкова по оказанию своевременной помощи Ставрополью в суровую зиму 1978—1979 годов.... Услышав от В.И. Долгих о несогласии Динкова с предложением возглавить Миннефтепром, М.С. Горбачев со своей стороны обрисовал усложнившуюся в отрасли ситуацию, выразил единодушное положительное мнение членов Политбюро и свое личное отношение к его кандидатуре... Разговор затягивался. Ожидаемого согласия рекомендуемого не последовало. И тогда был использован последний аргумент. Партийный. Решение партийной инстанции — закон для членов партии... Как впоследствии вспоминал Василий Александрович, это были минуты тягостных раздумий. Как быть? Около сорока лет назад он в порыве молодости избежал исполнения предписания краснодарских партийных руководителей, не стал аграрником и нашел свое инженерное призвание. Но можно ли дважды, в одну реку?! А как же тогда с чувствами высокой ответственности гражданина и патриота своей страны, которая устами её первых руководителей обращается за помощью? Эти раздумья предопредели -

Герой Социалистического Труда министр нефтяной промышленности СССР Василий Александрович Динков. Москва, 13 февраля 1985 г.

ли его окончательное решение. И 13 февраля 1985 года он возглавил крупнейшее в мире промышленное производство, испытывающее сложности, — Министерство нефтяной промышленности СССР.

Много лет спустя, в 12-м номере журнала «Газовая промышленность» за 1994 год был опубликован ответ Василия Александровича на вопрос журналиста в день своего 70-летия, — «насколько роль нефтяного министра была для Вас неожиданной?». Василий Александрович ответил дословно: «Я раньше никогда не соотносил себя с нефтяной промышленностью, но речь шла о выводе отрасли из кризиса. Что говорить, газовая промышленность, будучи значительно моложе нефтяной, ушла далеко вперед и по организации работы и по исполнению при-

нимаемых решений. В нефтяной я столкнулся с застывшими традициями, которые мешали развитию отрасли. Начинался развал ряда организационных структур. На промыслах, добывающих предприятиях практически отсутствовали геологические службы, в простое находилось 27 тыс. скважин. Пришлось многое восстанавливать и реанимировать. Вскоре удалось ввести в действие часть их. Сравнивая нефтяную промышленность с газовой, я видел огромную разницу в их дееспособности. Несомненно, нефтяникам нужен был опыт газовиков. Для того я посылал специалистов-нефтяников на компрессорные станции Газпрома, чтобы они могли ознакомиться с организацией ремонта оборудования, эксплуатацией энергохозяйства. Надо сказать, они не предполагали насколько далеко отстали от газовиков в культуре производства.»

Но в день нового назначения ему предстояло ещё одно испытание. Прежде чем приступить к исполнению новых обязанностей, он должен был принять их от предшественника. В.А. Динков вспоминал, как в высшей степени достойно, в эмоционально сложной атмосфере в тот тягостный день, вел себя **Николай Алексеевич Мальцев.** У них состоялся разговор. «Будет тяжело, — произнес, прощаясь, бывший министр, — ситуация в отрасли аховая.»

Следует отметить, что Н.А. Мальцев вел себя достойно по отношению к Василию Александровичу Динкову и к памяти о нем до последних дней своей жизни. В самые горестные для семьи Динковых мгновения он одним из первых позвонил и выразил семье искренние соболезнования, извинившись за невозможность личного присутствия — послеоперационный период с ещё не снятыми повязками. И первое, что сделал, несколько оправившись, посетил место его вечного покоя. Иное воспитание. Оно исповедует иные ценности.

Решением той же высшей инстанции, о котором ставший бывшим министр Н.А. Мальцев узнал из телевизионного сообщения, он в одночасье был отправлен на пенсию. В возрасте 57 лет. Случай беспрецедентный. В мировой практике нечто подобное имело место дважды, когда в неполные 60 лет на пенсию отбывали наиболее значительные личности в руководстве нефтяной промышленностью. Первый случай произошел за 88 лет до этого в США, второй — 20 месяцев спустя в Саудовской Аравии. В первом случае, сославшись на самочувствие, по

личному желанию, в возрасте 58 лет отошел от деятельности в созданном им нефтяном деле, сохранив в нем авторитет, влияние и капиталы, отец американского «Ойльдорадо» Джон Рокфеллер (и прожил почти до 98-летнего возраста). Второй случай произошел с полным энергии министром нефти Саудовской Аравии Ахмедом Заки Ямани. У него, пребывавшего дома в отличном расположении духа за дружеским ужином, позвонил телефон, и неизвестный голос предложил включить телевизор. Ведущий телевизионных новостей бесстрастным голосом сообщал на весь мир о том, что он освобожден от занимаемой должности министра нефти Саудовской Аравии. Через 24 года непрестанной деятельности. Не вдаваясь в мотивы решений саудовского короля и Д. Рокфеллера, можно не сомневаться, что бывший министр нефти Саудовской Аравии, как и потомки Рокфеллера и сегодня полны здоровья и пребывают в отличном расположении духа. Николай Алексеевич Мальцев не был ни «Рокфеллером», ни «саудитом». Не могли быть и не стали таковыми, за редчайшими исключениями, сотни его известных и безвестных коллег. Их скромная жизнь, невостребованные знания, а по истечении отведенного жизни времени и судьба, достигших почтенного возраста членов их семей до последних дней жизни волновали и волнуют разве что близких друзей и коллег, независимо от удачливости постигшей их судьбы оставшихся верными неписанным законам корпоративной солидарности нефтяников — нефтяному братству. Не хотелось бы думать, что не так уж далеки от нефтяников их младшие братья — газовики.

Но первые тревожные оценки перспектив нефтяной промышленности прозвучали в 1977 году, когда Центральное разведывательное управление США подготовило свой знаменитый доклад с анализом состояния и перспектив развития нефтяной промышленности СССР. В нем утверждалось, что добыча нефти в нашей стране достигнет своего пика не позже начала 1980-х годов и, что в 1990-е годы СССР вынужден будет нефть импортировать. Доклад появился через пару лет после впечатляющего выхода СССР на первое место в мире по добыче нефти в 1975 году, и у большинства аналитиков в мире вызвал резко критическое отношение. (Добыча в 1975 году, в СССР составила 490,8, в США — 417 и в Саудовской Аравии — 415 млн т.)

Однако нашим самым впечатляющим «ответом лорду Керзону», точнее американским оценкам, как об этом со ссылкой на шведскую консалтинговую фирму «ПетроСтади» сообщил американский еженедельник «Ойл энд Газ Джорнэл» в номере от 15 декабря 1980 года, указав на заимствование этой информации Французским нефтепромышленным бюллетенем и международными СМИ, было заявление о том, что, мол «Западная Сибирь буквально плавает в море нефти» и что «...умышленная дезинформация — один из излюбленных приемов ЦРУ». В подтверждение этого тезиса, — как продолжает журнал, — в начале 1980-х годов было объявлено, что открыто месторождение, запасы которого многократно превышают суммарные мировые запасы нефти и оцениваются порядка в 600 млрд т (4,5 трлн баррелей). Впечатление от этой информации было настолько сильным, что до её официального опровержения она успела потрясти инвестиционные институты и на Американской фондовой бирже вызвать обрушение акций нефтяных компаний. Вскоре выяснилось, что речь идет об открытом во второй половине 1960-х годов в 275 км западнее Самотлора Салымском месторождении, расположенном на огромном, площадью 1,2 млн км^2, месторождении Баженовских битуминозных сланцев (феноменальный результат геологических метаморфоз), освоение которых на то время упиралось в экономическую целесообразность.

Следует отметить, что помимо ЦРУ свое неослабное внимание к состоянию нефтяной промышленности и особенно к запасам нефти в нашей стране наращивали и военная разведка США, и английские специалисты в этой деликатной области. В их сознании, воспаленном уже своей идеологией, возникали и взаимоисключающие версии в оценках. И лишь в одном были едины авторы — валютная выручка от экспорта нефти делает ВПК СССР еще более опасным, а потому задача первостепенной важности знать насколько поток нефтедолларов долговечен. Естественно, что подобный интерес вызывал соответствующую реакцию властей по эту сторону границы, и уже задолго до начала послевоенного экспорта нефти в капиталистические страны все сведения о ресурсных запасах нефти в стране были надежно засекречены. Нашим же ответом «уничижительным» оценкам зарубежных спецслужб, по всем законам жанра была всемерная мобилизация ресурсов на повышение добычи

нефти. Причем помимо политики, дополнительная нефть была жизненно необходима для расчетов с зарубежными поставщиками неослабевающего потока импортной пшеницы (в одном лишь 1980 году 42 млн т). Основным же источником долларов на покрытие расходов был все тот же экспорт нефти.

Во всю мощь заработал Самотлор. Извлекаемые запасы этой жемчужины ошеломляющих нефтяных месторождений, открытых в 1960-е годы в Западной Сибири, превысили 2 млрд т. В 1977 году добыча здесь составила 130 млн т и, неуклонно увеличиваясь, в 1980 году достигла своего пика, превысив 150 млн т, что составило четвертую часть всей союзной добычи нефти. Эта щедрая чаша, плод высочайшего достижения несомненно выдающейся отечественной геологической науки, за 16 лет была жадно испита на 3/4 и к 1985 году суммарная добыча всеми возможными средствами на Самотлоре составила 1,5 млрд т. Супергигант, к редкому ряду которых по праву был причислен Самотлор, требовал к себе щадящего, всесторонне продуманного режима обхождения.

А в технологии наступившей глубинно-насосной добычи нефти огромного фонда наклонно направленных скважин, как отмечает в своей изданной в 2002 году книге «Централторы» доктор технических наук Юрий Владимирович Пчелинцев, был крайне необходим технический прорыв... Это была задача наивысшей сложности, реализация которой требовала множества мер и, не в последнюю очередь, достойного финансирования.

По американским оценкам, с 1976 по 1983 годы инвестиции в отрасль были удвоены, достигнув 13 % общенациональных капиталовложений в экономику (около 11 млрд долларов). (По нашим сведениям капиталовложения в отрасль в 1976— 1980 годы составили 25,2720 млрд руб., а в XII пятилетке с 1986 по 1990 годы возросли в 3 раза, достигнув 76,8718 млрд руб.). Увеличился и экспорт нефти (около 110 млн т в страны СЭВ и 60 млн т в капиталистические страны). Критика в адрес авторов пресловутого доклада возрастала по мере ежегодного роста добычи нефти в СССР до 1980 года в среднем на 20 млн т, достигая в отдельные годы роста на 26 млн т. В 1980 году добыча перешагнула 600-миллионный рубеж:, составив 603,2 млн т. Вместе с тем стало уменьшаться значение абсолютного ежегодного прироста добычи при явном сокращении извлекаемых за-

пасов нефти. По оценкам авторов доклада эти запасы уменьшились от 10,7 млрд т в 1976 году до 8,6 млрд т в 1980 году. (Зарубежная статистика следующего десятилетия оценивала и продолжает оценивать их неизменными 6,7 млрд т.) Однако добыча продолжала расти, достигнув в 1981 году 609, 1982 году 613 и в 1983 году 616,3 млн т. Это был результат чрезвычайных мер, предпринятых по увеличению бурения эксплуатационных скважин на введенных в разработку около двух десятков новых нефтяных месторождений, тогда как, по свидетельству Р. Маганова, А. Галустова и Г. Вахитова, на прежних, уже эксплуатировавшихся, простаивали тысячи пробуренных скважин из-за нехватки материально-технических средств. Пресс верховодящей требовательности неизменно возрастал. По зарубежным оценкам желанная выручка от экспорта лишь нефти в 1983 году составила 23 млрд долларов. И это был предел. Министерство исчерпало руководящий ресурс, организационный и технологический. Особенно явственно это ощущалось в применявшихся методах увеличения добычи нефти. Требовался их существенный пересмотр. Это ощущалось всеми отраслевыми подразделениями Миннефтепрома.

Люди работали на пределе возможного. Знать бы им, этим, без преувеличения героическим труженикам, что расходы нефтяных компаний на территории США лишь в разведочное, эксплуатационное бурение и, что особенно важно, в добычу уступающего нам объема нефти в одном лишь 1981 году выросли почти до 50 млрд долларов (49 709 млн, включая 3300 млн на приобретение лицензий), а суммарные расходы по указанным статьям за три года с 1979 по 1981 года составили 122 588 млн долларов. Специалисту нетрудно догадаться, что эти суммы означают достаточное количество усовершенствованного оборудования и приборов, современные материалы, технологии и, наконец, конкурентную прибыль для самих нефтяников. Достаточно сказать, что число находившихся в эксплуатации в 1981 году в СШЛ буровых установок составило более 3400 единиц (число буровых установок в 1982 году в Миннефтепроме, Мингео и Мингазпроме соответственно оценивалось в 1400—1500, 750 и 300 единиц), добыча же нефти едва превысила 426 млн т, на 183 млн т меньше, чем в СССР. И хотя американцы уступали нам в добыче, но при среднегодовой цене на Нью-йоркской товарной бирже тонны добытой в США нефти,

равной 264,5 долларов, нефтепромышленники США, даже с учетом дополнительных расходов на транспорт, маркетинг и другое, могли быть довольны финансовыми результатами года. Что же касается нас, то мы лишний раз подтвердили неоспоримость преимуществ отечественной геологической школы, и пока ещё успешно отчитались результатом предельного напряжения сил. Не вызывает сомнения, что приведенные данные американской статистики были за пределами дозволенного использования Миннефтепромом в экономических аргументациях. А тем временем тревога с мест дошла и до высшей власти. Первый сбой произошел в 1984 году, когда после непрерывного сорокалетнего роста с победного 1945 года добыча нефти впервые упала и разница составила более 6 млн т — 609,7 млн т против 616,3 в предшествующем году. При тогдашних высоких мировых ценах на твердовалютном рынке (средняя годовая цена барреля сорта «Брент» составляла 28,66 долларов и с учетом скидок тонна советской экспортной смеси «Юралс» в среднем стоила порядка 200 долларов, а в отдельных сделках приближалась к 230 долларов) это означало потерю вероятной валютной выручки в сумме порядка 1,2 млрд долларов. Власти было о чем беспокоиться.

Новая стезя Василия Александровича Динкова, новые высокие требования руководства страны не оставляли ему времени на раскачку. Глубокому осмыслению всего происходящего в ТЭКе помогал огромный опыт руководства газовой промышленностью страны, о чем приятно напомнил срочный вызов в Президиум Верховного Совета СССР. Это произошло буквально через две недели после начала работы в Миннефтепроме, и повод был более чем торжественный. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Василий Васильевич Кузнецов вручил ему Звезду Героя Социалистического Труда, и памятная фотография с группой награжденных, очень узнаваемых деятелей искусства и науки запечатлела торжественную церемонию на всю жизнь. Водитель автомашины Василия Александровича был удивлен, когда, выйдя из Кремля, В.А. Динков назвал адрес следования. Но здесь предоставим слово **Елене Дмитриевне Подгорновой,** секретарю руководства Мингазпрома. «В конце одного из рабочих дней во второй половине февраля 1985 года неожиданно открывается дверь и в приемной появляется Василий Александрович. Оглядев присутствующих, он взволнован-

Вручение Звезды Героя Социалистического Труда и ордена Ленина за заслуги в области развития газовой промышленности СССР. На снимке Председатель Президиума Верховного Совета СССР В.В. Кузнецов вручает В.А. Динкову высшие правительственные награды. Москва, Кремль, февраль 1985 г.

но произнес: «За наш общий труд мне только что вручили Звезду Героя Социалистического Труда и орден Ленина. Огромное вам всем спасибо. Я заехал, чтобы разделить эту радость с вами». Сказал и отправился в Миннефтепром.»

Награда более чем обязывала, а о решимости высшего руководства страны добиваться неукоснительного выполнения планов всевозрастающей добычи нефти напоминали свежие впечатления от судьбы его предшественника. Все требования с высоких трибун, обращенные в первую очередь к сидящим в президиуме руководителям отрасли и ко всей миллионной армии нефтяников, в конечном итоге сводились к лаконичному и твердо сформулированному лозунгу — «Больше нефти!».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов среди награжденных представителей промышленности, науки и искусства страны. На снимке в первом ряду сидит, третий слева, В. А. Динков. Москва, Кремль, февраль 1985 г.

Торжественное заседание в Кремлевском Дворце съездов по случаю Дня работников нефтяной и газовой промышленности. Москва, Кремль, сентябрь 1986 г.

А требовалось больше еще и потому, что после опьяняющих цен мирового рынка в предшествующие годы, в 1986 году они упали почти втрое, до 10—12 долларов за баррель, что было следствием появления на рынке значительных объемов североморской и аляскинской нефти. Достижение же требуемого уровня добычи в стране было возможно лишь при условии оснащения промышленности самыми современными, к тому же дорогостоящими, средствами мировой нефтяной науки и техники в геологии, геофизике, добыче, приборостроении.

Один из старейших нефтяников страны, председатель Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда, человек с насыщенной свершениями судьбой неутомимого труженика, **Тофик фатуллаевич Рустамбеков** вспоминал в беседе о смешанных чувствах, которые вызвала у него, как и почти у всех ветеранов отрасли, новость о назначении министром нефтяной промышленности бывшего министра газовой промышленности, с которым по работе встречаться ему не приходилось. «Пойми, — подчеркивал уважаемый агсаккал, — нефтяники народ непростой и всегда очень ревностно защищали корпоративные интересы. И вдруг, как снег на голову, решение ЦК, из которого стало ясно, что нефтяниками будет руководить газо-

вик...(?!). Было над чем задуматься. Честно признаться, — продолжал мой любезный собеседник, — на первое заседание Коллегии с новым министром я, и не один я, шел с тяжелыми чувствами. И я был приятно удивлен, когда с первых реплик основному докладчику — профессиональному нефтянику, с первых замечаний по существу обсуждавшегося специфически «нефтяного» вопроса, стало ясно, что министр вопросом владеет. Более того, способен даже кое-кого кое-чему и научить в «не своей» профессии. На душе стало легко. По-моему вздох облегчения ощутили все присутствующие, поняв, что, как минимум, нефтяники не в проигрыше. Последующие же конкретные шаги по руководству отраслью и её вызволению из прорыва подняли авторитет Василия Александровича Динкова на высоту, достойную не только его положению, но и его знаниям», — закончил нашу беседу Тофик Фатуллаевич, плоть от плоти нефтяного Баку и нефтяной Татарии, нефтяник во втором поколении с многозначительной для истории нефтяной промышленности страны фамилией Рустамбеков, знакомство с которой — высокая честь для автора (М.Г.).

Вместе с министром в Миннефтепроме были заменены заместители министра и некоторые начальники Главных управлений. Первыми заместителями были назначены Владимир Юрьевич Филановский и Валерий Иванович Игревский, заместителями министра Ш.С. Донгарян, А.В. Валиханов, В.И. Грайфер, Г.С. Попов, Н.И. Кархалев, А.Д. Быков, С.В. Топлов, В.М. Юдин. Этот штаб ближайших помощников-единомышленников нового министра, который в 1988 году пополнился первым замминистра Л.И. Филимоновым, представлял коллектив высококомпетентных профессионалов. И вместе с тем «первым среди первых» мы позволили себе выделить **Владимира Юрьевича Филановского-Зенкова** и убеждены, что это никоим образом не прозвучит диссонансом в сложившемся отношении к каждому из них. В нефтяной промышленности Владимир Юрьевич был слишком значительной, общепризнанно высокоавторитетной личностью, чтобы можно было воспринимать его неадекватно. В нем ярко сосуществовали инженер-производственник и интеллигент — редчайшее сочетание в руководящих производственных сферах огромной страны. Как утверждают его многолетние друзья по жизни и избранной профессии, задатки этих достоинств проявились в нем с первых дней студен-

ческой жизни, отражая домашнее воспитание и приумножаясь на протяжении всей жизни в производственных буднях инженера и руководителя.

Высоко ценивший в специалисте серьезные профессиональные знания и тактичный в проявлениях товарищеского внимания к истинно талантливым людям, Василий Александрович нашел в В.Ю. Филановском и надежного единомышленника и хорошего товарища. И с первых дней совместной работы по руководству Миннефтепромом эти отношения стали важнейшим залогом и глубокого проникновения Динкова в специфические особенности нефтяной промышленности и, не заставившей себя ждать, результативности в деятельности отрасли. Это был тот самый не часто встречающийся на практике случай, когда сложение руководящих усилий множит желанный результат.

В этой связи чрезвычайно символичным представляется именно тот факт, что Государственное свидетельство о занесении Василия Александровича Динкова в Книгу почета работников нефтяной промышленности от Миннефтепрома СССР скреплено подписью именно Владимира Юрьевича Филановского.

В новом руководстве министерства существенно обновился состав Коллегии. Одним из новых членов Коллегии был утвержден начальник Управления промысловой и полевой геофизики **Николай Андреевич Савостьянов.** Память сохранила живые впечатления от интересных вечеров самодеятельности в Мин-нефтепроме 1960—1970-х годов, организатором и душой которых неизменно выступал человек с необыкновенно «улыбчивым» чувством товарищеской сопричастности ко всем и ответственным отношением к общественно-партийной жизни министерства, интересный, небезосновательно серьезно увлекающийся поэзией собеседник и уважаемый начальник одного из отделов геофизического Главка, с которым, увы, нечастыми были мои личные (М.Г.) служебные встречи. Он и сегодня счастливо сохранил молодость души эту, столь редко встречающуюся человеческую особенность. Верный обязательности и уже установившейся между нами доброй традиции, Николай Андреевич точно в условленное время передал приводимые вниманию читателя в воспоминаниях страницы о «светлом человеке, блестящем профессионале».

Конечно же, вводя в Коллегию руководителя геофизического Главка и содействуя назначению одним из своих двух первых заместителей руководителя отраслевой геологической службы В.И. Игревского, имея при этом в лице первого заместителя В.Ю. Филановского крупного в стране специалиста в области недропользования, председателя Центральной комиссии по разработке нефтяных месторождений (ЦКР), министр В.А. Динков сознательно акцентировал внимание на важности укрепления участка работы отрасли, специалисты которого ответственны за обеспечение прироста полновесных запасов нефти.

В свою очередь, эти меры отражали беспокойство министра снижением качества текущих запасов или кратности соотношения запасов к годовой добыче нефти, которая из года в год ухудшалась. (Положение в газовой промышленности в этом отношении к середине 1980-х годов было диаметрально противоположным. Достаточно ознакомиться с первыми заявлениями В.А. Динкова, еще в пору назначения его министром газовой промышленности СССР в 1981 году, в которых важнейшей задачей отрасли отмечалось выполнение заданий именно геологоразведочных работ, чтобы понять истинную причину абсолютного успеха, до известного времени сопровождавшего деятельность Мингазпрома.)

Десятилетия бурного развития нефтяной и газовой промышленности были и годами совместных обсуждений общих проблем освоения все новых открытий геологов в 1960— 1980-е годы. На одном из таких совещаний работников нефтяной и газовой промышленности в июне 1963 года в Краснодаре и состоялось первое знакомство молодых, но уже опытных специалистов — газовика В.А. Динкова и геолога В.И. Игревского. «И с тех пор, — вспоминает **Валерий Иванович,** — наши пути все время пересекались, на каких бы должностях и в каких бы ведомствах мы не работали... В бытность Динкова министром нефтяной промышленности, мне посчастливилось быть первым заместителем министра.

Работали дружно, доверительно, ответственно, всеми силами стремясь обеспечить отрасль достоверными запасами нефти. И не наша вина, — с горечью продолжил В.И. Игревс-кий, — что наша, некогда великая нефтегазовая держава, скатилась до уровня третьеразрядной страны.»

В этих немногословных воспоминаниях сегодняшнего активного деятеля Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда и гордость за общепризнанные успехи советских геологов, нефтяников и газовиков, открытия которых и сегодня успешно работают на экономику страны, и неослабевающие чувства корпоративной солидарности ветеранов и тружеников нефтегазовой промышленности, и нескрываемая боль за нерачительное хозяйствование в нашем, все еще богатом, по уверениям опытного геолога, природными ресурсами Отечестве, и незабываемая память о Василии Александровиче Динкове, работать с которым было счастьем.

Состояние дел в Миннефтепроме осложнялось ещё и тем, что совершенно очевидный кризис ресурсообеспеченности сопровождался и кризисом технологическим.

И с первым грозным свидетельством этого факта новый министр нефтяной промышленности столкнулся на пятом месяце руководства отраслью, в которой шаг за шагом едва стал наращиваться новый производственный ритм. Однако неожиданно он был буквально взорван. И произошло это в Казахстане. Ему суждено было встретиться с крупнейшей за всю историю мировой нефтяной промышленности аварией. Для В.А. Динкова это было первое тяжкое испытание на новом поприще. Но об этом несколько позже.

Василий Александрович нередко приезжал сюда в краткосрочные и длительные командировки. Дело в том, что все работы по обустройству месторождений, включая обустройство новых нефтяных промыслов в республике, с начала реорганизации народного хозяйства в 1965 году были возложены на Министерство газовой промышленности, и с этого времени, не взирая на дополнительные упорядочения в управлении страной, уже министр газовой промышленности, а с 1985 года и министр нефтяной промышленности В.А. Динков не упускал из поля внимания вопросы развития многообещающего нефтегазового комплекса республики. Начиная же с 1985 года проблемам ТЭКа Казахстана В.А. Динков уделял все возрастающее внимание.

Справедливость требует отметить, что в сегодняшних впечатляющих успехах уверенно развивающейся экономики республики неоспоримы труды первопроходцев нефтяников и газовикови особенно тех, кто в 1970— 1980-е годы открыл на пя-

ти-семи километровой глубине геологическое нефтегазовое чудо, с мощностью продуктивной зоны, доходящей до 1500 м, распластанное на четыре сотни квадратных километров и носящее гордо звучащее название «Тенгиз». Оно созвучно имени ввергавшего современников в ужас монгольского полководца XП—XШ-го веков, видевшего источник богатства лишь в грубых вооруженных завоеваниях.

Освоение несоизмеримо большего богатства сегодняшнего Тенгиза это плоть от плоти глубокой созидательной мысли и неустанного труда профессионалов, орудием которых были специальные знания, организаторские способности и, увы, не всегда совершенная техника. Могучий и неукротимый нрав этого месторождения проявился 24 июня 1985 года, когда вырвавшаяся на скважине № 37 из под контроля стихия давлением почти в тысячу атмосфер снесла все близлежащие строения и вознесенным на двухсотметровую высоту горящим фонтаном из нефти и нефтяного газа в течение долгих месяцев лишь подтверждала непокорное всесилие и неистощимость богатств природы, так бурно уходящих в никуда. Богатств, в освоении которых был и немалый вклад Василия Александровича Динкова.

Беспрецедентный фонтан собрал в Казахстан к руководству республики всех высокоответственных действовавших и бывших руководителей нефтегазовой промышленности страны.

Стало ясно, что отечественными техническими возможностями фонтан не укротить. В поисках решения проблемы возобладало мнение ГКНТ СССР.

Один из наиболее признанных специалистов страны в области бурения, воспитанник татарской школы нефтяников, в прошлом начальник Технического управления, замминистра нефтяной промышленности, а последние годы работы начальник Отдела нефти и газа ГКНТ СССР **Виктор Ильич Мищевич** в нашей беседе прояснил мельчайшие подробности возникшей на Тенгизском месторождении ситуации: «Первоначально буровики Миннефтепрома пытались справиться с аварией собственными силами и их, одна за другой, неудачные попытки не ослабляли понятного рвения перед новым министром. Более того, на стол В.А. Динкову видимо, ложились оптимистичные реляции, мол справимся сами без постороннего участия. Мас-

штабы аварии при этом очевидно скрашивались. Однако время шло, а проблема не решалась.

Авария на Тенгизе высветила бессилие нашей промышленности, лишенной современных технических средств перед аномально высоким давлением разбушевавшейся газонефтяной стихии, вырвавшейся с пятикилометровой глубины, к тому *же* насыщенной сероводородом. Мне, в то время начальнику отдела в ГКНТ СССР было ясно, что отсутствие в стране специального оборудования неизбежно потребует обратиться к хорошо известной нефтяникам американской компании «Камерон», единственному его производителю, специалисты которой к тому же обладают уникальным опытом ликвидации подобных аварий. Не раз приходилось заниматься подобной работой и самому, но картина, представшая взору на месте, не поддавалась ни сравнению, ни описанию. Ничего подобного не могло быть в газовой промышленности, по определению. Огромное пластовое давление буквально вышвырнуло из скважины на поверхность, отбросив в сторону, тяжелую колонну бурильных труб, и они бесформенными «макаронами» лишь дополняли тягостность общего впечатления. Но главную опасность представляло распространение сероводородсодержащего газа и продуктов его горения в возникшем факеле.

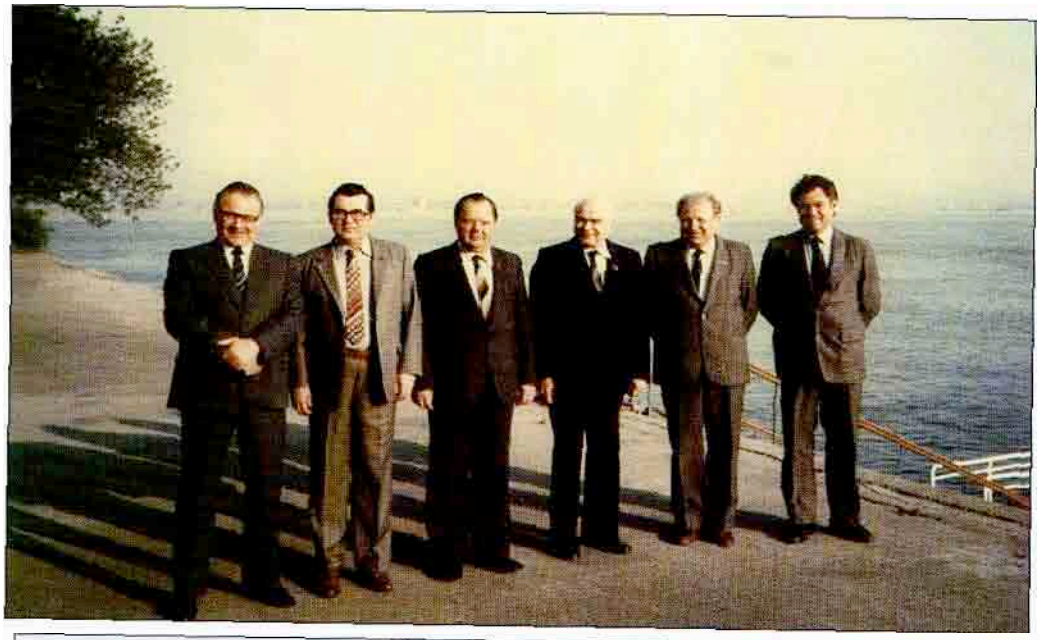
Проведенные в порядке предварительного зондажа переговоры с представителями «Камерона» выявили и ее готовность и цену вопроса. Она была определена в 2 млн долларов за оборудование плюс расходы на бригаду ликвидаторов аварии плюс большегрузный авиатранспорт для доставки оборудования с европейского склада «Камерона» в Казахстан.

Одобренные министром В.А. Динковым и правительством в лице Б.Е. Щербины, представлявшего высшую власть в ТЭКе страны, эти предложения в конечном итоге были успешно реализованы.»

Тринадцать месяцев и три дня, без малого, четыреста дней неистовствовала на поверхности могучая сила недр Тенгиза. В воздухе, как об этом в сборнике воспоминаний ветеранов нефтяной газовой промышленности писал И.В. Назаров, ежесуточно сгорало 12—15 тыс. т нефти и б—8 млн $м^3$ газа. Большая группа специалистов во главе с первым заместителем министра нефтяной промышленности Валерием Ивановичем Игрев-ским приложила невероятные усилия по его укрощению. И

Пребывание руководителей Госплана СССР, Миннефтепрома СССР, Мингазпрома СССР, Мингеологии СССР и Миннефтегазстроя СССР в Казахстане с целью обсуждения проблем развития нефтяной и газовой промышленности в республике.

На верхнем снимке один из руководителей Казахстана Нурсултан Назарбаев, Н.К. Байбаков, (?), В.А. Динков, во втором ряду А.М. Лалаянц, В.Г. Чирсков, Е.А. Козловский, Н.А. Мальцев и другие. Алма Ата, 1985 г.



В предверии заключительного заседания у высшего руководства Казахстана по результатам предварительной проработки в Госплане СССР, Миннефтепроме СССР, Мингазпроме СССР, Миннефтегазстрое СССР, Мингео СССР вопросов развития нефтяной и газовой промышленности
Казахской Республики.
На снимке справа налево: Н.А. Назарбаев, В.А. Динков, (?), Е.А. Козловский, Н.А. Мальцев и др. Слева: Н.К. Байбаков, (?), В.Г. Чирсков и др. Алма Ата, 1985 г.

благодаря всей совокупности мер, беспрецедентный за всю историю нефтяной промышленности фонтан был укрощен, а его тяжкие последствия ликвидированы.

Общие потери на месторождении, с учетом указанных ранее данных, составили порядка 4,8-6 млн т жидких и порядка 2,4-3,2 млрд $м^3$ газообразных углеводородов. Оценка общего экономического ущерба лишь от потерь газообразных углеводородов с учетом действовавших в 1985-1986 годах среднеевропейских цен в 3,4-4 долларов за миллион БТЕ (порядка

Ознакомление Н.К. Байкова и В.И. Динкова с ходом освоения Тенгизского месторождения в Казахстане

120—140 долларов за 1000 м^3) и с учетом поставок на условиях сиф-граница среднерасположенной западноевропейской страны составляет порядка от 245—288 до 327—384 млн долларов.

Оценка же ущерба от потерь жидких углеводородов с учетом средней цены барреля базовой нефти «Брент» в указанные годы, равной соответственно 27,51 и 14,38 долларов за баррель и исчисленной, с учетом скидок, средней цены отечественной экспортной смеси «Юралс» на условиях ФОБ — Новороссийск в 18 долларов за баррель, составляет порядка 630—780 млн долларов. Минимальная сумма этих потерь вплотную приблизилась к 1 млрд долларов. (Оценка М.Г.)

Можно лишь догадываться, каково в дни работы очередного партийного съезда в феврале — марте 1986 года, было Васи-

лию Александровичу, ровно год, как возглавившему Министерство нефтяной промышленности, когда с высокой трибуны первого «горбачевского» съезда желали слышать лишь о достижениях и о безусловном увеличении экспорта нефти на твердовалютный рынок, а неукрощенная тенгизская скважина плюс ко всему угрожала экологической катастрофой.

Его выступление на съезде отражало нескрываемую озабоченность министра плачевным состоянием разведанных запасов нефти, которые не шли ни в какое сравнение с состоянием дел у газовиков. Его убежденность в необходимости всемерного расширения геофизических исследований, разведочного бурения и оснащения геофизиков и геологов современным оборудованием и компьютеризированными системами высокой разрешающей способности невозможно было поколебать. Однако и без лишних слов было ясно, что реализация высказанных и многих других важных технических инициатив и технологических проблем, включая все более настойчиво напоминающую о себе проблему увеличения нефтеотдачи пласта, возможна лишь при условии решительной смены стратегии развития отрасли, ослабления режима санкций на импорт высоких технологий и полновесного поступления в отрасль для импортных нужд зарабатываемых нефтяниками нефтедолларов. Но решение этих проблем требовало политической воли высшего руководства страны, которое продолжало неизменно требовать увеличение добычи нефти. «Во что бы то ни стало». Могли ли при этом подвергаться критике и даже сомнению контрольные цифры требуемого выхода в 1990 году на уровень добычи в 625 — 640 млн т и тем более в условиях резкого падения уровня мировых цен на нефть после их более чем десятилетнего почти непрерывного роста? Так, с первого же года новой пятилетки возникал заколдованный круг. Полагаться на достойное финансирование неизбежных импортных закупок высоких технологий, даже при условии отмены или ослабления указанных санкций, в условиях, когда экономика страны напоминала «тришкин кафтан», становилось проблематичным.

И все же, при всех, выпавших на долю министра В.А. Динкова испытаниях, он добился, казалось невероятного. На нужды разведочного бурения были выделены соответствующие средства. В 1985—1991 годах по данным академика Д. Львова, прирост разведанных запасов нефти в стране в

среднем составил 1,1 млрд т в год. (Отметим, что в следующем десятилетии этот показатель сократился в 4 раза, до 250 млн т и добыча нефти опережала прирост ее запасов.)

Напомним, что в минувшие годы не был преодолен запланированный на конец X пятилетки 1976—1980 годов рубеж в 620 — 640 млн т, и в памяти были свежи неудачи с выполнением плана XI пятилетки 1981—1985 годов, предусматривавшим выход на уровень в 620 — 645 млн т, с пересмотренным верхним пределом добычи до 630 млн т, также не выполнены. Но с упорством, достойным лучшего применения, и невзирая на отчаянное экологическое состояние, буквально, насилуемых недр, запасы которых уже по настоянию нового руководства отрасли требовали обновления, высшее руководство страны в новой XII пятилетке 1986— 1990 годов продолжало настойчиво требовать достижения добычи все тех же, разве, что с неизбежным плюсом, 625—640 млн т нефти и газоконденсата, подключив к достижению этой цели лучших специалистов страны.

Если авария на Тенгизе сорвала планы доведения добычи нефти в Казахстане от 18,7 млн т в 1981 году до 25 млн т в 1985 году и усугубила продолжающийся в стране в 1985 году спад добычи нефти, то падение мировых цен лишало отрасль возможностей оперативного внедрения высокоэффективых, но капиталоемких программ увеличения нефтеотдачи пласта с целью компенсации потерь и выхода в 1990 году на плановый уровень добычи.

Но грохот все еще неукрощенного Тенгиза буквально померк и был отодвинут настигшей страну в апреле 1986 года Чернобыльской катастрофой. Помимо неподдающихся подсчету жертв и ущерба, выход из строя атомной электростанции нарушил электроэнергетический баланс на значительной территории страны, повлек за собою снижение суммарной выходной мощности на остальных АЭС страны вследствии срочных ревизий их безопасности и рабочих режимов. Возникли серьезные сомнения в целесообразности форсирования темпов развития атомной энергетики, ослабло финансирование производства на предприятиях атомного машиностроения, омертвляя уже израсходованные миллиарды на создание основных фондов нарождавшейся отрасли, перенося на неопределенные сроки востребование её продукции для оснащения новых предприятий широко провозглашенной программы развития

атомной энергетики и увеличивая нагрузку на отрасли, добывающие природное ископаемое топливо. Эти потери призваны были восполнить переведенные на форсированный режим работы тепловые электростанции, что в свою очередь потребовало и дополнительных поставок мазута. Для нефтяников же это означало одно. Лишь пару месяцев назад принятые перенапряженные планы добычи нефти необходимо было перевыполнять. В 1986 году экспорт нефти в капиталистические страны был увеличен на 10,9 млн т и составил 87,5 млн т, и несмотря на это общая валютная выручка значительно уступала достигнутому уровню предыдущего года. Добыча нефти превысила результат предыдущего года на 18,1 млн т и составила 615,1 млн т, а требовалось её значительно больше и значит объем эксплуатационного бурения должен был лишь возрастать.

Такой старт нового министра мог оказаться роковым для кого угодно, но только не для В.А. Динкова. И хотя совершенно непредвиденные потери нескольких миллионов тонн и не одного миллиарда долларов усложнили и без того напряженное положение в отрасли, он настойчиво двигался в тщательно выверенном направлении, в твердой уверенности переломить ситуацию и, как показало время, добился непревзойденного достижения.

Следует отметить, что Тенгиз был и болью, и, в значительно большей мере, надеждой нефтяной промышленности, особенно для Казахстана, но в 1986 году никто и в мыслях не мог предположить грядущие перемены и в судьбе месторождения, и в судьбе страны. Об этом подробно изложено в прилагаемых воспоминаниях Ш.С. Донгаряна. Отметим лишь, что последнее слово в тенгизской эпопее сказала история, и подписанное в мае 1992 года соглашение Республики Казахстан с американской компанией «Шеврон» о совместной разработке Тенгиз-ского и Королевского месторождений с использованием иностранного технологизированного капитала открыло новую оптимистическую страницу в истории этого гигантского месторождения, богатство которого уже приносит Казахстану конкретное экономическое благо.

В середине 1990-х годов, когда в независимой Республике Казахстан осуществлялась презентация подготовленного компанией «СЖС-Энергодиагностика» экспертного заключения

по выбору потенциального партнера для разработки Карачаганакского месторождения, на торжественную процедуру прибыл президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Он высоко оценил экспертизу, рекомендовавшую отдать предпочтение предложению консорциума «Бритиш Газ» и итальянской компании «Аджип», включавшему и бонус, что было немаловажным фактором для тогдашнего Казахстана. Его подчеркнуто теплые слова в адрес президента «СЖС-Энергодиагностика» Василия Александровича, возглавившего столь важное направление деятельности по экспертизе проектов, техническому надзору, сертификации оборудования и объектов повышенного риска в нефтегазовой промышленности, были ещё одним ярким подтверждением того высокого авторитета, которым он пользовался, того глубокого уважения и признательности, которую он оставил в памяти своих товарищей по высокоответственной государственной деятельности.

Предпринимая меры по увеличению объема эксплуатационного бурения, В.А. Динков всеми силами стремился к тому, чтобы эти меры не отражались во вред разведочному бурению. Издержки же технологической недостаточности в условиях урезанной валютной обеспеченности он стремился компенсировать ещ^ и более энергичным вовлечением Минхиммаша в решение судьбоносных задач увеличения добычи нефти. После успешного сотрудничества с ГКНТ СССР в ликвидации Тенгизской аварии В.А. Динков установил правило решительной поддержки полезных инициатив ГКНТ СССР и Минвнешторга по использованию их международных связей, включая регулярное участие в организуемых международных выставках нефтегазовой тематики и в различных тематических конференциях, и не обходил личным вниманием ни одно серьезное международное мероприятие по проблемам нефти и газа. Он чутко улавливал новые тенденции в развитии технических средств и технологических решений и нацеливал отечественных машиностроителей и коллективы нефтяников на их полезное заимствование.

С начала и особенно с середины 1980-х годов Международные выставки достижений нефтяной и газовой промышленности стали ежегодными и, как показала жизнь, в высшей степени оправданными событиями деловой жизни Москвы. Будучи ответственным от ГКНТ СССР за их проведение и, что самое

На международной выставке -«Нефть и газ-85»

Министр нефтяной промышленности СССР В.А. Динков, первый заместитель министра В. И. Игревский и главный научный сотрудник Института проблем нефти и газа РАН Н.К. Байбаков в павильоне фирмы «Макдермот^- на выставке <<Нефть и газ-86». Москва, апрель 1986 г.

существенное, за безошибочность выбора и организацию закупки с целью испытания в производственных условиях особенно полезных образцов, выставленных в фирменных павильонах, я (М.Г.) нередко встречался с Василием Александровичем у павильонов всемирно известных компаний по производству уникального оборудования. По установившемуся правилу, в кругу коллег оживленно обсуждались характеристики выставленных образцов. Эти обсуждения нередко заканчивались предложениями по закупке того или иного образца. В большинстве случаев предложения удовлетворялись. При положительных результатах производственных испытаний и аргументированной заинтересованности министерства закупки согласованных объемов оборудования включались в импортные пла-

ны Минвнешторга. И в этом был большой практический смысл мероприятия, вне сомнения, отвечавшего и интересам фирм, видевших в нашей, крупнейшей нефтегазодобывающей стране огромные коммерческие возможности.

Однако, там где появлялись технологическая возможность и макроэкономическая целесообразность, энергия и внимание Василия Александровича, как и прежде, решительно направлялись на использование продукции отечественного машиностроения, на импортозамещение, как правило, дорогостоящего зарубежного оборудования, и он последовательно поддерживал и инициировал конкретные предложения по оснащению заводов Министерства химического и нефтяного машиностроения новейшим станочным и испытательным оборудованием.

Бывший начальник Главного управления бурового и нефтегазопромыслового оборудования Минхиммаша **Владимир Иванович Павлов** вспоминает, как благодаря именно влиятельной поддержке В.А. Динкова и В.Ю. Филановского, успешно содействовавших целевому финансированию Минхиммаша в Госплане СССР, машиностроителям удалось почти полностью переоснастить важные производственные участки на Сумском машиностроительном заводе им. Фрунзе — одном из основных отечественных поставщиков газоперекачивающих агрегатов (ГПА) для нужд нефтяной и газовой промышленности.

Там же в Сумах при активной поддержке министра В.А. Динкова, в 1985—1988 годах в сотрудничестве с итальянской компанией «Даниэли» был сооружен завод и организовано производство бурильных и утяжеленных труб.

Интересно в этом отношении вновь обратиться к воспоминаниям **Николая Дмитриевича Федоренко:** «Наше успешное сотрудничество с Василием Александровичем в газовой промышленности с его переходом в Миннефтепром не только не ослабло, но наполнилось исключительно плодотворным содержанием.

Следующая встреча с ним, — вспоминает Н.Д. Федоренко, — произошла уже с Динковым, министром нефтяной промышленности СССР в начале осени 1985 года. В сентябре 1985 года на объекты нефтяной промышленности Тюменской области с большой группой сопровождающих прибыл М.С. Горбачев. Лишь в феврале назначенный министром В.А. Динков уже докладывал руководству страны о состоянии

дел в отрасли и намечаемых мерах по выводу отрасли из прорыва. Одной из намечавшихся мер было создание на Сумском заводе Минхиммаша ГПА с газотурбинным приводом, единичной мощности 16 МВт для использования в интенсификации газлифтной добычи нефти. Строенные шестнадцатитысячники суммарной мощностью около 50 МВт предлагались для закачки в пласт более 4 млн $м^3$ попутного газа в сутки, что призвано было обеспечить эффективное увеличение нефтеотдачи пласта. Я был участником и свидетелем длительных и скрупулезных предварительных обсуждений каждой детали сложной технологической схемы проекта при деятельном участии министра Динкова и директора Сумского завода Лукьяненко. Это была незабываемо яркая дискуссия, как нам казалось, с многими неизвестными для специалиста газовика. Одно дело, когда имеешь дело с очищенным и осушенным метаном при решении проблем газовой промышленности, и совсем другое, когда газ попутный, а задача — его закачка в пласт с целью увеличения нефтеотдачи пласта. Аргументы и контраргументы заказчика и исполнителя подвергались столь всесторонне тщательному анализу, точно речь шла не о крупномасштабной производственно-технической задаче, а о защите четко просчитанной научной диссертации. При всей «кровной» близости этой идеи нашему брату — машиностроителю, традиционно тесно сотрудничающему с Миннефтепромом, отцом идеи, без преувеличения, выступал Динков, что сразу отмело возникшие было сомнения. Это было самоочевидно. И не удивительно, что ни Горбачев, ни его сопровождение не отвлекались от объяснений и дополнительных пояснений Василия Александровича, чья твердая уверенность в радикальности предлагавшихся мер была блестяще подтверждена уже в следующем 1986 году. Лишь отмечу, что макроэкономический эффект от реализации этой идеи включил и решение проблемы импортозамещения высокотехнологичной и капиталоемкой зарубежной продукции, поставки которой в нашу страну к тому же встречали неослабное настойчивое сопротивление главного держателя ноу-хау в этой области — США.»

Интересными воспоминаниями о В.А. Динкове поделился **Леонид Иванович Филимонов.** Он начинал свою трудовую деятельность в 1959 году помбуром конторы бурения объединения «Сахалиннефть», где проработал 17 лет до начальника ре-

тонального управления буровых работ. Затем Башкирия, Томск, наконец Нижневартовск.

«Конечно же я много слышал о Динкове, — вспоминает в беседе Л.И. Филимонов, — Газовая промышленность и её министр в промышленности страны пользовались положительной репутацией. Но первая личная встреча с ним произошла в начале 1985 года в Нижневартовске, куда с 1984 года я был переведен генеральным директором объединения «Нижневартовскнефтегаз», пожалуй крупнейшей в мире нефтедобывающей структуры, функционирующей в одном регионе, с ежегодной добычей 150—151 млн т нефти — четверть тогдашней союзной добычи (по меркам того времени, без малого Иран и Кувейт вместе взятые: в 1984 году соответственно 102 и 61, а в 1985 году - 110 и 55 млн т).

И вдруг провал. Этап фонтанной добычи оказался быстротечным, а к механизированной добыче почти нулевая готовность, без техники и без квалифицированных кадров. Партийные взыскания и распекания со стороны начальства стали делом повседневно-привычным. За ними последовала череда освобождений от должностей с суровыми записями по партийной линии, а то и казни подобное — «партбилет на стол!». Всё по годами отработанной схеме. Нефтяники Западной Сибири переживали тяжелый этап своей жизни, и, в определенной мере, мой перевод из обжитого Томска имел целью преодолеть непривычное для местных нефтяников падение добычи. Некогда передовое объединение стало у государства должником, а переломить ситуацию не удавалось. (Отметим, что с 1964 по 1985 годы в Тюменской области было добыто 3 млрд т нефти. М.Г.)

В феврале 1985 года, к всеобщему удивлению нефтяников нашим министром был назначен В.А. Динков, а уже в конце февраля произошла моя первая встреча с новым министром. Откровенно говоря, — вспоминает Л.И. Филимонов, — впечатление от той встречи было тягостным. Я вдруг почувствовал, что он решил устроить мне «публичную порку». Каждый новый суровый и не без сарказма вопрос, как бы имел целью, то ли показать нашу беспомощность, то ли подчеркнуть абсолютное превосходство вопрошавшего. Ну, «неумехи» и этим всё сказано. Разговор с министром дело всегда не простое. К тому же мне, что называется, крыть было нечем. Мы не шли ни в ка-

кое сравнение с газовиками, чей четко отлаженный ритм, организованность и по всей видимости грамотная техническая политика из года в год и особенно с начала 1980-х годов обеспечивали стабильный рост добычи.

Динков пробыл у нас несколько дней, знакомился с производством. И тут я почувствовал в нем не столько увлеченного критика, сколько всерьез озабоченного руководителя, готового к кропотливому выправлению ситуации с использованием громадного кладезя знаний. А технические знания Динкова были поразительными. Я и сам считаю себя инженером не робкого десятка и в жизни встречал людей увлеченных инженерным трудом, но Динков, надо отметить, был инженером выдающимся. То, что он демонстрировал в рассуждениях вызывало и глубокое уважение и искренний восторг. Но его портрет был бы неполным без упоминания об искусстве ведения диалога, которым он, по моему убеждению, владел в совершенстве. Я был свидетелем этой важной его особенности, проявленной в беседе с Е.К. Лигачевым и особенно в беседах с М.С. Горбачевым во время его посещения Западной Сибири в сентябре 1985 года Василий Александрович, без преувеличения, был крупным государственным деятелем, в котором гармонично сочетались пунктуальность инженера, масштабность мышления крупного руководителя и гибкость политика. Его инструментом были аргумент, расчеты, обоснования. Он придавал величайшее значение глубокому личному проникновению в технико-экономическую сущность обсуждаемого проекта. Нелишне напомнить, — подчеркнул Филимонов, — что эта его черта производила особое впечатление на иностранных партнеров, в переговорах с которыми он самолично, что называется «до копейки» просчитывал вклады сторон и ожидаемый эффект осуществляемого либо от возможного сотрудничества.

Мы переживали тогда непростое время, партийные указания оставались директивой, исполнение которых не подлежало обсуждению. Нас буквально терроризировало бесчисленное множество различных проверяющих комиссий, до 250 в год... Их пыл был умерен лишь с приходом Василия Александровича. Но, что самое главное, с его приходом очень быстро стало выправляться положение в отрасли. В помощь к нам был прикреплен первый замминистра В.Ю. Филановский и мы довольно успешно стали внедрять механизированную добычу нефти.

Проблемы увеличения нефтеотдачи пласта из малоэффективных рассуждений целой армии докторов и кандидатов наук и огромного множества научных и проектных организаций перешли в плоскость, пусть и капиталоемких, но конкретных и в конечном итоге эффективных дел. Василий Александрович умел выбивать под эти проекты необходимую валюту и импортную технику и очень умело использовал новую ситуацию, позволяющую привлечь передовую зарубежную технологию через организацию деятельности совместных предприятий. Этому содействовало принятие в стране в январе 1987 года известных постановлений правительства о создании совместных с иностранными компаниями предприятий и последовавшей серии нормативных актов. Наиболее ярким примером этого является организация сотрудничества с канадской фирмой «Фракмастер» по осуществлению гидроразрыва пласта. Однако основной упор, при всем при этом, делался на грамотную техническую политику.

К началу апреля 1986 года наше объединение, а вместе с нами и вся отрасль стали подниматься с колен. Расплатившись с годами накопленными перед государством долгами в 2 млн т нефти, мы вошли в плановый производственный ритм. Жить стало веселей. В самом прямом смысле. Выправили положение с соцкультбытом, развили строительство жилья, и в Нижневартовске построили великолепный бассейн.»

Но до настоящего стабильного успеха нужно было сделать очень многое. А пока — настойчивый и кропотливый труд министра по повседневному и повсеместному исправлению положения, реализация глубоко продуманных и всесторонне рассмотренных на заседаниях Коллегии мероприятий, привлечение к решению конкретных производственных заданий молодых, уже зарекомендовавших себя ученых и особенно в области повышения нефтеотдачи пласта. Нередко вспоминались молодые годы с их бессонными ночами и он верил, что двигается в верном направлении, что для преодоления инерции неудач необходимо время. Неясно лишь было, где это время взять.

Дело в том, что в 1985 году добыча нефти продолжала непереставая падать, а остро реагирующее на эти «вести с фронта», нетерпеливое руководство хотело видеть эффект волшебной палочки «здесь и сейчас». Мол, сделаны оргвыводы, давай результат!?

Историческая фотография запечатлела подчеркнутое внимание двух будущих первых президентов СССР и Российской Федерации к объяснениям министра нефтяной промышленности о состоянии отрасли. Добыча нефти всегда была предметом заинтересованного внимания руководителей страны на протяжении всего времени ее существования с первых дней советской власти в СССР и с первых дней реформирования экономики в Российской Федерации. Фактически, выручка от экспорта нефти, а с конца 1960-х годов и от экспорта природного газа позволяла СССР выдерживать тяжелое бремя военных расходов в годы холодной войны и обеспечивать импорт товаров первой необходимости. В настоящее время экспорт этих товаров содействует успеху российских реформ.
На снимке: В.А. Динков, Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев, Р.М. Горбачева, секретарь ЦК КПСС Б.Н. Ельцин. Тюменская область, 1985 г.

Но темп добычи в 1985 году ничего утешительного не предвещал и по результату годовой деятельности этот прогноз оказался верным. Добыча против предшествующего года упала на 13 млн т. Темп потерь возрос вдвое.

Пожалуй, самым важным событием в отрасли после вступления В.А. Динкова в должность министра нефтяной промыш-

Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев и сопровождающие его лица на объектах нефтяной промышленности Миннефтепрома СССР. Тюменская область, 1985 г.

ленности считалось посещение объектов ТЭКа Западно-Сибирского региона Генеральным Секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым.

Это было мероприятие к подготовке описанного съезда, на котором предполагалось сделать важные заявления, и организовано оно было через семь месяцев со времени назначения Динкова. Вот как это описано в книге Н.А. Мальцева, В.И. Игревского, Ю.В. Вадецкого «Нефтяная промышленность России в послевоенные годы», изданной в 1996 году:

«...в сентябре 1985 года в Западно-Сибирский регион с большой группой специалистов выехал М.С. Горбачев, чтобы

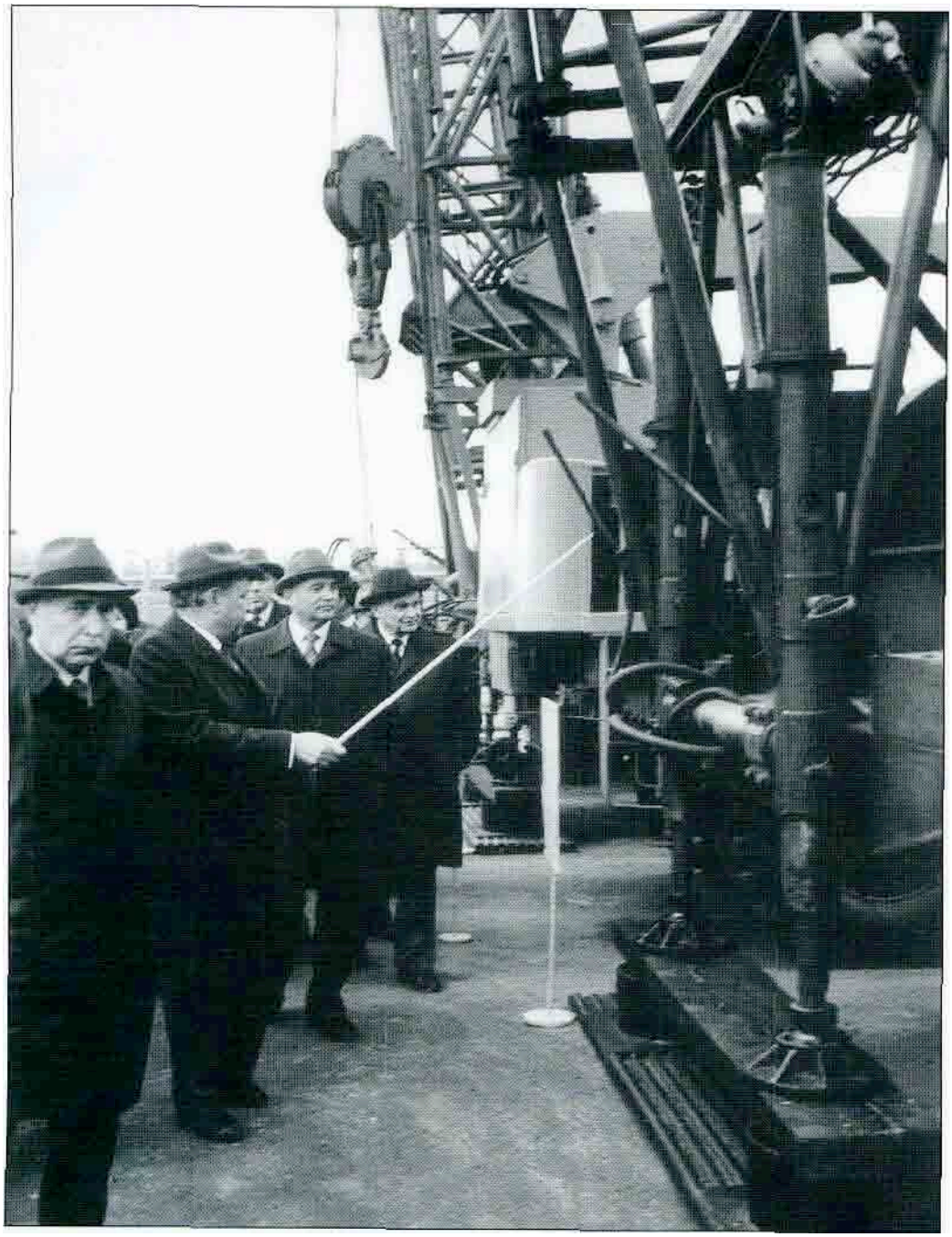
на месте разобраться и личным участием и авторитетом поправить положение дел.

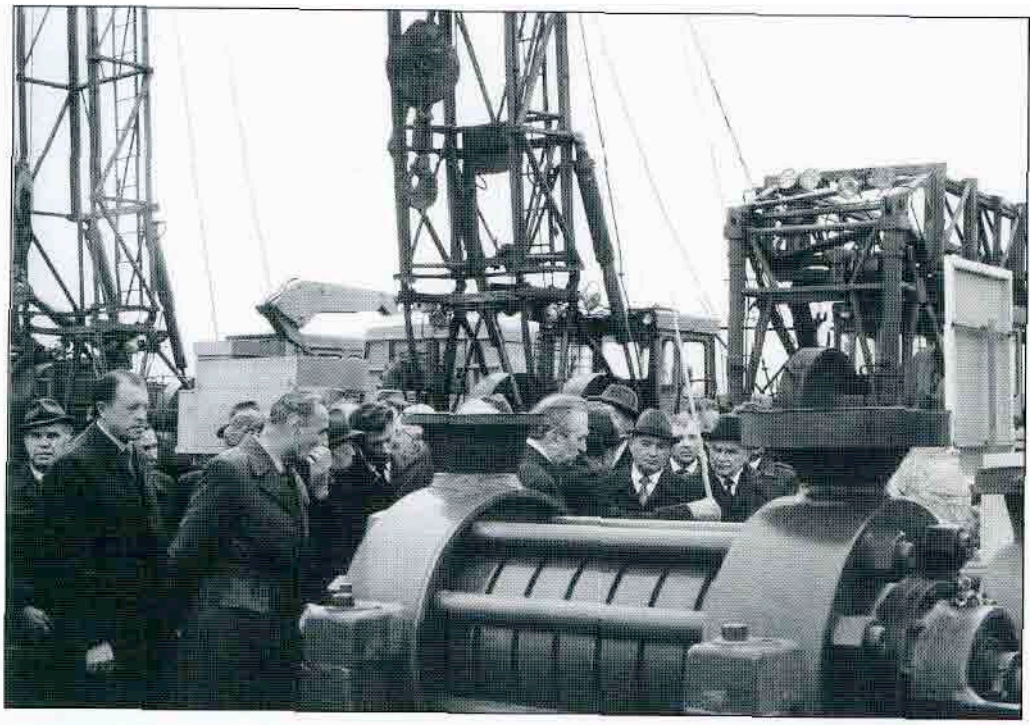
Итоги работы комиссии были подведены на собрании партийного актива нефтяников с его участием. Как отмечалось на собрании, главная причина состояла в отставании ввода в действие новых нефтяных месторождений из-за несвоевременного обустройства, отмечен несвоевременный ввод в действие системы поддержания пластовых давлений и объектов для газ-лифтной добычи нефти на разрабатываемых месторождениях;

кроме того, из-за нехватки оборудования и отставания работ по обслуживанию скважин большое число их фонда находилось в бездействии.

Отмечалась также непригодность для работы в суровых климатических условиях по различным конструктивным пара-

метрам и качеству изготовления погружных центробежных электронасосов, станков-качалок, штанг и штанговых насосов, газлифтных компрессорных станций отечественного производства, агрегатов для текущего и капитального ремонта скважин. В итоге посещения составили мероприятия по улучшению работы нефтяной промышленности. Был отправлен на пенсию





Н.К. Байбаков и, — как отмечают авторы, — решены вопросы усиления партийного руководства нефтяной промышленности. (А это всерьез считалось одним из «важных» мероприятий. М.Г.)

Большего, — пишут авторы книги, — сделать в интересах нефтяников не успели, так как М.С. Горбачев переключил свое внимание на политические аспекты деятельности — осуществление гласности и перестройки.»

Со временем стало все более очевидным, что увлечение «гласностью» затмило собою, столь долгожданную, и как всем хотелось думать, всесторонне продуманную перестройку экономики страны. Что касается нефтяников, то руководимые энергичным министром они уже уверовали в успех, который не заставил себя ждать в следующем 1986 году.

«В 1987 году, — вспоминает Леонид Иванович, — я короткое время был заместителем министра в Мингазпроме СССР, где буквально неприкаянными детьми влачили существование морские нефтяники и газовики и, наконец, с 1988 года я — первый заместитель министра у Василия Александровича. Проблемы те же — разработка морских месторождений, но отношение к ним иное.»

«Конечно же, — вспоминал Л.И. Филимонов, — все доставалось тяжелым трудом, а должность министра во всем этом деле, если одним словом, то «расстрельная», в чем я убедился и на личном опыте, став министром нефтяной промышленности в 1989 году, после ухода В.А. Динкова. Но незадолго до этого, в конце мая того же 1989 года, я оказался в самом пекле бушующего пламени на вышедшем из под контроля кусте скважин каспийской морской платформы, месторождения «28 апреля», куда для принятия экстренных мер был направлен министром В.А. Динковым. Но это ЧП оказалось несравнимым с той страшной катастрофой, которая буквально в конце той же недели произошла под Уфой, где взрыв Миннефтепромовского продуктопровода унес несколько сот жизней пассажиров двух, оказавшихся рядом пассажирских поездов. Из оперативной информации мне было известно, что все эти дни и ночи после катастрофы на месте происшествия бессменно находились В.А. Динков и замминистра В.Ю. Филановский, организуя помощь пострадавшим и восстанавливая производственный процесс. (Подробнее об этом см. в конце главы. М.Г.)

Обсуждение итогов работы нефтяников в 1987 году. Это был год рекордной добычи нефти.

На снимке: первый заместитель министра Л. И. Филимонов, министр В.А. Динков, первый заместитель министра В.Ю. Филановский. Миннеф-тепром, январь 1988 г.

«Моя последняя встреча с Василием Александровичем, — подвел итог нашей беседе Леонид Иванович, — произошла случайно и если не изменяет память в феврале 2001 года. Он живо вспоминал события семилетней давности, наше первое знакомство и ничто не предвещало приближающуюся трагедию.»

«Мир людей, посвятивших себя в нашей стране нефтяной и газовой промышленности очень тесен и мое первое знакомство с Василием Александровичем — вспоминает **Виктор Владимирович Гнатченко,** который в 1985 году был начальником Главного управления по технике и технологии и организации добычи нефти и газа Миннефтепрома СССР, — произошло лет сорок назад в начале 1960-х годов, в одну из моих командировок из Татарии, где я работал со дня окончания института, в Краснодар, в кабинете начальника объединения «Краснодар-

нефтегаз» Виктора Алексеевича Брагина. Запомнилось впечатление от непродолжительной беседы, занявшей не более пяти минут. Оно было со знаком «плюс». Память запечатлела и уважительные нотки в интонациях хозяина кабинета в адрес подчиненного и его положительные аттестации в адрес Динкова, когда мы остались вдвоем.

В последующие годы судьба неоднократно сводила нас в обоюдных поисках оптимального использования увеличивающихся объемов попутного газа на нефтепромыслах Туркмении, Мангышлака, на Украине. И я не припомню случая, чтобы мое личное обращение к Василию Александровичу, ответственному после 1965 года за добычу и транспорт газа в Мингазпроме, не встретило положительного отклика по традиционно злободневному вопросу утилизации попутного газа.

Репутация Динкова в глазах нефтяников, которым приходилось непосредственно сталкиваться с ним, была очень высокой. Вот почему, когда в 1985 году он был назначен нашим министром, то я, вопреки мнению некоторых моих коллег, увидел в этом добрый знак для переживающей не лучшие времена нефтяной промышленности. Вскоре в этом убедились и остальные, так как нефтяники не испытали обычной болезненности, сопровождающей смену высшего руководства. И первым катализатором спокойствия за судьбу нефтяной промышленности оказалось впечатление от первого заседания Коллегии, проведенного новым министром вскоре после назначения. Искушенные члены Коллегии почувствовали главное — «министр владеет ситуацией», а для судьбы отрасли значение этого вывода трудно было переоценить. В конце концов, продолжали оптимисты, газовики выросли из той же нефтяной шинели... И последующие годы работы под руководством В.А. Динкова превзошли самые смелые ожидания оптимистов. Отличный руководитель и инженер, он выгодно отличался от всех необыкновенно глубокими знаниями техники, и это подтверждалось многократно, когда по установившемуся обыкновению он собственноручно пересчитывал ТЭО на разработку либо создание очередного отраслевого объекта. Не обнаружив ошибки, промолчит, в противном случае вернет с конкретными замечаниями.

Намеки коллег, что, мол, не дело министра перепроверять многостраничные расчеты, он оставлял без внимания и продол-

жал следовать, видимо, раз и навсегда принятой для себя методике.»

Одной из первых инициатив, реализованных В.А. Динковым в Миннефтепроме, было создание Центрального Диспетчерского Управления в 1985 году.

Инициатор и организатор Единой Системы Газоснабжения страны, используя накопленный положительный опыт функционирования ЕСГ, пришел к убеждению о целесообразности организации ее нефтепромышленного аналога.

«Помню одно из первых приглашений к новому министру, — вспоминает В.В. Гнатченко. — «А теперь, — после небольшого вступления произнес Василий Александрович, — Вам надо принимать ЦДУ...» Так, к руководству Главным управлением по технике, технологии и организации добычи нефти и газа прибавилось и Центральное Диспетчерское Управление. Понимая всю важность этой меры, я был далек от ропота, хотя было ясно, что ответственности лишь прибавится. Справедливость требует отметить, что у части моих коллег эта идея вызвала немало вопросов, мол, не достаточно ли существование Траснефти, где всегда можно получить интересующую информацию по нефтепотокам. Однако вскоре все Главки ощутили новые преимущества, перестав отвлекаться на получение ежедневно интересующих сведений по добыче нефти, регулированию и отслеживанию потоков, контроль над которыми передавался новому Управлению. Руководство министерства стало получать требуемую информацию из единого центра, переданного в подчинение нашему Главку. Это позволило высвободить часть отвлекавшегося почти всеми Главками, управленческого ресурса, сосредоточив его на решение профильных производственных задач. Что *же* касается ЦДУ, то оно и сегодня продолжает быть важным структурным подразделением преемников Миннефтепрома СССР.

В 1995 году, — продолжал воспоминания Виктор Владимирович, — в Президент-отеле, в Москве ветераны Миннефтепрома торжественно отметили десятую годовщину ЦДУ и самым почетным гостем события был его идеолог и создатель Василий Александрович Динков, память о котором в не меньшей мере, чем газовикам, дорога и нефтяникам.»

Для Василия Александровича 1987 год оказался первым «мирным» годом в руководстве Миннефтепромом, без произ-

Бедственных ЧП. Это был год фактического начала объявленной коренной перестройки управления экономикой страны, деятельностью министерств, одной из важных мер которой в области международных экономических связей было «развитие новых прогрессивных форм внешнеэкономических отношений с зарубежными странами, активное содействие установлению прямых производственных и научно-технических связей предприятий и организаций отрасли с предприятиями и организациями других стран». На практике это означало серьезный шаг вперед к воплощению давнишних соображений В.А. Динкова еще в начальные годы работы в Мингазпроме о целесообразности установления с современными компаниями родственной деятельности всесторонних взаимовыгодных отношений вплоть до привлечения их знаний, опыта, техники и технологий при решении конкретных отраслевых задач. Эту возможность подкрепило и решение президента США Р. Рейгана в том же году об ослаблении санкций на экспорт в СССР высоких технологий.

Развитие внешнеэкономических связей Миннефтепрома в новых условиях осуществлялось под непосредственным контролем министра. В ближайшее время была предложена организация совместного предприятия между Центральной геофизической экспедицией и американской компанией «Профешнл Джеофизикс, Инк.» по осуществлению комплекса разведочных работ и оценке запасов нефти в Западной Сибири, Волго-Уральском регионе, на Северном Кавказе и на Украине. С английской «БиПи Эксплорейшн» и норвежской «Дэн Норске олиезелскап АО» был подписан протокол о намерениях по созданию СП с Каспморнефтегазом для определения осуществимости глубоководного бурения на шельфе Каспия. С компанией «Коноко» Миннефтепром подписал протокол о возможности организации СП по разработке нефтегазовых месторождений в Тимано-Печерском регионе, а также СП с объединениями Главтюменнефтегаз, Главтюменгеология, Ноябрьскнефтегаз по разработке углеводородных ресурсов в Западно-Сибирском регионе (Ноябрьск, Пур и др.) и на юге Урала. О намерениях создать СП в конкретных нефтедобывающих регионах страны заявили «Файбро Энерджи, Инк.» совместно с «Англо-Суисс», «Глобал Нейчурал Рисорсиз», «Тексако Петролеум Девелопмент», «Канадиен Фракмастер» и др.

В 1986 году, когда отрасль преодолела спад и стало ясно, что достигнутый темп добычи предвещает намеченный перелом, Василий Александрович прибыл в командировку на Кубу. Общечеловеческая память хранила события 1960-х годов, когда здесь после победы революции, на некогда затерянном острове, превращенном в форпост идеологического противостояния в Западном полушарии, в океане разделявших мир политических страстей, после безнадежных попыток «перековать мечи на орала» политикой мирного сосуществования, было возжено пламя, которое чуть было не ввергло мир в самоуничтожение. Благо, у последней черты, сильным мира сего хватило мудрости вложить в ножны обнаженные мечи. Человечество вздохнуло с облегчением 28 октября 1962 года. Последующие десятилетия, отмеченные годами холодной войны обоюдоострого противостояния супердержав, вплоть до середины 1980-х годов, щедрые усилия нашей страны были направлены на осуществление замысла по превращению Кубы в витрину экономического процветания, в своеобразный латиноамериканский эквивалент Западного Берлина. Сюда основательно, с семьями стали прибывать многочисленные отряды наших строителей, геологов, нефтяников, началось поступление строительной техники, бурового и иного технологического оборудования, обеспечены регулярные поставки нефти и нефтепродуктов, объем которых превысил 13 млн т в год. Последовала серия открытий нефтяных месторождений в Бока де Джаруко (1969 год), Варадеро и Камариока (1971 год), Санта Мария, Вия Бланка, Чапелин. Объем завезенного оборудования был огромен, масштабы объявленных планов претенциозны. Это был первый год кубинской пятилетки 1986— 1990 годов, планы которой предусматривали довести добычу нефти от 1,2 млн т до 2 млн т в 1990 году и обеспечить капиталоемкий выход на разведку шельфа в прибрежной зоне севера страны. Этому плану не суждено было сбыться, и задуманная с Крымским ЦКБ «Коралл» идея транспортировки через моря и Атлантический океан к кубинскому шельфу усовершенствованной морской платформы так и осталась не реализованной, о чем по телефону в январе 2003 году поведал один из старейших сотрудников ЦКБ, конструктор специальных плавсредств, предназначенных для освоения морских нефтегазовых месторождений **Морозов Александр Николаевич.** В.А. Динков посетил геологические партии,

нефтяников, строителей трубопроводов и продуктопроводов и первой очереди нефтеперегонного завода на юге страны. У него были многочисленные встречи со специалистами, завершившиеся продолжительными беседами с Фиделем и Раулем Кастро. При всей теплоте проявленного к нему внимания и ярких воспоминаниях, оставшихся на всю жизнь, его не покидало состояние тревоги. В первую очередь было ясно, что необеспеченность необходимыми разведанными ресурсами таит серьезную угрозу срыва выхода на объявленный уровень добычи в 1990 году. (Впоследствии выход на двухмиллионный рубеж: был перенесен на 2000 год.) И хотя провозглашенный в феврале-марте 1986 года лозунг об «...оказании интернациональной помощи... Республике Куба... в ускорении развития и повышении эффективности общественного производства...» не был снят с повестки дня, становилось все более очевидным, что наша, вконец ослабленная непосильной ношей огромных невосполнимых затрат в стране и за рубежом экономика подобную нагрузку не выдержит. И признанное устами руководителей нашей страны поражение в изматывающей гонке за престиж, в самой стране мало кого удивило. Надежды людей возлагались на тщательно подготовленную экономическую реформу. Судьба сотрудничества с Кубой оказалась печальной. В начавшейся в последующие годы мучительной переоценке ценностей, в первую очередь серьезному пересмотру подверглись внешнеэкономические связи со странами социалистического лагеря. В отношениях с Кубой это будет означать, что дорогостоящие, символически восполняемые неэквивалентным бартером усилия по всестороннему научно-техническому и экономическому содействию развития страны должны уступить место взаимовыгодному сотрудничеству, экономической целесообразности и рыночным отношениям. Но произойдет это уже после 1989 года.

Надолго запомнилась и состоявшаяся в декабре 1986 года командировка в Индию, где Василий Александрович оказался в тесном кругу специалистов ПО «Татнефтегеофизика» во главе с Ю.Н. Блиновым и В.В. Золотухиным, первый выезд которых на профиль намечался на 16 декабря. Подробности этой встречи, пересказанные со слов её участников и любезно предоставленные **фазылом Нурисламовичем Мулюковым,** одним из старейших строителей-нефтяников, воссоздали картину 16-ти-

В середине 1980-х годов зарубежные маршруты министра газовой промышленности, а затем и министра нефтяной промышленности СССР В.А. Динкова прошли через страны Азии, где наша страна с неравнозначным успехом наращивала усилия по налаживанию и расширению экономического сотрудничества в области создания нефтяной и газовой промышленности — сырьевой базы для национальной топливной промышленности, основы экспорта отраслевой продукции. На снимках торжественное облачение в аэропорту Барода (Индия); член делегации Верховного Совета СССР В. А. Динков в президиуме совещания в Пном-Пнеме (Лаос)

летней давности. Прием, оказанный властями и соотечественниками в г. Патан в день прибытия, 16 декабря был поистине «жарким». Изнуряющая жара в 52 градуса по Цельсию оттеснила картину вчерашней Москвы с её предрождественскими морозами. Увешанный традиционными гирляндами живых цветов, он стойко выдержал на специальном подиуме все испытания неизбежной процедуры торжественной встречи важных гостей в дружественной нам Индии. Его общение со специалистами партии и членами их семей завершилось непосредственным выездом на профиль, где министр в кабине сейсмостанции вместе с геофизиками принял участие в начале операций. И хотя первый взрыв обернулся «комом», он сгладил конфуз, рассказав об описанной в книге своей первой встрече с Алексеем Кирилловичем Кортуновым в далеком 1962 году. Вся последующая деятельность советских геофизиков и нефтяников в стране была успешной. Достаточно напомнить, что извлекаемые запасы нефти в Индии, составлявшие в 1980 году 342 млн т, в 1986 году увеличились до 506, а в 1988 году составили 590 млн т (соответственно 2,5; 3,5; 4,6 млрд баррелей, Международная энциклопедия нефти, США, 1988 год). Добыча же

нефти в стране, неуклонно повышаясь от 9,1 млн т в 1980 году и 31,8 млн т в 1986 году, в 1989 году достигла 35 млн т. И в этом виделась общая результативность внешнеэкономической деятельности Миннефтепрома в Индии.

По сохранившимся воспоминаниям в семье, Василий Александрович нередко возвращался к впечатлениям от встреч с коллективом Татнефтегеофизики в Индии.

Удивительно поэтичны эти геофизики, преданные профессии люди необустроенного в работе жилья и вместе с тем неунывающие романтики. Подтверждение сказанного видится и в поэтических записях одного из них, сотрудника индийской партии Татнефтегеофизики, украсившего стихами рабочую тетрадь после визита В.А. Динкова. И в названии стихов «Мне везет на Вас, люди-боги» и в тексте — глубокая искренность, какая может сопровождать влюбленного в свою профессию и гордого за успехи товарищей по труду специалиста и душевно чистого человека.

«...Эти люди в работе строги, Будни поля — их жизненный класс Мне везет на Вас люди-боги, Счастлив тем, что живу среди Вас...»

Что и говорить, непростое это дело любому руководителю завоевать у таких подчиненных авторитет.

Что же касается результатов деятельности Миннефтепрома в 1986 году, то отрасль подтвердила оптимистичные прогнозы, и в стране было добыто на 18,4 млн т больше предыдущего, а годовая добыча составила 615,1 млн т. От установленного в 1983 году рекордного показателя её отделял лишь 1,2 млн т вожделенной нефти, и министр Динков уверенно вел отрасль к выполнению, казавшегося невыполнимым, плана. Итог же следующего 1987 года иначе, как триумфом Динкова не назовешь. Из недр страны было добыто 625,2 млн т нефти и газоконденсата. Ни до ни после этого мир не знал такого достижения. Доля России при этом составила 569,5 млн т. Но велика была и цена успеха. Восполнение и увеличение извлекаемых геологических запасов откладывались до лучших времен.

Из всех загранкомандировок, а со времени начала работы в газовой промышленности Василий Александрович посетил

два десятка стран, на инженера Динкова самое сильное впечатление произвела осуществленная в 1988 году командировка в США на нефтегазовые объекты Мексиканского залива. Это был центр выдающихся достижений в области техники и технологии разведки и разработки морских нефтегазовых месторождений. Здесь, впервые в мире установленная в 1947 году автономная морская платформа положила начало всему многообразию конструктивных решений различных типов платформ, составивших в конечном итоге многочисленный флот, используемый на мировом шельфе с целью добычи углеводородов. Ему было с чем увиденное сравнивать. В памяти были живы впечатления от совсем недавнего посещения в начале 1980-х годов сооружений морского нефтяного промысла «Нефтяные Камни» и платформ по разведке и добыче нефти на шельфе Каспия. Вспомнился и 1962 год, прерванная возможность командирования в США, где его пытливый ум мог бы увидеть столько интересного для профессионального инженера. Наконец, получив эту возможность, он еще раз убедился в высоком профессионализме своих соотечественников, уступающих, разве что в оснащенности своего напряженного труда всем увиденным и умело компенсировавших разрыв в технической оснащенности все тем же напряжением самоотверженного труда в геофизике, бурении, добыче, и, не в последнюю очередь, в руководстве всем многосложным производством. Вызывали понятные чувства и количественные категории. В 1988 году на американском шельфе в Мексиканском заливе действовало 110 буровых установок и по объяснимым причинам все еще низких мировых цен на нефть (баррель Западно-Техасской смеси на Нью-йоркской товарной бирже в среднем в 1988 году — 15,98 долларов) это было их самое низкое число, начиная с 1980 года (в 1984 году их было 187. Данные Международной энциклопедии нефти, США, 1991 год). Это было прямым следствием действия рынка. В 1984 году баррель нефти на Нью-йоркской бирже продавался в среднем по 29,34 долларов.

Переданные в 1988 году вновь в подчинение Миннефтепро-му работы по освоению континентального шельфа придавали этой командировке, как впрочем и любой другой в жизни В.А. Динкова, важный конкретный смысл. Лишь совсем недавно, в IV квартале 1987 года на крайнем севере Баренцева моря

обнаружены многообещающие запасы нефти и газа, впервые началось разведочное бурение в арктической зоне Карского моря, а в Печорском заливе были подтверждены прогнозы простирания нефтегазовых пластов Тимано-Печорской нефтегазовой провинции в северном направлении. Было ясно, что без современных достижений техники, которыми страна не обладала, выполнить предстоящий объем работ — дело немыслимое. Пребывание Динкова в США имело серьезную цель привлечения в нашу страну высокотехнически оснащенных западных компаний для взаимовыгодного участия в реализации обширной программы разведочных работ, объявленной на успешно проведенной в Москве в 1987 году Международной выставке «Нефть и газ-87». Этому мероприятию министр нефтяной промышленности придавал исключительно важное значение. Дело в том, что это была первая из регулярных специализированных выставок в Москве, проведенная после принятия целой серии законодательных актов и правительственных решений в СССР в 1987 году по беспрецедентной организации и проведению конкурсного выбора иностранного партнера при создании на территории СССР совместных предприятий. И, что особенно важно, она состоялась после отмеченного ранее решения президента Р. Рейгана об ослаблении санкций, действовавших с начала 1981 года на поставку в нашу страну оборудования и приборов для нефтегазовой промышленности. И неудивительно, что крупнейшей на этой выставке была делегация американских деловых кругов, включающая ответственных представителей 59 компаний из США. Важнейшим итогом выставки было заключение протоколов о намерении американских нефтяных компаний создать СП с предприятиями Минефтепрома о совместной разведке и разработке нефтегазовых месторождений на территории нашей страны, включая морской шельф. Визит же в США министра Динкова был проявлением доброй воли сторон по развитию долговременного сотрудничества на новой качественной основе и подтверждением серьезности скрепленных подписями в Москве намерений.

Именно после этой командировки и состоявшихся обсуждений с высшим руководством нефтяных компаний США перспектив взаимовыгодных отношений был дан новый положительный импульс в направлении, столь важного для решения проблем разведки многомиллионнокилометрового российского

шельфа, сотрудничества и последующей добычи нефти и газа на условиях выкристаллизовываемого соглашения о разделе продукции уже в новых условиях реформируемой России.

Впервые за многие годы в отрасли была обеспечена слаженность работы всех основных звеньев нефтедобычи без срывов. Взятый с начала 1987 года темп добычи обеспечил достижение непревзойденного объема добычи.

В один из дней в 1987 году в Министерство нефтяной промышленности СССР с приятной миссией прибыл первый заместитель Председателя Бюро Совета Министров СССР по топливно-энергетическому комплексу **Грант Джаваншированович Маргулов.** Приятность миссии заключалась в том, что он выполнял решение ЦК профсоюза вручить Герою Социалистического Труда, кавалеру трех орденов Ленина, ордена Октябрьской Революции, орденов Отечественной войны и Трудового Красного Знамени нагрудный знак «Почетного нефтяника» за впервые отмеченный, большой личный вклад, — как гласит запись в трудовой книжке, — по развитию нефтяной промышленности, обеспечение устойчивой, стабильной работы предприятий и вывод отрасли на плановые объемы добычи нефти». Это было первое официальное признание успеха по результатам деятельности отрасли в 1986 году и впечатляющего темпа добычи нефти в году текущем.

Все предшествующие награды Василию Александровичу Динкову были присвоены за заслуги в газовой промышленности.

«Мы вместе проработали более 20 лет. Всякое бывало — крутые споры при обсуждении ключевых проблем развития, несовпадения точек зрения по отдельным вопросам, крупные аварии и пожары, но всегда нас объединяло высокое чувство ответственности за порученное дело», — пишет в приводимых воспоминаниях сегодняшний президент Международной топливно-энергетической ассоциации, академик Г.Д. Маргулов.

Академик РАН Анатолий Николаевич Дмитриевский считает неслучайным, что для выведения нефтяной промышленности из очень сложной ситуации выбор пал именно на Динкова. «Нужна была личность талантливая, способная не только безошибочно определить узкие места огромного и многосложного нефтяного производства, но и найти адресные технологии в каждом конкретном случае, личность, уже зарекомендовавшая

Первый заместитель Председателя Бюро Совета Министров СССР по топливно-энергетическому комплексу Грант Джаваншировичу Маргулов вручает министру нефтяной промышленности СССР Василию Александровичу Динкову нагрудный знак «Почетный нефтяник». Москва, 1987 г.

себя в этом плане и доказавшая способность управления огромным коллективом специалистов», — строит он свои логические построения. «Помню, в эти дни, нередко находясь в здании министерства, я видел как Василий Александрович подолгу засиживался и не удивлялся, когда говорили, что далеко за полночь. От встречи к встрече я наблюдал интенсивное погружение горного инженера-газовика в специфику нефтяного дела, и человек, проработавший 30 лет в газовой промышленности за несколько месяцев безошибочно точно обозначил ключевые проблемы развития отрасли, что позволило вывести добычу нефти в стране в 1987 и 1988 годы на уровень в

624 млн т. Эта цифра войдет в историю мировой нефтяной промышленности абсолютным рекордом. Ни одна страна не добывала столько нефти ни до ни после этого.

Выглядит фантастически неправдоподобным, но Динков досконально знал о состоянии каждого промысла. Он был безошибочен в руководстве Мингазпромом и столь *же* безошибочным в выборе и осуществлении тактических приемов и стратегии развития нефтяной промышленности», — закончил свои воспоминания А.Н. Дмитриевский.

Посещение В.А. Динковым в 1986 году предприятий нефтяной промышленности столь близкого ему Краснодарского края было вызвано конкретной производственной необходимостью. Дело в том, что нефтяники Кубани одними из первых в стране начали изучать и внедрять термические методы добычи нефти. Здесь с 1966 года на месторождении Павлова Гора впервые в целях доразработки залежи были проведены работы по использованию способа внутрипластового горения. Эти достижения дополняли еще более ранний производственный опыт коммерческой добычи нефти шахтным способом в Яреге и содействовали успеху добычи в Харьяге, Хатанге, Охе и др. нагнетанием пара в пласт. Так, что механизм действия этих технологий был давно известен нашим ученым и производственникам на Кубани. В 1981 году все накопленные в стране сведения и опыт тепловых методов разработки нефтяных и газовых месторождений были изложены в одноименной книге Николая Константиновича Байбакова и доктора технических наук Александра Рубеновича Гарушева.

Вспоминается, как в 1974 году в Мингазпроме вызвало переполох письмо расположенной в Техасе американской электроэнергетической компании «Тексаз Ютилитиз» с просьбой ознакомить её специалистов с «очевидно используемой в СССР технологией подземной газификации угля». Интерес американцев объяснялся внезапным взлетом цен на нефть в 1973 году и четко выраженной тенденцией их дальнейшего повышения, что вынуждало искать рентабельное альтернативное топливо и технологии. Деловые американцы обнаружили сведения о том, что еще в 1888 году Д.И. Менделеев предрекал подземную газификацию угля и использование в энергетических целях получаемого горючего газа. Им, американцам было известно, что в нашей стране в 1920-х годах эта идея нашла практическое

Посещение министром нефтяной промышленности В.А. Динковым объектов Краснодарского научно-производственного объединения «Терм-нефть».

На снимках генеральный директор НПО «Термнефты> А. Р. Гарушев дает пояснения министру. Краснодар, лето 1986 г.

применение в конкретных мерах и что они хотели бы ознакомиться с этим опытом на местах его использования. По их расчетам, полученный газ в условиях высоких цен на углеводороды должен был быть рентабельным.

А завершалось письмо выраженной готовностью провести с нашей страной коммерческие переговоры. Соответствующее поручение замминистра В.А. Динкова после его встречи с авторами письма в Москве не заставило себя ждать, и в конечном итоге после ознакомления американцев на Ангренской ТЭЦ

под Ташкентом и в Кузбасском Киселевске с этой технологией и проведенных Василием Александровичем переговоров дело завершилось покупкой американцами лицензии на использование отечественного ноу-хау. Случай беспрецедентный в советско-американских отношениях. Если обычно считающие свои деньги американцы сочли выгодной покупку ноу-хау на подземную газификацию угля, необходимо выявить все отечественные ресурсы теплового воздействия и на нефтяной пласт, и, особенно, на пласт с высоковязкой нефтью и битумами, неф-

теотдача которого стала предметом особого внимания министра нефтяной промышленности В.А. Динкова, что и привело его в 1986 году в Краснодар. А телефонный разговор 16 лет спустя с генеральным директором Краснодарского НПО «Термнефть»

и давнишним институтским приятелем А.Р. Гарушевым (примечание М.Г.) напомнил о переданных в свое время Термнеф-ти материалах переговоров с американцами и прояснил мотивы визита Василия Александровича на объекты Термнефти. Здесь он подробнейшим образом интересовался эффективностью использования разработанных технологий, и последующие решения министра стали важным импульсом в поддержании усилий по расширению производства соответствующих технических средств, включая передвижные паропроизводя-щие установки повышенной производительности на предприятиях Минхиммаша, и организации распространения новых технологий на тщательно подобранные месторождения, из которых к территории России относятся месторождения в Западной Сибири, Татарии, Пермской области, Коми АССР, на о. Сахалин, в Майкопском и других районах.

Высоковязкая нефть, битумы, нефтенасыщенные и битуминозные песчаники, кстати, очень богатые титаном, всем этим

многообразием нефтяного и сопутствующего богатства в пласте, ожидающем разработку либо доразработку, Россия владеет в фантастических объемах. По американским оценкам 1986 года (журнал «Ойл энд Газ Джорнэл» от 20 января 1986 года, статья «Советы стремятся увеличить добычу высоковязких нефтей») они десяти- — сорокакратно превышают объемы ими же оцененных российских извлекаемых запасов традиционной нефти и составляют порядка 70 — 270 млрд т. Картина была бы неполной, если не знать, что наша страна владеет (во всяком случае владела) всеми видами температурного воз-

действия на вытеснение указанной нефти и, по меньшей мере, имеет серьезную экспериментальную базу и опытный персонал, специализирующийся в этой области. Весь вопрос упирается в экономику и совершенство технологии. Как утверждают технические специалисты, окончательное решение вопроса усложняется, если скважина находится в условиях вечной либо «погребенной» мерзлоты, а таковых в России больше половины. Огромные объемы нагнетаемого в пласт трудноизолируемого искусственно подогретого теплоносителя по пути к пласту растопляют вечномерзлотную толщу, лишая многотонные элементы конструкции скважины площади опоры. Эффект сродни тому, с которым почти 20 лет назад начальник Главгаздобы-чи В.А. Динков встретился при освоении Мессояхи и сооружении норильского газопровода. Разве, что теплоноситель был природным, а направление потока прямо противоположное. В свою очередь экономисты рыночной экономики (США) склонялись к оценке процесса, рентабельным лишь при мировых

ценах барреля нефти, не ниже 35 долларов, а его стоимости порядка 10 долларов. И хотя расчет рентабельности у нас осуществлялся при значительно меньших издержках на труд, камень преткновения для Динкова был именно в этом, так как в 1986 году в 10 долларов укладывалась не стоимость, но мировая цена барреля. Стоимость же российского барреля, полученного шахтным методом, по официальному свидетельству в докладе на XI Всемирном нефтяном конгрессе в Лондоне в 1983 году составляла 12—15 долларов. Но понимая неизбежность обращения в известных экономических условиях к этому «альтернативному» ресурсу, Василий Александрович всем своим авторитетом воздействовал на создание и организацию производства заводами Минхиммаша более мощных парогенераторов. (Хотелось бы верить, что в сегодняшних условиях рыночной России и в благоприятной для нефтяников экономической конъюнктуре, пусть и 20 лет спустя, эта проблема столь же серьезно и ответственно занимает умы, как стало модно говорить «топ менеджмента» наших вертикально интегрированных нефтяных компаний.)

В условиях неутешительного состояния ресурсной базы нефтедобычи, когда доля малоэффективных запасов в общем балансе к началу 1986 года составила почти 50 % и средняя обводненность по отрасли стремительно приближалась к 3/4 добываемой нефти, министр В.А. Динков уделял серьезное внимание проблеме получения и использования альтернативного топливного ресурса. Подтверждением этому может служить и его отношение к проблеме так называемой «искусственной нефти». С начала 1980-х годов она была включена в планы ГКНТ СССР, в соответствии с которыми было организовано научно-техническое сотрудничество заинтересованных министерств с итальянской компанией «Снампрожетти». Но реализация разработанной совместно с ВНИИгидротрубопроводом в 1983—1985 годах технологии изготовления на базе кузбасских углей и транспортирования высококонцентрированной водоугольной суспензии (искусственной нефти) для использования в котлоагрегатах новосибирской теплоэлектроцентрали задерживалась на неопределенные сроки. Следует подчеркнуть, что решение этой проблемы четко корреспондировалось с идеями указанного ранее доклада Василия Александровича в 1981 году в Лозанне на Всемирном газовом конгрессе, в те годы мирист-

ра газовой промышленности, о разработке экологически чистых угольных технологий на электростанциях. По этой же причине им был затребован в ГКНТ отчет об ознакомлении наших специалистов в 1982 году с достижениями бразильской национальной нефтяной компании «Петробраз» в получении стойкой водоугольной суспензии на базе бразильских сланцев. (Из нее получался «бензин», который в смеси со спиртом из тростникового сахара в пропорции 70 на 30 широко использовался в стране автомобилистами в качестве моторного топлива «алкофьюал», и это было логическим развитием изобретения немецких химиков, отмеченного Нобелевской премией в начале 1930-х годов, по получению моторного топлива из рурских углей.)

Став министром нефтяной промышленности, В.А. Динков решительно подключился к завершению затянувшейся стройки, и в 1989 году 260-километровый экспериментально-коммерческий пульпопровод диаметром 16—20 дюймов и пропускной способностью 4,3 млн т в год по маршруту Белово — Новосибирск начал поставки на Новосибирскую ТЭЦ водоугольной смеси, на 2/3 состоящей из размолотого угля. Заменившая дефицитный мазут смесь без дополнительной обработки поступала непосредственно в топку. Этот плод труда многих коллективов, специалистов и руководителей — вне сомнения, прорывная технология, которая по праву претендует на развитие в наступившем XXI веке.

Следует отметить, что эти проблемы интересовали и продолжают интересовать промышленность не только в нашей стране. При всей энергичности энтузиастов, наши, более чем скромно финансируемые усилия не шли ни в какое сравнение с введенной в действие в 1986 году Конгрессом США массированной программой освоения технологии получения и использования экологически чистого угля, включающей 35 проектов общей стоимостью более 5 млрд долларов.

Во всяком случае пионеры этой идеи в нашей стране видели в перспективе сооружение 2400-километрового пульпопровода из Кузнецка для уральских электростанций мощностью 25 млн т угля в год и, нги^ли -ц, прокладку 56-дюймового трубопровода мощностью 100 млн т угля в год по маршруту Куз-нецк — московский регион. Задача по плечу целеустремленным талантливым руководителям промышленности, которыми

так была богата страна в 1960—1980-е годы и, вне сомнения, обладает реформируемая Россия XXI века. Здесь нужны масштабно мыслящие, видящие перспективу и умеющие считать, самостоятельные и энергичные представители финансово-промышленных групп. Это позволило бы избежать вереницы неудач в судьбе первого пульпопровода Белово — Новосибирск, время пуска которого совпало с пиком политических событий в стране.

Успех нефтяников в 1986— 1987-х годах стал возможным и благодаря использованию всесторонне продуманных решений в восстановлении множества простаивающих скважин и в наращивании фонда эксплуатационных скважин новых месторождений, на разведку которых при всей, становящейся традиционной нехватке средств Динков на пределе возможности все же умудрялся их изыскивать. Успеху добычи содействовали и результаты экспериментально-производственного использования новейших (иногда они были и чрезвычайными) отечественных технологий. Американские журналы «Ойл энд Газ Джорнэл» 1987—1989 годов свидетельствуют об использовании для увеличения нефтеотдачи пласта в СССР и ядерных взрывов мощностью до 20 кт. В них сообщалось о пяти в высшей степени эффективных взрывах указанной мощности в апреле, июле и августе 1987 года, в том числе о двух на месторождениях объединения «Пермнефть» и трех в западной Якутии. (Эти сведения были подтверждены в совершенно неожиданной ситуации в 2002 году, когда, работая над книгой и делясь впечатлениями о добытой в американских журналах минувших лет интересной информации, я в буквальном смысле был подведен к своему коллеге по работе в созданной усилиями Василия Александровича Динкова компании «СЖС-Энергодиагностика», многоопытному ветерану нефтяной промышленности и очень скромному человеку, который, как выяснилось, имел самое непосредственное отношение к описанным событиям в Пермской области. Он был их участником. Рассказать желанные подробности он отказался. «Давал подписку». Что и говорить, дисциплина.)

Очевидные успехи нефтяников втягивали Миннефтепром СССР во все более широкую орбиту международных связей. После ослабления американцами в 1987 году режима ограничений на ввоз в нашу страну нефтепромыслового оборудования

Обсуждение у Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова предложения американского предпринимателя, президента АО «Оксиден-тал Петролеум Корп.>> доктора А. Хаммера по созданию на базе Тенгиз-ского нефтяного месторождения многостороннего совместного нефтехимического предприятия. На снимке, первый справа В. А. Динков

и технологий для нужд нефтяной, газовой и химической промышленности, всё более заметную роль стали играть отношения с США. Этому в значительной степени способствовали принятые в январе 1987 года решения правительства о развитии экономического сотрудничества с капиталистическими странами с созданием совместных предприятий и не заставившие себя ждать инициативы известного в нашей стране американского предпринимателя Арманда Хаммера.

В год, когда 32-летний главный инженер газового управления В. Динков трудился в объединении «Краснодарнефть», без малого 60-летний А. Хаммер не имел ни малейшего представления о нефтяном бизнесе. Однако ему сопутствовала удача и, став обладателем полуразоренной фирмы «Оксидентал Петролеум Корп.», он сделал первое свое нефтяное открытие в Ка-

Подписание полномочными представителями сторон в Миннефтепроме СССР Протокола о намерениях по созданию многостороннего совместного Тенгизского нефтехимического предприятия. На снимке слева направо: председатель АО -«Монтэдисони- доктор Р. Гар-дини, председатель АО - «Оксидентал Петролеум Корп.^> доктор А. Хам-мер, министр нефтяной промышленности СССР В. А. Динков, председатель АО ^Энишем^ доктор Л. Неччи, председатель «Марубени Корп.» господин К. Харуна. Москва, 16 марта 1988 г.

лифорнии. Ловкий предприниматель, обладающий развитой интуицией, он превратил «Оксидентал Петролеум Корп.» в одну из крупнейших транснациональных нефтехимических корпораций, чему главным образом сопутствовало открытие нефтяных месторождений в Ливии.

Весной 1988 года неутомимый 90-летний А. Хаммер вновь принят Кремлем и его, поддержанная М.С. Горбачевым идея создания современного нефтехимического комплекса на базе Тенгизского нефтяного месторождения, получила подтвержден-

ние подписанием многостороннего Протокола о намерениях. Именно в Кремле на переговорах по этому вопросу произошло первое личное знакомство министра нефтяной промышленности В.А. Динкова с А. Хаммером.

О некоторых подробностях переговоров с компанией «Монтекатини Эдисон», вовлеченной Хаммером в организованный консорциум, мне поведал участник переговоров

Рукопожатие после подписания Протокола о намерениях по созданию многостороннего совместного предприятия. Москва, 16 марта 1988 г.

старейший ученый, нефтяник, доктор экономических наук **Петр Самуилович Сапожников.** «Изначально, — подчеркнул мой собеседник, — даже при всей заинтересованности Консорциума в подписании вожделенного контракта, представители его научно-технического персонала в отношениях с нами, советскими коллегами порой проявляли трудно скрываемое высокомерие. В этой связи запомнился эпизод, когда, не удовлетворившись услышанным ответом на обращение к научному консультанту «Оксидентала» по подготавливаемому ТЭО, Василий Александрович обратился за дополнительными подробностями. Удивленный настырностью министра, которого по всем иностранным понятиям большие подробности интересовать не могли он с подчеркнутой любезностью дал, как ему казалось, исчерпывающие пояснения. В ^вою очередь нас, знакомых с,

как мы его называли, «итальянским синдромом» «инженьере Динков», удивила искренность его удивления, когда в ответ на дополнительную информацию он услышал контраргументы, изложенные по пунктам... Мне было поручено В.А. Динковым при согласовании окончательного текста ТЭО в Милане перед его подписанием в Москве, — продолжал П. С. Сапожников, — обратить внимание на четкое изложение заинтересовавших его пунктов. Каково же было удивление, когда по возвращении в Москву мы не обнаружили в полученном для подписания тексте множество согласованных и заверенных мною позиций ТЭО. Надо было видеть возмущение Василия Александровича... А принял он их лишь после официального признания допущенной «недоработки». По всей видимости, эта инициатива подтолкнула руководство страны к новому этапу комплексного подхода в освоении углеводородных богатств Западной Сибири. Во всяком случае четко прослеживается, что именно в этом направлении работавшая конструктивная мысль министра нефтяной промышленности стала получать желанную поддержку. Ничем другим не объяснить, что буквально через два месяца, в мае 1988 года в Тюменскую область прибыла большая группа правительственных чиновников во главе с Председателем СМ СССР Н.И. Рыжковым. В своей книге «Трассы жизни» бывший министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности **Владимир Григорьевич Чирсков** очень подробно описывает это событие и думается, что читателю было бы интересно его вновь освежить в памяти.

Как метко заметил В. Г. Чирсков, это было запоздалое предложение наладить в нефтедобывающих регионах не только простейшую переработку сырья, но на его основе и химическое производство. «Я, — продолжает автор книги, — вместе с другими руководителями смежных отраслей сопровождал Н.И. Рыжкова в поездке по Тюменской области. В Сургуте смотрели, как сооружаются заводы по переработке конденсата и получению моторных топлив. Побывали на площадке, где предполагалось возвести нефтехимический комплекс. (Следует отметить, что лейтмотивом высказанных планов была, ставшая усилиями нового министра устойчивой, работа нефтяной промышленности. (М.Г.) На совещании в Нижневартовске этот мотив прозвучал весьма определенно. Сказав ободряющие слова о том, что Тюменский регион — основной поставщик нефти,

Взаимные заявления министра В. А. Динкова и доктора А. Хаммера. Москва, 16 марта 1988 г.

что без нас страна не могла бы развиваться, — продолжает В.Г. Чирсков, — мол, где надо, правительство обязательно поможет, Рыжков заявил, как о решенном: «Наступил новый период для Тюмени — сырье перерабатывать на месте, необходимо создавать здесь химические предприятия. Это надо объяснить народу». Ну, а на заключающем рабочую поездку Рыжкова в Тюмень партхозактиве многих моих коллег перестали мучить сомнения. Коль скоро предсовмина полон оптимизма, временные трудности и впрямь останутся позади, дела в стране пойдут в гору и «не в последнюю очередь» с помощью Тюменского региона. Увы, эта поездка Н.И. Рыжкова в Западную Сибирь не имела ровным счетом никаких последствий. Прог-

Знакомство Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова с ходом строительства объектов нефтяной промышленности в Тюменской области. Сургут, 1988 г.

нозируемыи спад в развитии топливных отраслей, все признаки которого были совершенно очевидны для посвященных, уже нельзя было остановить ни посулами, ни судорожными попытками открыть у Тюменского региона «второе дыхание». В конце 1988 года на имя Николая Ивановича Рыжкова за подписью трех союзных министров Динкова, Черномырдина и Чир-скова была направлена тревожная телеграмма с изложением угрозы срыва плана подрядных работ на следующий 1989 год в связи с необоснованным уменьшением лимитов на поставку оборудования и материалов по важнейшим плановым позициям. Указывалось на неизбежность срыва заданий социальной программы и планов ввода объектов на месторождениях в Тюменской области и Прикаспийской нефтегазовой провинции. Подчеркивалась неизбежность, при этом, уменьшения объемов

добычи нефт^ [7]! *m*^^. " "ОРР п в пш-^едующие годы.... Одна ко, — с горечью пишет Чирсков, — это обращение оказалось не более чем гласом вопиющего в пустыне.»

Многие видели страну, входящей в крутой штопор, и прозвучавший в июньскую ночь 1989 года на железнодорожном перегоне в Башкирии страшный взрыв нефтепродуктопровода казалось разметал остатки веры в сохранение некогда могучего нефтедобывающего комплекса страны.

ВЗРЫВ. Его мощность по оценке специалистов составила 20 мегатонн (газета «Московский комсомолец», 3 июня 2002 года) — половина мощности атомной бомбы, сброшенной американцами на Хиросиму. «Атомный» взрыв от прохудившегося продуктопровода в эпицентре России в одну из первых летних ночей, 3 июня 1989 года, и в эпицентре взрыва — два переполненных неразминувшихся скорых пассажирских поезда. В ту ночь на 1710-м километре железнодорожного Челябинского маршрута поездов Адлер — Новосибирск и Новосибирск — Адлер под Уфой смерть пожала страшную обугленную жатву, 575 погибших и 623 раненных.

На объекте Миннефтепрома произошла самая крупная за всю историю железнодорожная катастрофа.

По трубопроводу из тюменского Усть-Балыка на Тобольский и далее на Нижнекамский нефтехимические комбинаты перекачивался сжиженный нефтяной газ — широкая фракция легких углеводородов (ШФЛУ). Ценное углеводородное сырье в силу сотен причин не первый год и не первое десятилетие не находило полноценного стабильного использования на месте своей добычи.

По американским подсчетам приблизительно четверть его общего объема, около 20 млрд м^3 нефтяного газа в год, круглосуточно сжигалась в факелах, ставших неизменной частью нефтепромыслового пейзажа.

Взрыв лишил отрасль основного трубопровода по доставке западно-сибирского нефтяного газа на предприятия европейской части России. Обещанные же годом раньше правительством планы широкомасштабного сооружения в Западной Сибири нефтехимических комплексов с безотходной технологией остались лишь разговорами..., очевидно на всю оставшуюся жизнь.

На этом страшном пепелище министр В.А. Динков поста-

рел на десятки лет. Пребывание среди груды покореженного металла и окровавленной земли лишь усилило ответственность за безошибочно четкую оценку общей ситуации в отраслевой трубопроводной инфраструктуре и требовало незамедлительного принятия необходимых мер. Лишь слабым утешением, если о нем можно было думать, была работа памяти, настойчиво напоминавшей о дотошности, с которой в далекие 1950-е годы, лишь приступив к исполнению инженерных обязанностей в Краснодарском крае после окончания института, он добивался неукоснительного выполнения требований к надежности сварочных швов в предложенном проекте промыслового сбора нефтяного газа. Вспоминались и споры с работниками Минвнешторга, предлагавшими ему, уже ответственному руководителю Мингазпрома с широкими внешнеторговыми полномочиями, принять предложение конкурентов по закупке относительно дешевых труб и компрессоров для магистральных газопроводов... Нет, нет и нет... Он слишком отчетливо представлял себе и более чем популярно объяснял оппонентам все возможные последствия от принятия непродуманных решений и подобной экономии. В моей (М.Г.) памяти свежи впечатления от крупного события в научной жизни специалистов трубопроводного транспорта в 1985 году, когда по личной инициативе В.А. Динкова и группы академических ученых, ГКНТ СССР организовал проведение Международного симпозиума по проблемам диагностики трубопроводов. Это было одно из самых значительных мероприятий в московском Центре международной торговли. В работе симпозиума «Диагностика трубопроводов-85» приняло участие около 500 специалистов из 19 стран. Более чем кто либо понимавший важность надежности работы трубопроводов, чему неослабное внимание уделялось им в руководстве газовой промышленностью, Василий Александрович специальным распоряжением обязал группу специалистов Миннефтепрома принять непосредственное участие в работе симпозиума с последующими далеко идущими планами использования передовых достижений диагностической науки в практических делах. Но реализация принятых планов требовала дополнительных средств, которых, как правило, не хватало.

Вновь и вновь вспоминались широковещательные планы высшего руководства страны, заявленные в мае 1988 года о

твердости давно запоздалых намерений развернуть на месте добычи нефти в Тюменской области строительство мощных нефтехимических комплексов. Конечно *же,* это могло означать отказ от беспрецедентной дорогостоящей и опасной перекачки сжиженного нефтяного газа за сотни километров по неприспособленному для этого трубопроводу. Однако, тяжелое это дело, нести ответственность за недосмотр твоих предшественников, семеро из которых были привлечены к суду, рассуждая при этом: «Что бы было, если...». К тому же жизнь не терпит сослагательного наклонения, а реальная картина страшных последствий годами накопившихся огрехов вновь и вновь возвращала в тяжелую действительность. А она, при всех совершенно очевидных и достойно отмеченных рекордных достижениях в добыче нефти в 1987 и 1988 годах, внушала обоснованную тревогу. Основные фонды огромного взрывоопасного хозяйства требовали систематизированного ухода и значительного обновления. Взрыв продуктопровода тому подтверждение. Об этом же напоминал и вспыхнувший 26 мая на морской эксплуатационной платформе каспийского месторождения «28 апреля» и всё еще незатушенный пожар. В Баку направлен замминистра Л.И. Филимонов.

Что и говорить, чрезвычайные происшествия случались и в газовой промышленности, однако, там в этом отношении было надежней. Там всё возводилось, в буквальном смысле, при личном участии.

И, собрав волю в кулак, инженер-министр мысленно набросал четкий план конкретных действий по предотвращению подобных катастроф. Жизнь и глубокие знания научили его в критических ситуациях выходить на безошибочно верные инженерно-организационные решения.

В стране должен быть создан центр по осуществлению надзора за промышленной безопасностью объектов нефтегазового комплекса на суше и море. Центр высококомпетентной экспертной оценки безопасности всех элементов инженерных сооружений от устья скважины до потребителя, включая трубопроводы, нефтеперегонные, газоперерабатывающие предприятия, заводы по сжижению природного и нефтяного газа, базы хранения, терминалы по загрузке и разгрузке углеводородной продукции и соответствующие морские, железнодорожные и автотранспортные средства по их перевозке. Надзор и

контроль имелись в виду на всех этапах проектирования, сооружения и эксплуатации указанных объектов.

В своих планах В.А. Динков шел ещё дальше в направлении предотвращения экологических техногенных и антропогенных катастроф в топливно-энергетическом комплексе страны и на транзитных коммуникациях в странах СНГ, обеспечивающих экспорт российской нефти и природного газа. Предполагаемые функции центра включали и их количественный и качественный волюметрический контроль на экспортных терминалах и перевалочных базах. В совокупности эти меры выводили на выработку центром транснационального статуса безопасности и технической надежности предприятий ТЭКа с учетом накопленного международного опыта. В конечном итоге, надежно работающая инфраструктура ТЭКа — это важнейший фактор обеспечения энергетической безопасности России, чему по сути и была посвящена вся жизнь и без чего немыслима реализация провозглашенных реформ. Работа воистину динковского масштаба, и она отражала озабоченность Василия Александровича сложившимся состоянием этих дел в ТЭКе и экономике страны и его неукротимую решимость в новых условиях содействовать их успеху.

Центр должен состоять из специалистов высочайшей квалификации (на примете такие специалисты уже имеются), иметь неограниченные возможности привлечения к сотрудничеству высококлассных инженеров и ученых, быть сертифицированным в соответствии с международными требованиями. Наконец, центр должен быть высокоответственной, независимой внебюджетной организацией.

Последующие годы лишь подтвердили всю серьезность, с которой Василий Александрович Динков отнесся к реализации этой идеи. И реализовывал её уже не министр, но инженер Динков, непоколебленная репутация которого стала залогом успеха в столь многотрудном деле. За плечами 35-летний труд на важнейшем народнохозяйственном и государственном газонефтяном поприще от старшего инженера механика газокомпрессорного управления «Абиннефть» в Краснодарском крае до министра газовой промышленности и, в признание руководящего таланта, успешное руководство нефтяной промышленностью страны — сам по себе беспрецедентный в истории факт. Он по праву мог гордиться плодами своего труда в жиз-

нестойкости государства, большими и малыми свершениями г;елой плеяды специалистов и организаторов газонефтяного производства, воспитанных его личным примером, оказывая неоценимое воздействие на формирование и становление у подчиненных масштабного мышления, руководящих навыков и углубление инженерных знаний. Высказанные *же* поэтическим слогом НА. Савостьянова чувства его коллег нефтяников в день памятного прощания в конференц-зале Миннефтепрома были выражением и признательности, и глубокого чувства уважения коллектива к руководителю, и искреннего товарищества, которых удостаивается не каждый уходящий руководитель:

В своих решениях мудрец,
Всегда разумный, честный, смелый
Вы, как товарищ и отец...

Жизнь воистину прожита не даром, когда ко времени седьмого десятка лет тебя награждают столь восторженным поэтическим откровением. Но ... не расхолаживаться! Впереди новое, хоть и тщательно продуманное в деталях, но всё же новое дело, с новыми партнерами и в новых экономических условиях России последнего десятилетия XX-го века. Благо, организационному решению способствовала осуществляемая в стране экономическая реформа. И первым шагом в этом направлении было создание в 1990 году совместного российско-швейцарского предприятия «СЖС-Энергодиагностика», которому жизнь предопределила интересное будущее, а подкрепленная новыми проектами безупречно организованная инженерная деятельность в этой высокотехнологичной и конкурентной сфере обеспечила его серьезное признание в России и за рубежом.

Заседание коллегии Министерства нефтяной промышленности СССР. Москва, Миннефтепром, 1985 г.

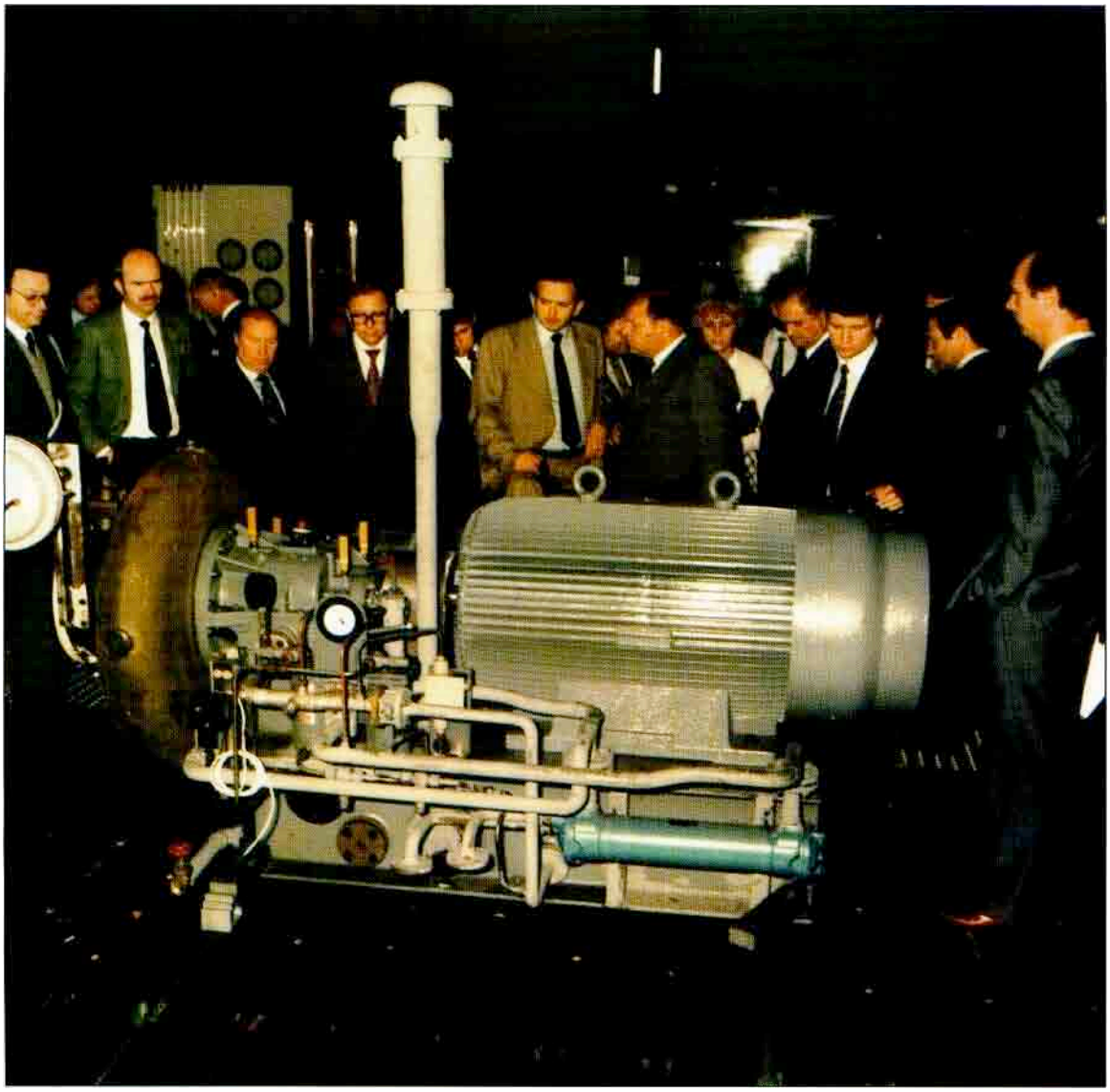
В.А. Динков и В.Ю. Филановский проводят совещание в Миннефтепроме по подготовке к посещению объектов нефтяной промышленности в Тюменской области высшим руководством страны. Миннефтепром, весна 1985 г.

Секретарь ЦК КПСС В.И. Долгих и министр нефтяной промышленности СССР В. А. Динков на буровой установке у нефтяников Тюменской области. 1985 г.

Беседа министра В. А. Динкова с начальником ПО «Сургутнефтегаз» В.Л.Богдановым, Москва, Миннефтепром, 1986 г.

Министр нефтяной промышленности В. А. Динков на нефтяном месторождении Мангышлака. Мангышлак, лето 1986 г.

Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков на одном из объектов Тенгизского нефтяного месторождения. На снимке слева направо: Н.К. Байбаков, Н.А. Назарбаев, Н.И. Рыжков, В. А. Динков и др. Тенгиз, зима 1986 г.

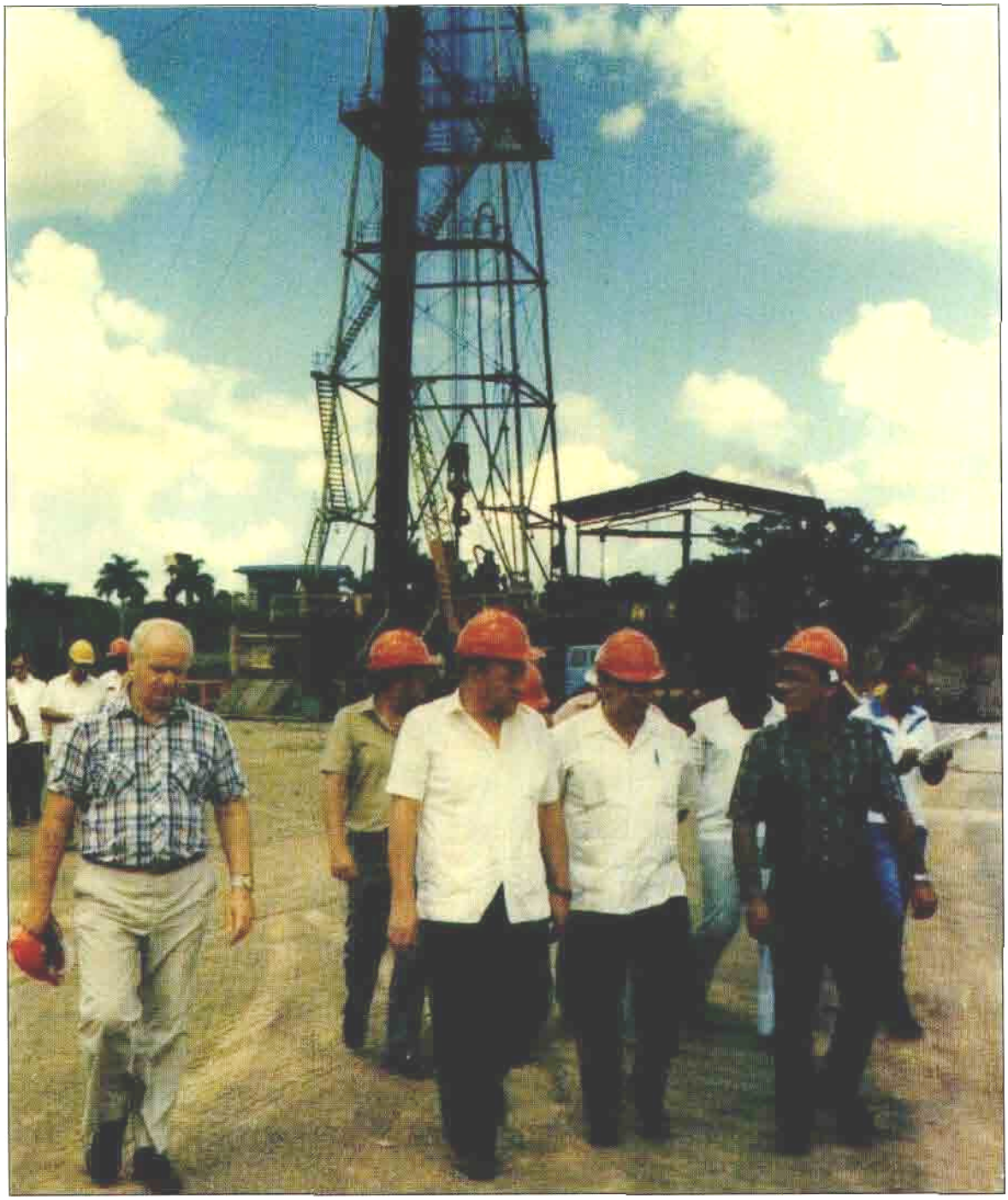


Ознакомление министра В.А. Динкова и замминистра В.Ю. Филановско-го с зарубежной насосной техникой на Международной выставке -«Нефть и газ-88^- в Москве

Встречи с главой кубинского правительства Фиделем Кастро оставили у Василия Александровича незабываемые впечатления. Куба, 1987 *г.*

Посещение буровой установки на Кубе. 1987 г.

Встречи министра нефтяной промышленности СССР В. А. Динкова, Б.Е. Щербины и др. с советскими буровиками, осуществляющими разведочные работы за рубежом в соответствии с межправительственными соглашениями. На снимках посещение буровых бригад



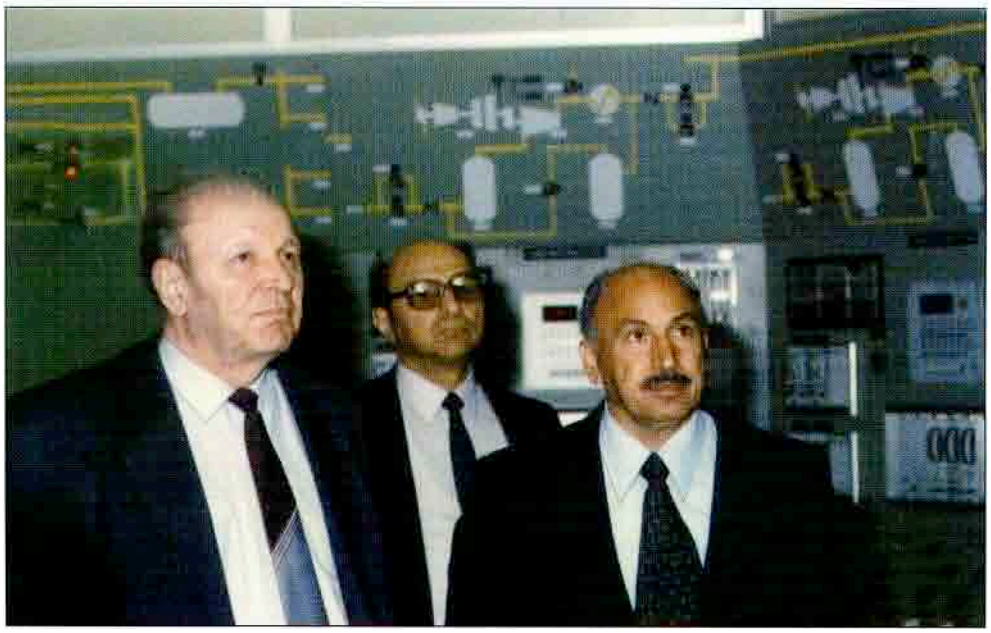
Руководитель советской делегации В. А. Динков в дни работы Всемирного нефтяного конгресса

Pala

RECHT
V. DINKOV

Торжественное заседание работников нефтяной и газовой промышленности страны. На трибуне министр нефтяной промышленности СССР В. А. Динков. Москва, 1987 г,

Подписание соглашения с Ираком на проведение работ по разработке нефтяных месторождений на юге страны в районе Басры. Москва, Миннефтепром, 1985 г.



Пребывание в Ираке министра нефтяной промышленности СССР В.А. Динкова и заместителя министра Ш.С. Донгаряна, 1988 г.

Посещение буровой установки и нефтепромысловых объектов на юге Ирака, 1988 г

Пребывание министра нефтяной промышленности В.А. Динкова в Кувейте.

На снимках руководитель делегации и сопровождающие советские специалисты на встречах с членами семьи правящего эмира Эль-Сабаха и на выставке бурового оборудования в Эль-Кувейте. Эль-Кувейт*, 1988 г.*

Нефтяники - делегаты XXVII съезда КПСС на встрече в Министерстве нефтяной промышленности. Москва, 1986 г.

4

Поиск нового. Энергодиагностика

Девяностые годы XX-го столетия войдут в историю нефтегазовой отрасли российского топливно-энерге-тического комплекса временем крутых перемен и тяжелейших испытаний, когда на отрасль, в одночасье лишенную сколько-либо ощутимой государственной поддержки, обрушилась высокая ответственность быть безропотно-надежным инструментом шоковой терапии, провозглашенной панацеей в вы-зволении огромной страны из экономического паралича. К чести нефтяников и газовиков и наиболее талантливого пополнения рядов их руководителей, казавшаяся непосильной, ноша высокой ответственности в конечном итоге оказалась им по плечу. При всей привычности тяжелого пресса верховодящей требовательности, это было десятилетие абсолютно непривычного, почти ежегодного обновления руководства министерства с меняющимся названием, призванного осуществить реализацию все более очевидного, а в 1992 году провозглашенного и год за годом реализованного замысла реструктуризации — приватизации нефтяной промышленности. Эта операция сопровождалась болезненным дележом неф-тяного пирога между новыми образованиями — созданными вертикально интегрированными нефтяными компаниями, их первыми робкими шагами все более самостоятельного решения извечных сложностей инвестиционного наполнения бездонных проблем многосложного нефтегазового производства с

привлечением и использованием современных финансовых инструментов как утверждалось, тщательно отобранных международных финансово-промышленных центров. Наконец, это было десятилетие безнадежно преодолеваемого и лишь во второй половине декады преодоленного угрожающего падения добычи нефти, когда, остановив падение на отметке в 301 млн т, что составляло немногим более половины российского уровня 1987 года, отрасль стала выказывать признаки робкого выздоровления, а ведь, казалось, становился пророческим уже забытый прогноз ЦРУ двадцатилетней давности о неизбежном превращении нашей страны в... импортера нефти. Не внушало твердых оптимистичных надежд положение дел и в российской газовой промышленности. Однако оно не шло ни в какое сравнение с отраслью нефтяной. Сказывались спасительные последствия обеспеченности газовиков извлекаемыми запасами, относительно поздняя вовлеченность газовой отрасли в интенсивное развитие и проявленный в начале 1990-х годов здоровый консерватизм в вопросах реструктуризации отрасли, оставшейся единым промышленно-хозяйственным организмом. Становилось все более очевидным, что успех дела способно было обеспечить лишь глубоко продуманное комплексное решение отраслевых проблем с использованием возникших в новой экономической и политической ситуации рыночных инструментов, главным из которых определилась и стала бурно востребоваться заинтересованность производителя. И эффект не замедлил сказаться. Время массовой приватизации ВИНК — 1996, 1997 годы стали переломными в добыче нефти, кривая которой устремилась вверх.

Остро ощущая возрастающую угрозу и опасность техно-генных и антропогенных катастроф, верный внутреннему обязательству данному на страшном пепелище взорвавшегося продуктопровода в Башкирии, Василий Александрович шаг за шагом наращивал потенциал все большего признания созданного и возглавленного им для этой цели с первых дней 1991 года совместного российско-швейцарского предприятия «СЖС-Энергодиагностика». Достаточно отметить, что в 1992 году только в объединении Татнефть и лишь в промысловой системе сбора и транспорта продукции имело место около 12 тыс. разрывов нефтепроводов со всеми возможными экономическими и экологическими последствиями при среднезафиксированном од-

С сотрудниками -«СЖС-Энергодиагностика». 1991 г.

ном разрыве на каждые два километра нефтепровода, чтобы представить ущерб и опасность, которые подстерегают функционировавшую не один десяток лет, изрядно изношенную многотысячекилометровую нефтегазопроводную инфраструктуру в масштабе страны, добывавшей и транспортировавшей в 1992 году 400 млн т нефти и 640 млрд м^3 газа. В.А. Динков поднял на высококонкурентный уровень альтернативную экспертную оценку технической и экологической надежности и безопасности проектируемых, сооружаемых и эксплуатируемых объектов нефтегазовой промышленности на суше и континентальном шельфе. Успех деятельности компании в первую очередь обеспечивал личностный фактор — высокая репутация её организатора и президента, компетентность подобранного персонала и профессионализм привлекаемых к деятельности компании многоопытных специалистов.

Он терпеливо вводил персонал компании в сферу ответственных отношений с соответствующими государственными структурами, которые, как и потенциальные иностранные партнеры, были объективно заинтересованы в компетентной независимой экспертизе крупномасштабных международных проектов. Реализация подобных проектов после подписания 24 декабря 1993 года Указа Президента России № 2285 «Вопросы соглашения о разделе продукции при пользовании недрами» и вступления в силу 30 декабря 1995 года закона «О соглашении о разделе продукции» перешла в плоскость конкретных дел. В первую очередь это касалось участия в экспертной оценке соответствующих разделов проекта освоения Пильтун-Астохского и Лунского месторождений шельфа острова Сахалин (проект Сахалин-11), полномасштабная реализация которого стала осуществляться в соответствии с указанным законом об СРП. История этого проекта начиналась в 1988 году, когда министр нефтяной промышленности В.А. Динков, ознакомившись с существом вопроса, решительно поддержал идею привлечения новых иностранных инвестиций на взаимовыгодной основе к разработке нефтегазовых ресурсов шельфа Сахалина. Он придерживался мнения, что доступ мирового технологизированного капитала к российским топливно-энергетическим ресурсам должен подразумевать равноценный и единовременный доступ российских специалистов к западным технологиям. Именно в это время Главморнефтегаз, не без потерь, был возвращен в Миннефтепром из Мингазпрома, где после 1985 года он оказался пасынком, и возглавивший нефтяников Динков решительно поддержал создание в Миннефтепроме специального структурного природоохранного подразделения. Исторически же в нашей стране профессиональная природоохранная деятельность возникла в 50-х годах у морских нефтяников на Каспии, как реакция на растущее беспокойство общественности за судьбу уникальной каспийской ихтиофауны. Печальная мировая статистика 1980-х годов не оставляла времени на дальнейшее промедление. Экологические катастрофы последних лет: Тенгиз (1985 год), Чернобыль (1986 год), продуктопровод под Уфой (1988 год), катастрофа американского танкера «Эксон Вальдес» у берегов Аляски (1989 год)... напоминали о хрупкости окружающей природы и требовали принятия конкретных мер. «Учитывая сложившуюся ситуацию, — как пишет

один из организаторов природоохранной службы нефтяников Э.Х. Векилов, — министр В.А. Динков ...принял решение уделить особое внимание решению природоохранных мер не только на шельфе, но и на суше... Было создано специализированное подразделение в Москве... Будучи высококлассным специалистом и тонко чувствуя ситуацию, он постоянно ставил природоохранные вопросы во главу угла..., новая служба получила самостоятельность и соответствующие полномочия, а для решения научных задач уфимский институт ВостНИИТБ был перепрофилирован в природоохранный. В природоохранной административной терминологии появился термин «экология»... Неудивительно, что это направление нашло достойное отражение в деятельности «СЖС-Энергодиагностика» и зарубежное признание компетентности её специалистов в этой области.»

Краеугольным камнем представлений и планов В.А. Динкова в формировании международного сотрудничества, переговорах с многоопытными представителями иностранных компаний был вопрос безусловной и квалифицированной защиты интересов страны. Этому выверенному принципу он следовал неотступно на всех этапах своей полувековой трудовой деятельности и на этих принципах воспитывал подчиненных.

Первоначально на Сахалинском шельфе Охотского моря в соответствии с соглашением, заключенным в 1976 году, осуществлялось трехстороннее советско-американо-японское сотрудничество, результатом которого было открытие месторождений Чайво, Одопту, Аркутун-Дагинское (проект Сахалин-1). Предприятие «СЖС-Энергодиагностика» приняло участие в предварительной квалифицированной экспертизе промышленной безопасности, в техническом сопровождении технико-технологических решений проекта Сахалин-11, где изначально работали такие высокоспециализированные транснациональные компании, как «Роояйль-Датч Шелл», «Марафон», «Мак-Дермотт», «Мицуи», «Мицубиси», интересы которых представляла «Сахалин Энерджи Девелопмент Компани». Первый успех закрепил узы взаимовыгодного сотрудничества с консорциумом и обеспечил его надежное продолжение. Впоследствии из «квинтета» выпала компания «Мак-Дермотт». Сотрудничество с сохранившими интерес компаниями в новых экономических условиях стало серьезным испытанием российских специали-

стов на конкурентную прочность на рынке высокотехнологичных знаний.

Чтобы представить себе уровень признания динамично развивающегося детища В.А. Динкова достаточно, не останавливаясь на всемирно известной «Шелл», лишь пояснить, что в оставшейся четверке не очень известная в нашей стране компания «Марафон» еще в начале XX века была крупнейшим нефтедобывающим отделением мирового гиганта «Стандард Ойл», приумножившим капиталы в последующие годы независимого и объединенного с «Ю.С. Стил» развития.

По сути дела российские специалисты вторглись в область международной экспертной деятельности, где до того безраздельно господствовали западные компании, и это был первый подобный серьезный отечественный опыт в нефтегазовой отрасли. Этот процесс сопровождался энергичным вовлечением специалистов компании в партнерские отношения со своими коллегами из нефтегазового сектора в странах СНГ при решении их национальных отраслевых задач. К чести компании и её сотрудников, следует отметить, что этот важный профессиональный экзамен был выдержан успешно. В этом легко убедиться, лишь перечислив несколько крупных проектов, независимая экспертиза которых была высокопрофессионально осуществлена «СЖС-Энергодиагностика». Такие проекты, как российско-турецкая газопроводная система и береговые сооружения магистрального газопровода «Голубой поток» на прибрежной части российского побережья и успешно осуществленный по личному настоянию В.А. Динкова тоннельный переход горного хребта при прокладке трассы газопровода; надзор и контроль за качеством работ на строительстве трубопроводной системы Каспийского трубопроводного консорциума и их соответствием контрактной документации, нормам и стандартам; наконец, экспертиза специальных технических условий «Инженерные изыскания для проектирования и строительства объектов обустройства нефтегазовых месторождений «Сахалин-1» и экспертная оценка проектов «Балтийская трубопроводная система», «Росшельф» и другие, включая работы по подготовке ОАО «Уралмаш» к сертификации системы качества в соответствии с требованиями американского стандарта и получение лицензий Американского нефтяного института на право применения его монограммы при производстве отдельных

видов оборудования для нефтегазового комплекса и многие другие работы подтверждали достигнутую зрелость компании и вселяли все большую уверенность. Результатом были рождение новых смелых инициатив и выход на широкий оперативный простор тщательно продуманного участия в конкурентной борьбе за успех в коммерчески привлекательных и престижных международных тендерах. Для специалистов, собранных Василием Александровичем в «СЖС-Энергодиагностика», это было не просто решением все более сложных и порою неразрешимых житейских проблем.

Достойное решение проблемы их трудоустройства включало надежно зарекомендовавшую себя в международной практике и продуманную во всех деталях систему материального поощрения и социальной защиты каждого. В то же время, для соответствующих российских государственных служб, лицензирующих подобную деятельность юридических лиц, важное конкурентное преимущество компании усматривалось и в отсутствии языкового барьера, подчас сковывающего инициативу госслужащих в переговорах с инофирмами.

Но 1992 год памятен ещё и возросшей активностью вокруг спасительных и единственно сохранившихся предприятий нефтегазовой отрасли в бывших прикаспийских республиках страны, ставших независимыми государствами, экономику которых выручали все те же нефть и природный газ. Сюда в зону ослабленного российского влияния устремились мировые «мейджеры» нефтебизнеса с привлекательными программами высокотехнологичной разработки и разведки нефтегазовых месторождений на суше и море.

Богатые и уверенные в своих суждениях компании при неослабевающей политической поддержке своих государственных деятелей выступали с непререкаемыми прогнозными оценками геологических запасов недр и широковещательными программами превращения региона в зону экономического процветания на ниве нефтегазовых долларов. Однако основной успех сопутствовал им в Казахстане, где в сотрудничестве с американской компанией «Шеврон» (бывшая «Стандард Ойл оф Калифорния») началась интенсивная разработка Тенгизско-го месторождения. В мае 1992 года был подписан протокол о намерениях и в апреле следующего 1993 года окончательное соглашение о создании казахско-американского СП «Тенгиз-

шевройл». В последующие годы их сотрудничество лишь расширялось. Но главной проблемой, затрагивающей интересы России, оказалась проблема выбора маршрута экспортного трубопровода с казахской нефтью. Его сооружением должен был заниматься Каспийский трубопроводный консорциум (КТК), учрежденный в июне 1992 года правительством Казахстана и Сул-таната Оман. Через год, в июне 1993 года к нему официально присоединилась Россия. И главным экспертом проекта КТК по своему профилю стало предприятие «СЖС-Энергодиагностика». Именно в это время, отвечая интересам нефтегазодобывающих стран СНГ, был создан Союз нефтяников и газовиков Стран Содружества Независимых Государств и одним из руководителей его Совета избран Василий Александрович. Нефтяников и газовиков некогда единой страны не подвело чувство корпоративной солидарности. Связанные укоренившейся профессиональной общностью и тугими артериями некогда единых нефтегазопроводов, они пришли к единственному разумному выводу взаимозаинтересованного и взаимовыгодного решения проблем спасительной нефтегазовой промышленности. Однако последнее слово было за политическими лидерами стран СНГ, а решения некоторых из них шли вразрез с интересами России, чего не скажешь о российско-казахстанских отношениях.

Уже в сентябре 1993 года деятельность секретаря Совета В.А. Динкова была востребована в ходе подготовки и реализации российско-турецких межправительственных переговоров в Москве с участием глав правительств. Одним из основных вопросов было обсуждение оптимальных путей транспортировки сырой нефти из России, Центральной Азии и Кавказа в районы Средиземноморья по трубопроводам через территорию Турции. Эту свою позицию турецкая сторона, вопреки российскому мнению, подкрепляла настойчивыми опасениями возрастающей, как они подчеркивали, экологической угрозы проливам Босфору и Дарданеллам, как следствие неизбежного увеличения танкерного судоходства. Обнаружившееся расхождение оценок призвана была обсудить созданная в соответствии с протоколом переговоров российско-турецкая Рабочая группа. Её первое заседание состоялось в июне 1994 года в Анкаре, где, представляя МВЭС России, я встретился с Василием Александровичем. При всей представительности участников,

он был, пожалуй, самой значительной фигурой некогда могущественной нефтегазовой державы, и его не утративший привлекательности и оптимизма облик бывшего министра всеми проявлениями лишь подчеркивал незыблемую веру и в восстановлении былого могущества, и в правоте отстаиваемой им на заседаниях позиции уже новой страны. Для принявших участие на заседаниях представителей Казахстана, США, компании «Шеврон», гостеприимных, но принципиальных в своей позиции хозяев, не говоря о членах российской делегации, присутствие Василия Александровича подчеркивало важность мероприятия и решимость российской стороны в отстаивании своих интересов. Три дня заседаний Рабочей группы с 23 по 25 июня, в течение которых участники посетили знаменитый средиземноморский нефтеналивной терминал «Джейхан», предлагавшийся турецкой стороной в качестве конечного пункта интересующего их сухопутного трубопровода, прошли в настойчивых обсуждениях взаимоисключающих позиций Турции и России. На терминале удивила та, без преувеличения, дотошность, с которой В.А. Динков знакомился с объектами всего хозяйства. Мимо его внимания не проходила ни одна, сколько было значительная техническая деталь, а поставленный им вопрос о сопоставимой оснащенности проливов с терминалом вызвал у сопровождавших официальных лиц некоторое замешательство. Дело в том, что в дни заседаний в турецкой печати настойчиво воскрешались до конца невыясненные обстоятельства стодневной давности о столкновении 13 марта стотысячетонного танкера, загруженного российской нефтью, с сухогрузом при прохождении пролива Босфор. Писалось о возникшем пожаре, утечке горящей нефти за борт и о гибели людей, приводилась статистика морских инцидентов в проливе с 1960 года.

Эти сведения были призваны подкрепить турецкий тезис о «губительности» использования морского маршрута указанной экспортной нефти через проливы по курсу российский черноморский порт — порты Средиземного моря. При этом опускалась истинная причина инцидентов в проливах. При объективном рассмотрении неблагоприятная ситуация с аварийностью судов была связана, главным образом, с недостаточным уровнем организации и оснащенности береговых служб.

Эти соображения Василия Александровича легли в основу служебной записки, направленной им на имя Председателя Совета Министров РФ В. С. Черномырдина ровно через неделю после возвращения в Москву. Изложенные в записке предложения в конечном итоге легли в основу официальной российской политики по этому важному для интересов страны вопросу, а отошедший через восемь лет от новороссийского терминала танкер с казахстанской нефтью стал долгожданным тому подтверждением.

Альтернативный маршрут Актау — Баку — Али Байрамлы — Батуми через Азербайджан и Грузию с использованием двух морских перевалок оказался экономически несостоятельным, что подтвердил первый и единственный транспорт по этому маршруту 19 тыс. т нефти Тенгизшевройла, осуществленный 16 апреля 1997 года.

Деятельность Василия Александровича в секретариате Совета, а затем и руководителем Московского представительства секретариата заложила фундамент интеграционным процессам в топливно-энергетическом комплексе СНГ. Им была выдвинута идея разработки потребности стран СНГ в нефти, нефтепродуктах и природном газе на период до 2005 года.

Для подготовки документа В.А. Динковым был организован творческий коллектив ученых Российской Академии наук. Этот фундаментальный программный документ был завершен в 1997 году, рассмотрен на заседаниях Межправительственного Совета по нефти и газу и Межгосударственного Экономического комитета СНГ и направлен главам правительств Содружества для использования при планировании развития ТЭК, заключения на его основе межгосударственных и межправительственных соглашений. Как вспоминает **Борис Иванович Ксенз:** «Очевидцев удивляло не столько безупречное качество подготовленного документа, сколько сам факт его появления при более чем скромном финансировании..., хотя, — глубокомысленно добавил он, — иным и не мог быть документ, который венчала подпись Василия Александровича Динкова. В противовес ничего не значащим разрозненным рассуждениям описательного характера в руководстве ТЭКом страны, была предложена глубоко продуманная методика и технические требования на разработку топливно-энергетических балан-

сов. К сожалению, эти работы остались без должного внимания...».

Год 1994 завершался памятным событием. 25 декабря Василию Александровичу исполнялось 70 лет. Помню, как приятно удивил и обрадовал неожиданный телефонный звонок. В предверие дня рождения мне (М.Г.) предлагалась роль... тамады. Дело в том, что обоюдоискреннее доброе соперничество газовиков и нефтяников возглавить проведение столь значительной даты в жизни глубокоуважаемого товарища и коллеги, пусть и не занимающего всесильного кресла союзного министра, выливалось в бескомпромиссную конкуренцию. Положение дел способна была спасти подсказанная идея компромиссного тамады с двумя помощниками от газовиков и нефтяников. Так, вместе с академиком Анатолием Николаевичем Дмитриевским и профессором Николаем Андреевичем Савостьяновым мы всей триадой, хочется верить, отлично поработали в тот незабываемо торжественный вечер. Собрался истинный цвет Содружества нефтяников и газовиков Союза Независимых Государств во главе с патриархом топливно-энергетического комплекса некогда могучей нефтегазовой Державы, Николаем Константиновичем Байбаковым.

Надо ли говорить о прекрасных тостах, вокально-поэтических откровениях и экспромтах участников приятного и интересного застолья. Хочется лишь отметить отличное расположение духа и нескрываемую радость самого именинника в окружении жены, детей и повзрослевших внуков и «Долгия Лета», исполненное крепкими хоровыми голосами живописно разодетых запорожских и кубанских казаков^ посланцев первой и второй родины «виновника», всколыхнувших в нем незабываемые чувства быстротечного юношества /и рано наступившего мужания. И слова традиционной песни стали выражением единодушного желания многочисленныхГгостей. И еще нельзя не отметить, что и в день своего семидесятилетия Василий Александрович Динков оставался прежним. Свое заключительное обращение к гостям он закончил словами: «Я ни на минуту не сомневаюсь в том, что кризис в газовой и нефтяной промышленности закончится подъемом производства».

Его деятельная эмоциональная натура, преодолевая периодически напоминающий о себе нарастающий недуг, отвечала на вызов времени новыми предложениями. Он был одним из

инициаторов проведения подрядных торгов в газовой отрасли, стоял у истоков создания Тендерного комитета — специализированного структурного подразделения администрации ОАО «Газпром». Решение о создании Тендерного комитета от 5 сентября 1994 года Газпром принимал уже после реорганизации в Российское акционерное общество (РАО). В 1995 году Василий Александрович был назначен председателем Комитета.

Под его руководством был разработан и утвержден базовый пакет тендерной документации для проведения международных подрядных торгов на строительство газотранспортной системы «Ямал — Европа»; были утверждены нормативные основы деятельности Тендерного комитета. Учитывая положительные результаты работы Тендерного комитета, на него был возложен подбор на основе тендерных торгов не только подрядчиков для строительства объектов газовой промышленности, но и поставщиков технологического оборудования, а также исполнителей проектно-изыскательских и других работ.

Здесь была собрана вся правовая база организации и проведения подрядных торгов, на основе которой с учетом отечественной и международной практики было разработано и утверждено Положение о Тендерном комитете ОАО «Газпром». Введение Василия Александровича в Совет директоров РАО «Газпром», как бы возвращало его в «родные пенаты» после десятилетнего перерыва. Оставив в начале 1985 года Мингазпром, полным поразительных производственных свершений, он десять лет спустя входил в сверкающие интерьеры впечатляющего архитектурного комплекса уже не министерства, но Российского акционерного общества. Неутешительно, разве что, воспринималось то, как отрасль переживала рецидивы шоковых общероссийских преобразований.

По настоящему вселяли уверенность в будущее все еще огромные разведанные запасы газа и безотказная работа компрессорных станций разветвленной сети газопроводов. Компрессорные станции всегда были предметом особых забот Василия Александровича на всех этапах его инженерной и руководящей деятельности в газовой и нефтяной промышленности.

В них было вложено много личного труда В.А. Динкова в истекшие десятилетия, и они продолжали исправно служить,

как бы напоминая буровикам и разработчикам газовых месторождений, что долгожданное преодоление падения добычи газа и её прирост не застанут компрессорщиков врасплох.

Надежная работа КС была результатом руководяще-изобретательской деятельности инженера В.А. Динкова, обеспечившего разработку и внедрение научных основ и новых технологий повышения надежности, экономичности и безопасности нагнетательных установок на компрессорных станциях газовой и нефтяной промышленности. Именно за эту, столь результативную деятельность по истечении более чем достаточного испытательного времени Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 октября 1996 года Василию Александровичу Динкову была присуждена премия Российской Федерации.

На заседаниях Совета директоров ОАО «Газпром» мимо его чуткого внимания не проходили, нередко превалирующие, чуждые его укоренившимся представлениям о государственной целесообразности, интонации. Вся его натура, обеспокоенная за судьбу дела, от успеха которого зависило столь многое в ослабленном организме государства, все его существо органически противилось подчас проистекавшим на заседаниях Совета рассуждениям. Они не могли не вызывать глубокие личные переживания...

Лишь усилием воли, неустанными заботами семьи, врачей и верных друзей он сумел преодолеть тяжелейшее обострение болезни в 1999 году.

Желание нефтяников и газовиков непременно отметить пришедшийся на 1999 год 75-летний юбилей Василия Александровича оказалось сильнее все более коварных проявлений сковывающей его движения болезни. В просторном зале Министерства топлива и энергетики в Китайском проезде он появился, тяжело опираясь на трость. Здесь, в канун последнего года уходящего XX-го века собрались члены коллегии министерства во главе с министром, руководящие деятели Газпрома, президенты нефтяных компаний, ветераны нефтяной и газовой промышленности.

При всей обновленности руководства топливно-энергетического комплекса страны лица собравшихся были узнаваемы. В зале царила атмосфера торжественной почтительности. В

Ветераны промышленности, участники Великой Отечественной войны 1941-1945 годов на приеме у Председателя правительства Российской Федерации В. С. Черномырдина в честь 50-летия со Дня Победы. Москва, май 1995 г.

К чести руководства Министерства топлива и энергетики России и его министра Виктора Ивановича Калюжного, 75-летие Василия Александровича не прошло мимо внимания руководителей министерства, нефтяных компаний и специалистов нефтяной и газовой промышленности. 25 декабря 1999 года по знакомому адресу в Китайском проезде собрались коллеги Василия Александровича Динкова, чтобы воздать должное юбиляру, отдавшему все свои незаурядные знания делу своей жизни — газонефтяной отрасли Отечества. На снимке дружеское рукопожатие Леонида Филимонов.

С приветственным словом в адрес юбиляра выступает президент компании - «Лукойл» Вагит Алекперов. (Справа от В. А. Динкова министр В. И. Калюжный.)

Президент компании - «Сургутнефтегаз» Владимир Богданов вручает юбиляру памятный подарок.

За здоровье юбиляра!

Завершающие мгновения юбилейного торжества

приветственных обращениях министра **Виктора Ивановича Калюжного,** президентов нефтяных компаний Вагита Юсуфовича Алекперова, Владимира Леонидовича Богданова, Михаила Борисовича Ходорковского, своего бывшего заместителя в руководстве Миннефтепромом СССР, Леонида Ивановича Филимонова, запечатленных в памятных фотографиях, в воспоминаниях ветеранов, энергичных представителей всегда и во всем основательного и надежного западно-сибирского землячества, в искренне благодарных и теплых пожеланиях собравшихся воскрешались памятные события гигантских свершений ТЭКа страны в битве за нефть и газ в уходящем столетии, титаническая деятельность его руководителей, одним из ярких представителей которых был почетный гость — 75-летний юбиляр.

Так случилось, что следующий двухтысячный год подводил итоги всему. Члены семьи все чаще заставали его в раздумьях. О чем думалось человеку, для которого синомимом жизни был неустанный труд, а результат труда возвеличил мощь и богатство Отечества?

Чтобы не ошибиться в ответе на вопрос, нужно так же достойно прожить жизнью этого необыкновенно талантливого инженера и великого труженика, кавалера высших государственных наград и патриота своей страны. Он всегда мыслил категориями, жил жизнью Державы и с честью исполнил свой долг солдата, инженера, министра и гражданина. Можно безошибочно утверждать, что и последние помыслы его были не о себе...

Крещенного от рождения, его отпевали в Храме. Неизменно с ним в Вечность ушла и родительская ладанка. Набожная мать, успев тайно окрестить рожденного сына, в неизбывной материнской надежде уберечь новорожденного от бед и напастей, повесила ему ладанку бабушки. Она хранила его, как могла, семьдесят шесть с половиной лет...

5

ВОСПОМИНАНИЯ

Николай Константинович БАЙБАКОВ

С именем Василия Александровича Динкова в нашей стране связаны самые значительные достижения газовой промышленности и самые непревзойденные показатели в нефтяной промышленности. В.А. Динков после окончания Азербайджанского индустриального института в 1954 году работал в нефтяной и газовой промышленности более 30 лет, получив в период развития газовой промышленности на Кубани богатый производственный опыт. Здесь он прошел путь от старшего инженера газокомпрессорного хозяйства нефтепромыслового управления «Абиннефть» до начальника объединения «Кубань-Газпром» Мингазпрома. Здесь в 1958 году мы с ним впервые и познакомились. С 1966 года В.А. Динков работал в центральном аппарате Мингазпрома начальником главного управления по добыче газа, одновременно являясь членом коллегии, затем заместителем министра, первым заместителем министра и министром.

В.А. Динков — крупный организатор — много сил и энергии вложил в создание и становление газовой промышленности в неимоверно трудных условиях, где проявились его способности как руководителя, организатора и инженера. Под его руководством была заложена стратегия освоения уникальных по запасам и химическому составу газовых кладовых в Западной Сибири, Туркменской ССР и Прикаспийской впадине и осуществлена переброска из этих районов больших объемов газа на дальние и сверхдальние расстояния на основе новых прогрессивных технических решений.

Благодаря внедрению крупных и целенаправленных мероприятий, несмотря на неблагоприятное климатическое и тер-

риториальное размещение сырьевой базы и потребителей газа, успешно решены вставшие перед отраслью проблемы, что обеспечило стабильное развитие газовой промышленности высокими темпами в строгом соответствии с государственными решениями, Энергетической программой СССР, указаниями руководства страны.

За период его работы в качестве заместителя министра и министра добыча газа в стране увеличилась в 3 раза и в 1984 году достигла объема 587 млрд $м^3$ против 198 млрд $м^3$ в 1970 году.

В последние годы его руководства отраслью в газовой промышленности были достигнуты среднегодовые приросты добычи газа 40 млрд $м^3$. Добыча газа лишь в Тюменской области в 1984 году достигла 1 млрд $м^3$ в сутки. В стране начала действовать крупнейшая в мире Единая система газоснабжения, была осуществлена ее параллельная работа с газоснабжающими системами стран Восточной и Западной Европы. Газовая промышленность страны заняла лидирующее место в топливных отраслях промышленности и вышла на первое место в мире по уровню добычи газа, объемам транспортной работы, выполняемой магистральными газопроводами, и по масштабу энерговооруженности.

Василий Александрович был энергичным инициатором развития многих направлений научно-технического прогресса, уделявшим неослабное внимание вопросам повышения экономической эффективности работы отрасли. Его личный вклад в этой области остался непревзойденным и по сей день.

Под его руководством к середине 1980-х годов была значительно усовершенствована система эксплуатационного обслуживания объектов, создана материально-техническая база ремонтного обеспечения сложных технологических комплексов, оснащенных отечественным и зарубежным оборудованием, что создало условия для обеспечения устойчивого газоснабжения народного хозяйства. В условиях значительного рассредоточения трудовых коллективов в основном по необжитым районам страны, он постоянно уделял большое внимание решению социальных вопросов.

В.А. Динков по праву относился к числу государственных деятелей, которые адекватно реагировали на решение острых задач, возникавших в ходе развития экономики нашей страны,

активно осуществляя работы по такой важной народнохозяйственной проблеме, как перевод автомобильного транспорта на сжатый природный газ, изыскивая пути увеличения производства пропана, этана, бутана и других продуктов переработки газа и газового конденсата.

Под его непосредственным руководством были осуществлены большие работы по разработке и созданию мощностей для серийного производства экономичных газоиспользующих установок и бытовой газовой аппаратуры.

Много сил и энергии Василий Александрович вложил в ускорение решения комплекса вопросов по освоению нефтегазовых месторождений морских шельфов. К середине 1980-х годов в основном были решены вопросы создания специальных средств, позволяющих приступить к работам на больших глубинах морей.

Значительный вклад был внесен В.А. Динковым в разработку схемы перспективного развития и размещения газовой промышленности на период до 2000 года. По понятным причинам эти планы, в которых предусматривалось дальнейшее ускоренное развитие газовой промышленности, оказались нереализованными.

Большую роль сыграл В.А. Динков в развитии нефтяной промышленности. Именно под его руководством в 1988 году был достигнут рекордный уровень добычи нефти в нашей стране, 624 млн т. Так, к его заслугам в обеспечении ускоренного развития газовой промышленности прибавилось и это достижение нефтяников, которое навечно связано с именем Василия Александровича Динкова, и стало достойным памятником этому славному человеку, талантливому инженеру и выдающемуся руководителю.

Юрий Петрович БАТАЛИИ

Мое первое знакомство с Василием Александровичем состоялось в середине 60-х годов прошлого века на обустройстве Пунгинского месторождения Березовской группы месторождений природного газа. Это был первый для меня газовый объект, который к тому же предстояло обустроить в непривычно

трудных условиях Западной Сибири. Весь опыт предшествующих лет включал работу по сооружению объектов нефтяной промышленности, и этот опыт подтверждал, что в значительной степени успех дела зависит от взаимодействия с потенциальными пользователями результатов нашего труда строителей. И хотя строители и эксплуатационники были под единым руководством, мы понимали, что рассчитывать на какую-либо снисходительность со стороны своих коллег, эксплуатационников, не придется. Мы больше полагались на деятельное сотрудничество, установление нормальных взаимоотношений с ними на всех этапах сооружения объектов. Эксплуатационников представляли Михаил Васильевич Сидоренко и Василий Александрович Динков. Но подступиться к суховатому М.В. Сидоренко мешала определенная стеснительность. И здесь обнаружились удивительные качества характера Василия Александровича. После первых сухо официальных фраз он все более подробно и увлекательно стал знакомить нас, строителей, с особенностями газовых объектов, деликатно подчеркивая, что в значительной степени много нового он и сам почерпнул, работая над проектом освоения Березовской группы месторождений, расположенных в условиях севера, не идущих ни в какое сравнение с опытом освоения газовых месторождений Краснодарского края и накопленным в стране опытом освоения месторождений Узбекистана. Мои встречи и беседы с В.А. Динковым стали принимать систематический характер, результатом же была все большая уверенность строителей в решении многотрудных задач необычной стройки на болотах и заливаемых поймах по обустройству все более крупных месторождений установками все большей единичной мощности добычи и подготовки газа. К освоению следующих объектов Березовской группы строители уже подходили обогащенные новыми знаниями, и мои беседы с Василием Александровичем стали обретать контуры понятного ему газового профессионализма. При обустройстве Похромы, расположенной по соседству с Пунгой, Василий Александрович, поначалу видимо щадя мое самолюбие, стал допускать аргументированный спор по различным аспектам здесь же на трассе разрабатываемого проекта («полевое проектирование»), и наши споры к глубокому взаимному удовлетворению стали приводить к вполне конкретным результатам. Я считал для себя значительным шагом вперед, когда пос-

ле все более глубокого обмена мнениями он признал убедительность моего аргумента и после тщательного учета всех «за» и «против» согласился с предложенным мною вариантом свайного фундамента под технологические установки. К глубокому взаимному удовлетворению мы скрепили принятое решение подписями и крепкими рукопожатиями. Добиться согласия В.А. Динкова на пересмотр первоначального проекта это дорогого стоило. Но, с другой стороны, именно в подобных проявлениях и видится объективный признак высокого инженерного достоинства оппонента. Наши довольно частые совместные решения повседневно возникавших проблем (стройки ведь не имели мирового прецедента) переросли во взаимоуважительные отношения, а, казавшееся неподъемным, дело освоения газовых месторождений Западной Сибири от этого лишь выигрывало.

Следующим полигоном испытания на прочность уже сложившегося тандема Динков — Баталин стал Вуктыл. Открытое в 1964 году первое гигантское месторождение природного газа и газоконденсата Тимано-Печорской провинции Республики Коми первоначально предполагало традиционный массированный штурм «неприступной крепости» всеми родам войск, не ахти как вооруженной армии строителей — на ту пору оперативными группами едва оснащенных инженерно-техническими средствами, с использованием всего мыслимого и немыслимого многообразия рождавшихся на ходу тактических приемов. Однако вся эта, на первый взгляд, нерегулируемая деятельность была подчинена жестко сформулированной цели — обеспечение незамедлительной доставки газа удачно расположенного Вуктыльского месторождения промышленным объектам европейской части страны.

Но с каждым днем нашей совместной с В.А. Динковым работы по руководству освоением этого объекта нам становилось все более очевидным, что Вуктыл требовал иных подходов к решению проблемы, иную созидательную психологию. Было ясно, что без многоплановой глубоко продуманной подготовки нам эту «твердыню» не одолеть. Само, растянувшееся на 50 километров при незначительной ширине, месторождение диктовало и нестандартные приемы его освоения. Стало ясно, что на всем многокилометровом протяжении месторождения необходимо сооружение добротной дороги. Наиболее посвященные

понимали, что потребуется кардинальное решение проблемы жилья и для строителей, и для эксплуатационников, не обойтись было и без производственной базы. Возникшие было споры по озвученной стратегии освоения Вуктыла были нейтрализованы решительной поддержкой позиции строителей со стороны Василия Александровича. Особенно ценным для нас было то, что к этому мнению В.А. Динков пришел на основании личной оценки ситуации. На том и порешили. Авторитет заместителя министра по добыче и транспорту газа был общепризнанно высок. Начали со строительства дорог, жилья и перешли к сооружению промбазы...

Конечно-же были и иные мнения, оценки и предложения по освоению Вуктыльского месторождения, мол увлекшись инфраструктурой, завязнем в бесчисленном множестве проблем и упустим главное — неустанно напоминаемое министром А.К. Кортуновым решение «важнейшей задачи Мингазпрома» по вводу в эксплуатацию Вуктыльского газоконденсатного месторождения и т.д.

Вспоминаю, оказавшиеся неверными пространные рассуждения оппонентов с оценками содержания конденсата в газе. Результаты могли иметь опасные последствия, так как труба пущенного в эксплуатацию газопровода Вуктыл — Ухта быстро забивалась газоконденсатом, создавая угрозу её выхода из строя. Реакция Василия Александровича на возникшую ситуацию была мгновенной. Делом первостепенной важности стало сооружение конденсатосборников, которые были построены в короткие сроки. Затем для транспорта конденсата по инициативе Василия Александровича был построен быстросборный трубопровод, который был заимствован у военных.

Этот пример нашего оперативного взаимодействия в объективной оценке и предотвращении опасного развития нештатной ситуации еще больше укрепил возникшие на первых совместных стройках взаимоуважительные отношения, которые на протяжении всего последующего времени неизменно углублялись.

Надо ли быть большим провидцем, чтобы по достоинству оценить, в каком несомненном выигрыше оказывается экономика страны, когда движимый чувством долга в решении государственно важной экономической проблемы, готовящийся к ответственной приемке крупного промышленного объекта ру-

ководитель преисполнен готовности активно сотрудничать со строителем объекта, исповедующим те же высокие нравственные принципы — неустанно трудиться во благо общества. К счастью, такими примерами и нефтяная, и газовая отрасли не были обделены. А ведь это азбука социалистического хозяйствования. И каким же скудоумием надо было обладать власть предержащим, чтобы превратить эту, столь доступную для простого понимания идею в пугающий фантом.

После Западной Сибири работа на строительстве Оренбургского газохимического комплекса казалась несравненно легко выполнимой задачей. Нестерпимый зной можно было преодолеть, работая после захода солнца, а высокое содержание сероводорода в оренбургском природном газе не представлялось столь уж непреодолимым препятствием. В определенной мере успокаивал накопленный в стране опыт строительства объектов газлинского сероводородсодержащего месторождения природного газа. Хотя, у опытных специалистов газовой промышленности газ Оренбурга вызывал настороженно опасливое отношение. Угроза выброса сероводорода была чревата массовым отравлением людей и взрывом...

И это «ружье» выстрелило. Произошла беда. При всей повышенной сложности объекта, мы, не прибегая к посторонней помощи, довольно успешно завершили обустройство первого промысла, обвязку скважин и монтаж: средств автоматизированной защиты технологических процессов, включая три блокирующие системы контроля. Добытый газ стал перекачиваться первому промышленному потребителю, но... по невыясненной причине произошел взрыв технологической установки на промысле, повлекший за собой человеческие жертвы. Большой беды удалось избежать благодаря быстрой ликвидации аварии. Но обслуживающий персонал и окрестных жителей охватила паника.

Посыпавшиеся со всех сторон обвинения предвещали лишь усиление порожденного взрывом панического настроения со всеми непредвиденными последствиями. Эксперты терялись в догадках. Сторонники обвинительного уклона, а их по определению было не мало, строили различные версии причин взрыва: некачественное оборудование, неквалифицированно осуществленные строительство линейной части и монтаж, нарушение режима эксплуатации...

Вызванный в Москву для объяснений на заседании Коллегии я закончил сообщение просьбой направить в Оренбург для выяснения истинных причин ЧП высококомпетентного специалиста-газовика. Им мог быть лишь Василий Александрович Динков. В память врезались напряженные дни поиска ответа на вопрос. Василий Александрович со свойственной ему тщательностью проанализировал все обстоятельства взрыва с подключением научных организаций. Одно его появление вселяло уверенность в радикальном выходе из, казалось, тупиковой ситуации. И мы не ошиблись в ожиданиях. Результаты всестороннего исследования в конечном итоге привели к важному выводу о необходимости пересмотра структуры металла отечественных технических средств, используемых в зоне контакта с высокоагрессивным оренбургским газом. Подготовленные по выводам В.А. Динкова предписания по усовершенствованию материала металла отечественного оборудования и труб, а также рекомендации по увеличению импорта стойкого к сероводородсодержащему газу французского оборудования были приняты к исполнению и помогли преодолеть панический синдром страха перед оренбургским природным газом, а в дальнейшем обеспечить его уверенную и безопасную добычу, транспортировку и в конечном итоге выполнение международных обязательств по его экспорту в страны СЭВ по газопроводной системе «Союз». А ведь некоторые лихие головы настойчиво требовали предать суду и суровому наказанию, казавшихся им очевидных, «виновников».

Помнится, как в непосредственном сотрудничестве с Василием Александровичем мы обустраивали небольшое месторождение Газ Ачаг с добычей газа в 5—6 млрд $м^3$ в год, в Туркмении. Наша работа там спорилась несмотря на каракумскую жару и пустынное бездорожье. Проект разрабатывался непосредственно на месте, и его реализация заняла не более полугода, вместо обычных двух лет.

Я исполнял строительную часть, а Василий Александрович — технологическую, что значительно упростило весь процесс. Газеты тех дней пестрили восторженными репортажами со стройки. Было приятно слышать похвалу и от министра А.К. Кортунова. «Динков и Баталии, — заявил он на Коллегии, — демонстрируют в высшей степени полезный и непревзойденный пример творческого взаимодействия, важнейшим

итогом которого является и укрепление репутации министерства...»

Работая в Туркмении, мы настойчиво рекомендовали руководству республики добиваться увеличения масштабов геологоразведочных работ. Наши неустанные с Динковым усилия были решительно поддержаны руководителем республики Мухамедназаром Гапуровым и министром А.К. Кортуновым. Одним из первых результатов нашей настойчивости было открытие в 1968 году в Каракумах, недалеко от областного центра Мары крупного месторождения газа с запасами около триллиона кубометров, что в полтора раза превышало запасы знаменитого узбекского месторождения в Газли. Вспоминается, как остроумным инженерным решением был найден Динковым выход из, казалось, тупиковой ситуации. Если строительство газопровода от месторождения технических трудностей не представляло, то сооружение мощной компрессорной станции в центре Каракумов — это задача не из легких. Мощность станции примерно 80 тыс. кВт. Выход был найден в первоначальном сооружении так называемого лупинга — второй обводной трубы, позволяющей увеличить подачу газа без сооружения компрессорной станции, а затем уже установлением на второй «нитке» компрессорной станции на базе авиационного двигателя.

Эти воспоминания о совместной с В.А. Динковым работе в Туркмении напомнили и о почти забытой коллизии, связанной с названием месторождения. По чьей-то рекомендации первоначально оно было названо «Шахитли». Однако, вскоре стала очевидной возникшая несуразность. Дело в том, что значение корневого слова в этом названии «Шахит» никак не соответствовало жизнеутверждающему смыслу открытого геологами месторождения. Выяснилось, что в переводе слово означает «мертвая голова». (Достаточно вспомнить, ставших сегодня печально известными, «шахидов» — этих изуверски воспитанных радикальными религиозными фанатиками смертников.) Мудрые туркмены заменили это название на «Шатлык», что означает «счастье».

А месторождение действительно было превращено в оазис счастья с жильем, дорогами, подведенной водой, фруктовыми садами, виноградниками, и мы с Василием Александровичем гордились своей сопричастностью к его созданию. Кстати, про-

доложенная интенсивность разведочных работ увенчалась еще большим успехом — в 1976 году юго-восточнее Шатлыка было открыто ещё более мощное Давлетабадское месторождение с извлекаемыми запасами около 1,4 триллиона кубометров природного газа. Но пуском этого месторождения в 1983 году руководил уже Динков — министр газовой промышленности СССР.

Но, пожалуй, самыми сильными впечатлениями от глубоких знаний В.А. Динкова были и остаются воспоминания от совместной загранкомандировки в европейские страны в составе правительственной делегации в начале 1980 года, в предверие одиннадцатой пятилетки 1981—1985 гг. Командировка имела целью глубокое зондирование в деловых и правительственных кругах ФРГ, Италии и Франции идеи увеличения экспорта советского природного газа. На каждую страну было отпущено по неделе, с подписанием соответствующих документов. Я представлял Миннефтегазстрой, Динков — Мингазпром, Филановский — Госплан и др. Руководителем делегации был замминистра внешней торговли В.Н. Гордеев...

Складывающаяся к этому времени на мировом рынке конъюнктура энергоносителей была исключительно высокой и отражала действие периодически возникающих санкций стран ОПЕК на поставку нефти в США и другие страны... Переговоры требовали от нас убедительных свидетельств ресурсных возможностей и технической способности страны обеспечить потенциально возможные поставки намечавшихся огромных объемов природного газа. В те годы вопрос о политической стабильности страны не возникал. На первой же беседе с иностранцами во всей своей привлекательности проявился неоспоримый инженерный и дипломатический талант Василия Александровича. Он с первого же дня безоговорочно выделился в ведущего специалиста, в высшей степени облегчая задачу профессиональных внешторговцов, и мы все, не сговариваясь, признали в нем лидера в переговорном процессе. Понимали это и чутко реагирующие на все нюансы за столом переговоров иностранцы. Если В.А. Динков не поддерживал то или иное предложение это означало переход к обсуждению следующего вопроса. В.А. Динков предстал на этих переговорах крупной государственной фигурой, обладающей глубокими основополагающими знаниями, что давало несомненные преимущества в

технически безошибочно точном принятии решений. Переговоры проходили успешно, и мы почти достигли договоренности о сооружении двух экспортных газопроводов из труб диаметром 1420 миллиметров на давление в 75 атмосфер по маршруту Уренгой — Помары — Ужгород с использованием западной технологии и труб под будущие поставки советского газа. Была даже достигнута договоренность об экспортной цене нашего газа — 140 долларов за тысячу кубометров. Но в самый ответственный момент наши карты спутала жесткая позиция США. Президент Рейган, с использованием эмбарго на поставку высокотехнологичного оборудования в СССР, склонил часть наших предполагавшихся западноевропейских партнеров к отказу от достигнутых с нами ранее договоренностей. Им была запрещена поставка в нашу страну нагнетателей и аппаратуры, в которых использовались компоненты американских технологий. В конечном итоге, и не без усилий В.А. Динкова удалось избежать полного отказа от импорта нашего газа. В этом противостоянии беспрецедентному американскому давлению на своих союзников по НАТО был противопоставлен контраргумент Василия Александровича, который уже в качестве министра газовой промышленности, не ослабляя непосредственного участия в постоянно меняющейся ситуации, проявил свой поразительный талант инженера и руководителя. Его решительно поддержанная правительством колоссальная работоспособность и высокая репутация в стране и за рубежом позволили мобилизовать усилия соответствующих отечественных и иностранных КБ, машиностроительных и металлургических предприятий и фирм и, конечно же, без преувеличения, непревзойденных в мире отечественных строителей уникальных трубопроводов... И газ Уренгоя, пусть и по одной трубе и с использованием ограниченного числа компрессорных станций, все же был доставлен в ФРГ, Италию, Францию и другие страны в обещанные сроки. Этот труд был оценен по достоинству, и грудь Василия Александровича Динкова украсила звезда Героя Социалистического Труда...

Мне на всю жизнь запала в душу короткая беседа с министром газовой промышленности СССР Алексеем Кирилловичем Кортуновым в 1970 году, когда, с разницей в несколько месяцев, мы с Василием Александровичем стали заместителями министра. Вызвав меня в свой кабинет, министр по-отечески

предупредил: «...Имей в виду, Динков человек в высшей степени обстоятельный и дело свое знает очень хорошо. Это профессионал высокого класса и без глубокой аргументации склонить его к поддержке той или иной идеи — дело бесперспективное. Вместе с тем, это не мастодонт, решительно отметающий любого оппонента... Его отличает исключительная способность безошибочно вникать в инженерно-техническую суть проблемы..., так что запасайся аргументами и старайся находить с ним согласованное решение, это значительно облегчит мою последующую задачу — отстаивать интересы всей отрасли в высших эшелонах власти...».

У нас с Василием Александровичем была одна приемная на двух замминистров, и мы на протяжении двух лет после этого в совместной работе в Мингазпроме делили искреннюю радость частого общения. Но и после разделения Мингазпрома в 1972 году и моего перехода с А.К. Кортуновым в Миннефте-газстрой я неослабно убеждался в пророчестве характеристики Василия Александровича, данной ему нашим общим Учителем.

Время и обстоятельства последующих лет наше взаимопритяжение не ослабили. Более того, оно переросло в дружбу наших семей, которой суждено пережить любые испытания.

Грант Джаваншированич МАРГУЛОВ

1966 год. В связи с реорганизацией совнархозов и образованием министерств, по приглашению А.К. Кортунова, я из Бухары переезжаю в Москву на работу в Мингазпром СССР. Здесь и состоялось мое первое знакомство с Василием Александровичем Динковым — начальником Главного управления по добыче газа. Еще тогда я заметил высокие человеческие и волевые качества этого человека, незаурядные организаторские и инженерные его способности, умение основательно решать возникающие проблемы.

Вместе мы проработали более 20 лет. Всякое бывало — крутые споры при обсуждении ключевых проблем развития, несовпадения точек зрения по отдельным вопросам, крупные ава-

рии и пожары, но всегда нас объединяло высокое чувство ответственности за порученное дело.

Василий Александрович Динков — Герой Социалистического Труда — прошел трудный путь от инженера до министра газовой промышленности, а затем и министра нефтяной промышленности. Люди знают и помнят его как замечательного и думающего министра, возглавившего нефтегазовые отрасли в особо ответственное время возрождения и бурного развития самого крупного в мире топливно-энергетического комплекса. При Динкове добыча газа в СССР возросла в три раза от 198 млрд $м^3$ в 1970 году до 587 млрд $м^3$ в 1984 году.

С именем и личным участием Динкова непосредственно связаны разработка научно-технических основ и создание Единой системы газоснабжения, уникальных подземных хранилищ газа, комплекса мощных сооружений по добыче и многониточному транспорту арктического газа в условиях тундры, болот, вечной мерзлоты, крупнейших газохимических комплексов, таких как Мубарекский, Оренбургский, Астраханский и др. Особо хочется отметить его замечательные труды в области повышения надежности трубопроводов, нефтегазового и компрессорного оборудования.

И, все же, в чем секрет успеха Динкова? Ответ на этот вопрос однозначен — беззаветная преданность своему делу, смелость и, в то же время, осторожность и расчетливость при принятии решений. Он был великий мастер «технических дискуссий». Он обладал природным даром находить нужных специалистов и часами обсуждать технические проблемы. Он всегда требовал всесторонние обоснования проблемы и точные расчеты. Но если Динков принял решение — это значит «мудро» и «надежно». У него была своя, никому неизвестная система контроля за ходом исполнения принятых решений.

Я хочу коснуться еще одной важной черты Динкова. Он отличался от многих добротой и скромностью на работе и в быту. Он, как правило, поддерживал подчиненных и яростно защищал хорошо знающих дело специалистов. Он, на самом деле, много делал людям добра. Именно при Динкове поднялась поросль новых крупных руководителей министерств, президентов нефтегазовых акционерных обществ, крупных ученых и специалистов.

В.А. Динков обладал природным даром видеть будущее развитие. В первые годы экономической реформы Динков хорошо понимал, что в силу уникального характера экссоветского топливно-энергетического комплекса, обусловленного высокой степенью концентрации, замкнутостью технологических связей, игнорирование «энергетического фактора» при переходе к новой экономической системе в условиях, когда не были подготовлены важнейшие элементы механизма рыночной экономики, неизбежно приведет к глубокому энергетическому кризису, резкому спаду производства и, соответственно, кризису во всех сферах жизни общества. Он выступал против механистического подхода к реформированию нефтяной и газовой промышленности и неоднократно вносил свои предложения, не допускающие развала единства энергетики, созданной трудом нескольких поколений. Однако выдержать мощный натиск первых горе-реформаторов ему и многим его сподвижникам не удалось. Думается, что это одна из главных причин его ухода с поста министра нефтяной промышленности на скромную инженерную работу по своей профессии.

Подвиг и личный вклад В.А. Динкова в развитие нефтегазовой индустрии трудно переоценить. И сегодня, переосмысливая прошлое, оценивая настоящее и будущее развития энергетики, без преувеличения мы вправе говорить об особой исторической роли Василия Александровича Динкова в прогрессе отечественного и мирового нефтегазового производства — основы человеческой цивилизации. Он, беспорно, входит в число легендарных советских министров и крупных государственных деятелей XX столетия.

Эмма Георгиевна ОДИНЦОВА

В газовой промышленности страны мощный темп прироста добычи и ввода новых мощностей в 1966 году начался с назначением начальником Главгаздобычи Мингазпрома Василия Александровича Динкова.

Знакомство коллектива Главгазкомплектоборудования с В.А. Динковым состоялось на встрече с ним в Главке, где собравшихся сотрудников он подробно посвятил в состояние дел

в стране в области добычи природного газа. На всех нас встреча произвела неизгладимое впечатление. Мы увидели в нем высококомпетентного руководителя, инженера и чуткого человека. Он пояснил, что жизнь требует перехода на новые, отличные от традиционно установившихся, решения при комплектовании оборудованием новых объектов. Главк, не дожидаясь завершения работы проектировщиков, должен параллельно заниматься оформлением заказов на оборудование. Василий Александрович лично, пункт за пунктом, проходил всю цепочку технологического оборудования, а затем все заказы передавались в проектный институт для привязки в проектные решения и последующего обустройства конкретного месторождения. Ввод новых мощностей по добыче газа задавал непомерно высокий деловой ритм всем остальным направлениям деятельности и особенно транспортировке газа. И надо прямо сказать, что с назначением Василия Александровича на должность заместителя министра и передачей ему вопросов обеспечения транспорта газа, был достигнут большой скачок и в строительстве компрессорных станций.

Он сумел убедить высокое руководство в категорической необходимости предъявления к сдаче расчетного количества КС. Мы нередко были свидетелями серьезных споров, возникавших со строительными организациями, особенно после разделения Мингазпрома и Миннефтегазстроя в 1972 году, и Василий Александрович убедительно отстаивал свои позиции. Под его руководством была осуществлена большая работа по унификации КС, что значительно ускорило их комплектацию и ввод в эксплуатацию.

Естественно, это вызывало нескрываемое раздражение строителей, у которых были свои проблемы. Однако В.А. Динков был непреклонен, а противопоставить .железной инженерной логике Василия Александровича убедительные контраргументы было делом бесперспективным. (Об этом можно почитать и в воспоминаниях В.И. Халатина.)

К нашим традиционным внутренним сложностям нередко прибавлялись и сложности внешнеторговые, когда, по независящим от нас обстоятельствам, начинали срываться импортные поставки важного оборудования и труб, контракты на которые были заблаговременно подписаны по нашим заявкам. Вспоминается, как в период резкого обострения отношений с США,

когда было объявлено эмбарго на поставки для нужд Мингазпрома запорных устройств и труб для оснащения строящихся магистральных газопроводов и главным образом экспортных, по поставкам газа в страны Западной Европы, в поисках выхода мы вынужденно обратились к японским фирмам «Кобэ» и «Хирута». По личному распоряжению В.А. Динкова я с группой сотрудников Внешторга срочно вылетела в Японию. Однако наше пребывание на японских фирмах было омрачено почти одновременным прибытием туда незаинтересованных в нашем успехе американцев. У них было твердое намерение сорвать нашу коммерческую сделку. Они были почти близки к цели. Речь шла о приводах к шаровым кранам. В создавшейся ситуации необходимо было принятие компетентного и ответственного инженерного решения. Положение дел спасла лишь оперативная связь с В.А. Динковым: Токио — Москва — Токио. Мгновенно оценив ситуацию, Василий Александрович успел переговорить с итальянцами, для которых мнение «инженьере Динков» было непререкаемым решением высшей инженерной инстанции, и по его инструкции и утвержденной схеме мы приступили в Японии к приемке некомплектных изделий, которые доукомплектовывались позже. Таким образом, были преодолены жесткие санкции США и в конечном итоге выполнены контрактные обязательства по поставкам природного газа в европейские страны.

С назначением В.А. Динкова первым заместителем министра резко возросло и внимание к унификации компрессорных станций. Унификации подверглись не только детали, узлы и компоновки компрессорных установок, но и элементы конструкций и архитектурно-строительные решения самих компрессорных станций. По настоянию В.А. Динкова работа по унификации начиналась на этапе предпроектных работ и исполнения проектных заданий в конструкторских бюро. Это была в высшей степени скрупулезная работа. Для ее облегчения под непосредственным руководством и личным контролем В.А. Динкова был разработан и принят отраслевой нормальный ряд соответствующих конфигураций КС. В обиходе появились «бабочки», «три по два агрегата», «четыре по три Е». Экономический эффект от унификации был огромным и группа специалистов была представлена к награждению премией Совета Министров СССР. Вспоминается, как остро реагировал

Василий Александрович на своеволие чиновников в комитете по награждениям, когда по необъяснимым причинам из представленного Мингазпромом списка стали произвольно исключаться отдельные кандидатуры. Положение дел было спасено немедленным письменным обращением Василия Александровича в правительство в защиту своих сотрудников и все претенденты на премию были удостоены звания лауреатов. Такие примеры подчеркивали ту атмосферу взаимопонимания между коллективом и руководителем, которая в конечном итоге положительно сказывалась на результативности работы. Особенно убедительно это было проявлено при выполнении важного и непрофильного нам правительственного задания. Дело в том, что, когда при высоком обсуждении проблемы укомплектования строящегося Сургутского завода по стабилизации конденсата Василий Александрович предложил поручить эту работу нашему коллективу, но нашлось немало скептиков, подвергших сомнению нашу способность своевременно справиться с этим ответственным заданием. В результате же стройка была укомплектована оборудованием досрочно. Надо было видеть, какой радостью светилось лицо Василия Александровича, когда Министерство получило благодарность правительства за выполненную работу. Все ее исполнители получили денежные премии. Но самой большой наградой для нас было чаепитие, на которое пригласил к себе в кабинет В.А. Динков вместе со мной группу руководителей — Г.К. Мануйлова, В.В. Денисова, И.С. Аверкиева. «Ребята, то, что вы отлично справились с, казалось, неподъемным заданием правительства, для меня огромная поддержка, ...а ведь было много сомневающихся, уверявших, мол, ваши спецы не справятся. ...Но я убедил их в обратном и рад, что не ошибся...»

Такая оценка дорогого стоила. Мы выпили по чашке чая, провели несколько минут за приятной беседой, тема которой постоянно возвращалась к предстоящим, все новым и новым проектам. И для каждого из нас это, без преувеличения, была наивысшая награда за действительно напряженный труд. Не могу не вспомнить и о заботе, проявленной Василием Александровичем к моей личной судьбе еще при А.К. Кортунове. Мои квартирные условия оставляли желать лучшего — семь человек на шестьдесят квадратных метров. Эти сведения дошли до него. Он вызывает и спрашивает: «Чем тебе помочь? Я ведь член

Коллегии...». И без лишних слов помог решить эту, непростую по тем временам, проблему. Кстати, членом Коллегии Мингазпрома я стала уже при Динкове-министре.

Или другой пример. Я долго мучилась в сомнениях, когда мне была предложена должность главного инженера Главка. Разговор у Василия Александровича был короткий: «Все работы боятся, а ты должности (!?)». И я согласилась.

Когда с приходом в Министерство С.А. Оруджева стали поговаривать о том, чтобы я возглавила Главк, я совершенно искренне решительно этому воспротивилась. Время шло, а я продолжала пребывать в тяжких раздумьях. Наконец, телефонный звонок нашего кадровика Тонконогова приглашает меня к министру.

Сабит Атаевич обращается ко мне так, как может лишь он один: «Слушай, хватит, что я тебя уже девять месяцев уговариваю. ...За это время можно родить ребенка. Иди, принимай Главк».

По всему было видно, что министр уже согласовал вопрос в высшей партийной инстанции, однако согласие свое я дала лишь после беседы с Василием Александровичем. Он был очень убедителен: «Не беспокойся, я буду во всем помогать...».

И я возглавила Главк, постоянно ощущая столь важную в нашем не простом деле поддержку этого умного, волевого, требовательного и целеустремленного руководителя.

Меня всегда удивляла организованность, собранность и аккуратность этого сосредоточенного и увлеченного работой человека, у которого, казалось, нет иных забот. Секрет же этой исключительности был в той атмосфере, которую создавала дома Галина Петровна. Эта на вид хрупкая и нежная женщина обладала неистощимой энергией и характером — кремень. Она полностью освободила Василия Александровича от всех неслужебных забот, никогда не вмешиваясь в служебные дела и не пытаясь каким-либо образом использовать положение мужа, и, переступив порог дома, он оказывался в теплой семейной атмосфере с лихвой восстанавливающей силы после неизменно напряженного рабочего дня, завершающегося, как правило, не ранее десяти вечера. И эту свою миссию Галина Петровна достойно выполнила до последних дней жизни Василия Александровича и сегодня передает динковское тепло всем окружающим.

Шаген Саакович ДОНГАРЯН

Назначение Василия Александровича Динкова в 1985 году министром нефтяной промышленности СССР безусловно было серьезным усилением отрасли. К руководству министерством пришел человек, уже много лет работавший министром газовой промышленности, обладавший большим опытом управления сложной газовой отраслью.

Нам была известна его приверженность надежным техническим и технологическим решениям в выборе машин, механизмов, систем автоматики и телемеханики для трубопроводных систем и узлов, положившая начало созданию на предприятиях Мингазпрома мощной, хорошо оснащенной ремонтной и диагностической базы, обеспечивающей своевременное выполнение всех работ по их ремонту и диагностированию.

К этому времени непомерно высокие задания по ежегодному приросту добычи нефти без достаточных материальных ресурсов и капитальных вложений подорвали возможности многих нефтедобывающих объединений, и отрасль уже несколько лет не справлялась с выполнением годовых заданий по добыче нефти.

В В.А. Динкове мы увидели иной стиль работы министра с правительством, Госпланом, смежными министерствами, предприятиями самого министерства и с его аппаратом.

Необычным был подход Василия Александровича к рассмотрению проектов планов нефтедобывающих объединений на следующий год. Все разделы плана каждого объединения рассматривались им с участием заместителей министра, начальников главков и управлений. Планы добычи нефти и газа принимались после тщательного обсуждения, а разделы капитальных вложений и материально-технического обеспечения рассматривались у заместителей министра отдельно до полного решения всей заявленной потребности объединения. Затем следовало их заключительное рассмотрение у министра. Если генеральный директор объединения заявлял, что все вопросы плана решены и согласованы — план принимался; в противном случае — работа продолжалась до завершения во вновь установленном порядке. Для сотрудников министерства эта работа была тяжелым испытанием. Но генеральные директора и их заместители к своему изумлению убеждались, что все вопросы

решены, а следовательно есть уверенность в главном — в выполнении заданий по добыче нефти и газа. Такая система рассмотрения плана облегчала министерству изыскание в Госплане, Госснабе, правительстве недостающих ресурсов.

Это был совершенно новый стиль работы министерства. Он вселял предприятию уверенность в выполнении плана, повышал взаимную ответственность и министерства, и предприятий. А девиз В.А. Динкова — «все вопросы предприятий должны быть решены на 100 %, тогда и план будет выполнен на 100 %» — стал девизом руководящего звена министерства и предприятий.

Назначение В.А. Динкова министром нефтяной промышленности совпало с началом перестройки. Это было бурное, а точнее сумбурное время. Снижалась дисциплина поставок продукции, на глазах начало разваливаться строительство, очередная же неожиданная директива высшего руководства обязывала в месячный срок подготовить и утвердить мероприятия по обеспечению к 2000 году каждой семьи отдельной квартирой;

без источников финансирования по всему Нечерноземью построить сеть современных автомобильных дорог; годовой уровень добычи нефти в следующей пятилетке довести до 750 млн т и т.д. Большинство этих заданий были не просто невыполнимы, но и фантастичны. К этому надо добавить кампанию по избранию новых директоров на общих собраниях коллективов. Одновременно «спукались» нескончаемые требования по реорганизации структуры министерств и предприятий, сокращению численности работающих. Создавалась такая ситуация, когда у большинства работников была поколеблена уверенность в завтрашнем дне. И это деморализующее состояние неуверенности длилось годами.

Во всей этой чехарде больше всего доставалось министрам — они еженедельно отчитывались в ЦК КПСС или Совете Министров СССР, там же получая новые задания. Затем наступил период (это, кажется, с конца 1987 года), когда за выполнение ежеквартально составленных мероприятий, по нашему министерству это были отдельные тома, переплетенные в внушительные фолианты, уже не спрашивали, а ограничивались поручениями по составлению планов все новых и новых мероприятий. Аппарат министерства, его центральные институты, ежеквартально выдавали их, как на конвеере.

Василий Александрович, который ценой невероятных усилий выправил положение в отрасли и в 1987 году добился рекордного уровня добычи в 624 млн т, приходил с заседаний Совета Министров СССР, Президиума Совета Министров расстроенный, собирал коллегию Министерства и уже без привычного воодушевления давал очередные задания к подготовке очередных мероприятий...

В эти же годы начала перестройки президенты США и СССР приняли решение об интенсификации деятельности Американо-Советского торговоэкономического совета (АСТЭС), созданного в соответствии с межправительственным протоколом от 1973 года. Работе Совета оба президента придавали большое значение и связывали с нею многие надежды экономической и технической перестройки советской промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг. Была утверждена обширная программа перенесения в СССР американского опыта автомобилестроения, выпуска медицинских инструментов и препаратов, производства пищевых продуктов, организации производства зерна по новым технологиям с гарантированным высоким урожаем, создания предприятий быстрого питания (Макдоналдс), производства кино- и фотоаппаратуры, пленки, бумаги и сети печатания фотографий (система Кодак).

Самым же главным в этой программе являлось создание на одном из новых нефтяных месторождений СССР совместно с американской нефтяной компанией «Шеврон» высокоэффективного нефтедобывающего предприятия, оснащенного новейшими американскими технологиями и оборудованием, продукция которого должна реализоваться на мировом рынке, а полученная прибыль направлена на инвестирование всех вышеперечисленных проектов. Таким образом, коренным в этой обширной и ответственной программе был определен Миннефтепром СССР. Но именно в те же годы в нефтяной промышленности начались серьезные трудности с выполнением все возраставших заданий по добыче нефти. Мы уже за несколько лет до этого предвидели прекращение приростов добычи нефти. Причин этому было много, но главные включали серьезное отставание прироста запасов нефти, низкую эффективность открываемых месторождений против разрабатываемых, недостаточность выделяемых государством капитальных вло-

жений и материальных ресурсов для выполнения поставленных задач. Кроме того, обнаружилась неспособность подрядных строительных организаций выполнять в полном объеме даже недостаточно выделяемые капитальные вложения.

Таким образом, общая ситуация была такова, что реально имевшиеся запасы нефти не обеспечивали плановых объемов ее добычи и для программы АСТЭС. Ничего «готовенького» невозможно было предложить. В этой весьма сложной обстановке Василий Александрович предложил компании «Шеврон» для совместной разработки Харьягинское нефтяное месторождение, расположенное на границе Коми АССР и Архангельской области. Это большое многопластовое месторождение с разными характеристиками нефтей в каждом пласте. В наиболее мощных пластах, расположенных по глубине около 3000 м, содержание парафина в нефти достигало 20—30 %. С глубины 50—70 м от поверхности земли начиналась вечная мерзлота мощностью (толщиной) около 400 м.

Наша наука и практика не имели примера разработки аналогичного нефтяного месторождения. Откровенно говоря, мы порадовались представившейся возможности привлечь для его освоения на взаимовыгодной основе достижения Запада. «Шеврон» активно взялся за изучение имевшихся материалов и составление проекта. Через 9 месяцев нам было доложено, что по многовариантным расчетам компании добыча нефти на этом месторождении не может быть рентабельной и, следовательно, для решения поставленной задачи оно не подходит.

Требовалось предложить другие месторождения. После детального рассмотрения у Василия Александровича было принято решение предложить группу месторождений в Восточной Сибири — на севере Иркутской области. Но и здесь, по истечении 9 месяцев, «Шеврон» усомнился в рентабельности добычи нефти. Оценка «Шеврона» не вызвала с нашей стороны возражения. Но предлагая это месторождение, мы полагались на возможный неведомый нам высокотехнологичный подход американцев к его разработке, позволяющий существенно снизить затраты. Но увы...

И тут разразился скандал. Президент СССР вызвал к себе В.А. Динкова и буквально обвинил его в саботаже выполнения большой научно-технической и экономической программы, способной вывести нашу экономику на новый высокий уро-

вень... Предупредил Динкова, что если в течение одной недели он не внесет приемлемое предложение, будет снят с работы и наказан в партийном порядке. Это было в конце сентября 1988 года.

16 часов дня. Звонок мне по прямому телефону министра, он вызывает к себе. Захожу в кабинет, Василий Александрович сидит ссутулившийся, мрачный. Таким я видел его впервые. Он подробно рассказал о встрече с М.С. Горбачевым и остановил на мне вопрошающий взор.

И тут у меня возникло предложение. В те годы мы активно занимались вводом в разработку сложнейшего Тенгизского нефтяного месторождения в Западном Казахстане. Нефть залегала на глубине свыше 4500 м, газовой фактор составлял 600 мУт, причем газ содержал 25 % сероводорода и 25 % углекислого газа. Аномально высокое давление. Требовалось коррозионно-стойкое оборудование, трубы и т.д., чего в нашей стране не производилось.

Правительство СССР приняло решение закупить за рубежом комплект оборудования для первой технологической линии мощностью 3 млн т нефти в год, с последующей организацией производства аналогов в нашей стране и оснащением ими остальных линий (а их всего 12 по 3 млн т). Предполагали ежегодный ввод по 1 линии и завершение обустройства Тенгиза в 1999 году, с выходом на добычу 36 млн т в год. За 2—3 месяца до описываемого события рядом с Тенгизом было открыто Королевское месторождение с такими же характеристиками и показателями, как Тенгизское, но по запасам, видимо, в 2 — 3 раза меньше.

Я высказал Василию Александровичу убеждение, что к обустройству Королевского месторождения своими возможностями мы можем приступить лишь после окончания обустройства Тенгизского месторождения, не раньше 2000 года, и было бы правильным именно это месторождение предложить «Шеврону» для совместного предприятия, что на 10 лет ускорит его ввод в эксплуатацию и на согласованных условиях будет способствовать решению программы увеличения добыча нефти в стране.

Ответ министра Динкова был предельно краток — «все, принимается». Буквально через несколько минут он уже высказывал концепцию проекта:

1. Подготовленная нефть будет уходить на экспорт — это ясно.

2. Мы предложим в совместном проекте переработать попутный газ не только Королевского, но и Тенгизского месторождения — получим огромное количество сжиженного нефтяного газа и элементарной серы.

3. Эти продукты мы подадим в Кульсары и там построим комплекс нефтехимических производств, на котором с использованием собственного сырья организуем по технологической цепочке производство пластмасс, и из них широкий ассортимент различных потребительских товаров.

4. Из элементарной серы будем производить минеральные удобрения и поставлять сельскому хозяйству и на экспорт.

Это все позволит нам удержать и даже увеличить достигнутый нами уровень валовой продукции. Ведь добыча нефти неизбежно будет постепенно снижаться, а уровень валовой продукции нам надо удерживать...

Это динковское видение перспективы было облечено в предложение и внесено в Правительство. А тем временем, началась активная работа с «Шевроном». В конце первой недели специалисты «Шеврона» заявили нашим специалистам, что это то, что нужно...

Однако, к величайшему сожалению, удачно найденное решение через несколько месяцев было подменено. Случилось это во время визита М.С. Горбачева в США, где рассматривалось и исполнение ранее принятых решений. Накануне встречи двух президентов, уже в Вашингтоне, кто-то из приближенных Горбачева по каким-то мотивам предложил в проект протокола внести изменение — заменить Королевское месторождение Тенгизским, что и было сделано. Протокол был подписан и его опубликование вызвало глубочайшее недоумение у всех, кто занимался этой проблемой. У нас в прессе появилось много статей, осуждающих это решение, случившееся называли предательством интересов СССР. Авторы же внесенного изменения, используя свое очевидное околопрезидентское влияние в нашей прессе, организовали серию статей, утверждая, что предложение, мол исходило от самих нефтяников — «не то московских», «не то казахстанских»... Этот скандал в прессе не затихал вплоть до развала СССР. Василий Александрович очень тяжело все это пережил.

Пострадало же по моему глубокому убеждению дело. «Шеврон» много лет ничего не вкладывал в развитие Тенгиза, добыча шла с первой технологической установки мощностью 3 млн т нефти в год, построенной еще в 1989 году. За прошедшие 13 лет был лишь достроен нефтепровод Тенгиз — Новороссийск, 2/3 которого была построена до 1989 года.

Возвращаясь к восьмидесятым годам, хотелось бы подчеркнуть нараставшие трудности в выполнении планов строительно-монтажных работ с вводом в эксплуатацию новых мощностей. У строителей были свои трудности — не хватало металла, цемента, автотранспорта, строительной техники, наконец рабочих. Несколько лучше шли дела у тех министерств-заказчиков, которые оказывали помощь строителям, оперативно решали возникающие вопросы. Развитие нефтяной и газовой промышленности в значительной степени зависит от своевременно построенных производственных мощностей. Василий Александрович в своей многолетней интенсивной деятельности постоянно, совместно с подрядчиками, занимался строительством и пуском объектом. Он досконально знал проекты, оборудование, технологию монтажа и пуска. Умел держать под контролем вопросы проектирования, поставок оборудования, организацию пусконаладочных работ. Он пользовался огромным авторитетом у проектировщиков, строителей, монтажников разных подрядных министерств и особенно Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности. Его слово для строителей было Законом.

Василий Александрович уделял большое внимание международным проектам, работе наших организаций по контрактам в зарубежных странах. Следует вспомнить наши контракты в Ираке, Сирии, Алжире, Индии.

Я дважды был с ним в командировке в странах Ближнего Востока и имел возможность наблюдать его незаурядные дипломатические способности. В январе 1988 года в Кувейте, где наша делегация находилась по приглашению министра нефти Кувейта, Эмир Кувейта при встрече в узком кругу с В.А. Динковым высказал желание его страны установить союзнические отношения с СССР, подчеркнув о возможности выделения СССР долгосрочного несвязанного кредита в объеме 7— 10 млрд долларов на очень выгодных условиях для использования нашей страной в заинтересованнных целях. Он дал понять

Динкову, что союзнические отношения между СССР и Кувейтом могут снять существующее напряжение между Ираком и Кувейтом. Вернувшись из поездки, Василий Александрович доложил руководству страны о предложениях Эмира Кувейта. К сожалению его доклад никаких последствий не имел. Кто знает, может быть сближение отношений между СССР и Кувейтом могло бы предотвратить нападение Ирака на Кувейт, не было бы «Бури в Пустыне», санкции ООН против Ирака и т.д. Возможно сегодняшний мир был бы другим...

Безусловной ошибкой было невключение В.А. Динкова в 1989 году в состав правительства СССР в качестве министра нефтяной промышленности. Он был здоров, деятелен, досконально знал нефтяную и газовую промышленность, мог предложить и настоять на принятии лучшей формы реформирования нефтяной промышленности, которая не привела бы к катастрофическому падению добычи нефти, объемов бурения, строительства, потере кадров, разбазариванию не введенных в разработку запасов нефти. По моему глубокому убеждению его назначение министром топлива и энергетики РФ помогло бы уберечь страну от разрушительного ущерба, причиненного чередой министров, не имевших даже отдаленного представления о работе топливно-энергетических отраслей и взявших на себя ответственность реформировать «важнейшую бюджетообразующую отрасль страны» через ее приватизацию.

Анатолий Тихонович ШАТАЛОВ

Первое знакомство с Василием Александровичем Динко-вым состоялось в 1969 году в Москве, куда с Украины со знаменитого Шебелинского месторождения Харьковской области я был приглашен на работу в аппарат вновь организованного Первого главного управления Министерства газовой промышленности СССР. За плечами годы учебы в Московском нефтяном институте, работа в Татарии, наработанный почти пятнадцатилетний стаж в системе Газпрома на старейших газовых месторождениях Татарии и Украины, наконец, буквально в преддверие нового 1969 года переезд в Москву на работу в Мингаз-

пром СССР. Ко времени интенсивного вовлечения в аппарат министерства специалистов непосредственно из предприятий Василий Александрович Динков уже руководил объединением «Кубаньгазпром» Мингазпрома в г. Краснодаре и, учитывая его огромный авторитет и потенциал, было понятно, что его переезд в Москву не за горами. До этого времени имя В.А. Динко-ва было хорошо знакомо газовикам. Слишком очевидными были успехи краснодарцев, с которыми он трудился с первых послеинститутских дней. Практически все основные научные и технологические решения разрабатывались и внедрялись в этом крае. Производственные успехи краснодарских газовиков подкреплялись и достижениями нарождавшейся там отраслевой науки, и нередкие совещания в Москве лишь подкрепляли мнение о незаурядных способностях профессионального руководителя — газовика, некогда главного инженера газопромыслового управления Краснодарского совнархоза, начальника Отдела добычи газа Краснодарнефти, затем Краснодарского управления магистральных газопроводов Главгаза СССР и, наконец, начальника Кубаньгазпрома. Признаться, никого из моих коллег, уже работавших в Москве, не удивило, что начальником вновь образованного Главного управления по добыче газа был назначен именно Василий Александрович. Этот вопрос в министерстве волновал многих и все понимали и отраслевое значение Главка, и недопустимость ошибки в выборе её руководителя. Он очень быстро и умело привлек к работе в Главке к тому времени надежно зарекомендовавших себя специалистов по разработке газовых месторождений: А.Г. Гудзя, В.А. Коновалова, Н.В. Петличенко, А.М. Шкута, В.А. Мысяки-на, А.И. Гуляева, Г.С. Гуляеву, Г.П. Сулеменкова и многих других. Их всех он знал по совместной работе в Краснодаре, и надо отдать должное интуиции Василия Александровича. Она его не подвела, это были и есть большие труженики и ведущие специалисты, сыгравшие в дальнейшем важную роль в формировании газовой промышленности нашей страны.

Здесь в Москве началась его неустанная и в высшей степени плодотворная руководящая деятельность в масштабе газовой промышленности страны. И эта деятельность подкреплялась все более надежной ресурсной базой. К этому времени в 1966 году было открыто крупнейшее в мире Уренгойское, а

следом крупнейшее в европейской части страны Оренбургское месторождение природного газа. Газовая промышленность страны переживала этап своего фантастического взлета. Один лишь прирост извлекаемых запасов газа в 1960-е годы превысил 25 трлн $м^3$, и геологи не только обещали, но и обеспечили новые открытия. Подводящее в это десятилетие черту, открытие Ямбургского месторождения в 1969 году открывало новые горизонты, предвещая новые открытия в следующем десятилетии. До 1960-х годов основной производственный опыт газовиков формировался на газовых месторождениях Кубано-Черноморского района, Саратовской области, Газли, Ставрополья, Шебелинки. Это были годы первых шагов газовиков нашей страны, затем организованного в 1956 году Газпрома СССР, который в 1957 году возглавил и решительно повел на новые свершения Алексей Кириллович Кортунов, назначенный в декабре 1965 года министром газовой промышленности. Звездой первой величины в его ближайшем окружении стал Василий Александрович Динков. Возглавляемый им Главк, вобравший и снабженческое подразделение, превратился в центр конструктивной творческой мысли, где в тесном сотрудничестве со строителями решительно поддерживались и неустанно генерировались, и немедленно воплощались в жизнь смелые инженерные новации. Нередко принципиальные организационные и инженерные решения рождались непосредственно на строящихся объектах. Все преимущества такого подхода в производственной деятельности подтвердились на первой же стройке при освоении месторождения Медвежье. И душой, и непосредственным участником этих начинаний был начальник Главгаздобычи. Надо отметить, что мирового опыта освоения столь гигантских месторождений попросту не существовало. Если же прибавить к этому требуемые жесткие сроки выполнения правительственных решений, то станет очевидным то повседневное напряжение, которое испытывал весь коллектив Главка, общепризнанно высшим авторитетом в котором было ответственное мнение В.А. Динкова.

Специалист огромных знаний, в быту он был очень скромным человеком. Я как-то обратил внимание на его потертую «авиационную» шубу, в которую он облачался с наступлением холодов в дни и месяцы бесчисленных командировок в Западной Сибири. Из года в год, на протяжении многих лет он не-

изменно появлялся в ней на трассах строек и на принимаемых объектах. На реплики коллег, — мол, пора бы и обновить, он неизменно объяснял все её «продуманные для летчиков полярной авиации» преимущества особенно в жестокие сибирские морозы; в летние месяцы головным убором ему служил непритязательный берет — головной убор сварщиков.

Сегодня, когда из уст руководителей государственной научно-технической политики в многочисленных телеинтервью мы слышим, что причиной нашей безликости в научно-техническом прогрессе является то, что «в стране нет инновационного цикла», невольно вспоминается В.А. Динков и когорта ведомых энтузиастов, осуществлявших реализацию этого самого «инновационного цикла» непосредственно на промышленном объекте. И правильнее было бы сказать, что в стране сегодня, по крайней мере в газонефтяной сфере, нет наделенного соответствующими полномочиями лидера масштабной инженерной мысли и творческого темперамента уровня Василия Александровича. И именно в этом может быть и кроится суть проблемы.

Из всех многотрудных испытаний, которыми были насыщены будни специалиста-газовика, пожалуй, самыми сложными оказались годы освоения Западной Сибири и создания на базе сероводородсодержащих месторождений крупных газохимических комплексов и, в первую очередь, Оренбургского газоконденсатного месторождения. В Оренбурге мы впервые встретились со сложными технологическими процессами, применяемыми в химической промышленности. Положение осложнялось тем, что оренбургский газ был насыщен сероводородом высокой концентрации и, что не могло не предвещать непредсказуемые последствия, при большой протяженности залежи обнаруживались значительные изменения концентраций сероводорода в различных её частях. Тяжелые последствия любой неосмотрительности здесь многократно возрастали. На практике получилось, что Оренбургский комплекс стал для нас не только символом высоких достижений наших геологов, разработчиков и делающей первые шаги газохимической науки. С освоением этого месторождения связаны и печальные границы истории отечественной газовой промышленности. Две серьезные аварии с человеческими жертвами грозили перечеркнуть складывавшуюся репутацию инженерно-технического персо-

нала этого уникального месторождения, открытие которого позволило не только увеличить извлекаемые запасы газа на 1,8 трлн $м^3$, но и обеспечить в начале 1977 года пуск в эксплуатацию крупнейшего Оренбургского газохимического предприятия по переработке более 45 млрд $м^3$ газа в год с получением свыше 180 тыс. т газовой серы.

Мне легко писать о В.А. Динкове еще и потому, что в своей министерской жизни я был в кругу специалистов, непосредственно работающих с ним, хотя Оренбурггазпром, где я пребывал в постоянных командировках, сроки которой растянулись без малого на пять лет, был в начальный период в ведении Первого главного управления во главе с Д. К. Гордеевым, Г.Д. Маргуловым. С приходом в руководство Мингазпромом С.А. Оруджева Оренбурггазпром оказался в ведении Ю.В. Зайцева, которого Сабит Атаевич пригласил из Миннефтепрома. Кстати, роль Ю.В.Зайцева и других руководителей, участвующих в освоении Оренбургского месторождения, имеет непреходящее значение в создании газохимической подотросли в газовой промышленности и требует отдельного повествования.

Когда в Оренбурге произошла серьезная авария, то в поисках истинной причины взрыва взоры всех обратились к Василию Александровичу, к его знаниям. Выбор был не случайным. Нештатность возникшей ситуации подкреплялась почти полным отсутствием отечественного опыта в освоении подобных месторождений. Здесь нужны были серьезные глубинные знания в таких областях науки и техники, как технология сварки, химия, машиностроение, металлургия...

И именно он остудил усердие руководителей специально созданной комиссии по расследованию причин и обстоятельств взрыва, решительно настроенных на обвинение тогдашнего руководства Оренбурггазпрома. Скрупулезно, шаг за шагом исследовав причины взрыва, В.А. Динков пришел к неопровержимым выводам об отсутствии вины эксплуатационников в аварии. Использовавшаяся технология сварки и качество работ не могли обеспечить надежную стойкость коррозионной агрессивности оренбургского газа. Вины эксплуатационников в этом — никакой. А ведь могла быть искорежена судьба немалого числа тогдашних оренбургских руководителей, возглавивших впоследствии газовую отрасль страны.

Обобщение опыта разработки Оренбургского месторождения в значительной степени облегчило решение такой сложной задачи, как ускоренное освоение Астраханского газоконденсатного и других сероводородсодержащих углеводородных месторождений в Прикаспийской впадине и Узбекистане, где в полной мере раскрылся инженерный талант заместителя министра, а впоследствии и министра В.А. Динкова.

Это правда, что после кончины С.А. Оруджева в желающих занять престижный кабинет недостатка не обнаружилось. Но правда и то, что для претендентов составить серьезную конкуренцию В.А. Динкову оказалось делом непосильным. Этим и объясняется то, что обычно сложный период смены руководства отраслью для газовой промышленности прошел абсолютно безболезненно. Разве что первый заместитель министра Дин-ков перешел из одного кабинета в другой. Но не изменился деловой и производственный ритм и, более того, отрасль во всеоружии встретила новое десятилетие славных для газовиков 1980-х годов.

Помнится всеобщее оживление сотрудников Мингазпрома в декабре 1984 года. Министру В.А. Динкову исполнялось 60 лет. Понятное дело, что хотелось сделать ему приятное. Оренбуржцы надумали заказать художнику портрет с фотографии. Надо отдать должное и инициаторам, и художнику, результат оказался достойным именинника. Доставленный накануне в Москву из Оренбурга портрет дожидался своей судьбы. А министерство тем временем облетела весть, что решением Президиума Верховного Совета СССР Василию Александровичу к шестидесятилетию со дня рождения присвоено звание Героя Социалистического Труда. К приятным чувствам прибывших в Москву оренбуржцев неожиданно прибавилась озабоченность. Их, казалось тщательно продуманный сюрприз, потребовал срочной доработки. Ночью, в гостинице накануне вручения портрета спохватились. На лацкане пиджака юбиляра должна непременно красоваться звезда героя. Не надо быть художником, чтобы понять, что масляная краска сохнет несколько часов. «Из-под земли» был найден художник, и к середине ночи под забавные комментарии, с привлечением коллективного творчества портрет был увенчан достойной наградой, вызвав всеобщее оживление коллег и товарищей по работе наутро в тот памятный декабрьский день.

Трудно было без огрехов и срывов одолевать столь, казалось, непомерное дело, как создание в огромной стране новой отрасли. Но не менее трудным нам казалось отвечать той высокой, никогда не снижавшейся планке требовательности, которая устанавливалась в кабинете у В.А. Динкова. Василий Александрович был лучше остальных технически подготовлен к серьезным и суровым требованиям, которые предъявляла жизнь каждому, кто волею судьбы оказался в рядах создателей не имевшей аналогов в мире газовой промышленности. Каждая встреча с ним требовала серьезной подготовки и предельной внутренней собранности. Чего он точно не воспринимал, так это сумбурных ответов на четко поставленный вопрос. С таким грамотным руководителем работать было не просто. Его инженерное превосходство было настолько очевидным, что «динковский почерк», «динковские знания» стали понятиями нарицательными.

В этой связи мне особенно памятны впечатления тех лет, когда он вызывал меня, уже главного инженера Главгаздобычи, и моих коллег на обсуждение проблем, решение которых он видел в конкретном ключе.

Было не просто поддерживать в себе его уровень понимания сути проблемы и ее решения. В конечном итоге, и это все понимали, всё перечисленное создавало атмосферу крайне интересного и полезного общения.

Небезинтересны подробности того, как он работал с исходящей документацией. Получая на подпись проект письма, он мгновенно погружался в его содержание. Непонравившийся абзац решительно перечеркивался и тщательным почерком, фраза за фразой, заменялся новой формулировкой. Письмо обретало окончательный вид и большую убедительность и логическую завершенность. И этому своему правилу Василий Александрович не изменял на протяжении всей жизни, и даже став министром. Министр, занимающийся правкой письма, было явлением редкостным. Письмо с припиской «Согласовано с Динковым» незамедлительно уходило в печать.

Это была строгая школа многосложной жизни и те, кто выдержал её уроки, выросли в классных специалистов. Говорить о безоблачности отношений, складывавшихся у меня с замминистра и министром Динковым, было бы преувеличением. Но, чтобы после серьезного и, отметим, небезосновательного «раз-

говора» с подчиненным Василий Александрович изменил к нему личное отношение, у меня такого не было и быть не могло. Более того, невзирая на нередкое несовпадение взглядов, он проявлял трогательную заботу о руководящем росте своих подчиненных. Его рекомендации таким образом определили судьбу многих из нас. Ветераны отрасли помнят, что когда решением правительства он был направлен в руководство Миннефтепромом, то именно его рекомендация во многом определила судьбу В. С. Черномырдина, назначенного министром газовой промышленности. Его рекомендация изменила и мою судьбу. Дело в том, что переводу Василия Александровича в Миннефтепром предшествовали разговоры о его выдвижении на высокую руководящую должность в Президиуме Совета Министров. Видимо этим объяснялась его настойчивая рекомендация моей кандидатуры в заместители министра по добыче газа, или в аппарат Совмина. Но события развились по иному сценарию, и в феврале 1985 года В.А. Динков возглавил Миннефтепром, где его руководящий талант через два года проявился в новых, до той поры невиданных достижениях нефтяников.

Если быть честным до конца, то газовая промышленность нашей страны, как инженерно-технический комплекс, обеспечивший надежную эксплуатацию богатейших в мире месторождений природного газа, во многом создана инженерным талантом именно Василия Александровича Динкова, инженером с большой буквы. При всех огромных достоинствах своих предшественников в руководстве отраслью и своих современников, он был и остался непревзойденным техническим специалистом. Возглавив Миннефтепром, а в последующие годы оставив министерское кресло, Василий Александрович по-прежнему стремился не терять связи ни с Мингазпромом, ни с теми мингазпромовцами, кто волею судьбы трудился на различных участках хозяйственной деятельности страны. Каждый из нас, проверенных суровыми испытаниями 1960—1980-х годов, продолжал ощущать его неутомимую деятельность и готовность к сотрудничеству уже в новом качестве, на новом этапе жизни реформируемой России. С начала 1990-х годов Василий Александрович возглавил созданное по личной инициативе российско-швейцарское предприятие «СЖС-Энергодиагностика», сосредоточившись всей силой своего огромного опыта на

решении проблем качества и надежности нефтегазовых объектов, их промышленной и экологической безопасности. Его предложения и соображения по экспертной оценке степени риска и предотвращению техногенных и антропогенных катастроф на нефтегазопромышленных объектах, по независимой экспертизе и диагностированию технического состояния подземных стальных трубопроводов обозначили рождение нового этапа во взаимоотношениях созданной им высокотехнологичной фирмы «СЖС-Энергодиагностика» с государственными организациями и отечественными и зарубежными акционерными предприятиями нефтегазового сектора. Высокая репутация Василия Александровича и глубокие инженерные знания обеспечили этому его предприятию прекрасную рекламу и повсеместное признание высококонкурентного исполнения договорных обязательств. Отмечу лишь один из многочисленных примеров успешного сотрудничества «СЖС-Энергодиагностика» с заказчиком в лице администрации Каспийского Трубопроводного Консорциума (КТК) по независимой экспертизе объектов Консорциума. В конечном счете именно выполнение всех предписаний этой фирмы в акте экспертизы обеспечили успешный пуск и надежную эксплуатацию КТК, что подтверждает высокую компетентность последнего периода работы Василия Александровича. Не менее важно и то, что, собрав под свое крыло разрозненных и разбросанных временем специалистов, он обеспечил им столь важные в переживаемых экономических условиях рабочие места. И эта его забота не может не быть отмеченной должным образом.

Говоря о достижениях деятелей отечественной науки, техники, литературы, мы часто упоминаем рождение школ, зарождение традиций. Примером может служить рождение талантом Толстого, Чехова, Достоевского, серебряного века нашей культуры в конце XIX века, рождение непревзойденной школы химиков, взращенных гением Менделеева, математической школы Колмогорова, наконец, школы нефтяников, Губкина и других. Имя Василия Александровича Динкова олицетворяет в этой связи создание новейшей школы специалистов нефтегазодобычи, школы, которая не утратила своей актуальностью и в наступившем XXI столетии. И наша святая обязанность сохранить эти воспоминания и донести их до новых поколений специалистов газовой и нефтяной промышленности.

Анатолий Васильевич ФОМИН

Без малого 35 лет я работаю в топливно-энергетическом комплексе страны, начиная со студенческой практики в годы учебы на геологическом факультете Казанского университета, с 1969 года. Принимал участие в освоении нефтяных и газовых месторождений севера Надым-Пур-Тазовского региона Западно-Сибирской нефтегазовой провинции, таких, как нефтяное месторождение Русское, супергигантское месторождение природного газа Заполярное, нефтяное месторождение Ноябрьское, а после окончания университета, с 1972 года и до декабря 1984 года трудился на предприятиях объединения «Архангельскгеология», треста «Татнефтегазразведка», Бугульминского управления эксплуатационного бурения нефтяных и газовых скважин. Предприятия управления были расположены в районе средней Оби у Нижневартовска. Встречался в невероятно сложных производственных условиях со специалистами различных возрастов, профессионального и руководящего опыта, но, пожалуй, самое сильное впечатление на меня произвела встреча с В.А. Динковым, точнее участие в селекторном совещании, которое вел новый министр. Но этому предшествовало несколько важных событий в моей трудовой биографии.

Жизнь в Бугульме и в условиях вахтового режима работа в Нижневартовске вконец расстроили семейный уклад, и я с семьей переехал в Нижневартовск, где прошел школу капремонта скважин. Я едва стал входить в атмосферу новой работы, как в декабре 1984 года министр Н.А. Мальцев издает приказ о крупном сокращении в отрасли — около 4 тыс. человек — в четырехмесячный срок. Ликвидационные работы ещё не закончились, а уже объявлен набор специалистов на ту же работу. Таким образом я оказался в 1985 году в Москве на двухмесячных курсах повышения квалификации. Помещение министерства напоминало потревоженный улей. На слуху лишь одно — пришел новый министр Василий Александрович Динков, и в отрасль вновь приглашаются специалисты. К работе в руководство отраслью приглашены такие опытные руководители и ученые, как Владимир Юрьевич Филановский, Минадора Макаровна Иванова и многие другие. С В.Ю. Филановским я познакомился на отраслевом совещании в Радужном в сентябре 1984 года. На этом совещании замзав отдела Госплана

СССР предпринимал невероятные усилия по выработке мероприятий по повышению добычи нефти, перспективы которой вызывали серьезные опасения у руководства страны. Комиссия, которую он тогда возглавлял, приняла довольно пространный перечень мероприятий, однако, в их осуществимость верилось с трудом. Встретиться с новым министром в Москве не довелось, и хотя из Москвы я возвращался главным геологом Нижневартовского УБР-1, меня, как и многих других профессиональных нефтяников не покидало чувство тревоги. Справится ли новый министр газовик с положением в нефтяной промышленности, в которой столько специфических «нефтяных» вопросов?

И вот, сидя в кабинете в Нижневартовске на упомянутом селекторном совещании, которое вел из Москвы министр, я и мои коллеги вдруг стали проникаться проблесками веры в возможность исправить тяжелое положение, которое переживала нефтяная промышленность. Почему-то это убеждение возникло после первых слов нового министра. На удивление непривычно, он говорил ровным, спокойным голосом и его грамотная, четкая речь и уважительная манера общения лишь подчеркивали твердость намерений руководителя, прекрасно разбирающегося во всех тонкостях нашего многосложного нефтяного дела. Начиналось совещание в привычном ритме знакомого сценария. Агеев докладывает министру ласкающие слух оценки ожидаемых цифр по добыче. Участники совещания удобно расположились с блокнотами на руках... И вдруг традиционный ход нарушается, и мы слышим спокойные слова В.А. Динкова:

«Виктор Гаврилович, Ваши цифры принимаю, но в них у Вас неточность — несовпадение с полученными от Вас данными в сводках...». Министр, не прерывая, выслушал объяснения и не повышая тона, заключил: «Если данные обоснованы, то принимаю, но первого числа нового месяца мы непременно к ним вернемся...». Это не шло ни в какое сравнение с практикой подобных совещаний в минувшие годы. В последующие годы, когда мы все в отрасли познакомились с его удивительными инженерными знаниями, нам стала понятна его спокойная, но твердая манера общения с подчиненными. Он очень быстро доходил до сути, и любая попытка приукрасить действительность терпела мгновенный провал, ставя инициатора в нелепое положение. Подобный урок дважды уже не повторялся. К при-

меру, когда несоответствия обнаруживал его предшественник, то, независимо от того, умысел это либо ошибка, человек попросту перечеркивался, и тут же на селекторном совещании на головы этих несчастных обрушивалась лавина обвинений, сопровождаемых суровыми административными мерами.

А тут иной разговор, мол, с доводами согласен, а селекторное совещание — не то место, где должны подсчитываться проценты, тонны, кубометры, а всем этим займемся и очень серьезно в конце месяца... тогда и поговорим...

По моему глубокому убеждению и мнению товарищей по работе, Василий Александрович взял верный тон в отношениях с подчиненными, и они поверили в возможность выхода из, казалось, безвылазного прорыва. Девизом времени стал повседневный целенаправленный труд людей, которых при решительной поддержке В.А. Динкова перестали отвлекать бесчисленным числом самых различных проверок. И уже через год результаты не замедлили сказаться. Важным было и то, что динковский почерк в руководстве стал обнаруживаться и у руководителей среднего звена. Все чаще слышалось: «Чудесных рецептов исцеления отрасли не существует, спасение лишь в повседневном настойчивом профессионально грамотном труде». Изменение атмосферы деловых отношений руководителей к подчиненным я почувствовал и в отношении к себе со стороны непосредственного руководителя, начальника объединения «Нижневартовскнефтегаз» Леонида Ивановича Филимонова. Личность неординарная, Л.И. Филимонов был назначен Н.А. Мальцевым на смену Маричева, которому по многим причинам не удавалось остановить все более ощутимое падение добычи нефти. А через несколько месяцев после назначения Л.И. Филимонова отраслью руководил уже министр В.А. Дин-ков. Моя первая личная встреча с Василием Александровичем состоялась в Нижневартовске в конце сентября и начале октября 1985 года. И личная встреча лишь укрепила то заочно сложившееся о нем мнение после первого селекторного совещания. В последующее время было много новых встреч с Василием Александровичем: в Москве на заседаниях коллегии, в Западной Сибири, а с переводом в Москву Л.И. Филимонова и моим назначением начальником НГДУ «Нижневартовскнефтегаз» в 1987 году встречи с министром ещё более участились. Это было время не просто перелома в нефтяной промышлен-

ности, но время её наивысших достижений. Приостановив падение добычи в 1986 году с результатом 615 млн т, нефтяники страны в 1987 году добыли 625 млн т нефти. Это достижение так и осталось непревзойденным. И значительную долю этого успеха обеспечили нефтяники Западной Сибири, в которой заслуженный успех выпал и нашему НГДУ.

Запомнился короткий отрезок времени в июле — августе 1989 года, в течение которого в Нижневартовске с участием В.А. Динкова проводилось отраслевое совещание по обсуждению опыта сквозного бригадного подряда в нефтяной промышленности. После совещания за обедом с Василием Александровичем я обратил внимание на его подавленное состояние.

И вдруг совершенно неожиданно я услышал от него горестное признание: «...Трудно доказывать, что ты не верблюд..., пора уступить место...». Было больно видеть этого уже по-настоящему полюбившегося незаурядного руководителя и человека в столь сложном душевном состоянии. Просветление наступило, когда он стал увлеченно рассказывать о внуках, о неожиданных вопросах деду. «Мол, а кем ты работаешь? Отвечаю: «Министром». «А сколько получаешь (?!)». Отвечаю. «А вот мастер техобслуживания дядя Ваня получает больше и ежедневно в семь вечера дома со своими внуками, а в субботу и воскресенье они гуляют по Москве, посещая театры, музеи, зверинец...» Наша беседа незаметно вернулась к производственной теме. «У тебя работают хорошие люди, дорожи ими...» Как выяснилось, это были последние дни В.А. Динкова — министра. Но буквально на последней министерской прямой, он ещё успел помочь нашему объединению. На следующий день с перерывом в несколько часов я прибыл в Москву в отчаянной попытке добиться выделения денег на остро необходимые капиталовложения. Василий Александрович принял меня незамедлительно, и через несколько минут я был у Лещинца с соответствующим напутствием министра получить безпроцентный кредит в сумме 3 млн рублей. Считающий каждую копейку Лещинец склонял разговор к трем процентам годовых... Я вновь к Динкову, телефонный разговор, а главное соответствующая подпись которого решила судьбу нашей просьбы.

Помню встречу с Василием Александровичем в 1990 году, после его ухода из министерства. Он принял нас с В.Ю. Филановским в офисе созданного по его личной инициативе совме-

стного российско-швейцарского предприятия «СЖС-Энергодиагностика». Встреча была теплой. По обыкновению, с сведенными дужками очков в руках, он давал безошибочную характеристику складывающемуся в нефтяной промышленности положению. Обида за происходящее уступила место оценке перспективы отрасли. Выражая растущую озабоченность состоянием промышленной безопасности нефтегазового комплекса, Василий Александрович ознакомил нас с тщательно продуманной им программой деятельности организованной им компании, актуальность деятельности которой не вызывала сомнения. Когда я поведал о заботах возглавляемого мною к тому времени объединения «Мегионнефтегаз», то он, как всегда спокойным тоном дал мне совет на всю жизнь: «Если уверен в своей правоте, добивайся своего..., но палки не перегибай, так как нередко на ответственных государственных постах оказываются люди с мелкой эгоистичной душонкой». Этому его завету следую всю жизнь. И случилось так, что через несколько недель я весьма успешно применил его на практике. Дело в том, что ещё в 1988 году стараниями министра В.А. Динкова мы добились постановления правительства о праве нефтедобывающих объединений на экспорт сверхплановой нефти с использованием валютной выручки на собственные нужды объединения. А проблем у западносибирских нефтяников было не мало. Люди жили в валках, около 2500 этих жилищ покрыли огромное пространство, ощущался недостаток в продовольствии, одежде и т.п. И все проблемы тупиковые, без целевых денег их не разрешить.

В поисках решения проблем я, вооружившись упомянутым постановлением правительства и справками о 500 тыс. т сверхплановой нефти оказался в кабинете у первого заместителя председателя Совета Министров Воронина. В приемной референт настойчиво напоминает о необходимости присутствия министра Л.И. Филимонова. Ожидания последнего безрезультатны. Референт непреклонен — без министра вход в кабинет закрыт. И, вспомнив, как я его называю, «завет Динкова», я перешел на решительный тон: «Извините, я действую в соответствии с постановлением правительства и что же, Вы предлагаете мне сообщить своему 28-тысячному коллективу, что постановление правительства это всего лишь ничего не значащая бумага?!» «Входи». Докладываю о сверхплановой нефти, предъяв-

ляю контракт с чехословацкой фирмой на поставку продовольствия, на стол — постановление правительства.

Услышав о нефти, хозяин кабинета звонит в Союзнефтеэкспорт. Всё вновь зависло... Но я был настойчив: «Постановление правительства принимается для проформы, исполнителей гоняют по кругу...». Наконец, долгожданная резолюция:

«Филимонову. В соответствии с постановлением правительства, разрешаю».

Подписал таки. И с занумерованной копией письма в руках и с чувством исполненного долга я покинул кабинет. Меня не покидало ещё одно чувство — мысленная благодарность Василию Александровичу Динкову за «завет» и незабываемая память в душе об этом выдающемся государственном деятеле.

Виктор Иоганесович ОТТ

Василий Александрович Динков — дважды министр Советского Союза, Герой Социалистического Труда, удостоен множеством правительственных наград и званий.

Мы, нефтяники Нижневартовска, увидели его в марте 1985 года, когда он приехал после назначения министром нефтяной промышленности СССР, сменив на этом посту Николая Алексеевича Мальцева.

Это были непростые для «Нижневартовскнефтегаза», других нефтегазодобывающих объединений Главтюменнефтегаза времена. Впервые нефтяная Западная Сибирь снизила добычу нефти, причем создавалось впечатление, что для многих в Тюмени и в Москве это было неожиданностью. Но ведь не менее трех лет на всех уровнях и во всех инстанциях об этом неустававая, «вызывая огонь на себя», говорил Маричев Федор Николаевич — генеральный директор производственного объединения «Нижневартовскнефтегаз».

Василий Александрович Динков услышал, а вернее, детально разобравшись в причинах кризисного положения, понял, что не леность и непрофессионализм тюменских нефтяников являются причинами спада добычи нефти. Истинные причины заключались в систематическом недофинансировании капитальных вложений в развитие производства, во ввод новых ме-

сторождений, в поддержание работающего фонда скважин, которые совокупно должны были обеспечить поддержание тех темпов добычи нефти, которые определялись планами.

В Нижневартовске всегда было более чем достаточно представителей Главтюменнефтегаза, Миннефтепрома, народного и партийного контроля, нам грех было обижаться на их невнимание. Чаще всего их функции сводились к выявлению наших недоработок и не заходили дальше поиска «кого наказать».

Проблемы, как мне кажется, были не в Мальцеве, Кузоваткине, Булгакове и Маричеве, проблемы были в Госплане, Совмине и ЦК КПСС, где не желали либо страшились признать те негативные тенденции, которые явно уже существовали, и пытались «единым хлебом» накормить всех, а хлеб этот испечь из нефтедолларов.

Василий Александрович после своего посещения нефтяной Западной Сибири командировал во все объединения рабочие группы специалистов (не очередных проверяльщиков) для разработки стратегических и тактических мер по выводу отрасли из кризиса. Меры эти не надо было выдумывать и сочинять, следовало внимательно осмыслить и проработать всё то, что уже было наработано в объединениях и вместе решить сколько это может стоить, сколько разумно нужно и можно получить и расставить приоритеты. Причем единого рецепта для каждого объединения быть не могло, хотя диагноз был достаточно общим. Все зависило от степени запущенности развившейся «болезни» у каждого «пациента». Были определены три главных направления:

восстановление неработающего фонда скважин с реконструкцией и развитием всей инфраструктуры подземного и капитального ремонта скважин;

внедрение самых передовых и эффективных методов повышения нефтеотдачи пластов;

ввод новых месторождений, свежих запасов нефти.

И результат не замедлился сказаться, тенденция снижения добычи нефти была переломлена.

Без сомнения сработал и авторитет Василия Александровича в верхних эшелонах тогдашней власти.

Заслугой В.А. Динкова было и то, что ему удалось, а я думаю, что это было непросто, привлечь к решению этих задач Владимира Юрьевича Филановского — Зенкова в качестве пер-

вого заместителя министра и назначить его «куратором» «Нижневартовскнефтегаза».

Нельзя не сказать слова благодарности всем нефтяникам Советского Союза, которые направили в Нижневартовск более ста бригад подземного ремонта с полным оснащением для вывода из бездействия неработающего фонда скважин. Все без исключения генеральные директора производственных объединений не единожды приезжали в Нижневартовск с целью организации эффективной работы этих бригад и не относились к этому как к отработке «барщины». Спасибо им всем за эту помощь.

Особое место в «Нижневартовскнефтегазе» занимал уникальный газлифтный комплекс, созданный в основном в 1981—1985 годах. Достаточно сказать, что «газлифт» обеспечивал более 25 % добычи нефти по Самотлорскому месторождению. Каждый «чих» газлифтного комплекса больно сказывался на суточной добыче нефти.

Василий Александрович, имея богатейший практический опыт компримирования газа в Министерстве газовой промышленности СССР, был абсолютным профессионалом по эксплуатации газовых компрессорных станций.

Об этом красноречиво говорит такой случай. В один из приездов Василия Александровича в Нижневартовск была организована поездка на действующие газлифтные компрессорные станции Самотлора. Наряду с японскими и французскими компрессорными станциями была введена КС-3, оборудованная отечественными компрессорными агрегатами, изготовленными в Казани. Чего греха таить, нахлебались эксплуатационники на этой станции. Ремонт, очистка и переборка компрессоров были поставлены на «поток». Из шести агрегатов два-три были перманентно в ремонте. В чем-то там просчитались конструкторы, и компрессора закоксовывались очень быстро.

Так вот, как раз в этой поездке мы были на КС-3. Валериан Назарович Миронов — начальник Нижневартовского управления по внутрипромысловому сбору и компримированию газа, докладывая об эксплуатации газлифтного комплекса отметил проблему нагарообразования на компрессорах отечественного производства. Василий Александрович внимательно выслушал доклад. И каково было наше удивление, когда он пред-

ложил подавать на прием компрессоров подсолнечную шелуху, которая должна будет сдирать нагар.

Нужно быть не просто грамотным инженером, нужно быть профессионалом высокого класса, чтобы до таких тонкостей знать технологию работы компрессорной станции.

В 1987 году, после того как Леонид Иванович Филимонов недавно назначенный руководителем Нижневартовскнефтегаз был переведен на работу в министерство газовой промышленности в ранге первого заместителя министра, мне было предложено возглавить производственное объединение «Нижневартовскнефтегаз».

Это было очень непростое время для «Нижневартовскнефтегаза». Темпы отбора нефти были запредельными, резко начала расти обводненность скважин, катастрофически не хватало капвложений на ввод новых месторождений, которые находились за сотни километров от Самотлора и Мегиона, значительно снизилось качество нового нефтепромыслового оборудования, снижались объемы бурения и ввод новых скважин, кратно возросла аварийность трубопроводных систем, особенно Самотлора.

Специалисты работали на износ, не хватало ремонтного персонала и так далее и тому подобное.

Было правилом, что я один-два раза в неделю докладывал напрямую Василию Александровичу или Владимиру Юрьевичу положение дел по Объединению.

Свидетельствую, что какие бы не были проблемы и выставляемые мною вопросы, я ни разу не услышал окрика или повышенного тона со стороны Василия Александровича Динкова. Я всегда был выслушан, получал советы и помощь.

В этом смысле характерен один пример. В Нижневартовске подходило к завершению строительство Дома техники. Необходимо было решить вопрос получения материала для наружной отделки здания.

Ленинградскими архитекторами было предложено использовать специально изготовляемые для этих целей алюминиевые панели. Проблема заключалась в том, что на получение этого материала требовалось разрешение Совета Министров СССР (Главснаба Совмина). Василий Александрович решил этот вопрос, и мы начали получать материал. Каково же было моё положение, когда архитекторы и строители сообщили мне о том,

что они просчитались и алюминия не хватает. Я был в шоке, понимая, что никто, кроме Василия Александровича этого вопроса не решит и понимая, что я невольно создаю сложности в его отношениях с Главснабом. Но и эта проблема была решена без окрика и надрыва, хотя положительных эмоций она не доставила никому.

Затем наступил «черный» для меня сентябрь 1988 года. В Сургуте было проведено совещание всех западно-сибирских нефтяников, по окончанию которого собравшихся «уведомили» о дополнительных планах по добыче нефти, предусмотренных Главтюменнефтегазом и министерством в целом.

Этим дополнением предполагалось увеличить за квартал до конца года план по добыче нефти Нижневартовскнефтегазу на 5 млн т. Такие же «добавки» в несколько меньших объемах были предложены Сергею Викторовичу Муравленко (Нефтеюганскнефтегаз) и Олегу Николаевичу Яковлеву (Варьеганнеф-тегаз).

Я и О.Н. Яковлев не согласились с этими предло жениями и вскоре были отправлены в отставку, как тогда говорили за «непонимание политики партии и правительства». Для чего я это рассказываю? Для того, чтобы ещё раз акцентировать внимание на человеческих качествах Василия Александровича. Для объявления решения о моей отставке меня пригласили в Москву на беседу к министру. Я уже понимал, о чем будет идти речь.

Василий Александрович сказал примерно следующее: «Виктор Иванович, я не смогу тебя защитить от Тюменского обкома КПСС, который настаивает на твоей отставке. Предлагаю тебе поехать в длительную зарубежную командировку. Заодно и немного отдохнешь от ритма Нижневартовска. Выбирай — Вьетнам, Индия, Куба». Я согласился на Кубу, поскольку там была школа-десятилетка, а моя младшая дочь перешла в 9 класс.

После Кубы были Казахстан (Тенгиз), Тюмень (НПО «Тюменнефтегаз»), Москва (Ассоциация Роснефтегаз, Минтопэнерго, Роснефть, еще раз Минтопэнерго). Но это тема отдельная.

Наши встречи с Василием Александровичем в Москве не носили систематического характера. Но на каждой из них, он с болью и горечью говорил о разладе и кризисе в нефтяной от-

расли, о разобщенности нефтяников и «старых», и «новых». И мне кажется, что это подтачивало его здоровье.

Завершу свои воспоминания встречей с Василием Александровичем Динковым в Канадском городе Калгари в 2000 году. Василий Александрович был участником XVI Мирового нефтяного конгресса в составе делегации Газпрома.

Василий Александрович пригласил меня на товарищеский ужин и мы провели с ним несколько незабываемых часов в кругу семьи работавшего в Канаде зятя Александра и дочери Наташи.

Во время беседы он вновь и вновь возвращался к событиям истории нефтяной и газовой промышленности, нефтегазостроения. Мы останавливались на переломных этапах развития этих отраслей, с которыми связана жизнь каждого из нас; на отдельных личностях, с именами которых были связаны памятные успехи нефтяников, газовиков и строителей. О многом говорил с нескрываемой болью. В этих воспоминаниях он был весь. Объективный, отзывчивый и добрый Человек, требовательный и жесткий в оценках Профессионал.

Пусть память о Василии Александровиче Динкове будет вечной в сердцах нефтяников и газовиков.

Владимир Иванович ХАЛАТИН

С Василием Александровичем Динковым я относительно ближе познакомился в Москве в 1962 году в помещении Глав-газа СССР на улице Кирова. Он получал новую должность начальника Краснодарского управления магистральных газопроводов. До этого времени у нас были кратковременные встречи в дни моих командировок в Краснодар, куда, будучи главным инженером Московского управления магистральных газопроводов, я прибывал для выяснения нередко возникавших производственных проблем между нами — крупными потребителями газа и краснодарцами — все более значительными его поставщиками. Предметом наших обсуждений были проблемы качества получаемого в Москве газа и довольно частые недоразумения, вызванные расхождениями в учете отгруженного и полученного в Москве газа. После 1962 года наши встречи стали

принимать все более регулярный характер и нередко состоялись в помещении по месту моей работы. Надо отметить, что с каждой новой встречей я проникался к нему все большим интересом, не скрывая своего искреннего удивления его инженерными знаниями и необычно откровенной манерой весьма точных оценок истинных причин возникавших в Газпроме недоразумений. Необходимо отметить, что по тому времени московское управление было, без преувеличения, крупнейшим в мире центром, регулирующим транспортные потоки природного газа, которые из года в год неуклонно возрастали. Высокое руководство, увлеченное увеличением объема добычи и потребления природного газа, уделяло несопоставимо малое внимание важным вопросам его промысловой подготовки. Это создавало дополнительные трудности у транспортников, вызывая их все более решительные нарекания и нежелание мириться с складывающейся ненормальной обстановкой.

С организацией Министерства газовой промышленности СССР в декабре 1965 года мы встретились с Василием Александровичем уже сотрудниками аппарата министерства. Я был назначен главным инженером главка по транспорту газа, а В.А. Динков с апреля 1966 года — начальником Главгаздобычи. По сути дела это были два тесно связанных между собою главка, от двуедино слаженной работы которых зависил успех отрасли. И хотя первоначально мы располагались по обе стороны улицы Кирова, наши встречи с постоянными совместными обсуждениями каждого проекта обустройства все новых и новых месторождений и сооружения линейной части проводились главным образом в кабинете Василия Александровича. А в количестве проектов недостатка не было. Новые месторождения поражали колоссальными многопластовыми разведанными запасами при неблагоприятном расположении в суровых климатических условиях. Фактически мы приступали к работе по освоению месторождений, с которыми мировая практика не встречалась, и отсутствие прецедента порождало горячие споры специалистов, каждый из которых отстаивал свою собственную точку зрения. Укомплектованное В.А. Динковым Главное управление по добыче газа в основном представляло специалистов из Краснодара, среди которых достойны упоминания специалисты высокой квалификации, такие как Гудзь, Шкута, Мысякин. Их появление в министерстве безусловно ук-

репило коллектив. Вместе с тем в аппарате министерства оказались и люди, не совладавшие ни с масштабом многосложного производства, ни с масштабом многократно возросшей ответственности. О них сегодня упоминать не хочется, так как в конечном итоге не их уровень квалификации определял общее состояние дела. Утверждать о безоблачности отношений, которые складывались между нашими главками было бы некоторым преувеличением. Конфликт был заложен в самой природе отношения высокого руководства к этим двум важнейшим производственным участкам Мингазпрома, а точнее недостаточностью финансирования на первом этапе нашей общей деятельности. По-прежнему корнем зла были вопросы подготовки газа, требующие значительно больших капиталовложений. Причин некачественной подготовки особенно на старых месторождениях газа было более чем достаточно, и не в последнюю очередь создавшееся положение было прямым следствием ставшей традиционной перегрузки технологического оборудования при его абсолютно необходимом обновлении.

Недостаточное финансирование сдерживало модернизацию безнадежно устаревшего технологического оборудования, что существенным образом тормозило требуемое развитие газовой промышленности. Довольно часто наша общая работа переносилась непосредственно на месторождения и трассы будущих трубопроводов, где в тесном взаимодействии со строителями рождался, совершенствовался и реализовывался проект обустройства месторождения и сооружения магистральных газопроводов. В нередко возникавших между нами жарких спорах безупречным и безошибочным судьей выступал наш общий куратор Михаил Васильевич Сидоренко, великолепная личность с уже сложившейся прочной репутацией крупного специалиста и опытного руководителя.

Он пользовался непререкаемым авторитетом в каждом из наших Главков, но, что было особенно важно, с его мнением очень считались строители. В Мингазпроме его считали Главным инженером министерства и для нас с В.А. Динковым он являл собою яркий пример. Думаю, что профессиональный рост Василия Александровича в значительной степени связан с влиянием именно этой личности.

В наших принципиальных и порою бурных спорах с В.А. Динковым поражало и выручало многообразие знаний Ва-

силия Александровича, и неудивительно, что в 1970 году он был назначен заместителем министра. Впоследствии решением нового министра С.А. Оруджева проблемы транспорта и добычи газа перешли от М.В. Сидоренко в ведение В.А. Динкова. Это была ключевая и в высшей степени ответственная должность в министерстве и она требовала не только инженерных знаний, но и знания людей. Как москвич, я владел значительно большей информацией о сотрудниках и их исполнительских способностях, и Василий Александрович был очень внимателен к моим рекомендациям и характеристикам специалистов, особенно, когда речь шла об их возможном выдвижении на более высокую должность. Мы не имели права на ошибку и в этом важном вопросе, так как слишком велика была ответственность. Василий Александрович умел быть внимательным слушателем, когда речь заходила о некоторых тонкостях трубопроводного транспорта газа. У нас были продолжительные беседы по этой проблеме моей инженерной специальности и работы и меня всегда приятно удивляло его мгновенное восприятие предмета обсуждения. Его внимательному отношению к профессиональной информации и не иначе, как впитыванию любой, достойной внимания технической и технологической новизны можно было позавидовать. Через шесть-восемь месяцев Василий Александрович возглавил создание Единой системы газоснабжения страны, изначально решительно поддержанную А.К. Кортуновым. Понятно, что подобная привлекательная идея рождается не в одночасье и осеняет не одну творческую натуру и не одного масштабно мыслящего специалиста. Но безусловно то, что эта, казавшаяся на поверхности и побуждающая амбициозные претензии на приоритет, идея именно В.А. Динковым была глубоко и всесторонне осмыслена и с использованием обширных знаний облечена в стройную и жизнестойкую систему. Безошибочно ориентируясь в технике и технологии и уже завоевав репутацию надежного руководителя, он решительно возглавил реализацию этого грандиозного проекта, оказавшего и продолжающего оказывать огромное влияние на всю стратегию развития газовой промышленности нашей огромной страны тех лет и стран сегодняшнего Союза независимых государств.

Не обойти молчанием и одну черту характера Василия Александровича. У окружавших коллег она вызывала неоднознач-

ную реакцию и смешанные чувства. Речь о его дотошности в вопросах обсуждения различных технических предложений и, что самое неожиданное, о последующей личной перепроверке исполнения согласованных решений. Независимо от того, занимал ли он должность начальника главка, замминистра и даже министра, этому своему, на всю жизнь усвоенному правилу «доверяй, но проверяй», Василий Александрович так и не изменил. Его настырность рождала у части сотрудников чувство беспокойства и пусть и не оправданную, но все же нервозность. И все понимали и не исключали, что после доклада исполнителя о выполненном поручении, на местах, далеко от Москвы раздастся руководящий телефонный звонок и голос Динкова потребует обстоятельного сообщения о достоверности доложенных ему сведений. И сотрудники вновь и вновь убеждались в неизменности сложившейся практики. Опытные коллеги, наученные жизненным опытом, понимали вынужденность этой меры, ибо любой промах или ослабление исполнительской дисциплины в нашем взрывоопасном деле таили куда более тяжкие последствия. И все же их подчас не покидало ощущение неуютности. Помню о впечатлении, которое он произвел на австрийцев в дни нашего совместного пребывания в Австрии в мае-июне 1984 года вместе с немалочисленной советской делегацией на памятных торжествах, посвященных десятилетию с начала экспорта природного газа в эту страну. На традиционный вопрос любезных хозяев руководителю делегации в те годы министру газовой промышленности СССР В.А. Динкову, мол с чем Вы пожелали бы ознакомиться в дни пребывания в Австрии, изумленные австрийцы услышали длинный перечень пожеланий, включающий практику осуществления геологоразведочных работ, бурение глубоких скважин, промысловую подготовку газа и его переработку, подземное хранение газа, транспорт... Хозяева не успевали записывать, становящийся все более внушительным длинный перечень интересующих министра проблем для их включения в программу пребывания в стране высокого гостя... В последний день нашей командировки перед прощанием ко мне подошел знакомый австриец с недоуменным вопросом: «...Слушай, как Вы с ним работаете? Он ведь всё знает!». Надо отметить, что особенный интерес В.А. Динкова вызвал австрийский опыт подземного хранения природного газа. Эта проблема навеяла

мне и более ранние воспоминания, связанные с приходом к руководству министерством Сабита Атаевича Оруджева. На одном из первых заседаний Научно-технического совета с новым министром в конце 1972 года с сообщением о необходимости развития практики подземного хранения газа и увеличения объемов бурения на подземных хранилищах выступили главный геолог министерства В.Г. Васильев и В.А. Динков. После сообщения поднимается С.А. Оруджев и произносит буквально следующее: «Вам, видимо, нечем заниматься... вот Вы и придумали проблему... не слишком ли это расточительное удовольствие. В нефтяной промышленности ведь обходятся без подземных хранилищ и сосредоточены на создании мощностей. Хранилищем же газа можно использовать отработанные месторождения».

В наступивших прениях у меня хватило смелости возразить министру, мол «Сабит Атаевич, Вы не правы...». Чувствуя свою правоту, поддержку коллег и В.А. Динкова, я все более подробно стал излагать преимущества и неизбежные огрехи использования этой технологии. Когда же я остановился на неизбежности безвозвратной потери части закачанного в хранилище газа, это буквально взорвало министра: «Как?! Да тебя за это к стенке...». После такого заявления министра впору было думать о смене работы, но помогла поддежка товарищей по работе и в их числе поддержка В.А. Динкова.

Правда по истечении времени С.А. Оруджев кардинально изменил свое отношение к этому вопросу, став деятельным сторонником этой технологии.

С Василием Александровичем всегда интересно было находиться в загранкомандировках, так как программа пребывания в стране, как правило, включала посещение интересных промышленных объектов. Как и в Москве, он был поглощен лишь делом, помнится в дни пребывания в Швейцарии, где в Лозанне состоялся очередной Всемирный газовый конгресс, по просьбе Василия Александровича мы посетили производственные цеха крупной турбостроительной фирмы, продукция которой использовалась на наших газопроводах. К окончанию посещения одного из цехов мы обратили внимание на суетливость сотрудника внешних связей министерства Н. Белого, настойчиво напоминавшего В.А. Динкову, мол нужно вручить хозяевам привезенный из Москвы подарок. Поглощенный ин-

тересом к новой фирменной продукции, Василий Александрович, по обыкновению, пропустил это малозначительное для него напоминание мимо внимания. Но второе-третье упоминание об этом вызвало у него весьма оригинальную реакцию: «Слушай, отвяжись... в конце концов, если это так важно, вручай подарок сам...». Он был в высшей степени чистоплотен и слово «подарок» его явно раздражало.

Но конечно же, значительно чаще я выезжал с ним в командировки по стране. География была обширной. Западная Сибирь, Коми АССР, Среднеазиатские республики, Закавказье. Особенно запомнилась инспекционная поездка в Закавказье, куда мы прибыли, обеспокоенные ходом выполнения наших обязательств по выполнению Советско-Иранского межправительственного соглашения о поставках иранского газа в СССР. У руководства Мингазпрома вызывали беспокойство темпы сооружения компрессорной станции в Кази-Магомеде, районном центре Азербайджана. Эту станцию по кооперационному соглашению со странами Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) строили специалисты из Болгарии. Возникшие споры о сроках пуска объекта упирались в претензии болгарских строителей к оплате их труда. Нашу делегацию из Москвы они встретили с заведомо согласованной позицией и готовы были отстаивать её всеми силами, не поддаваясь никаким уговорам. Каково же было их изумление, когда с вескими контраргументами к ним обратился заместитель министра газовой промышленности СССР... на чистейшем болгарском языке. Надо было видеть в этот момент выражения их лиц... Они безоговорочно согласились с предложенными сроками и достойно сдержали данные обещания.

Василий Александрович вне всякого сомнения был неординарной личностью, но ему порою, как мы говорили, не хватало мудрости сглаживать отношения с некоторыми своенравными хозяйственными руководителями, пришедшими в руководящую производственную деятельность из могущественной партийной иерархии. Мы наблюдали, как не складывались у него отношения с министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Б.Е. Щербиной, бывшим секретарем Тюменского обкома партии. А сбить принципиального В.А. Динкова с сложившейся точки зрения было попросту невозможно. И новый министр газовой промышленности

С.А. Оруджев прикладывал немало личных стараний, склоняя Б.Е. Щербину к признанию авторитета Динкова и уважительному к нему отношению. Я был свидетелем разговора, когда на раздраженный вопрос Щербины: «Зачем газовикам столько компрессорных станций?», — Оруджев глубокомысленно ответил: «Раз Динков говорит, значит надо...». И в этом не было преувеличения. Мы работали с Василием Александровичем в Мингазпроме вместе до 12 февраля 1985 года. Со следующего дня он возглавил Министерство нефтяной промышленности СССР. И до последнего дня нашей совместной работы не утихали наши споры по различным проблемам развития газовой промышленности. Правда, когда он стал заместителем министра, а затем и министром газовой промышленности, я понимал неуместность спора и тем не менее высказывал свою точку зрения на решение той или иной проблемы. Выполнение же указания руководителя сомнению не подлежало. Хотелось бы отметить, что при всем различии взглядов наши споры никогда не выходили за рамки дозволенного в отношениях между двумя специалистами, озабоченных поиском наилучшего инженерного решения конкретных технических проблем, и никогда не доходили до сведения наших общих руководителей.

Говоря о В.А. Динкове, следовало бы отметить ещё одну сферу деятельности, в которой совершенно неожиданно для нас проявилась его жизненно важная для всего персонала министерства организаторская деятельность. Он задумал и при полной поддержке С.А. Оруджева организовал на местах целую сеть крупных сельскохозяйственных подсобных предприятий — высокоспециализированные животноводческие фермы с племенным скотом и птицефабрики, которые были оборудованы современными цехами по переработке продукции животноводства и птицеводства. Сказались незабытые навыки молодого председателя колхоза первых послевоенных лет в Краснодарском крае. Благодаря дотированию, установленная на эту продукцию цена была чисто символической. Это было время, когда прилавки продовольственных магазинов были пусты, а зарплата служащих не позволяла пользоваться предложением рынка. Четко налаженные систематические поставки продовольствия на сложном этапе нашей истории позволили многочисленному персоналу министерства, ученым отраслевых научных учреждений и другим не только выжить, но и не утратить

работоспособность. И это достижение я ставлю столь же высоко, как и открытие крупного месторождения природного газа. Сегодня обидно слышать, что эта некогда высокопродуктивная деятельность во многих регионах окончательно развалилась.

Помнится, в самом начале 1990 года мы встретились с Василием Александровичем в Полтаве на расширенном совещании членов Всесоюзного научно-технического общества. Собрались нефтяники, газовики, переработчики. Бывшие и действующие руководители нефтяной, газовой, нефтеперерабатывающей промышленности СССР В.А. Динков, Л.Д. Чурилов, Р.И. Вяхирев и другие. Повсюду узнаваемые лица. В один из дней, меня с участником совещания, директором ВНИИгаза А.И. Гриценко пригласил на вечер начальник Полтавского управления Мингазпрома и Гриценко предложил: «А не пригласить ли нам и Динкова?». Сказано — сделано. Через некоторое время мы были уже в гостинице нефтяников, где остановился Василий Александрович. Наше предложение нежелавшие отпускать В.А. Динкова нефтяники встретили «в штыки»: «Не дадим», — и этим всё сказано. Однако, он их уговорил — «Всё же в душе я газовик и с этим ничего не поделаешь». Этому трудно было возразить. При всем своем многогранном таланте руководителя, он больше всего сделал для становления и развития именно газовой промышленности, оставив в сердцах газовиков незабываемую и благодарную память.

Олег Максимович ИВАНЦОВ

Как мне помнится, с Василием Александровичем Динковым мы в 1966 году почти одновременно перешли на работу в Министерство газовой промышленности.

Правда, «перешли» это слишком демократическая, вольная трактовка этого факта. Министр Алексей Кириллович Кортунов назначил В.А. Динкова начальником Главного управления по добыче газа, а меня заместителем начальника Первого главного управления. Уже после подписания приказа пояснил мне:

«Вы ученые позапрятались в институтах, а мне нужен человек, который бы командовал всеми новыми прогрессивными делами и сидел в министерстве». Выбор пал на меня.

Раньше, до работы в министерстве, я не был знаком с Василием Александровичем. Наши главки располагались в одном здании на Кирова, 22. Естественно, встречались. Слушал его выступления на коллегии, на технических совещаниях. Всегда было одно и то же впечатление — профессионал высокого класса, нравилась манера поведения обстоятельного, строгого, но доброжелательного человека.

Пожалуй, более близкое знакомство возникло, когда Первому главному управлению передали все функции по трудному Оренбургскому газоконденсатному месторождению. Получилась неправомерная ситуация. В.А. Динков отвечает за добычу газа по всем месторождениям Советского Союза, кроме Оренбурга. Это вносило целый ряд неудобств в планирование, распределение материальных средств, проведение единой технической политики.

Усложнились взаимоотношения руководителей главков, и тогда я стал единственным приемлемым звеном, через которое с Главгаздобычей координировались действия по добыче газа в Оренбурге.

В это время возникли доверительные отношения с Василием Александровичем, которые не нарушались до конца его жизни.

Одна из самых ярких страниц деятельности В. А. Динко-ва — создание Единой системы газоснабжения страны (ЕСГ). Уже будучи министром газовой промышленности он сам занимался решением важнейших технических вопросов, касающихся газотранспортных магистралей большого диаметра. Следует напомнить, что трубопроводы диаметром 1220—1420 мм составляют 60 % по протяженности ЕСГ. Под его председательством работал своеобразный совет, коллоквиум по газопроводам большого диаметра, на котором обсуждались проблемы металлургов по изготовлению высококачественных труб, защите трубопроводов от коррозии, созданию строительной и сварочной техники для прокладки газопроводов в экстремальных условиях, разработке отечественных газоперекачивающих агрегатов большой производительности с высоким КПД.

Было интересно участвовать в заседаниях этого совета. Можно было смело высказывать свои суждения, предложения, которые не всегда вязались с представлениями начальства.

Именно на этих советах чувствовал огромную инженерную эрудицию и интуицию В.А. Динкова, его -желание находить истину, оптимальные решения. Здесь коллегиально и решалась техническая политика по трубопроводным делам.

Но еще ближе я познакомился и сумел оценить высокие качества Василия Александровича как специалиста и человека, когда началась совместная работа по Межгосударственной научно-технической программе «Высоконадежный трубопроводный транспорт». Решением глав правительств России и Украины академик Б.Е. Патон был назначен руководителем Координационного совета по этой программе, Василий Александрович и я — его заместителями.

Огромный опыт и глубокие знания В.А Динкова позволяли находить самую актуальную проблематику для программы, приглашать нужных исполнителей, ученых и организации.

Мы много спорили при обсуждении законченных исследований, подготовленных нормативных документов на заседаниях Координационного совета. Это были действительно творческие дискуссии. Василий Александрович был немногословным человеком, но его лаконичные суждения отличались продуманностью и точностью.

На нашу долю и на долю директора ассоциации «Высоконадежный трубопроводный транспорт» профессора В.Т. Скляра приходилась основная работа по программе. А на программе были завязаны десятки организаций, сотни ученых и специалистов.

Работа по программе нас подружила и в деловом, и в человеческом плане. Василий Александрович не очень открытый человек, но теперь он с удовольствием рассказывал о внуках, дочери и сыне, замечательная семья и во главе ее самый большой и верный друг — Галина Петровна.

В памяти остались прекрасные вечера, когда после заседаний Координационного совета Б.Е. Патон, почетный член совета Н.К. Байбаков и мы с Василием Александровичем оставались посидеть вместе за накрытым столом, вспомнить события дней минувших.

Как память о деятельности по программе — выпущенные нормативные документы, разработанные новые технологии, трубы для сероводородосодержащих газов, новые методики и материалы для защиты трубопроводов от коррозии и многое другое.

В сотрудничестве В.А. Динкова с Б.Е. Патоном и научными редакторами было издано 16 выпусков Свода правил по сооружению, магистральных трубопроводов, Свода правил для выбора труб для газопроводов и нефтепроводов.

Создание этой библиотеки нормативных документов потребовало непосредственного участия В.А. Динкова. Каждое принципиальное новое технологическое положение обсуждалось, приходилось доказывать его правомерность в Госгортехнадзоре, Госстрое. В этих организациях авторитет В.А. Динкова был непререкаем.

Когда В.А. Динков возглавил Тендерный комитет ОАО «Газпром», он пригласил меня быть экспертом, отдавал на рассмотрение сложные, спорные заключения других экспертов по тендерной документации. И опять мы обсуждали и спорили теперь уже по экспертным заключениям, но всегда приходили к согласию.

Василий Александрович до конца своих дней возглавлял советско-швейцарскую инжиниринговую фирму «СЖС-Энергодиагностика». Он и меня пригласил быть экспертом на этой фирме. Поручал на рассмотрение самые сложные проекты, вроде перехода газопровода через Черное море — «Голубой поток». По всем самым трудным вопросам всегда можно было посоветоваться с Василием Александровичем и получить верную подсказку.

Многому мы научились, да и возраст обязывает к пониманию непреходящих ценностей в жизни.

Вот только ценить своих товарищей, друзей и воздавать им должное при жизни так и не научились.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что Василий Александрович был сполна наделен этой, все более редко встречающейся особенностью человеческой натуры. И ее проявления были самые неожиданные. Помню, как ко дню рождения я подарил ему собственноручно написанную картину и был польщен, что она была вывешена на видном месте в квартире, оттеснив, в художественном отношении более значительные подарки гостей, занимавших куда более высокое положение в стране.

«Ваша картина мне дороже», — подчеркнул он, прочтя в моем благодарном взгляде понятные чувства товарища, к тому же увлекающегося художественной живописью.

Жил на белом свете прекрасный, скромный, цельный человек — Василий Александрович Динков. Умница, великий знаток своего дела, труженик.

Посмотрите, сколько реализованных огромных дел, проектов в топливно-энергетическом комплексе им содеяно.

Страна не голодает, ее кормят, поят нефть и газ. Велика в этом заслуга Героя Социалистического Труда, в прошлом министра газовой промышленности, министра нефтяной промышленности — Василия Александровича Динкова.

Борис Евгеньевич ПАТОН

Моя первая встреча с Василием Александровичем Динковым состоялась, когда он уже был министром газовой промышленности СССР. На одном из заседаний Правительства по делам трубопроводным я с ним и познакомился. Министр запомнился обстоятельным профессиональным докладом, спокойной реакцией уверенного в своей правоте человека на острые замечания.

В ту пору продолжалась техническая революция в газопроводном транспорте, и он стоял во главе решения сложных проблем создания неслыханных до сих пор мощных трубопроводных систем большого диаметра.

Василий Александрович часто обращался в Национальную академию Украины, Институт электросварки Е.О. Патона по проблемам изготовления отечественных труб большого диаметра, в Институт кибернетики по вопросам поиска оптимальных решений по управлению газовой промышленности, по участию в расследовании аварийных ситуаций на трубопроводах.

Он не преминул воспользоваться этим опытом, и когда в 1988 году случилась катастрофа под Уфой на продуктопроводе широкой фракции углеводородов. Василий Александрович уже в ранге министра нефтяной промышленности СССР обратился с просьбой в Институт электросварки помочь разобраться в ее причинах. Обобщив опыт исследования, он выступил одним из инициаторов создания союзной научно-технической программы «Высоконадежный трубопроводный транспорт».

После распада Советского Союза это оказалась, пожалуй, единственная научно-техническая программа союзного масштаба, которая выдержала испытание временем. Руководители вновь образованных государств понимали важность обеспечения надежной и безопасной работы трубопроводного транспорта и утвердили в новой редакции межгосударственную научно-техническую программу «Высоконадежный трубопроводный транспорт».

Как только Василий Александрович освободился от бремени министра, он был приглашен в Программу и утвержден председателями Совета Министров России и Украины в качестве заместителя руководителя Координационного совета. Почти до конца своей жизни он оставался верен работе по Программе. В руководстве Координационного совета реализовывались его уникальные знания и огромный опыт в области нефтяной и газовой промышленности. В рамках Программы разрабатывались нормативные документы, наиболее сложные проблемы трубопроводного транспорта.

Василий Александрович досконально разбирался в каждом вопросе, помогал их решать.

Его знания и бескомпромиссность, человеческая добропорядочность вызывали огромное уважение. С большой ответственностью Василий Александрович принимал важные технические решения. С его непосредственным участием создана целая библиотека различных нормативов, в том числе «Правила сооружения газопроводов», «Правила выбора труб для нефтяной и газовой промышленности». По этим документам выбирают трубы и строят в настоящее время все газопроводы на территории России и стран СНГ. Это был его последний творческий вклад в любимое дело, в развитие газовой промышленности.

Василий Александрович был удивительно простым в общении, доброжелательным и обязательным.

Скромность этого большого человека такова, что о многих чертах его яркой биографии узнал только после его ухода из жизни.

Больше всего запомнились вечера, когда после очередного заседания Координационного совета вместе с Василием Александровичем, почетным членом совета Н.К. Байбаковым и профессором О.М. Иванцовым подводили очередные научные ито-

ги деятельности по Программе, а потом вели неспешный душевный разговор, вспоминая дела минувших дней.

Светлая память о Василии Александровиче Динкове — организаторе газовой и нефтяной промышленности, замечательном человеке надолго сохранится в сердцах его коллег и товарищей по совместному труду и в грандиозных свершениях топливно-энергетического комплекса нашей, некогда общей, страны и сегодня поражающих глубиной инженерной мысли и непревзойденным масштабом.

Иван Спиридонович НИКОНЕНКО

С В. А. Динковым мне довелось познакомиться в середине 60-х, когда он возглавлял Главное управление по добыче газа.

Я в ту пору работал в службе автоматизации и КИПа Шебелинского месторождения, обеспечивающего добрую четверть общесоюзной добычи природного газа. В то время здесь переходили с кустовой на более прогрессивную групповую систему сбора газа с лучевыми шлейфами, что затрагивало и средства автоматизации. Для решения различных производственных вопросов мне доводилось бывать в Москве на улице Кирова, 13, где располагалось Министерство газовой промышленности, а в соседнем с ним здании под номером 22 находилось Главгаздобыча.

Василий Александрович проявлял большой интерес к внедрению на Шебелинке методов интенсификации добычи, и у меня с первой же личной встречи сложилось о нем впечатление как об очень грамотном, широко и творчески мыслящем специалисте. В его вопросах проявлялось детальное знание производственных проблем. Это впечатление еще больше окрепло после его выступлений на совещаниях в министерстве, где мне порой тоже доводилось бывать. Чувствовались очень солидная производственная школа, пройденная на Кубани, богатейший опыт практической работы.

А вскоре судьба вновь свела меня напрямую с В.А. Динковым. Но было это уже за тысячи километров от столицы на Пунгинском месторождении, в Западной Сибири, куда отрасль призвала меня, как и многих, для освоения первых открытых

здесь газовых кладовых. По решению правительства тогда спешно строился газопровод Игрим — Пунга — Серов для подачи природного газа с Березово-Игримской площади на промышленный Урал. Сроки ввода газовой магистрали были жесткими, а тут как на грех ЧП! При испытании и продувке газопровода на переходе через реку Пунга образовалась гидратная пробка. Тут же в Пунгу прилетели В.А. Динков и ряд других работников министерства. «На орехи» досталось всем, в том числе и нам, промысловикам. Я, было, выступил за справедливость, что у нас, мол, все в порядке, но Василий Александрович меня и слушать не стал. «Ты, брат, здесь как председатель колхоза, потому и отвечаешь за все», — сказал он мне, тогда заведующему промыслом.

Меня это сравнение удивило и, признаюсь, даже обидело, пока не узнал, что Динков сам в прошлом был председателем колхоза и в короткий срок сумел захудалое хозяйство вывести в передовые. Урок тот запомнился мне надолго. Понял, что у всех нас, газовиков, дела в порядке только тогда, когда газ в полном объеме поступает потребителю. Все мы — одно целое.

Вспоминаю, как позже, в 1972 году будучи главным инженером Игримгаза, проходил переподготовку на курсах в Москве. В составе нашей группы директора и главные инженеры головных предприятий отрасли, люди, как говорят, битые и тертые, дело знающие. И надо было видеть, с каким вниманием все слушали Василия Александровича, когда он, уже заммини-стра отрасли, пришел к нам на занятия.

Его выступление нам всем запомнилось и доскональным знанием проблем, стоявших перед производственниками, и умением просто и понятно раскрыть пути совершенствования технической политики и структурных преобразований в отрасли и масштабностью его мышления. С какой охотой и щедростью он делился с нами своими знаниями и опытом! И как они пригодились нам в самом ближайшем времени!

Уже с 1972 года на газовом Севере начался невиданный разворот работ.

При освоении крупнейшего по тому времени месторождения Медвежье пришлось решать грандиозные задачи по налаживанию добычи газа, его подготовке и транспорту, и все это в необжитой местности, в условиях многолетней мерзлоты. Сроки освоения месторождения предельно сжатые, объемы

добычи колоссальные и, естественно, темпы работ головокружительные, такие, что день с ночью путался.

Конечно же, и правительство страны, и руководители отрасли оказывали нам большую помощь: для ускорения хода работ были закуплены по импорту комплектные промысловые установки, обеспечивались оперативные поставки необходимого оборудования и материалов, направлялись опытные специалисты. Практически постоянно у нас находился кто-либо из руководителей отрасли: министр А.К. Кортунов, а затем сменивший его С.А. Оруджиев, их заместители В.А. Динков, А.Г. Гудзь, Ю.П. Баталии.

И тем не менее проблем нам, производственникам, хватало. Ведь Медвежье фактически стало полигоном, где ставился впервые гигантский научно-технический эксперимент, когда множество вопросов в совершенно новых экстремальных условиях приходилось решать на грани риска. Впервые внедрялся блочный метод строительства, когда возведение объектов в значительной мере превращалось в сборку уже готовых узлов, использовалась кустовая система расположения и разбуривания скважин, одновременно с монтажом и наладкой импортного оборудования осваивался опыт его эксплуатации, внедрялись собственные разработки.

Тут-то и пригодилась школа, пройденная нами под руководством опытных наставников, к которым с полным правом отношу В.А. Динкова. Эта школа обеспечила освоение месторождения в установленные правительством сроки, помогла вырасти и таким известным в отрасли специалистам и руководителям как Ю.И. Топчев, В.В. Ремизов, Р.С. Сулейманов, Л.С. Чугунов, А.Г. Ананенков, В.И. Кононов. Что касается меня, то, начав здесь работу начальником производственно-диспетчерской службы газопромыслового управления, я вскоре был назначен главным инженером производственного управления «Надымгазпром», а в 1978 году стал руководителем только что организованного Уренгойского производственного объединения по добыче газа.

На 70-е годы Уренгойское месторождение оценивалось примерно в половину всех разведанных запасов природного газа в СССР. О темпах его освоения можно судить по первой промысловой установке. Монтаж ее оборудования был начат летом 1977 года, а вступила она в эксплуатацию уже в апреле

1978 года. И такое ускорение работ опять-таки не обошлось без В.А. Динкова. Дело в том, что первоначальный проект разработки месторождения, уже одобренный министром С.А. Оруджевым, базировался на не апробированной турбодетандерной схеме. Имел этот проект и множество других каверзных «подводных» камней.

Нелегко доказать несостоятельность решения, одобренного руководителем отрасли. Нам с Е.Н. Алтуниным — тогда начальником Тюменгазпрома, с техническими расчетами в руках пришлось многих переубеждать, обратиться за поддержкой и к заместителю министра Динкову. С его помощью была принята эффективная технология освоения месторождения с сооружением установок комплексной подготовки газа (УКПГ), позволяющая использовать скважины и технологическое оборудование большой единичной мощности. В итоге производительность промысловых установок последовательно возросла от 7,5 до 15—25 млрд $м^3$ в год.

Вспоминается и такая ситуация. Строители и монтажники, используя комплектно-блочный метод, сооружают очередную УКПГ с опережением графика, а буровики отстают: у нас работает лишь одна организация Тюменбургаза. А без скважин, понятно, новые установки не запустишь. Мало того, скважины если и бурятся, то с нарушением технологии, что может в дальнейшем обернуться авариями. И хотя бурение — не моя «епархия», я, помня слова Василия Александровича, что руководитель в ответе за все, обращаюсь к нему, как к министру с просьбой своевременно исправить ситуацию.

Динков вызвал меня в Москву, внимательно выслушал и тут же пригласил к себе М.И. Агапчева — заместителя министра, курирующего буровые работы. Тот прямо от дверей на повышенных тонах ко мне: «Что Вы лезете не в свое дело..!». Василий Александрович кулаком по столу: «Прекратите истерику! Серьезные вопросы не криком решают». И ко мне: «Высказывайте свои предложения».

Я доложил, что на Уренгое мы уже дошли до глубинных пластов — валанжина и сеномана и бурить надо порядка миллиона метров. Тюменбургазу в одиночку с такой задачей не справиться. В результате отставания буровиков строители потеряют темп, и постановление ЦК партии и правительства будет сорвано. Между тем, на Кубани и на Украине у бурови-

ков имеются свободные силы. Используя их, можно создать мощный буровой кулак и своевременно исправить положение.

Динков к Агапчеву: «У Вас есть принципиальные возражения против предложенного варианта? Нет? В таком случае готовьте к заседанию коллегии проект постановления».

Решение было принято, и отставание буровиков в строительстве скважин ликвидировано.

Василий Александрович не терпел бесхозяйственности, во всем любил порядок и любое его нарушение принимал близко к сердцу. В период эпопеи активного сбора металлолома после критической статьи «Металл в тундре» в газете «Правда», появилась подобная заметка и в газете «Социалистическая индустрия». В ней корреспондент, ссылаясь на слова Р.В. Хворостяновой, одного из лучших уренгойских операторов, утверждал, что на Уренгое разворовано пять буровых станков. В тот же день звонок от Динкова:

— Что там у тебя происходит? Как это станки разворовали?

— Да ерунда это, Василий Александрович, — отвечаю. — Корреспондент что-то перепутал. Все наши станки в работе. И не могла Хворостянова ему такую чушь сказать.

— А ты с ней разговаривал по этому поводу?

— Признаться, нет, — говорю. — Да я в ней и так уверен.

— Это тебя не украшает как генерального директора. Ты должен все знать досконально. Разберись и если напечатано вранье, пусть корреспондент напишет опровержение.

Выполнить это распоряжение оказалось не просто. Злополучного корреспондента мы едва разыскали. Он находился под приличным подпитием и так и не смог объяснить, откуда он взял эти данные.

Динков не уставал повторять, что в работе газовика не бывает мелочей. Блестяще владея технологией добычи, подготовки и транспорта газа, он свободно разбирался в любых, порой самых сложных, проблемах. Внимательно их рассматривал и умел принять самое оптимальное и взвешенное решение. Ошибок виновным не прощал, но всегда был справедлив и объективен. На моей памяти при нем не прошло ни одного авантюрного решения. Он не боялся брать на себя ответственность. Характерен в этом плане эпизод, произошедший с ним в 1970 году, в пору назначения его заместителем министра. На нем от-

ветственность за транспорт газа. Как сам Василий Александрович рассказывал, рабочий день он проводил в кабинете, а вечером обычно, запасшись любимыми пирожками с ливером, шел в Центральное диспетчерское управление (ЦДУ) проследить за работой системы газоснабжения. Тогда вводилась в эксплуатацию магистраль Вуктыл — Ухта — Торжок и надо было на одном из участков трубу спрессовать. И совпало, что в это же время требовалась опрессовка на газопроводе Средняя Азия — Центр. Не делать — сорвешь пуск магистралей, а делать опрессовку одновременно — риск, вдруг трубы порвутся. Решили в интересах дела рискнуть. И случилось по закону подлости: порвалась нитка на газопроводе Средняя Азия — Центр, а через час произошел разрыв на Ухте. Причем на Ухте порвалось серьезно — разворотило весь крановый узел.

Дальше приведу рассказ самого Динкова.

«Узнав о случившемся, ко мне в кабинет тут же пришел Оруджев, стал упрекать: зачем, мол, пошел на такой риск. Я ему: «А если бы в разное время порвалось, что было бы лучше? Только времени на восстановление ушло бы больше. А теперь ясно, и там и там надо все быстро сделать». Я собрал оперативные бумаги, купил пирожков и ушел в ЦДУ. Стали там с ребятами подсчитывать, на сколько хватит оставшегося в трубе газа. Подсчитали: в два часа ночи подача газа в Москву прекратится. Восстановить газопроводы к утру не успеют. Значит надо отключать химию, металлургию...

Позвонил председателю Госснаба СССР и заместителю председателя правительства В.Э. Дымшицу, доложил о ситуации. Он спросил, когда мы сможем восстановить подачу газа. Не раньше середины дня. «Что ж, отключай, — говорит, — только на меня не ссылайся. Пока наверху разберутся, как раз середина дня и будет. Успеете к этому времени, то вывернешься».

Отключили. За ходом восстановления следим постоянно. В 9 утра звонок из ЦК партии: «Что у вас произошло?» Объяснил. «Отрывать от дела не будем, — говорят, — Работайте, но счет времени идет на минуты, не забывайте об этом.»

Ребята на трассе не подвели. К обеду подача газа была восстановлена. Напряжение спало. И тут звонит С.А. Оруджев:
«Ты где?» — спрашивает.

— Как где? В ЦДУ. Все сделали, восстановили.

— Звонили тебе?

— Да. И из правительства, и из ЦК.

— И что?

— Ничего. Объяснил ситуацию. Люди все восприняли нормально.

Позже я зашел к Сабиту Атаевичу и откровенно высказал ему, что человек должен работать и не бояться, что его руководитель отстранится при неприятностях. Разговор повлиял — министр стал доверять моим решениям.»

После того, как не стало Оруджева, министром газовой промышленности был назначен Динков. Этот период начала 80-х характеризовался разработкой еще одного гиганта газодобычи на Севере — Ямбургского месторождения.

Расположенное в Заполярье оно осваивалось вахтово. Уренгой и Надым стали его базовой основой, и мы оказывали всемерную помощь. Министра тогда заботило налаживание добычи и транспорта с этого и ряда других вновь открытых месторождений, повышение эффективности работы. По его инициативе были проведены преобразования в структуре центрального аппарата министерства с организацией ряда главных управлений по транспортировке и поставкам газа. За период работы В.А. Динкова на посту министра газовой отрасли объем добычи вырос на 30 % и достиг 600 млрд $м^3$ в год, был налажен транспорт газа по сверхдальним газопроводам большого диаметра, в том числе трансконтинентальной магистрали Уренгой — Помары — Ужгород.

В 1985 году в сложный период для нефтяной промышленности Динков был назначен ее министром. Встречаться мне с ним приходилось редко, так как он со всей своей энергией полностью отдавал себя улучшению деятельности этой отрасли.

После выхода на пенсию Василий Александрович продолжал работать, и мы с ним часто виделись, особенно когда он возглавил тендерный комитет по строительству газопровода Ямал — Европа. Я к этому времени стал руководителем акционерного общества «Газавтоматика», образованного на основе всесоюзного научно-производственного объединения. Участие в создании систем управления, связи, телемеханики для указанной магистрали было бы почетным заданием для Газавтома-тики. Василий Александрович при рассмотрении тендерных предложений был, как всегда, принципиален, отдавая предпоч-

тение тем, кто бился за работу, а не за деньги. А ведь в тот период были и надуманные организации, специалисты которых не имели должной квалификации. Всеми правдами и неправдами они стремились добиться выигрыша в тендере. Их останавливало веское мнение В.А. Динкова. Нам он доверял, поскольку знал вклад специалистов Газавтоматики в автоматизацию производств, в развитие отраслевой информационно-управляющей системы. Но не обошлось без замечаний и предложений. Следуя его рекомендациям, мы создали консорциумы с рядом отечественных и зарубежных фирм для оперативного, комплексного выполнения работ. В результате тендер на создание автоматизированной системы управления технологическими процессами газопровода Ямал — Европа мы выиграли совместно с фирмой «Сизека», а в работах по автоматизации магистрали «Голубой поток» сотрудничаем с фирмой «Сименс».

В декабре 2002 года В.А. Динкову исполнилось бы 78 лет. Его жизнь вместила и военные годы в действующей армии, учебу и полувековой период, отданный развитию топливно-энергетического комплекса страны. Наш святой долг сохранить память об этом талантливом организаторе производства, крупном хозяйственном руководителе, жизнерадостном и добром человеке.

Виктор Евгеньевич БРЯНСКИХ

Мое знакомство с Василием Александровичем Динковым состоялось в его бытность начальником Главного управления по добыче газа в начале 1970 года. В предверие обсуждения вопроса организации министерской службы вычислительной техники необходимо было заручиться важной поддержкой руководимого им Главка. В ходе подготовки к заседанию Коллегии я обратился к Василию Александровичу за поддержкой. Получив пакет наших предложений, он немедленно направил его с соответствующей резолюцией на рассмотрение главному инженеру Анатолию Григорьевичу Гудзю. И тут возникла совершенно непривычная ситуация. Специалист высокой квалификации А.Г. Гудзь, не задерживая бумаги, расписался в решительной поддержке предложений, о чем я был немедленно про-

информирован. Когда же окрыленный успехом в предвкушении окончательного согласования вопроса я вошел к В.А. Дин-кову, доложив ему о положительном отношении к проблеме главного инженера, то к своему удивлению вдруг услышал:

«Давай обсудим проблему подробно, в деталях...». И вооружившись логарифмической линейкой, он приступил к детальному ознакомлению с подготовленными к заседанию Коллегии материалами. Пункт за пунктом, страницу за страницей мы прошли весь проект. Одна из задач требовала не только автоматизировать получение статистической справочной информации, но и использовать моделирование конструкции газопроводов и их расчетов... И хотя вопросы были узкопрофессиональные, Василий Александрович, тем не менее, проявил завидную компетентность. В конце того же 1970 года В.А. Динков стал заместителем министра и на повестку дня была вынесена реализация одного из крупных проектов Средняя Азия — Центр. Я вновь стал свидетелем того, как несмотря на уже имеющиеся положительные отзывы, он с поразительной настойчивостью, верный, видимо раз и навсегда установленному для себя правилу, приступил к дотошному рассмотрению проекта. При этом он отводил себе роль оппонента, требующего доказательности по каждой позиции. Мы начинали привыкать к складывающемуся порядку вещей.

С приходом в отрасль многоопытного Сабита Атаевича Оруджева, руководителя с сложившейся репутацией в высших эшелонах власти, востребованность знаний В.А. Динкова лишь возросла. Стратегическое мышление С.А. Оруджева и взвешенность в выборе путей достижения общегосударственной цели естественным образом дополнялись глубокими инженерными знаниями неутомимо работоспособного В.А. Динкова. В бюрократической государственной системе тех лет важнейшим вопросом отраслевого министерства был вопрос планирования его финансово-хозяйственной деятельности. Сама техника принятия решения Госпланом СССР требовала от представителя министерства недюжинных способностей неизбежного противопоставления всесилию центрального планирующего органа, убедительных контраргументов в защиту отстаиваемой позиции. И, как это не может показаться неправдоподобным, Мингазпрому удавалось добиваться корректировок, казалось незыблемой позиции «Господина Плана». И основная заслуга в

этом принадлежала В.А. Динкову. Оппонентом ему в Госплане выступал всегда вооруженный весомыми аргументами-контраргументами Борис Иванович Ксенз. Для руководящих работников отраслей топливно-энергетического комплекса страны это имя было более чем многозначительным. У Б.И. Ксенза всегда был свой сценарий развития газовой промышленности, который нередко не совпадал с предложениями отраслевиков. В многотрудных и высокоответственных дискуссиях с ним позиции Мингазпрома защищал достойный оппонент, и результатом нередко бурных обсуждений всегда был достигнутый компромисс. Стороны приходили к общему инвестиционному знаменателю, оптимальной технической политике и глубоко продуманной внешнеэкономической стратегии. Особенно наглядно это проявилось в 1971 году при окончательном выборе южного направления маршрута магистрального газопровода проекта обустройства газового месторождения Медвежье, выдвинутого Ю.П. Баталиным и В.А. Динковым. И это при том, что принятие северного варианта считалось уже делом предрешенным. Доводы В.А. Динкова всегда отличала безупречная убедительность глубокой инженерной проработки вопроса. Шла ли речь о защите позиции министерства в Госплане СССР, об оппонировании автору той или иной технической идеи или о защите собственных технических доводов перед членами Коллегии либо перед министром. Он был неоспоримо убедителен и жил завидной жизнью увлеченного своим трудом человека. В конечном итоге Василий Александрович сосредоточил в себе не только планирование, но и реализацию проектов, включая решение бесчисленного множества проблем материально-технического снабжения, контроль деятельности строителей и приемку сдаваемых ими объектов. Детальное владение всей полнотой входящей в отрасль производственно-технической информации позволяло заместителю министра Динкову осуществлять руководство и координирование всей многотрудной деятельности огромного производственного механизма газовой промышленности. Он был не просто удобен министру Кортунову и министру Оруджеву. Они, такие разные в жизни, были на редкость единодушны в оценке удивительного инженерного дарования своего заместителя и в отношении к нему. Сегодня, по истечении времени можно с полной уверенностью утверждать, что достижение тех феноменальных результатов,

которые стали реальностью в годы максимального напряжения сил строителей и эксплуатационников объектов газовой промышленности в ином, отличном от того времени отношении, было бы немыслимым. Сегодня самая богатая фантазия с трудом представляет саму возможность сооружения и сдачи в эксплуатацию до 70 компрессорных станций и до 10 тыс. км магистральных газопроводов в год. А ведь речь идет о реальных свершениях 1970-х годов, к величайшему и до конца неосознанному счастью современников, спасших сегодняшнюю Россию.

Василий Александрович уделял особое внимание новой технике и технологии. Одна из постоянно занимавших его проблем — оптимизация рабочего давления в магистральном газопроводе — привела его к мысли о повышении его до 100 атмосфер. Его оценки и суждения по этому вопросу опережали время. Сегодня, когда по истечении времени мы имеем участки газопроводов с давлением в 84 и 100 атмосфер, а на повестке дня реализация проекта «Голубой поток» по сооружению газопровода под Черным морем в Турцию под давлением в 250 атмосфер, мы имеем дело с воплощенной либо воплощаемой в реальность революционной инженерной мысли Василия Александровича о газопроводах будущего. Он всеми силами приближал этот технологический прорыв, настойчиво указывая отечественным и зарубежным поставщикам труб для магистральных газопроводов эти новые ориентиры. Такие мировые производители газопроводных труб большого диаметра, как германская «Маннесман» и итальянская «Италсидер» всегда с заинтересованным вниманием относились к рекомендациям Василия Александровича, черпая в них высокоавторитетные суждения о перспективах развития трубопроводного транспорта природного газа.

К концу 1970-х годов Василий Александрович владел всей полнотой инициативы по формированию в стране Единой Системы Газоснабжения, неоспоримые преимущества которой нашли свое подтверждение в суровую зиму 1978—1979 годов, когда была предотвращена реальная угроза нарушения поставок природного газа на огромные территории юга страны. Это было время тяжелых испытаний для всей отрасли и в первую очередь для В.А. Динкова. К повсеместно наступившим лютым морозам прибавилось прекращение поставок газа из Ирана, откуда он регулярно поступал в объеме 10 млрд $м^3$ в год

(30 млн м^3 в сутки) в соответствии и советско-иранским соглашением. Новая иранская власть разорвала экономические отношения с нашей страной. В создавшихся в стране тяжелейших условиях газоснабжения необходимо было принятие срочных, глубоко продуманных мер по изменению направления газовых потоков. Это были дни и недели суровейших испытаний всего министерства и его руководства на зрелость в условиях небывало морозной зимы при нарушенном балансе поставок газа потребителю. К угрозе прекращения поступления газа в квартиры прибавилась и угроза прекращения его подачи на электростанции, где все интенсивнее в качестве резервного топлива использовался природный газ. Зона неотвратимо надвигавшегося бедствия охватывала юг страны, Кавказ и Закавказье. Василий Александрович срочно вылетел на трассу. Все эти дни я находился рядом и был непосредственным свидетелем и участником предпринимавшихся чрезвычайных мер в обстановке, больше напоминавшей военную. Мы объездили всю трассу Кази Магомед — Казах — Моздок — Тбилиси. Эта вынужденная инспекция еще раз воочию убедила в уникальности результатов труда строителей и эксплуатационников. Трасса, которая пересекла Кавказ с юга на север, не имеет аналогов в мировой практике ни по мощности, ни по высотным отметкам. При всех, казавшихся непреодолимыми, возникших сложностях Василий Александрович ни на минуту не утратил самообладания. Его безошибочная оценка ситуации и четкие указания по оперативному восстановлению газоснабжения огромного региона отражали и абсолютное владение информацией, и знание технических параметров конкретных компрессорных станций нарождающейся системы газоснабжения страны, и уверенность в надежно работающей связи с Центральным диспетчерским управлением. И буквально час за часом переориентированные потоки спасительного газа северных месторождений, а с ним тепло и электроэнергия, следуя оперативно разработанному графику, устремились в заданном направлении. Это было одно из первых испытаний ЕСГ в форсмажорных обстоятельствах. И его выдержали все звенья системы.

Сегодня обидно сознавать, что созданная в свое время уникальная газопроводная система, рассчитанная на поставку в регион до 20 млрд м^3 газа в год, если и используется, то разве что символически. Рухнувшая экономика самостоятельных за-

кавказских стран с ослабленными, а то и разорванными экономическими связями оказалась не в силах совладать с доставшимся им уникальным наследством, по большей части превращенном в груду ржавеющего металла. Одним из выводов из истории с иранским газом стала интенсификация работ по разработке программы освоения разведанных месторождений природного газа на Ямале. У В.А. Динкова все более регулярно, с участием ученых заслушивались проектные разработки предлагаемых технологий, сообщения о состоянии инфраструктуры, уточнялись извлекаемые разведанные запасы газа.

В начале 1980-х годов мы ощущали приближение развязки в решении судьбы газовых богатств Ямала. Все чаще на страницах печати появлялись журналистские прогнозы ближайшего наступления на этот северный полуостров. Ямал с его тремя десятками разведанных месторождений природного газа имел подготовленными к промышленному освоению месторождения Новопортовское, Бованенковское, Харасавейское, Крузенштерновское, открытые соответственно в 1964, 1971, 1974 и 1976 годах, суммарные извлекаемые запасы которых составляют 10,2 трлн м^3. Будущий газопровод Ямал — Европа предполагалось соорудить коллективными усилиями и средствами стран — членов СЭВ, объединенных в единый Консорциум. «Ямал» стало названием первого снегоболотохода грузоподъемностью 70 т, созданного в результате многообещающего совет-ско-канадского научно-технического сотрудничества...

Однако предпочтение было отдано альтернативному проекту «Ямбург — Гамбург», и с середины 1980-х годов к западной границе устремились пятидесятишестидюймовые газопроводы с природным газом открытого в 1969 году месторождения Ямбург. Освоение Ямала переносилось на более поздний срок.

Ко всему сказанному следует добавить, что работал Василий Александрович абсолютно не считаясь со временем. Его рабочий день начинался в 8 ч утра и завершался не ранее 10 ч вечера. В субботние дни делалось исключение. Он переступал порог кабинета в 10 ч утра и оставлял его к 24 ч, прихватив с собой «на воскресенье» ворох бумаг. Министр Оруд-жев, по заведенному в министерстве порядку, в субботу оставлял кабинет в 16 ч, каждый раз при этом повторяя: «Мы уходим, а вот Динков продолжает работать...».

При всей огромной занятости В.А. Динков был человеком коммуникабельным. В повседневной министерской жизни даже случайная встреча с ним оборачивалась обязательным напоминанием прерванного накануне обсуждения либо обмена мнениями по нескончаемым вопросам производства, терпеливым выслушиванием собеседника. У него всегда находилось время внимательно выслушать просителя, и удивляла учтивость, с которой он относился к нередким просьбам сослуживцев. Его, без преувеличения, самоотверженная увлеченность работой подчас оборачивалась опасными для здоровья последствиями, но это его не останавливало. Как-то после бессонной ночи в кабинете он почувствовал острую боль в глазу. На оказавшихся рядом сослуживцев он смотрел сквозь застилающую глаз кровавую пелену. Не выдержав подскочившее давление, лопнули капилляры роговицы. Настояния врача, мол, — нужен покой... можете потерять глаз..., — остались без внимания, и забинтованный он продолжал сосредоточенные обсуждения все более напряженных планов, не пропустив ни одного рабочего дня.

Он задавал динковский тон отношению к работе, совокупный результат которой представлен славной историей удивительных свершений в двух важнейших отраслях топливно-энергетического комплекса страны, в газовой и нефтяной промышленности. Сегодня трудно себе представить реальность нашей недавней истории, когда каждые 5-6 лет в стране удваивалась протяженность вступающих в строй магистральных газопроводов, а их по-прежнему не хватало. К 90-м годам XX века отечественный опыт и отечественная инженерная мысль обеспечили создание непревзойденно мощной газопроводной системы, и история по праву отвела Василию Александровичу Динкову имя её неустанного архитектора и созидателя.

В характере Василия Александровича спрессовались поразительное трудолюбие и неравнодушное отношение ко всему новому и прогрессивному. Ни время, ни болезни, ни отрешенность в последние годы жизни от крупномасштабных воистину динковских свершений, не охладили этого его душевного пыла.

Помню, как в начале 2001 года мы случайно встретились с ним по дороге из поликлиники. Надо было видеть всполохи живого огня во взгляде, когда он обратился с вопросом: «Ну как у Вас с «Голубым потоком»?

Жить ему оставалось несколько недель, но, как и в первые дни далеко ушедшей молодости, жизни иной, вне связи с беспокойными буднями он не мыслил. Таким и остался в памяти коллег Василий Александрович Динков.

Николай Андреевич САВОСТЬЯНОВ

Мои воспоминания о Василии Александровиче Динкове не претендуют на большую полноту, поскольку мне довелось работать и общаться с ним относительно недолгое время, на протяжении тех 4-х лет, когда он был министром нефтяной промышленности (1985—1989 годы). Сменил он на этом посту Н.А. Мальцева, который был отправлен в отставку несколько неожиданно для нас — работников министерства, хотя мы и чувствовали неудовлетворенность в «верхах» его деятельностью в связи с некоторым снижением уровня и темпов добычи нефти в СССР.

В те годы кадровые перемещения осуществлялись партией и правительством без предварительного согласования с освобождаемыми от должности, и поэтому Николай Алексеевич узнал о своем снятии только по телевизору из программы «Время» (как он сам об этом позже рассказывал).

Василий Александрович пришел в Миннефтепром из газовой промышленности, где он уже был министром. Его приход был воспринят, как стремление ЦК КПСС укрепить руководство нефтяной отраслью, поставив во главе ее человека, проверенного на деле, хорошо зарекомендовавшего себя у газовиков; он стал к тому времени Героем Социалистического Труда. И все же аппарат Миннефтепрома воспринял приход Динкова с некоторой настороженностью. Он не был профессионалом-нефтяником и, хотя наши отрасли технологически очень близки, высказывались опасения, что новому министру будет непросто войти в многопрофильное и хлопотливое нефтяное хозяйство.

Однако эти опасения оказались беспочвенны. Уже вскоре после прихода Динкова в министерство, стало ясно, что Василий Александрович прекрасно разбирается в нефтяных делах, причем делает он это основательно, глубоко вникая в суть рас-

сматриваемых проблем. Практически никакого времени на адаптацию ему не понадобилось. Я убедился в этом, когда, дней через десять после своего назначения, новый министр пригласил меня, как начальника Геофизического управления, в свой кабинет для знакомства с делами и проблемами нефтяной геофизики. Разговор был очень заинтересованный, беседа шла более часа. Василий Александрович оказался прекрасным собеседником. Он не прерывал моего рассказа, был очень внимателен, располагал к себе несомненными глубокими знаниями и уважительным отношением. При разговоре я понял, что Василий Александрович неплохо знает геофизику, хотя в Мингазпроме она была маломасштабной, ее роль ограничивалась лишь каротажными исследованиями, а сейсморазведочных работ под эгидой Газпрома вообще не велось. Помню в заключение он сказал мне добрые слова о высоком интеллекте геофизиков и выразил уверенность, что время позволит ему влезть поглубже в геофизические проблемы.

Вскоре после первой встречи с новым министром его первый заместитель Владимир Юрьевич Филановский, который курировал правление геофизики, предложил организовать посещение В.А. Динковым нашего вычислительного центра (ВЦ) Центральной геофизической экспедиции (ЦГЭ). Мы очень гордились этим ВЦ. В.Ю. Филановский небезосновательно называл ЦГЭ — мозговым центром нефтяников и очень нас поддерживал во всех начинаниях, помогал в деле обустройства ЦГЭ, закупки импортного компьютерного оборудования. Действительно, по тем временам внешнее убранство вычислительного центра и могучий научно-технический потенциал его кадрового состава были на мировом уровне.

Во всем этом Василий Александрович убедился воочию во время своего посещения ЦГЭ, хотя эмоционально все выглядело достаточно спокойно. Он по-деловому интересовался делами геофизиков, задавал много вопросов руководству управления и ЦГЭ, но не высказывал никаких особых восторгов по поводу увиденного и услышанного. Просто сказал, что удовлетворен этим посещением и обещал помогать в будущем. А у Динкова слова никогда не расходились с делом.

Через некоторое время он предложил мне подготовить на коллегию министерства вопрос об укреплении геофизической службы и дал три месяца на подготовку. Никогда прежде гео-

физиков на коллегии не слушали. Наш предыдущий министр говорил, что геофизики — это люди на подхвате, что они порой своими исследованиями лишь мешают буровикам ставить рекорды скоростей проходки скважин, что было, конечно, несправедливо.

С приходом В.А. Динкова отношение к геофизической службе в министерстве в корне изменилось. Он ясно видел и высоко ценил роль нефтяной геофизики в поиске, разведке и разработке месторождений, как службы, дающей очень нужную информацию о строении и вещественном составе нефтяных залежей, о количественных характеристиках пластов.

Это нашло выражение в историческом (для нас, геофизиков) приказе «О мерах по укреплению геофизической службы Министерства нефтяной промышленности», подписанном по итогам коллегии. Затем последовало постановление Совета Министров СССР об утверждении меня — начальника Управления промысловой и полевой геофизики — членом коллегии министерства нефтяной промышленности СССР, что было, по-моему убеждению, выражением глубокого понимания министром В.А. Динковым важного места геофизической службы в нефтяной отрасли.

Как член коллегии, я, посещая ее заседания, всякий раз убеждался в блестящих административных и деловых качествах Василия Александровича. Заседания были всегда хорошо подготовлены, как и сам председатель коллегии — министр. Он приходил на коллегию, как правило, уже досконально изучив обсуждаемый вопрос и имея по нему свое личное мнение, которое он стремился либо подтвердить, либо изменить в зависимости от результатов обсуждения. Поэтому вопросы рассматривались очень конкретно, по-деловому, без излишних словопрений.

В то же время Василий Александрович вел коллегию очень корректно, без ставших у нас привычными на прежних коллегиях разносов. Критика была иногда жесткой, но всегда справедливой. Его выступления на коллегиях отличались хорошим знанием обсуждаемой проблемы, высоким профессионализмом. Я вспоминаю, что идти на коллегию было удовольствием, без боязни, что на тебя могут посыпаться незаслуженные обвинения.

И вдруг, как «снег на голову» в августе 1989 года нам сообщили, что Василий Александрович Динков освобожден от должности министра в связи с уходом на пенсию.

А ему еще не было 65-ти. Говорили, что виною тому был не возраст, а иные причины, в частности, железнодорожная катастрофа под Уфой, когда в результате прорыва трубопровода погибли люди. Но, когда этот трубопровод строился, В.А. Динков не работал в нашем министерстве. Тем не менее, нужно было найти крайнего, и потому эта причина выглядит вполне возможной.

В конференц-зале Миннефтепрома были устроены торжественные проводы Василия Александровича на пенсию. Были выступления, речи, цветы. Я выступил тогда со своими стихами по этому грустному поводу. Вот они:

Очередную чехарду Переживаем в
нашей жизни, Но в перестроечном аду
Все ж не теряем оптимизма.

Мы верим в будущего свет, Хотя,
порой, бывает грустно. Сегодня все
мы, спору нет, Испытываем это
чувство.

За Вашей мощною спиной Четыре с лишним
года жили, Пройдя сквозь беды, бум, застой, Вы
уваженье заслужили.

В своих решениях — мудрец, Всегда разумный,
честный, смелый, Вы, как товарищ и отец, Нас
направляли делать дело.

Невольно рвется из груди
Молящее простое слово:
Не уходи! Не уходи! Начнем дела вершить по-
новой!

Но ключ повернут у судьбы, Не изменить того решенья. И нет уж смысла у мольбы — Настал черед отдохновенья.

За Вами трудный путь лежит, Забыть, что было — святотатство! И Вам спасибо говорит Нефтяников святое братство.

Услышав эти стихи, Василий Александрович был, как мне показалось, искренне растроган и облобызал меня со словами: «Я совсем не знал, что ты поэт. А стихи замечательные, спасибо большое».

Последнее мое общение с Василием Александровичем было на его 70-летии в декабре 1994 года в подмосковном «имении» Газпрома в Морозовке. Празднование юбилея было весьма представительным и в то *же* время дружеским. Я подарил Василию Александровичу тоненькую книжку своих эпиграмм, написанных на членов коллегии Миннефтепрома, с которыми мы вместе работали. Через пару дней после юбилея мне последовал телефонный звонок от Динкова. Он поблагодарил за участие в ведении застолья, где я был «тамадой» (одним из четырех) и особенно за эпиграммы. Просил не забывать и заходить к нему в Газпром, когда я там буду. Но этому не суждено было случиться.

Я благодарен судьбе за встречу с этим славным человеком и блестящим профессионалом. Добрая память о Василии Александровиче всегда со мной.

Юрий Николаевич АРГАСОВ

Впервые мне довелось встретиться с В.А. Динковым в рабочей обстановке в 1973 году в его кабинете заместителя министра газовой промышленности на Новом Арбате (я тогда работал заместителем начальника ВНПО «Союзгазавтоматика»).

Мы — несколько человек, вызванные на совещание — дожидались его начала, когда зазвонил телефон и В.А. Динкову

доложили о готовности к началу испытаний одного из участков газопровода Средняя Азия — Центр (САЦ). Василий Александрович положил перед собой схему участка и стал досконально выяснять все подробности: где размещены люди, как расположена техника, как организована связь и т.д. Я тогда был искренне удивлен, зачем заместителю министра вникать во все эти подробности, но затем, работая уже в аппарате Газпрома и будучи тесно связан с В.А. Динковым, я понял, что вникать во все дела самому, тесно увязывая организационные и инженерные стороны рассматриваемых вопросов, — стиль его работы.

Это совсем не значит, что он не доверял людям, но это доверие сочеталось с высокой требовательностью. Зная это, мы готовили решения с особой тщательностью. Особо я почувствовал это, будучи начальником отдела стандартизации Министерства в период разработки стандарта на качество газа (Василий Александрович в то время был уже первым заместителем министра).

Величайшей заслугой Василия Александровича явилось коренное изменение отношения к качеству строительства объектов магистральных газопроводов. Он требовал от нас (а я с 1981 года был назначен начальником Главгосгазнадзора) неукоснительного выполнения всех норм и правил как в ходе строительства, так и при испытаниях. При этом он оказывал нам активную поддержку, особенно в конфликтных ситуациях с Миннефтегазстроем. Приведу характерный пример.

В начале 1983 года активно шли работы по строительству головного участка газопровода Уренгой — Ужгород. И вот в марте, проверяя исполнительную документацию, инспектор газнадзора В.И. Рогожин обнаружил непонятные дубликаты требуемых пленок рентгеноскопии сварных швов. Мы остановили работы и потребовали пересветить стыки по всему участку (60 км). По тем временам это было неслыханное требование. В дело вмещались самые высокие инстанции Миннефтегазстроя, пытаясь найти компромиссное решение.

Однако Газпром занял жесткую позицию, главным образом благодаря В.А. Динкову. В результате по указанию бывшего тогда министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Б.Е. Щербины все 60 км газопровода были перепроверены. А Василий Александрович наградил инспекторский состав (в частности Рогожина) премией.

Я не помню ни одного случая, чтобы Василий Александрович отменил бы мое решение как начальника главка или не согласился с нашей позицией в спорных ситуациях. Благодаря ему ощутимо выросло качество строительства объектов, а авторитет газнадзора существенно вырос.

Вспоминая многие годы работы с В.А. Динковым, мы, работники газнадзора, считаем его крупнейшей фигурой среди руководителей газовой промышленности и наиболее сильным из министров.

Портрет Василия Александровича был бы неполным, если не отметить его внимание к подчиненным, уважение к чужому мнению. Мы многому научились у В.А. Динкова и при его поддержке создали высокопрофессиональный, боеспособный коллектив, в массе своей компетентный, бескомпромиссный, завоевавший уважение как работников Газпрома, так и многочисленных подрядчиков — участников сооружения самой мощной газовой системы в мире.

Аргольт Яковлевич БЕККЕР

О Василии Александровиче Динкове как о руководителе и человеке у меня остались самые приятные воспоминания. А запомнил я его еще по Ухте, где в полевой сезон 1968—1969 годов работал главным инженером СУ-6 Сварочно-монтажного треста на строительстве первой очереди газопровода Вуктыл — Ухта.

Члены коллегии Мингазпрома, в том числе и В.А. Динков, часто приезжали в Коми, на Вуктыльское месторождение. Запасы газоконденсатного Вуктыла тогда оценивались очень высоко — в 180—200 млрд $м^3$.

На производственных совещаниях в Ухте, в полевых условиях постоянно обсуждались насущные вопросы, связанные со строительством газопроводов большого диаметра и перекачкой газа на дальние расстояния. И мы, производители работ, инженеры, руководители среднего звена тоже варились в этом «котле», набирались знаний у наших старших товарищей, делились и своим опытом, полученным в трассовых условиях. Лично я только на Ухте столкнулся со строительством газопроводов

большого диаметра, и именно В.А. Динков стал в этом деле одним из моих учителей.

Надо было видеть, как внимательно на производственных совещаниях Василий Александрович выслушивал непосредственных участников строительства. Он никогда никого не перебивал, не задавал лишних вопросов, он вообще был немногословен и незаметен до тех пор, пока дело не касалось рассмотрения важнейших аспектов обсуждаемой проблемы. В компетентности Динкова никто не сомневался. Он до мельчайших нюансов знал технологию добычи и перекачки природного газа и потому во главу угла всегда ставил качество строительства и надежность эксплуатации газовых объектов. К сожалению, на многих стройках не хватало людских и материально-технических ресурсов, чтобы быстро и качественно построить объекты. Василий Александрович, как большинство профессионалов, конечно, страдал от этого. Он понимал, что технология — это точный трезвый расчет, что ее нельзя заменить одним энтузиазмом. Он, кстати, с долей скептицизма относился к прессе, держал ее на дистанции, в узком кругу называл поверхностные публикации о газовой промышленности никому не нужной «шелухой».

В 1969 году в Коми АССР была построена первая в мире газовая магистраль Ухта — Торжок из труб диаметром 1220 мм. Протяженность ее составила 1500 км. По тем временам это было большим достижением. Увеличился поток добываемого с Ву-ктыла газа, пошли разговоры об обустройстве месторождения Медвежье. Поэтому назначение А.К. Кортуновым в 1970 году В.А. Динкова и Ю.П. Баталина своими заместителями мы восприняли как начало подготовки к освоению большого сибирского газа.

В ранге заместителя министра В.А. Динков отвечал не только за добычу, но и за транспорт газа, курировал строительство газопроводов, компрессорных станций, подземных газовых хранилищ. В этих вопросах он был, образно говоря, правой рукой и А.К. Кортунова, и С.А. Оруджева, возглавившего отрасль в 1972 году. Поэтому рано или поздно мы должны были с ним пересечься по работе, так как в конце 60-х и начале 70-х годов я, как генподрядчик, занимался, в основном строительством компрессорных станций в газовом коридоре Медвежье — Центр.

В очень сложную ситуацию я тогда попал на строительстве Лонг-Юганской КС. Оборудование, предназначенное для монтажа, передали на Краснотурьинскую станцию. В марте 1972 года на стройплощадку прилетает министр С.А. Оруджев, спрашивает меня: «Как у вас?». Я отвечаю: «Если оборудование будет — до декабря все сделаем». Идем к вертолету. И тут, как назло, на нашем пути лежит сегмент газохода. Оруджев молча пнул его ногой и говорит: «Сынок, когда это будет на месте, тогда ты мне и скажешь, что у тебя нет оборудования». Мне было, конечно, не по себе. Но после приезда министра к разрешению этой проблемы подключились В.А. Динков, начальник Тюменгазпрома Е.Н. Алтунин и промышленный отдел Тюменского обкома КПСС. Завезли оборудование, четко по графику поступало топливо и питание для строителей. Работало до 15 вертолетов Ми-6 и Ми-8. Особенно большому риску подвергали себя вертолетчики, когда «на подвеске» перетаскивали на стройплощадку такие тяжелые агрегаты, как пылеуловители. Но по-другому доставить эти агрегаты в то время не было возможности. Спасибо В.А. Динкову, по его указанию мне выделили три «Волги» для наиболее отличившихся пилотов.

Когда в конце ноября 1972 года С.А. Оруджев вновь прилетел на Лонг-Юган, два газотурбинных агрегата уже были прокручены, а два находились в ревизии. Энергоблок работал на газе, что тоже было в новинку. До Лонг-Югана я возводил Пунгинскую КС и там впервые в отрасли внедрил автономную электростанцию, работающую на газе. Просто это дело мы тогда не афишировали. Сабит Аттаевич был, конечно, удивлен, потому что на строительстве Краснотурьинской КС, которую он мне ставил в пример, было еще небо над головой.

В 1977 году, когда я работал начальником управления субподрядных работ Главсибтрубопроводстроя, мне пришлось заниматься строительством Хулимсунтской КС. Площадка находилась в 150 км от Игрима у реки Сосьва. Там мы уже монтировали агрегаты мощностью 10 тыс. кВт — ГТК-10. Ждали приезда С.А. Оруджева и В.А. Динкова. Перед их прилетом я позвонил начальнику главка В.Г. Чирскову. Владимир Григорьевич мне говорит: «Министр не в духе, на Приполярной КС кто-то ему не так доложил — снял с работы. Готовься». Но прилетел только Динков. Прошли с ним по площадке, спросил меня насчет оборудования. Я ответил: «Нет вопросов, мы все

решим». Хотя на самом деле оборудования у меня не было, и Динков это знал. Как мы завозили агрегаты для КС по обмелевшей речке — другой вопрос, но станция была построена за рекордное время — за шесть с половиной месяцев.

Такие эпизоды не забываются. Поэтому когда я в 1978 году снова стал работать в системе Мингазпрома — управляющим трестом «Комсомольскремстройгаз», заместителем начальника ВПО «Тюменгазпром» по собственному строительству — при встречах с Василием Александровичем всегда испытывал благосклонное отношение к себе. В.А. Динков точно знал, в каких вопросах на меня можно положиться как на управленца и специалиста. Знал, что поставленная передо мной задача будет выполнена в срок.

Работы по собственному строительству на Медвежьем, Уренгое, Ямбурге, линейных компрессорных станциях было тогда невпроворот. Надо было решать массу вопросов, связанных с выделением капитальных вложений под проектирование и строительство газовых объектов. Только благодаря поддержке министра газовой промышленности СССР В.А. Динкова нам удалось создать в ВПО «Тюменгазпром» мощную производственную базу по собственному строительству.

Василий Александрович был государственным человеком. У него нельзя было получить добро на непродуманный досконально и непросчитанный до копейки проект. Знаю, что ряд бывших работников министерства обижались на Динкова, что он «тормозит» решение того или иного важного вопроса. Но здесь подход у Василия Александровича был простой: если работник не может четко сформулировать и обосновать задачу, то вряд ли он впоследствии справится с ее решением.

После того, как я более пяти лет проработал начальником транспортного управления Мингазпрома СССР и начальником Фирмы строительного подряда и транспорта государственного газового концерна «Газпром», меня в 1990 году избрали президентом АО «Стройтрансгаз». Компании, которую я возглавил, Газпром отводил тогда роль подрядчика на строительстве и реконструкции газоперекачивающих станций. Однако благодаря гибкой финансовой политике и жесткой технологической дисциплине Стройтрансгаз сумел за несколько лет стать лучшим на отечественном рынке нефтегазового строительства. Никто из зарубежных подрядчиков, участвовавших в 1993 году в тен-

дерных торгах на строительство линейных компрессорных станций Газпрома в труднодоступных районах Пермской области и Приполярного Урала, не смог составить нам конкуренцию.

Василий Александрович внимательно следил за становлением Стройтрансгаза, при встречах одобрительно отзывался о нашем активном участии в возрождении нефтегазостроительного комплекса страны, давал дельные советы по реконструкции участков действующих газопроводов и линейных компрессорных станций.

В 1995 году В.А. Динков возглавил тендерный комитет по строительству газопровода Ямал — Европа. В жесткой тендерной борьбе Стройтрансгазу удалось стать генподрядчиком по сооружению 877 км этой трансконтинентальной магистрали и четырех компрессорных станций. И я благодарен Василию Александровичу за то, что он как председатель тендерного комитета оказал нам доверие в этом вопросе, помня о продуктивной совместной работе в прошлые годы. Здесь с его стороны не было никакого протекционизма — просто мало кто в отрасли, как В.А. Динков, знал действительную «цену» многочисленным подрядным организациям.

Рудольф Михайлович ТЕР-САРКИСОВ

В начале 1980-х годов мы начали внедрять методы, созданные на базе результатов экспериментальных исследований и математического моделирования пластовых процессов. Я, как руководитель научного коллектива, часто бывал на Оренбуржье, в Республике Коми, на Украине и в других газодобывающих регионах. Запомнились из того периода деятельности встречи и телефонные разговоры с Василием Александровичем Динковым. Меня удивляло, как министр, стоявший во главе сложнейшей отрасли крупной мировой державы, скрупулезно вникал в детали, быстро схватывал существо идеи и, оценив ее, загорался сам и включал в дела своих подчиненных.

Расскажу лишь о двух случаях.

В 1982 году в аварийной ситуации, возникшей в технологической цепочке Оренбургский ГПЗ — Салаватский нефтехим-

комбинат, нами было предложено закачивать товарный конденсат на временное хранение в совхозное подземное хранилище газа. Были, естественно, скептики, считавшие, что это — потеря навсегда ценного продукта. Однако мы, как ученые, предложили и технологию эффективного извлечения конденсата из пласта, после того, как авария будет устранена. В.А. Динков проявил большой интерес к технологии, принял Рема Ивановича Вяхирева (тогда — главный инженер объединения «Оренбурггазпром») и меня и попросил рассказать о технологии. Удивило меня терпение В.А. Динкова. Он слушал меня, ученого, не перебивая, очень внимательно. Наши совместные с производственниками технические решения были одобрены.

Через год мне вновь довелось встретиться с министром. Узнав об отличных результатах испытаний нашей новой технологии обработки газоконденсатной скважины на Вуктылъском ГКМ, В.А. Динков пригласил меня вновь. Помню как полученные нами на скважине № 26 результаты эмоционально обсуждал до этого со мной Г.Д. Маргулов (тогда — первый заместитель министра). В министерство были приглашены также директор ВНИИГАЗа А.И. Гриценко и известный специалист по обработке скважин, нефтяник В.А. Амиян. Мы втроем входим в кабинет министра. В.А. Динков быстро встает и идет навстречу, здоровается с нами почти у входной двери. Он проявил и в этот раз, и проявлял неизменно впоследствии большое уважение к представителям науки. Подробно ознакомившись с результатами научных изысканий и с данными испытаний технологии, высказав удовлетворение всем услышанным, В.А. Динков изложил нам свое видение перспектив внедрения методов повышения углеводородоотдачи пласта при разработке месторождений. Эта встреча происходила, между прочим, в конце декабря, в день его рождения. Однако ничто не отвлекало хозяина кабинета от погруженности в предмет обсуждения. В том же деловом ритме В.А. Динков, в режиме телефонного обсуждения, уточнял детали программы предстоящих действий с отсутствующими в кабинете ответственными специалистами, вовлекая в него А.И. Гриценко и меня.

В результате министром газовой промышленности СССР В.А. Динковым был подписан знаменательный для нас приказ № 243 о проведении на Вуктыльском ГКМ крупного промыш-

ленного эксперимента для увеличения добычи конденсата (проект «Конденсат-1»). Это был старт нового направления в отрасли.

Последовали проекты «Конденсат-2», «Конденсат-3» и т.д. Вуктыльское месторождение стало признанным в отрасли полигоном по отработке новых технологий разработки месторождений природных газов. На этом объекте многие годы идет начавшаяся впервые в мире крупная промышленная добыча ретроградного конденсата, образующего обычно неизвлекаемые потери.

Во ВНИИГАЗе было создано новое научное направление, специализирующееся на проблемах повышения утлеводородоотдачи пласта. Многие сотрудники защитили докторские и кандидатские диссертации, нашедшие практическое применение во всех основных газодобывающих регионах России и других стран СНГ.

000 «Севергазпром» (тогда — объединение «Комигазпром») и Вуктыльское газопромысловое управление стали также кузницей кадров для современного газового производства. Начинавший в 1983 году с нами дела по внедрению новых технологий на Вуктыле В.Г. Подюк вырос в одного из руководителей отрасли в целом.

В газодобывающей промышленности практически во всех регионах, где идет добыча голубого топлива, поддержанные в свое время В.А. Динковым передовые идеи успешно реализованы и послужили мощным импульсом к дальнейшему развитию отрасли. Все это — лучшая память об этом выдающемся руководителе государственного масштаба и замечательном человеке.

Анатолий Степанович ХАЛАБЕРДА

Из множества людей, с которыми мне довелось познакомиться за 45 лет работы в нефтяной и газовой промышленности, Василия Александровича Динкова по его человеческим и профессиональным качествам я вижу в первой пятерке — где-то между В.Д. Шашиным, П.С. Васильевым, Р.Ш. Мингареевым и Н.К. Байбаковым.

Все они оставили огромный след в моем миропонимании и в моей памяти, поскольку обладали теми качествами, которые мне импонировали и которыми самому хотелось бы обладать — колоссальной работоспособностью, умением брать на себя ответственность, добиваться решения поставленных перед ними задач (на каком бы уровне служебной иерархии они не находились), высоким профессионализмом, умением выслушивать и воспринимать мнения подчиненных. Нс менее ценно для меня было и то, что все они счастливо сочетали эти качества с уважительным отношением к подчиненном, умением понимать их нужды и заботы и никогда на моей памяти никто из них не опускался (как это часто бывает с руководителями) до унижения их (подчиненных) человеческого достоинства, что впрочем, не исключало, в соответствующих ситуациях, необходимой требовательности и строгости.

С Василием Динковым я познакомился в 1949 году, когда было объявлено о приеме на геологический, нефтяной и нефтехимический факультеты Краснодарского филиала Азербайджанского индустриального института (АзИИ), который должен был открыться к началу учебного года.

В то время нефтяная и газовая промышленность (особенно последняя с открытием на Кубани газоконденсатных месторождений) были «на слуху», и естественно, что многие молодые люди, окончившие в 1949 году десять классов, подали заявления в приемную комиссию этого филиала. Сдали экзамены и были зачислены прошедшие небольшой конкурс где-то около 100 человек. Нам было велено явиться в конце августа, чтобы узнать расписание занятий и уточнить, где эти занятия будут происходить. Однако где-то в середине августа нас вдруг собрали и поставили в известность, что по каким-то неясным причинам филиал открыт не будет. Нам было предложено забрать свои документы и попытаться поступить в другие вузы. Надо ли говорить, как мы были возмущены! Это возмущение, после неизбежной в таких случаях разноголосицы, вылилось в «петицию» на имя тогдашнего первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС Игнатова. Он принял наших «ходоков» (это были, в основном, бывшие фронтовики и если мне память не изменяет, среди них был и Василий), выслушал и пообещал попытаться решить проблему. Буквально через несколько дней нас известили, что филиал все-таки открыт не будет, но по до-

говоренности с ЦК Компартии Азербайджана, всем желающим (из нашей сотни) предоставляется возможность поехать в г. Баку и учиться в АзИИ. Разумеется, согласились все.

Тут нужно сказать, что в связи с таким решением властей в АзИИ сложилась довольно сложная ситуация.

Сложность заключалась в том, что в АзИИ к тому времени уже был произведен набор полного состава студентов, и поскольку лимит стипендий был ограничен, то нас, как иногородних и «пострадавших» зачислили со стипендией, а соответствующее количество бакинских ребят вынуждено было учиться без стипендий. Естественно, что нас — нежданных конкурентов, многие невзлюбили, что потребовало от нас дополнительного рвения в учебе.

Поехали мы из Краснодара все вместе в поезде, который в народе именовали «500-веселый» видимо за то, что состоял он, в основном, из товарных, а не пассажирских вагонов. Нам действительно было весело, и всю дорогу из наших вагонов раздавались песни и хохот — ведь ехала сотня молодых здоровых людей, так удачно решивших свои проблемы с поступлением в ВУЗ.

В Баку нас встретили представители института и прямо с вокзала доставили в общежитие. Ночь мы провели в вестибюле, а наутро были размещены по комнатам, в том числе и в полуподвале, окна которого лишь на треть возвышались над тротуаром. Но нас это нисколько не смущало. Мы были счастливы, что приняты в институт и что у нас есть крыша над головой. Мы не были избалованы. Ведь за плечами оставалась только что закончившаяся тяжелейшая для всех (не только для солдат) война. Ведь был всего лишь 1949 год — четвертый мирный год.

В институте тоже все быстро «утряслось». Нас распределили по группам, в которых (в связи с нашим неожиданным, и для руководства института, прибытием) оказалось по 40 — 45 человек, т.е. сверх всякой нормы.

Волею судеб я попал в одну группу с Василием. Начались студенческие будни.

Первые два года для всех нас были очень сложными. У многих война прервала учебу в школе на несколько лет (у кого служба в армии, у кого оккупация, у кого эвакуация) и к тому же знания бакинцев были более основательными. Наши же

(краснодарцы) по общим дисциплинам «хромали» на обе ноги. Чтобы не быть «отсеянными», да еще и стипендию получать, что для абсолютного большинства из нас было совершенно необходимым условием для учебы в институте, занимались весьма и весьма напряженно.

И все же по итогам двух сессий первого курса многие были отчислены за неуспеваемость, большинство из удержавшихся сдали экзамены в основном на тройки (благо стипендию платили и при таких оценках), и только Василий окончил первый курс с отличными оценками по всем предметам и стал первым (по крайней мере в нашей группе) стипендиатом-отличником. Надо сказать, что обычная стипендия первокурсника в нефтяном институте была 395 рублей и на нее при известной экономии можно было жить. Повышенная же стипендия была где-то под 500 рублей и ее хватало для вполне приличной (по нашим тогдашним послевоенным меркам) жизни.

«Отсев» за неуспеваемость на первых двух курсах был значительным. Достаточно сказать, что наша группа на первом курсе насчитывала 44 человека, а получили дипломы всего 16.

Я так подробно останавливаюсь на этом периоде жизни Василия, чтобы показать, как нелегко было ему, человеку прошедшему войну, фронт, уже на начальном этапе приобщения к профессии газовика и нефтяника приобрести знания и получить звание инженера по разработке газовых месторождений, которое он с таким достоинством и так успешно реализовал, пройдя по всем ступеням производственно-служебной иерархии и завершив карьеру в ранге министра газовой, а затем нефтяной промышленности огромной страны — СССР.

Здесь хочу сделать небольшое пояснение. Газовиком Василий стал чисто случайно. После второго курса, когда было закончено изучение общеобразовательных предметов, все группы деканат разделил по специализации. Были группы нефтепромысловиков, морских нефтепромысловиков, буровиков, газовиков. Нашу 242-ю группу ориентировали на добычу газа, т.е. основным предметом для нас стала разработка газовых месторождений. Этот предмет вел у нас профессор Михаил Хосрович Шахназаров. Он нам рассказывал о своем приобщении к газовой промышленности: «В конце 1920-х годов, когда «Азнефть» возглавлял А. Серебровский, он однажды пригласил меня к себе и объявил о решении направить меня в Соединенные

Штаты Америки изучать газовое дело, поскольку специалистов в этой области у нас нет. Но я же занимаюсь проектированием паровозов, — сказал я ему, вспоминал Шахназаров, — «ну и что из того? Вы грамотный инженер — разберетесь и с газовыми проблемами».

Это был высококультурный весьма эрудированный ученый и талантливый педагог, и мы очень скоро оценили и его человеческие и профессиональные качества. Газовое дело стало нашим любимым предметом, хотя мы продолжали изучать факультативно и нефтепромысловое дело, и бурение, и разработку месторождений, и геологию. Институт безусловно дал нам обширные знания, что позволило всем нам, не зависимо от обстоятельств, быть вполне грамотными инженерами во всех областях, связанных с разработкой как газовых, так и нефтяных месторождений.

Возвращаясь непосредственно к Василию Динкову, не могу не сказать, что уже тогда, на начальном, студенческом этапе, Василий выделялся из всех нас, однокурсников, своей неутомимой работоспособностью, рассудительностью, ровным уравновешенным характером. Именно поэтому с первого и до последнего курса он был бессменным старостой нашей группы и достойно защищал наши интересы в необходимых случаях будь то перед деканатом или перед дирекцией института. У него всегда находились нужные слова и верный тон, чтобы погасить возникавшие иногда конфликты внутри группы. Причем делал он это как-то ненавязчиво, незаметно, так что казалось, что конфликтующие стороны пришли к согласию сами собой.

Кроме того, Василий успешно сочетал учебу с работой. Не помню точно, но кажется с 3-го курса Василий стал работать (не знаю как правильно называлась эта должность) заведующим читального зала в нашем общежитии. Там была возможность вечером, после занятий в институте, позаниматься курсовым проектом, подучить пройденный материал и подготовиться к зачетам. Официально «читальня» была открыта с 19 до 23 ч, но мы краснодарцы, пользуясь знакомством с Василием, имели возможность заниматься до тех пор, пока он сам не прекращал занятия. Но я свидетельствую, что Василия пересидеть никто из нас не мог. Казалось исчерпано терпение самых усидчивых, а он все еще оставался и работал до тех пор, пока не

докапывался до самой сути любого материала, любой формулы. И не удивительно, что все годы учения, начиная с первого курса, он все предметы знал на отлично, и мы были спокойны, что если что-то непонятно — Василий всегда разъяснит.

Огромная трудоспособность, настойчивость, с какой Василий овладевал знаниями, уже в студенческие годы давали основание предсказать его будущие успехи на производстве. Наши девочки (в группе было четыре студентки, окончившие институт) — еще в те годы частенько говорили: «Быть тебе Вася министром» — и оказались пророчицами.

После окончания института наши пути с ним разошлись в силу того, что он был направлен на работу в Краснодарский край и занимался вопросами разработки газовых и газоконденсатных месторождений, а я уехал в Татарскую АССР, где в начале занимался газом, но очень скоро переключился на добычу нефти. Тем не менее наши дружеские отношения, зародившиеся еще в студенческие годы, годы совместного обучения в одной группе и проживания (какое-то время) в одной комнате общежития, не прерывались до самой его кончины. Мы встречались то в Краснодаре, где он работал, а я приезжал частенько к родителям, то в Москве, куда Василия Александровича перевели на работу в Министерство газовой промышленности еще при легендарном министре Кортунове в 1966 году. И здесь, в Москве, Василий, начав работу в министерстве с должности начальника Главного управления по добыче газа, очень быстро, шагая сразу через несколько иерархических ступеней, не имея за спиной, как говорится, никакой «руки», уже в 1981 году возглавил Мингазпром.

Отлично зная газовое дело и в теории и на практике, обладая редким сочетанием таких отмеченных ранее качеств, как трудолюбие, работоспособность, знание людей и умение с ними работать, не зависимо от того были это подчиненные или начальники, он стал блестящим министром, обладавшим огромным авторитетом и в ЦК КПСС, и в Совете Министров, и в Госплане СССР. Признаюсь, что именно поэтому, когда в 1985 году Василия Александровича Динкова назначили министром нефтяной промышленности, я, работая тогда в Госплане СССР, в нефтяном отделе и хорошо представляя себе всю сложность ситуации, в которой пребывала нефтяная промышленность страны, не одобрял в дуйте, как самого назначения

(ведь Василий и по образованию, и по опыту работы был газовиком), так и согласия Василия принять это министерство. Но должен признать, что я был не прав. Василий быстро вошел в курс дел и блестяще справился с руководством новой для него отраслью. И по моим личным впечатлениям, и по отзывам работников Миннефтепрома, он легко (внешне, оставляя за скобками чего это стоило ему лично) вошел в курс проблем и в коллектив министерства и стал признанным лидером этой огромной и сложнейшей отрасли народного хозяйства.

Не сомневаюсь, что добрую память об этом замечательном человеке сохранят многие и многие газовики и нефтяники. Во всяком случае все те, кому посчастливилось знать Василия и работать с ним, надолго сохранят добрую память о нем и наверняка скажут своим детям и внукам: «Был такой министр Василий Александрович Динков. Вот это был министр!».

Мне приятно сознавать, что я был близко знаком и дружил с этим выдающимся человеком.

С любимой дочерью Наташей. Краснодар, начало 1966 г.

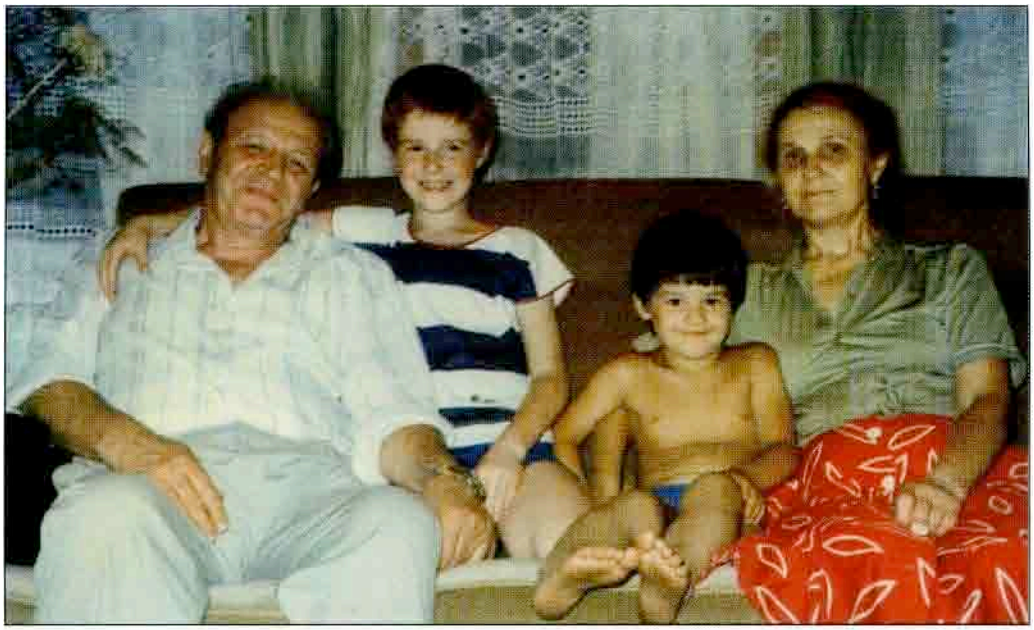
Супружеская чета Цинковых на торжественном банкете

В окружении двух любимых женщин

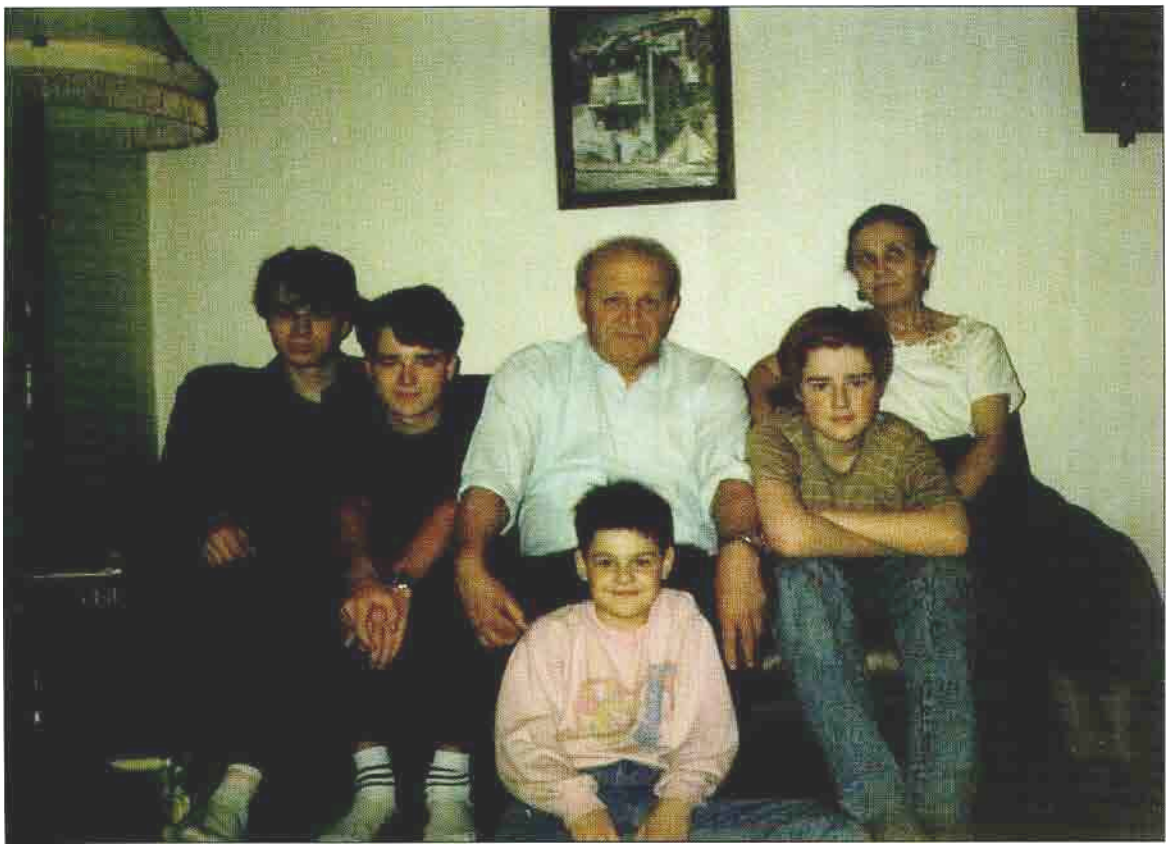
Василий Александрович с дочерью Нчташей и сыном Александром

На снимке Василий Александрович и Галина Петровна с зятем Александром. Их с зятем связывали добрые и близкие отношения

Добрые приветствия Н.К. Байбакова чете Динковых в день семидесятилетия Василия Александровича

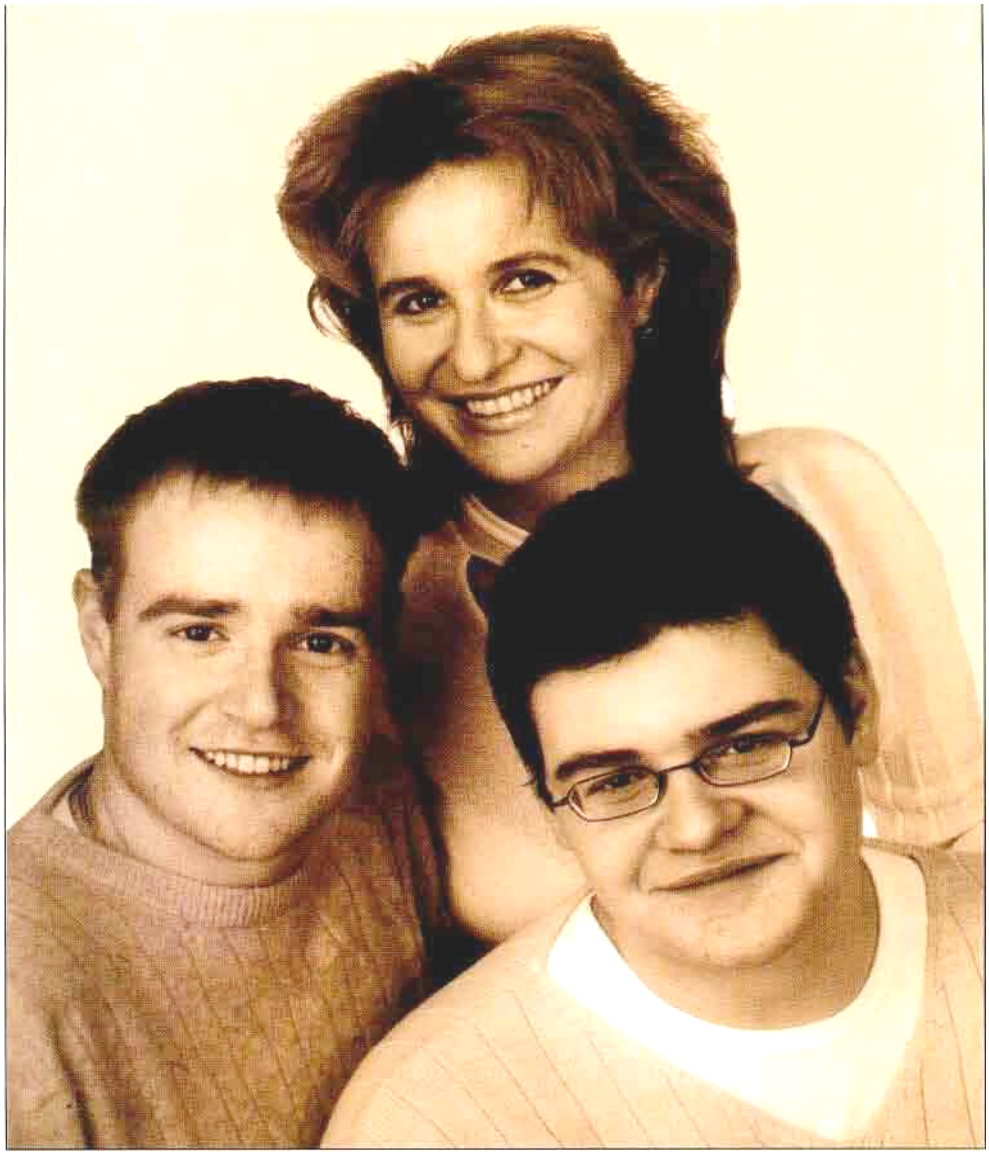


Отношение бабушки и дедушки к внукам — это и бесконечная тема глубоких родственных чувств, и, вместе с тем, ни на минуту не забываемая ответственность за воспитание третьего поколения Динковых



Любящий и нередко балующий своих любимцев дедушка всегда находил время для всевозможных игр, наполнявших детским визгом и взрослым хохотом всю квартиру. Это была и горячая привязанность к ним, и горделивое осознание радости иметь четырех внуков, а следовательно и спокойствие за продолжение рода. На снимке Василий Александрович с любимыми внуками и женой

Он все-таки успел показать любимой жене и верному другу незнакомые страны, в значительной степени, незнакомые и для себя, так как все время пребывания в заграничных командировках он продолжал заниматься тем же делом, что и на родине — работал. На снимке супруги Динковы на Мон-Мартре. Париж, 1998 г.



Бег времени беспрерывен, и сегодня внуки Василия Александровича — взрослые граждане, строящие планы самостоятельной жизни. И как бы ни складывалась судьба каждого из них надеемся, что их жизнь всегда будет ответственной. Пожелаем же им удачи. Внуки Василий и Георгий, дочь Наташа

Внуки Сергей и Владимир, сын Александр

Василий Александрович с младшим братом Юрием Александровичем и сыном Александром. Москва, 1988 г.

Фотообъектив все чаще застает Василия Александровича в раздумьях, запечатленных на великолепных фотографиях. О чем думалось в эти мгновения человеку, для которого синонимом жизни был неустанный труд, а результат жизненного труда возвеличил мощь и богатство Отечества?

Чтобы не ошибиться в ответе на вопрос, нужно так же достойно прожить жизнью этого гениального инженера и великого труженика, кавалера высших государственных наград и патриота своей Страны. Он всегда мыслил категориями и жил жизнью Державы. Можно безошибочно утверждать, что и последние помыслы его были не о себе

В минуты душевного комфорта

Насыщенная высокой ответственностью и постоянными заботами в течение всего напряженного рабочего дня жизнь министра Динкова буквально преображалась, как только он переступал порог дома. И эта традиция сохранилась навсегда.

В жизнерадостной семье Динковых собирались дети и внуки, а хлебосольная Галина Петровна принимала всегда желанных друзей всех поколений домочадцев. Семья жила нормальной, духовно здоровой жизнью, познавая цену людям и исповедуя жизненные устои предыдущих поколений Динковых. Они жили жизнью по-настоящему счастливых людей, ибо сумели сохранить и теплоту чувств, и трогательную взаимную заботу. И в этом нетрудно убедиться, глядя на фотографию. Москва, 2000 г.

Сухогруз «Василий Динков^ - неутомимый труженик прибрежных вод Черноморского пароходства

ЗАКЛЮЧЕИЕ

На крутом повороте истории нефтегазовой промышленности страны, зигзаги которой в последнее десятилетие XX века были столь же непредсказуемы, сколь и нетерпеливо понуждаемы набиравшей опыт реформаторской идеей, государственное руководство отраслью, преодолевая неверие скептиков, шаг за шагом стало освобождать место молодой предпринимательской инициативе, самим ходом исторических событий призванной решать конкретные производственно-финансовые задачи отраслевой экономики в условиях нарождающегося рынка.

Отношения между властью и нефтегазовым комплексом — тема небезосновательно деликатная с первых дней реформирования России, — преодолевая очевидное внутреннее сопротивление, стали приобретать черты и характер цивилизованного, прозрачного взаимодействия государства и бизнеса, обнаруживая все более глубокое понимание взаимоспасительности в диктатуре закона и в его совершенствовании. И есть все основания утверждать, что отрасль, которая на протяжении всей своей продолжительной истории не раз демонстрировала миру непревзойденные достижения пытливой управленческой и инженерной мысли, найдет в себе достаточно сил и способностей, эффективно используя все более трудно извлекаемые ресурсы недр, занять достойное место и в новых экономических условиях России XXI века.

Пожелаем же, некогда могучему, двуглавому нефтегазовому орлу, этому славному детищу российских прометеев, крепких крыльев и высокого полета на всем нефтегазовом пространстве планеты Земля, во благо Отечества.

И это будет самым желанным памятником первопроходцам, самоотверженным создателям и созидателям энергетического могущества страны, одним из ярких представителей которых был Василий Александрович Динков, светлой памяти которого посвящается данная книга.

«Я ни на минуту не сомневаюсь в том,
что кризис в газовой и нефтяной промышленности
закончится подъемом производства»

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

1942-1947гг. Служба в Красной Армии

1947-1949гг. Председатель ревизионной комиссии колхоза «Путь Ильича»

1949-1954гг. Учеба в Азербайджанском индустриальном институте, г. Баку

1954-1956гг. Старший инженер газокомпрессорного хозяйства нефтепромыслового управления «Абин-нефть» Миннефтепрома, пос. Ахтырский, Краснодарский край

1956-1960 гг. Начальник отдела Управления эксплуатации газопроводов объединения «Краснодарнефть» Миннефтепрома, главный инженер газопромыслового управления Краснодарского совнархоза, г. Краснодар

1960-1962гг. Начальник отдела Управления «Краснодарнефть» Краснодарского совнархоза, г. Краснодар

1962-1965гг. Начальник Краснодарского управления магистральных газопроводов Главгаза СССР, г. Краснодар

1965-1966гг. Начальник объединения «Кубаньгазпром» Министерства газовой промышленности СССР, г. Краснодар

1966-1970гг. Начальник Главного управления по добыче газа, член Коллегии Мингазпрома, г. Москва

1970-1979гг. Заместитель министра газовой промышленности, г. Москва

1979-1981гг. Первый заместитель министра газовой промышленности, г. Москва

1981-1985гг. Министр газовой промышленности, г. Москва

1985-1989гг. Министр нефтяной промышленности, г. Москва

1989-1995гг. Заместитель руководителя секретариата Межправительственного Совета по нефти и газу, г. Москва

1991г. Президент советско-швейцарского совместного предприятия «СЖС-Энергодиагностика», г. Москва

1997-1999гг. Председатель Тендерного комитета Российского, впоследствии Открытого акционерного общества «Газпром»

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ НАГРАДЫ И ЗВАНИЯ:

Герой Социалистического Труда, два ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, орден Трудового Красного Знамени, пять медалей,

ветеран труда газовой промышленности, почетный нефтяник,

лауреат Государственной премии СССР в области науки и техники, лауреат премии Российской Федерации.

Скончался 25 июня 2001 года, похоронен на Новодевичьем кладбище.

ПЕРЕЧЕНЬ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ В.А ДИНКОВА

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА НЕФТЯНОЙ И ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (ЦНТБ НГП)

Список опубликованных работ
лауреата Государственной премии,
Героя Социалистического Труда,
руководителя Московского представительства
секретариата Межправительственного совета по нефти и газу стран СНГ
Василия Александровича Динкова

Библиографический указатель отечественной книжной и журнальной литературы за 1963—2000 гг. Количество названий: 40 Составители: Л.М.Кулешов, А.М. Крупник

Москва, 2002

1963 год

1. *Динков В.А., Шмыгля П.Т.* Проектирование разработки и эксплуатации газоконден-сатных месторождений (газоконденсатные месторождения Краснодарского края). — М.: Гостопиздат, 1963. — 234 с.

1967 год

2.*Динков В.А.* Добыча газа и перспектива ее развития. — Экспресс-информация ВНИИЭгазпрома//Газовая промышленность. — 1967. — № 10. — С. 19—25.
3.*Динков В., Гудзь А., Ажоткип Г.* Основные показатели добычи газа в 1966 г. — Экспресс-информация Мингазпрома СССР//Газовая промышленность. — 1967. — № 4, - С. 15-21.

1971 год

4. *Динков В.А. и др.* Интенсификация притока газа на газовых месторождениях СССР/В.А. Динков, П.Т. Шмыгля, В.А. Киреев и др. - ^М.: 1971. - 6 с.
5. *Динков В.А. и др.* Обоснование возможных отборов газа из Вуктыльского газокон-денсатного месторождения//Газовая промышленность. — 1971. — № 11. — С. 4—8.

6. *Шмыгля П.Т., Петренко Г.В., Динков В.А. и др*. Регулирование продвижения контурных вод при разработке многопластовых газоконденсатных месторождений Краснодарского края//Разработка и эксплуатация газовых и газоконденсатных месторождений Краснодарского края. Тр. объединения Кубаньгазпром. — 1971. — Вып. 1. - С. 5-10.

7. Динков *В.А*. Состояние и пути улучшения техники и технологии добычи газа//0сновные задачи разработки газовых и газоконденсатных месторождений. — М., 1971. - С. 67-70.

1972 год

8. *Динков В.А. и др*. Особенности эксплуатации конденсатопровода Вуктыл — Ухта/УГазовая промышленность. — 1972. — № 3. — С. 18—22.

9.*Динков В.А*. Социалистическое соревнование работников газовой промышленности в честь 50-летия образования СССР//Газовая промышленность. —1972.— № 12. - С. 2-4.

1978 год

10. Динков *В.А*. Повысить эффективность использования газа в народном хозяйстве//Газовая промышленность. — 1978. — № 6. — С. 2—4

1979 год

11. Динков *В.А. и др*. Измерение и учет расхода газа: Справ. пособие/В.А. Динков, З.Т. Галиуллин, А.П. Подкопаев и др. — М.: Недра, 1979. — 304 с.

1980 год

12. Динков *В.А., Грудницкий Г.В*. Новый метод ремонта подводных газопроводов//Подводная сварка и резка металлов. РЖ ВИНИТИ. Трубопровод! 1 ый транспорт. - Киев, 1980. - С. 76-78.

1981 год

13. Динков *В.А. и др*. Повышение эффективности использования газа на компрессорных станциях/В.А. Динков, А.И. Гриценко, Ю.Н. Васильев и др. — М., 1981. — 296 с.

1982 год

14. Динков *В.А*. Вклад отрасли в общенародное дело//Газовая промышленность. — 1982. - № 11. - С. 1-7.

15. Динков *В.А*. Газ Уренгоя в 11-Й пятилетке//Новое время. — 1982. — № 19. — С. 18-21.

16. Динков *В.А*. Газовая промышленность на марше пятилетки//Экономическая газета. - 1982. - № 2, - С. 2.

17. Козловский *Е.А., Динков В.А., Мальцев Н.А*. Журналу «Геология нефти и газа» 1957-19827/Геология нефти и газа. - 1982. - № 1. - С. 1-2.

1983 год

18. Динков *В.А*. Крепить топливно-энергетическую основу народного хозяйства//Газовая промышленность. —'1983. — № 1. — С. 2—6.

1984 год
19.*Динков В.А. По* пути форсированного развития газовой промышленности//Газовая промышленность. — 1984. — № 3. — С. 3—7.
20. Динков *В.А.* Расчет коэффициентов сжимаемости углеводородных газов и их смесей.: Справ. пособие/В.А. Динков, З.Т. Галиуллин, А.П. Подкопаев. — М.: Недра, 1984. - С. 118.
1986 год
21.*Динков В.А.* Активизировать работу экономической службы отрасли//Нефтяное хозяйство. - 1986. - № 10. - С. 3-16.
22.*Динков В.А.* Нефтяная промышленность: организационно-экономические рычаги ускорения//Социалистический труд. — 1986. — № 10. — С. 3—11.
23.*Динков В.А.* Повысить эффективность отрасли. — Нефтяник. — 1986. — № 4. — С. 2-3.
1987 год
24.*Динков В.А.* Давайте думать вместе//Нефтяник. — 1987. — № 9. — С. 2—5.
25.*Динков В.А.* Доклад Министра нефтяной промышленности тов. Динкова В.А «Перестройка деятельности отраслевой науки и задачи по повышению ее эффективности в духе требований апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС и решений XXVII съезда КПСС». - М.: ХОЗУ Миннефтепрома. - 1987. - 22 с.
26.*Динков В.А.* Нефть СССР (1917-1987 гг.)/Ю.Г. Апакович, П.М. Байков, М.А. Берлин и др. Под редакцией В.А. Динкова. — М.: Недра, 1987. — 384 с.
27. Динков *В.А.* Перестройка измеряется делами//Нефтяное хозяйство. — 1987. — № 11. - С. 3.
28. Динков *В.А.* Резервы интенсификации: Беседа с Министром нефтяной промышленности СССР В.А. Динковым//Экология: экономика, техника, экология. — 1987. - № 10. - С. 2-3.
1988 год
29. Динков *В.А.* Нефтяная промышленность: вчера, сегодня, завтра/Г.Г. Гопуридзе. Под ред. В.А. Динкова. - М., 1988. - 164 с.
1989 год
30. Динков *В.А.* Итоги работы нефтяной промышленности в 1988 г. в условиях полного хозрасчету/Экономика и хозрасчету/Экономика и хозрасчет предприятий топливно-энергетического комплекса. Межотраслевой информационный бюллетень. - 1989. - № 1. - С. 1-7.
1992 год
31. Динков *В.А.* Диагностирование и сертификация газонефтепроводов и перекачивающих станций в СССР//Экспресс-информация. Сер. Защита от коррозии и охрана окружающей среды/ВНИИОЭНГ. - 1992. - № 1. - С. 17-25.
32. *Dinkov V.A. Down the tubes//Oil @ Gas Russia*. – 1992, Summer. - N 1. -P. 48-50.

1994 год
33. Динков *В.А., Иванцов О.М.* Высоконадежный трубопроводный транспорт//Строительство трубопроводов. — 1994. — № 2. — С. 5—9.

34. Динков *В.А.* Кризис закончился подъемом производства (интервью с В.А. Динко-вым)//Газовая промышленность. — 1994. — № 12. — С. 2—3.

1995 год

35. *Патон Б.Е.,Динков В.А., Иванцов О.М.* Межгосударственная научно-техническая программа «Высоконадежный трубопроводный транспорт» (бизнес-план)//Строительство трубопроводов. — 1995. — № 4. — С. 10—12.

1997 год

36. Динков *В.А., Иванцов О.М.* Время новому поколению газопроводов//Газовая промышленность, - 1997. - № 9, - С. 12-16. 79.

37. Динков *В.А. Иванцов О.М.* Время новому поколению газопроводов//Газовая промышленность. — 1997. — № 10. — С. 26—30.

38. *Седых А.Д., Гриценко А.И.,Динков В.А. и др.* Производственный экологический мониторинг газовой промышленности России//Газовая промышленность. — 1997. — № 4. - С. 27.

1998 год

39.*Динков В.А., Иванцов О.М.* Открытое письмо в журнал «Газовая промышленность»//Газовая промышленность. — 1998. — № 3. — С. 12—13.

2000 год

40. Динков *В.А. и др.* Обеспечение безопасности при освоении шельфа Российской Федерации//В.А. Динков, В.Д. Лозовой, Ю.А. Дадохов и др.//Газовая промышленность. - 2000. - № 11. - С. 36-38.

ПРОСМОТРЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Алфавитный каталог книг ЦНТБ НГП.
2. Алфавитная картотека ЦНТБ НГП.

Почетные Грамоты, Авторские Свидетельства В.А.Динкова

L'Hôtel Athénée Palace
confère à
V. A. Dinkov
B. A. Dinkov
La Medaille
d'Honneur
avec l'expression
des sentiments les plus
distingués de son
personnel
Bucarest
16 Dec 85

Почетная грамота

Награждается ДИНКОВ Василий Александрович-начальник отдела добычи и переработки газа управления за достигнутые успехи в социалистическом соревновании в ознаменование 44-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции.

Начальник управления нефтяной и газовой промышленности

/В.БРАГИН/

Председатель Крайкома профсоюза рабочих нефтяной и химической промышленности

/Ж.БАРАБАНЩИКОВ/

30 октября 1961г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 36.

НА РАЦИОНАЛИЗАТОРСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

№ 31

В соответствии с пунктом 8 „Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях настоящее удостоверение выдано

ДИНКОВУ

(фамилия, имя, отчество)

ВАСИЛИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

на принятое Краснодарским управлением

(наименование предприятия,

магистральных газопроводов

Газпрома СССР к внедрению

организации)

рационализаторское предложение № 31 „Приме-

нение расширительных камер на маги-

(наименование предложения)

стральных газопроводах"

Руководитель предприятия (организации)

(п. п.)

„27" декабря 1963 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

НА РАЦИОНАЛИЗАТОРСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

№ 1

В соответствии с пунктом 8 „Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях" настоящее удостоверение выдано

Динкову Василию Александровичу
(фамилия, имя, отчество)

на принятое объединением
(наименование предприятия,

„Краснодарнефтегаз"

организации) к внедрению

рационализаторское предложение Снижение капитальных затрат на
(наименование предложения)

строительство внешних сетей газопровода „Афинского газобензинового завода"

Руководитель
(м. п.) предприятия (организации)

8 VII 1964 г.

Удостоверение

на рационализаторское предложение

№ 2

В соответствии с пунктом 8 „Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях"

настоящее удостоверение выдано

Динкову Василию

(фамилия, имя, отчество)

Александровичу

на принятое объединением

(наименование предприятия,

„Краснодарнефтегаз"

к внедрению

организации)

рационализаторское предложение „Насосно-

компрессорные трубы для

(наименование предложения)

нефтегазовых скважин

с приварными концами"

(М.П.)

Руководитель

предприятия (организации)

8 VII 1964.

Тип. им. Калинина в г. Ростове-на-Дону.

Удостоверение

на рационализаторское предложение

№ 4

В соответствии с пунктом 8 „Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях" настоящее удостоверение выдано Динкову Василию Александровичу
(фамилия, имя, отчество)

на принятое объединением
(наименование предприятия,
„Краснодарнефтегаз"
организации) к внедрению
рационализаторское предложение „Сепаратор разделитель воды
(наименование предложения)
и конденсата"

(м.п.)

Руководитель
предприятия (организации)

„8" VII 1964 г.

Тип. им. Калинина в г. Ростове-на-Дону.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

НА РАЦИОНАЛИЗАТОРСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

№ 22

В соответствии с пунктом 8 „Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях" настоящее удостоверение выдано

Динкову Василию Александровичу

(фамилия, имя, отчество)

на принятое объединением „Краснодарнефтегаз"

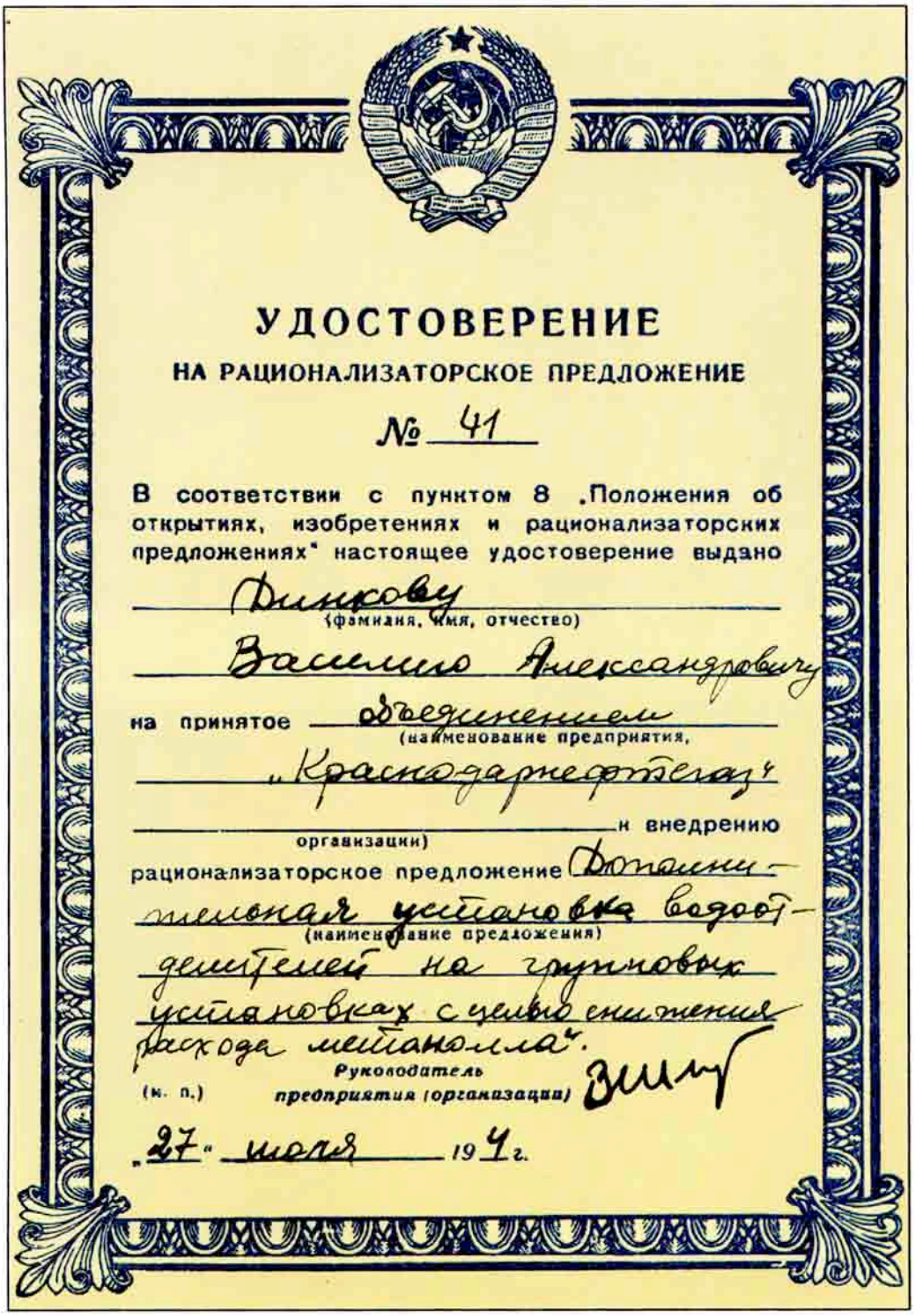
(наименование предприятия, организации)

к внедрению рационализаторское предложение „Установка низкотемпературной сепарации газа"

(наименование предложения)

Руководитель предприятия (организация)

8 VII 1964.



УДОСТОВЕРЕНИЕ

НА РАЦИОНАЛИЗАТОРСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

№ 41

В соответствии с пунктом 8 „Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях" настоящее удостоверение выдано

Дикову
(фамилия, имя, отчество)

Василию Александровичу

на принятое объединением
(наименование предприятия,

„Краснодарнефтегаз"
организации)

и внедрению рационализаторское предложение Дозиметрическая установка водоотделителей на групповых установках с целью снижения расхода метанола".
(наименование предложения)

(м. п.) Руководитель предприятия (организации)

„27" июля 1994 г.

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА
Краснодарский крайком КПСС и крайисполком НАГРАЖДАЮТ Почетной грамотой
Товарища ДИНКОВА Василия Александровича
За достигнутые успехи в работе и в связи с празднованием Всесоюзного Дня работников нефтяной и газовой промышленности.
Секретарь крайкома КПСС
4 сентября 196 5г.
Председатель крайисполкома

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 394270

На основании полномочий, предоставленных Правительством СССР, Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР выдал настоящее свидетельство

Украинскому научно-исследовательскому институту природных газов

на изобретение "Способ подземного хранения газа"

по заявке № I3I0575 с приоритетом от 7 марта 1969г.

авторы изобретения: ДИНКОВ Василий Александрович и другие, указанные в прилагаемом описании

Зарегистрировано в Государственном реестре изобретений Союза ССР
21 мая 1973 г.

Действие авторского свидетельства распространяется на всю территорию Союза ССР

Председатель Комитета

Начальник отдела

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 404405

На основании полномочий, предоставленных Правительством СССР, Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР выдал настоящее свидетельство

Всесоюзному научно-исследовательскому институту ядерной геофизики и геохимии

на изобретение "Способ эксплуатации газовых месторождений"

по заявке № I372I96 с приоритетом от 20 октября 1969г.

авторы изобретения: ДИНКОВ Василий Александрович и другие, указанные в прилагаемом описании

Зарегистрировано в Государственном реестре изобретений Союза ССР
27 июля 1973 г.

Действие авторского свидетельства распространяется на всю территорию Союза ССР

Председатель Комитета

Начальник отдела

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 350982

На основании полномочий, предоставленных Правительством СССР, Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР выдал настоящее свидетельство

Украинскому научно-исследовательскому институту природных газов

на изобретение "Гидравлический перфоратор"

по заявке № I458071 с приоритетом от 15 июля 1970 г.
автор ы изобретения: ДИНКОВ Василий Александрович
и другие, указанные в прилагаемом описании

Зарегистрировано в Государственном реестре изобретений Союза ССР
7 июня 1972 г.
Действие авторского свидетельства распространяется на всю территорию Союза ССР

Председатель Комитета
Начальник отдела

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 390257

На основании полномочий, предоставленных Правительством СССР, Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР выдал настоящее свидетельство

ДИНКОВУ Василию Александровичу
и другим, указанным в прилагаемом описании

на изобретение "Способ разработки газогидратной залежи"

по заявке № I469282 с приоритетом от 12 августа 1970г.
автор ы изобретения: они же

Зарегистрировано в Государственном реестре изобретений Союза ССР
20 апреля 19 73г.
Действие авторского свидетельства распространяется на всю территорию Союза ССР

Председатель Комитета
Начальник отдела

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
ПО ДЕЛАМ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ

АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 452726

На основании полномочий, предоставленных Правительством СССР, Государственный комитет Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий выдал настоящее авторское свидетельство

ДИНКОВУ Василию Александровичу
и другим, указанным в описании

на изобретение "Способ получения холода"

в соответствии с описанием изобретения и приведенной в нем формулой,

по заявке № 1888159 с приоритетом от 5 января 1973г.

заявитель изобретения: Московский институт нефтехимической и газовой промышленности и Северо-кавказский научно-исследовательский институт природных газов

Зарегистрировано в Государственном реестре изобретений Союза ССР

14 августа 1974 г.

Действие авторского свидетельства распространяется на всю территорию Союза ССР.

Председатель Госкомитета

Начальник отдела

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 772023

На основании полномочий, предоставленных Правительством СССР, Государственный комитет СССР по делам изобретений и открытий выдал настоящее авторское свидетельство на изобретение:
"Способ ремонта газопровода под давлением"

Автор (авторы): Патон Борис Евгеньевич, Динков Василий Александрович, Кудинов Владимир Михайлович, Асиис Аркадий Ефимович, Добрушин Леонид Давыдович, Волгин Леонид Александрович, Петушков Владимир Георгиевич, Гутман Лия Мироновна, Буштедт Юрий Петрович, Иващенко Георгий Антонович, Яковлев Евгений Николаевич и Юнусов Наиль Сахиевич

Заявитель: ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ЭЛЕКТРОСВАРКИ ИМ.Е.О.ПАТОНА АН УКРАИНСКОЙ ССР

Заявка № 2680227 Приоритет изобретения 30октября1978г.

Зарегистрировано в Государственном реестре изобретений СССР

20 июня 1980г.

Действие авторского свидетельства распространяется на всю территорию Союза ССР

Председатель Комитета

Начальник отдела

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО ДЕЛАМ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ

АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 818065

На основании полномочий, предоставленных Правительством СССР, Государственный комитет СССР по делам изобретений и открытий выдал настоящее авторское свидетельство на изобретение:

"Удлиненный кумулятивный заряд"

Автор (авторы): Волгин Леонид Александрович, Коротеев Анатолий Яковлевич, Кудинов Владимир Михайлович, Кушниренко Борис Николаевич, Погорецкий Георгий Иванович, Динков Василий Александрович, Газанджан Гурген Агавардович, Слепых Александр Николаевич, Гумеров Асгат Галимьянович, Рашепкин Константин Егорович, Василенко Станислав Кузьмич, Штофф Петр Михайлович и Черняев Валерий Давыдович

Заявитель: ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ЭЛЕКТРОСВАРКИ ИМ. Е.О.ПАТОНА

Заявка № 2841147

Приоритет изобретения 21 ноября 1979г.

Зарегистрировано в Государственном реестре изобретений СССР 1 декабря 1980г.

Действие авторского свидетельства распространяется на всю территорию Союза ССР.

Председатель Комитета

Начальник отдела

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО ДЕЛАМ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ

АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 818066

На основании полномочий, предоставленных Правительством СССР, Государственный комитет СССР по делам изобретений и открытий выдал настоящее авторское свидетельство на изобретение:

"Кумулятивный заряд для резки преград в жидкой среде"

Автор (авторы): Динков Василий Александрович, Кудинов Владимир Михайлович, Кушниренко Борис Николаевич, Волгин Леонид Александрович, Гречка Юрий Васильевич, Коротеев Анатолий Яковлевич, Гаврилюк Леонид Степанович, Погорецкий Георгий Иванович, Галюк Василий Харитонович, Гумеров Асгат Гамильянович и Василенко Станислав Кузьмич

Заявитель: ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ЭЛЕКТРОСВАРКИ ИМ.Е.О.ПАТОНА

Заявка № 2841148 Приоритет изобретения 21 ноября 1979г.

Зарегистрировано в Государственном реестре изобретений СССР
1 декабря 1980г.

Действие авторского свидетельства распространяется на всю территорию Союза ССР.

Председатель Комитета

Начальник отдела

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО ДЕЛАМ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ

АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 898715

На основании полномочий, предоставленных Правительством СССР, Государственный комитет СССР по делам изобретений и открытий выдал настоящее авторское свидетельство на изобретение:

"Способ создания подземного хранилища"

Автор (авторы): Закиров Сумбат Набиевич, Коротаев Юрий Павлович, Динков Василий Александрович, Кондрат Роман Михайлович, Гутников Александр Иосифович и Белый Николай Иванович

Заявитель: МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ НЕФТЕХИМИЧЕСКОЙ И ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ИМ. И.М.ГУБКИНА И ИВАНО-ФРАНКОВСКИЙ ИНСТИТУТ НЕФТИ И ГАЗА

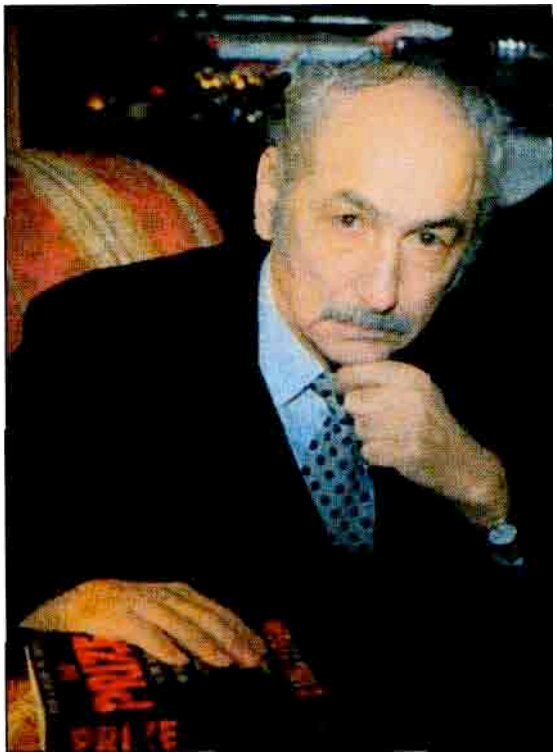
Заявка № 2895089 Приоритет изобретения 2 января 1980г.

Зарегистрировано в Государственном реестре изобретений СССР 14 сентября 1981г.

Действие авторского свидетельства распространяется на всю территорию Союза ССР.

Председатель Комитета

Начальник отдела



ГАЙКАЗОВ Михаил Николаевич

(1932 г.)

Выпускник *Азербайджанского индустриального института в 1955 г., Баку. Мастер сборочного цеха, главный конструктор проекта СКБ завода им. Шмидта объединения Азнефть (1955—1963 гг.). Аспирант института мировой экономики и международных отношений АН СССР (1964—1966 гг.), Москва. Начальник отдела научно-технического сотрудничества с капиталистическими странами Управления внешних сношений Миннефтепрома (1966—1971 гг.). Командировка в Италию (1971—1974 гг.). Заместитель начальника УВС Мингазпрома (1974—1976 гг.). Советник Главного управления научной и производственной кооперации ГКНТ СССР (1976—1990 гг.). Заместитель начальника Главного управления экспортно-импортных операций для государственных нужд Министерства внешних экономических связей РФ (1990—1995 гг.). Главный эксперт-консультант АО «Нафта Москва» (1995—1998 гг.). Консультант 000 «СЖС-Энергодиагностика».*

Доктор экономических наук, академик АПЭ РФ, член Международной академии лидеров бизнеса и управления, США, лектор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. Автор книги «Инженер Александр Джавадян».

ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Гайказов Михаил Николаевич

Василий Александрович ДИНКОВ-

ГОРДОСТЬ ГАЗОНЕФТЯНОЙ ДЕРЖАВЫ

Заведующий редакцией *Т.К. Рубинская*
Редактор издательства *С.А. Скотникова*
Переплет художников А. С. *Журавихиной, Н.П. Новиковой*
Художник-график *Н.П. Новикова*
Корректор *Л.Н. Фомина*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Изд. лиц. № 071678 от 03.06.98. Подписано в печать 07.05.03. Формат 70 х 100 1/16. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная. *Усл.* печ. л. 31,6. Уч.-изд. л. 27,7. Тираж 2000 экз. Заказ № 3272/985.

ООО «Недра-Бизнесцентр»
125047, Москва, пл. Тверская застава, 3

Отпечатано в Государственном ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Московском предприятии «Первая Образцовая типография» Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

115054, Москва, Валовая, 28

Василий Александрович Динков — ГОРДОСТЬ ГАЗОНЕФТЯНОЙ ДЕРЖАВЫ